

Совет Европы, Генеральный Директорат I – Юридические вопросы
Аппарат полномочного представителя
Президента Российской Федерации
в Сибирском федеральном округе
Главное управление МВД по Сибирскому федеральному округу
Администрация Красноярского края
Сибирский юридический институт МВД России

Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе

Сборник материалов
международной научной конференции
(15-16 февраля 2007 г.)

Часть 2

Красноярск
СибЮИ МВД России
2007

ББК 67.4; 67.5

Ответственный редактор

С.Д. Назаров, кандидат юридических наук, доцент, заслуженный юрист Российской Федерации (Сибирский юридический институт МВД России)

Редакционная коллегия:

В.Е. Корноухов, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Сибирский юридический институт МВД России);

Д.Д. Невирко, доктор социологических наук, профессор (Сибирский юридический институт МВД России);

А.И. Панюков, доктор философских наук, профессор (Сибирский юридический институт МВД России);

Е.Н. Волынкин, кандидат юридических наук, доцент (Сибирский юридический институт МВД России);

А.Г. Калугин, кандидат юридических наук (Сибирский юридический институт МВД России);

И.А. Кириллов, кандидат юридических наук, доцент (Сибирский юридический институт МВД России);

Н.Н. Цуканов, кандидат юридических наук, доцент (Сибирский юридический институт МВД России).

Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе : сборник материалов международной научной конференции (15-16 февраля 2007 г.) : в 2 ч. / Сибирский юридический институт МВД России ; отв. ред. С.Д. Назаров. – Красноярск : Сибирский юридический институт МВД России, 2007. – Ч. 2. – 376 с. – ISBN 5-7889-0114-6.

В сборник включены тезисы докладов, сообщений и выступлений участников международной научной конференции «Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе», прошедшей на базе Сибирского юридического института МВД России 15-16 февраля 2007 г.

ISBN 5-7889-0114-6

©Сибирский юридический институт МВД России, 2007

Council of Europe, General Directorate I – Legal Affairs
The Representative Department of the RF President
in the Siberian Federal District
Chief Department of the RF Interior in the Siberian Federal District
Krasnoyarsk Territory Administration
Siberian Law Institute of the RF Interior

Actual Problems of Fight Crime in Siberian Territory

Materials of Scientific Conference
(February 15-16, 2007)

Part 2

Krasnoyarsk
SLI of the RF Interior
2007

BBK 67.4; 67.5

Responsible editor

Ass. Prof. Sergei D. Nazarov (Siberian Law Institute of the RF Interior)

Editorial staff:

Prof. Dr. Valentin E. Kornoukhov (Siberian Law Institute of the RF Interior);

Prof. Dr. Dmitri D. Nevirko (Siberian Law Institute of the RF Interior);

Prof. Dr. Alexander I. Panyukov (Siberian Law Institute of the RF Interior);

Ass. Prof. Evgeny N. Volinkin (Siberian Law Institute of the RF Interior);

Ass. Prof. Aleksei G. Kalugin (Siberian Law Institute of the RF Interior);

Ass. Prof. Igor A. Kirillov (Siberian Law Institute of the RF Interior);

Ass. Prof. Nikolai N. Tsukanov (Siberian Law Institute of the RF Interior).

Actual Problems of Fight Crime in Siberian Territory : materials of Scientific Conference (February 15-16, 2007) : in 2 parts / Siberian Law Institute of the RF Interior ; responsible editor Sergey D. Nazarov. – Krasnoyarsk: Siberian Law Institute of the RF Interior, 2007. – Part 2. – 284 p. – ISBN 5-7889-0114-5.

Materials include notes of reports, commentaries of international scientific conference «Actual Problems of Fight Crime in Siberian Territory», having been held on the basis of Siberian Law Institute of the RF Interior on February 15-16, 2007.

ISBN 5-7889-0114-5

© Siberian Law Institute of the RF Interior, 2007

СОДЕРЖАНИЕ

Секция

Общеправовые, информационно-управленческие и тактико-специальные проблемы борьбы с преступностью

<i>Галунский И.И.</i> Некоторые аспекты поддержания правопорядка на территории Красноярского края.....	13
<i>Решетнев И.А.</i> Некоторые аспекты взаимовлияния незаконной миграции и преступности иностранных граждан в Иркутской области.....	18
<i>Штей Н.А.</i> Востребованность парламентского расследования в России: особенности конституционно-правового статуса и значение для противодействия правонарушениям	21
<i>Рябинин Н.А.</i> Правоохранительный механизм: общетеоретическая характеристика	25
<i>Медяник Ю.А.</i> Реформирование правоохранительной службы Российской Федерации	30
<i>Луговик С.В.</i> Стабильность и изменение трудовых отношений работников органов внутренних дел.....	33
<i>Коваленко А.А.</i> Порядок и размер возмещения вреда, причиненного незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры, суда и их должностных лиц.....	37
<i>Процалыгин Р.А.</i> Некоторые аспекты возмещения вреда, причиненного незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда.....	42
<i>Ражков Р.А.</i> Дальнейшая либерализация валютного законодательства и регулирование оборота валютных ценностей	45
<i>Русаков А.Г.</i> К вопросу о криминальных третейских судах	50
<i>Невирко А.Д.</i> Риск совершения экологических преступлений в процессе недропользования на условиях соглашения о разделе продукции.....	54
<i>Пунтус С.А.</i> Некоторые аспекты административной и уголовной ответственности в избирательном праве: соотношение составов, предусмотренных ст.5.16 КоАП РФ и ч.2. ст.141 УК РФ	57
<i>Шишунова Е.В., Богомолов Н.Н.</i> Правовое регулирование медицинского освидетельствования на состояние опьянения лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении.....	61

<i>Иванов А.Ю.</i> Административная ответственность за управление транспортным средством водителем, не имеющим при себе документов, предусмотренных Правилами дорожного движения (ч.1 ст.12.3 КоАП РФ).....	65
<i>Тимко С.А.</i> Совершенствование взаимодействия ОВД с общественностью и СМИ	68
<i>Шевцов В.В., Шевцов А.В.</i> Профилактика криминальной агрессии подростков в условиях профильной оборонно-спортивной подготовки	73
<i>Франкевич М.П.</i> Проблемы использования информации о криминальном прошлом	76
<i>Губайдуллин Р.М.</i> Современный терроризм.....	79
<i>Сергеев С.И.</i> Терроризм – угроза личности, обществу, государству	82
<i>Матюхин В.А.</i> Проблема борьбы с биологическим терроризмом на современном этапе.....	85
<i>Овчинко О.А., Ковалев С.В.</i> Актуальные проблемы огневой подготовки сотрудников органов внутренних дел в Сибирском регионе.....	89
<i>Ковальчук А.Н., Афанасьев А.В.</i> Анализ факторов, обуславливающих огневую подготовленность сотрудников органов внутренних дел.....	93
<i>Чудинова О.А.</i> Подготовка сотрудников ОВД к успешному применению оружия в экстремальных условиях.....	98

Секция

Уголовно-процессуальные проблемы борьбы с преступностью

<i>Бахта А.С.</i> Полнота, всесторонность и объективность исследования обстоятельств уголовного дела как необходимое условие обеспечения справедливого правосудия	103
<i>Сурихин П.Л.</i> Внутренние противоречия уголовного процесса: суггестивные последствия	105
<i>Стерхова И.С.</i> Особенности и перспектива развития судебного контроля на досудебных стадиях уголовного процесса	110
<i>Азаров В.А., Абдрахманов М.Х.</i> Концепция охраны имущества и деловой репутации юридических лиц в российском уголовном процессе.....	113
<i>Смирнова И.Г.</i> Участники уголовного судопроизводства: значение правовых позиций Конституционного Суда РФ.....	116

<i>Безруков А.В.</i> Обеспечение прав обвиняемого и потерпевшего Конституционным Судом России.....	120
<i>Лукошкина С.В.</i> Независимость судей как гарантия эффективности борьбы с преступностью.....	124
<i>Кириллова Н.П.</i> Реформа государственного обвинения в суде и ее роль в борьбе с преступностью.....	127
<i>Пономаренко О.Н.</i> Оперативно-розыскная деятельность в системе мер обеспечения государственного обвинения.....	131
<i>Черняков М.М.</i> Проблемы оптимизации процессуального положения органов предварительного расследования в системе уголовного судопроизводства.....	134
<i>Пучковская М.Е.</i> К вопросу о процессуальной функции следователя.....	137
<i>Судницын А.Б.</i> Обусловленность деятельности следователя задачами предварительного расследования.....	139
<i>Воронов Д.А.</i> Задачи адвоката по обеспечению безопасности участников уголовного процесса.....	143
<i>Кайгародова Ю.Е.</i> Уведомление как элемент реализации уголовно-процессуальной ответственности.....	146
<i>Мирончук В.А.</i> Собираение доказательств в системе познавательной деятельности по уголовному делу.....	148
<i>Бондар Е.В.</i> К проблеме асимметрии при оценке доказательств.....	152
<i>Майорова Л.В.</i> Юридическая сила доказательств, полученных на территории иностранного государства.....	154
<i>Соколовская Н.С.</i> Проблемы представления доказательств в судебном разбирательстве.....	157
<i>Монид М.В.</i> К вопросу об оценке доказательств при рассмотрении уголовного дела в порядке, предусмотренном главой 40 УПК РФ.....	159
<i>Павлов А.В.</i> Задержание разыскиваемого обвиняемого как первоначальный этап заключения его под стражу.....	163
<i>Овчинников Ю.Г.</i> К вопросу о достаточности сведений при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу.....	166
<i>Григорьева А.Е.</i> Некоторые вопросы усмотрения следователя при избрании залога в качестве меры пресечения.....	170
<i>Иванцов К.К.</i> Особенности возбуждения уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ст.315 УК РФ.....	174

<i>Муравьев К.В.</i> Разъяснение заявителю уголовной ответственности за заведомо ложный донос	178
<i>Самошкин В.В.</i> Актуальные проблемы, возникающие при принятии решения об отказе в возбуждении уголовного дела	181
<i>Калугин А.Г.</i> О правовой природе усмотрения правоприменителя при разрешении уголовного дела на началах компромисса с обвиняемым	185
<i>Панкратов Д.Е.</i> Уголовно-процессуальное регулирование освобождения лица от уголовной ответственности	188
<i>Волынская О.В.</i> О соотношении категорий «прекращение уголовного дела» и «прекращение уголовного преследования»	192
<i>Мазюк Р.В.</i> О недопустимости «автоматического» прекращения уголовного преследования	196
<i>Квициния К.А.</i> Прекращение уголовного дела в отношении лиц, не достигших возраста привлечения к уголовной ответственности: почему проблема не решается?	199
<i>Мядзелец О.А.</i> Прекращение уголовного дела и уголовного преследования в суде	203
<i>Другов М.А.</i> Процессуальное содержание правила пределов судебного разбирательства	207
<i>Самсонова О.А.</i> К вопросу об особом порядке судебного разбирательства в российском уголовном судопроизводстве	211
<i>Головащук Е.М., Васильев О.Ю.</i> Обжалование судебных решений о возвращении уголовного дела прокурору: проблемы теории и практики	211
<i>Александрова О.Ю.</i> К вопросу об основных направлениях реформирования кассационного производства в уголовном процессе	218
<i>Буфетова М.Ш.</i> Законные интересы лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера	221
<i>Шинкевич Д.В.</i> Проблемы определения оснований и условий направления международного запроса о выдаче лица, находящегося на территории иностранного государства	223

Секция

Оперативно-розыскные проблемы борьбы с преступностью

<i>Луговик В.Ф.</i> Оперативно-розыскное право: проблемы формирования.....	227
<i>Павличенко Н.В.</i> Основополагающие идеи конспирации	230
<i>Овсянникова Ю.В.</i> Нравственное содержание оперативно-розыскных мероприятий как необходимое условие обеспечения конституционных прав и свобод человека и гражданина	234
<i>Железняк Н.С.</i> О соблюдении прав и свобод человека и гражданина при осуществлении оперативно-розыскной деятельности в Украине.....	237
<i>Маторин М.А.</i> Актуальные вопросы производства оперативно-розыскного мероприятия – оперативный эксперимент с применением машин-«ловушек».....	240
<i>Гусев В.А.</i> Проблемы правового регулирования содействия граждан органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность.....	244
<i>Волынкин Е.Н.</i> О некоторых вопросах анонимного информирования правоохранительных органов	247
<i>Железняк И.Н.</i> О законодательной регламентации прав органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, в некоторых зарубежных странах.....	251
<i>Буряков Е.В.</i> Принципы розыскной деятельности	254
<i>Железняк Т.И.</i> Проблемы законодательного регулирования контроля оперативно-розыскной деятельности	257
<i>Половников О.Г.</i> Структурно-функциональное построение подразделения уголовного розыска при осуществлении оперативного обслуживания территории и объектов	261
<i>Поросенов П.И.</i> К проблемам кадрового обеспечения подразделений уголовного розыска	263
<i>Шаламов Г.В.</i> Задачи взаимодействия оперативных подразделений криминальной милиции при проведении оперативно-технических мероприятий.....	265
<i>Батаев С.В.</i> О понятии взаимодействия оперативных подразделений таможенных органов и органов внутренних дел.....	268
<i>Давыдов С.И.</i> Ситуационный подход в теории и практике оперативно-розыскной деятельности	270
<i>Седелъцев М.В.</i> Некоторые вопросы борьбы с организованной преступностью.....	274

<i>Черкашин С.А.</i> Некоторые вопросы борьбы с этнической преступностью в Красноярском крае.....	277
<i>Трухин М.А.</i> Некоторые проблемы выявления и документирования взяточничества и коммерческого подкупа в сфере образования.....	280
<i>Торубаров О.И.</i> Обеспечение законности в деятельности подразделений БЭП по борьбе с незаконным оборотом драгоценных металлов.....	284
<i>Ударцев С.Ю.</i> К вопросу о хищениях средств сотовой связи, совершенных путем мошенничества.....	287
<i>Черных А.А., Иванов И.А.</i> Оперативно-розыскной аспект проблемы борьбы с контрафактной продукцией.....	290
<i>Ефремов А.М. Кунижев А.Х.</i> Некоторые аспекты оперативного обслуживания предпринимательских структур как необходимое условие противодействия незаконной предпринимательской деятельности.....	293
<i>Ковалев В.Н.</i> Характеристика сбытчиков наркотиков и некоторые вопросы взаимодействия следователя и оперативных работников.....	297
<i>Килин А.З.</i> Некоторые вопросы повышения результативности оперативно-розыскной деятельности межрайонных подразделений РУФСКН России по Красноярскому краю.....	300
<i>Букреев А.А.</i> Организационные аспекты первоначального этапа раскрытия и расследования корыстно-насильственных преступлений и задачи его оперативно-розыскного обеспечения.....	304
<i>Соколова Е.Н.</i> Психологические особенности диагностирования лжи и скрываемых обстоятельств в ходе получения оперативно-значимой информации.....	306

Секция

Теоретические и прикладные проблемы криминалистического обеспечения предварительного расследования

<i>Корноухов В.Е.</i> Тактические операции в методике расследования преступлений: понятие и классификация.....	310
<i>Ворошилов С.Я.</i> Проблемы расследования преступлений против личности, совершенных с применением оружия, поражающего излучением.....	311
<i>Драпезо Р.Г., Робакидзе А.М., Безуглов М.В.</i> Комментарии к практике расследования и судебного рассмотрения уголовных дел об убийствах с использованием огня.....	314

<i>Жданов А.Ю.</i> Специфика организации раскрытия и расследования умышленных убийств, связанных с без вести пропавшими гражданами	318
<i>Дроздов А.В.</i> Следственные ситуации первоначального этапа расследования разбоев	320
<i>Космодемьянская Е.Е., Смольникова О.В.</i> Сравнительный анализ взаимосвязи преступлений в рецидиве как одного из средств поиска лиц, совершивших грабежи и разбойные нападения в условиях неочевидности	323
<i>Вахмянина Н.Б.</i> Некоторые психологические и информационные аспекты разрешения конфликтных ситуаций по уголовным делам о преступлениях несовершеннолетних	326
<i>Гавло В.К., Неймарк М.А.</i> Вопросы расследования хищений денежных средств в сфере банковского кредитования	329
<i>Гарбуз Г.С.</i> О некоторых аспектах классификации методик по расследованию преступлений в бюджетной сфере	332
<i>Долганов М.И.</i> Некоторые аспекты допроса свидетелей по делам о невыплате зарплат, пенсий, стипендий, пособий и иных предусмотренных законом выплат	335
<i>Журавлева И.А.</i> Особенности фиксации показаний несовершеннолетних свидетелей и потерпевших	338
<i>Кирюшина Л.Ю.</i> Некоторые особенности допроса женщин, подозреваемых (обвиняемых) в совершении преступлений	342
<i>Земцова С.И.</i> Значение освидетельствования при раскрытии и расследовании корыстно-насильственных преступлений	345
<i>Лисняк М.А.</i> К вопросу об использовании нетрадиционных способов при расследовании преступлений	348
<i>Шестакова С.С.</i> Об отдельных подходах к определению научной обоснованности экспертной методики как критерия оценки достоверности заключения эксперта	351
<i>Зырянов В.В.</i> К вопросу использования компьютерных технологий в идентификационных судебно-баллистических исследованиях	354
<i>Баркова Т.В., Турлюк С.А.</i> Решение идентификационных и диагностических задач в портретной экспертизе	358
<i>Мельников Е.Б.</i> Некоторые проблемы криминалистического исследования лакокрасочных покрытий автомобилей	361

<i>Гецманова И.В.</i> О некоторых проблемах судебно-медицинских экспертиз по оценке неблагоприятных последствий медицинских мероприятий	363
<i>Аверченко И.В., Прокопчик Н.В., Ермилов А.А.</i> Следы крови в медико-криминалистическом отношении и их значение в раскрытии преступлений.....	367
<i>Лифиренко С.А.</i> Следственные ошибки и принятие решений в досудебных стадиях уголовного процесса	369

**Секция
ОБЩЕПРАВОВЫЕ, ИНФОРМАЦИОННО-
УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ И ТАКТИКО-СПЕЦИАЛЬНЫЕ
ПРОБЛЕМЫ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ**

Сообщения и выступления

**НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПОДДЕРЖАНИЯ ПРАВОПОРЯДКА
НА ТЕРРИТОРИИ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ**

Галунский И.И., к.ю.н., доцент
Сибирский юридический институт
МВД России

23 ноября 2006 г. в Москве состоялось Всероссийское координационное совещание, в ходе которого рассматривались проблемы, связанные с противодействием преступности в Российской Федерации. В частности, были обсуждены вопросы выработки комплекса мер по эффективной защите прав и законных интересов граждан, обеспечению безопасности населения и государства. В рамках предложений, направленных на разрешение проблем в данной сфере, получила одобрение озвученная Президентом РФ В.В.Путиным единая государственная система профилактики преступлений, характеризующаяся использованием возможностей всех властных структур: от Правительства РФ до органов местного самоуправления.

В связи с этим актуализируется задача выработки субъектами Российской Федерации собственных предложений по охране общественного порядка и поддержанию правопорядка на своей территории с учетом местных особенностей. В условиях благоприятной экономической ситуации в Красноярском крае появилась реальная возможность оказать помощь правоохранительным органам с целью профилактического воздействия на население по формированию законопослушного и социально активного поведения. Для этого могут быть использованы различные целевые программы, например «Повышение доверия к органам внутренних дел», «Противодействие наркобизнесу» и др., тем более данная форма управленческих решений ранее уже доказала свою эффективность.

Администрация Красноярского края совместно с заинтересованными субъектами подготовила краевую целевую программу «Профилактика правонарушений в Красноярском крае». Это обу-

словлено тем, что наш край традиционно входит в число регионов, имеющих высокий уровень преступности, а преступность является одним из важнейших факторов, определяющих состояние безопасности населения.

По данным статистики, в крае с 2003 г. наблюдается тенденция к росту количества совершенных преступлений – с 55875 до 88402 за 11 месяцев 2006 г. (остальные данные тоже по 11 месяцам). При этом раскрывается лишь каждое второе преступление, процент раскрываемости в 2006 г. составил 52,1%. Особую тревогу вызывает состояние преступности в общественных местах, по сравнению с 2003 г. она составляет 6194 преступления, в 2006 г. в абсолютных показателях увеличилась до 12386, то есть в два раза, а удельный вес в общем массиве преступлений – на 14%. Стабильно растет количество грабежей, совершенных на улицах: с 1765 в 2003 г. до 3096 в 2005 г., кроме 2006 г. – совершены 3038 грабежей. Наблюдается тенденция увеличения количества преступлений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения, – с 6996 преступлений в 2003 г. до 7604 в 2006 г., наркотического опьянения – со 103 в 2003 г. до 229 в 2006 г., рост более чем в два раза.

Настоящей бедой для граждан и органов внутренних дел в условиях продолжающейся всеобщей телефонной «мобилизации» населения стали хищения сотовых аппаратов, количество которых в некоторых населенных пунктах края растет в геометрической прогрессии, а в целом по краю с 2004 г. по настоящее время увеличилось в три раза и достигло 16990 преступлений. Удельный вес преступлений данного вида составляет 34,8% в преступлениях имущественной направленности; остается низкой раскрываемость данного вида преступлений, и это несмотря на принимаемые активные меры со стороны органов внутренних дел. Думается, принятие кардинальных мер – прерогатива центра. Например, внесение изменений в федеральное законодательство норм, предусматривающих обязанность продавцов телефонных трубок вести паспорт мобильного телефона от владельца к владельцу, по подобию технического паспорта на автомобиль, и включение в сеть обслуживания оператором сотовой связи лишь при наличии данного паспорта либо, используя зарубежный опыт, разрешить продажу телефонных трубок только операторам сотовой связи за символическую плату, с взиманием затем полной оплаты за пользование сетью.

По-прежнему значительно осложняют оперативную обстановку на территории Красноярского края проблемы, связанные с безопасностью на дорогах. Из года в год растет число погибших и пострадавших в дорожно-транспортных происшествиях. Причин

этому много, но основными можно назвать следующие: увеличение количества единиц автотранспорта, неудовлетворительное состояние дорожного покрытия, коррупция среди сотрудников ГИБДД, низкий уровень профессиональной подготовки водителей, их правовой нигилизм, неэффективность исполнительного производства.

Последняя причина способствует совершению новых правонарушений, так как не действует основополагающий принцип юридической ответственности – неотвратимость наказания. Взыскание штрафов является ахиллесовой пятой, несмотря на то что действующим административным законодательством предусмотрена возможность составления повторного протокола на правонарушителя, не уплатившего штраф, как на совершившего новое правонарушение, и одной из мер наказания выступает административный арест. Как показывает практика, эти возможности не получили широкого распространения в г. Красноярске, хотя в некоторых районах края используются, и взыскиваемость штрафов возрастает. Особенно данная мера эффективна при широком освещении результатов такой работы в средствах массовой информации.

Несмотря на то что в деятельность нарядов, осуществляющих охрану общественного порядка, внедряются передовые приемы и методы – система контроля за нарядами «Пеленг-К», система видеоконтроля «Сова» за транспортом на стационарных постах ГИБДД, требуется дальнейшее совершенствование работы в данном направлении. Например, введение автоматических приборов контроля за автотранспортом и фиксирование нарушений с последующим привлечением к ответственности владельцев транспортных средств, что позволяет почти полностью исключить злоупотребления среди сотрудников ГИБДД. Для реализации данного предложения следует внести изменения в законодательство, предусматривающие использование результатов видеоконтроля в качестве доказательств правонарушения, и давно назрела необходимость кардинального перехода к ответственности владельца транспортного средства, а не водителя.

Пьяные за рулем стали уже социальным явлением в нашем обществе. Такая мера наказания, как лишение права управления транспортным средством, в соответствии с административным законодательством не обладает необходимым профилактическим воздействием на лиц, привыкших ездить за рулем в нетрезвом состоянии, поэтому лишённые этого права многократно, на десятки лет, продолжают управлять транспортным средством. Следует, наверное, по зарубежному опыту ввести ответственность в виде ад-

министративного ареста на более длительный срок, и радикальной мерой может стать возмездное изъятие транспортного средства.

Вызывает тревогу состояние оборота на рынке спиртосодержащей продукции. Непродуманные решения федеральных властей привели к росту цен на наиболее употребляемый крепкий алкогольный напиток – водку. Невозможность ее приобретения для определенной категории населения способствовала его переходу на потребление различных технических жидкостей, в результате происходят массовые отравления и заболевания, в том числе с летальным исходом, как это случилось в г. Ачинске, а в конечном счете происходит постепенная деградация определенных слоев населения. Пьянство, наркомания и другие негативные социальные явления привели к неспособности и нежеланию людей трудиться, и работодатели вынуждены привлекать иностранную рабочую силу – и здесь уже возникают другие проблемы, связанные с законностью ее привлечения.

В настоящее время на федеральном уровне заканчивает формироваться нормативная основа легального привлечения мигрантов. Но остается проблема контроля за нелегальной миграцией со стороны различных силовых структур края, которые не должны действовать разрозненно.

На фоне продолжающейся в последние годы сложной криминальной ситуации основным звеном государственных правоохранительных структур по сдерживанию преступности, обеспечению общественной безопасности населения выступают органы внутренних дел. Но существующая система оценки деятельности органов внутренних дел нацеливает их на ежегодное увеличение количества выявленных, раскрытых и расследованных преступлений, увеличение числа лиц, привлеченных к административной ответственности (ежегодно в России к административной ответственности только за нарушение правил дорожного движения привлекаются около 50 миллионов человек), а исходя из советского принципа, заложенного в существующую систему оценки «сегодня лучше, чем вчера, а завтра лучше, чем сегодня», репрессивная составляющая деятельности органов внутренних дел будет увеличиваться, как и необходимость манипуляции благоприятными цифровыми показателями для достижения высоких показателей в работе.

В таких условиях очень трудно, почти нереально, добиться увеличения доверия населения к органам внутренних дел. Участковые уполномоченные милиции и оперуполномоченные уголовного розыска пытаются, в связи с увеличением числа зарегистрированных преступлений в условиях неочевидности, поднять пока-

затели за счет выявленных очевидных преступлений, а на работу по неочевидным преступлениям почти не хватает времени. В результате преступление не раскрыто и население недовольно деятельностью милиции. В том же направлении по выявлению все большего числа административных правонарушений работают сотрудники патрульно-постовой службы милиции и вневедомственной охраны.

Работа на цифровые показатели, в постоянном напряжении, в условиях недостаточного финансового и материально-технического снабжения негативным образом сказывается на психологическом настрое, приводит к нежеланию эффективно трудиться. В результате происходит увольнение молодых сотрудников, а в связи с этим, не успев сформироваться, «вымывается» профессиональное ядро. Это подтверждается ежегодными социологическими исследованиями среди сотрудников ОВД Красноярского края. В этих условиях не может идти речь о конкурсном отборе, хотя среди женщин он уже существует.

Опросы населения, проводимые Сибирским юридическим институтом МВД России в течение 9 лет, свидетельствуют о стабильно высоком показателе опасности для населения стать жертвой преступления или произвола со стороны правоохранительных органов, треть опрошенных респондентов стали свидетелями нарушений прав граждан сотрудниками милиции, растет доля граждан, не доверяющих ОВД, снижается удовлетворенность их работой, около 50% опрошенных не желают обращаться в милицию за защитой. Результат такого негативного отношения к ОВД кроется, по всей видимости, в гонке за хорошими показателями.

Приведенные аргументы свидетельствуют о том, что состояние общественной безопасности и правопорядка на территории Красноярского края не в полной мере отвечает ожиданиям населения и требует кардинальных мер не только со стороны правоохранительных органов, но и других государственных структур и органов местного самоуправления. На решение некоторых вопросов в этом очень важном направлении намечена краевая целевая программа «Профилактика правонарушений в Красноярском крае» на 2007-2009 гг.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОВЛИЯНИЯ НЕЗАКОННОЙ МИГРАЦИИ И ПРЕСТУПНОСТИ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН В ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ

Решетнев И.А.

Восточно-Сибирский институт МВД
России

В настоящее время для Иркутской области все большую актуальность приобретает проблема незаконной миграции иностранных граждан и лиц без гражданства. Процессы незаконной миграции неизменно сопровождаются ростом числа преступлений, совершаемых ими (изготовление, использование поддельных документов; незаконное пересечение государственной границы; контрабанда и торговля наркотическими средствами, торговля людьми, браконьерство и т.д.). Это оказывает существенное негативное влияние на криминогенную обстановку в Иркутской области.

Город Иркутск является крупным транспортным узлом, что, естественно, вызывает определенный интерес для иностранных преступных группировок. Иностранные граждане, прибывающие в Иркутскую область по различным «каналам», стараются закрепиться в регионе всеми доступными способами, в том числе приобретая через подставных лиц недвижимость и земельные участки, заключая фиктивные браки.

Кроме того, некоторые опасения вызывает так называемая «трудовая миграция» азиатских граждан, в частности китайцев. Решая некоторые экономические задачи страны, китайские мигранты создают многие социальные, а также криминальные проблемы. Приток «трудовых мигрантов» в Иркутскую область обусловлен наличием благоприятной экономической сети предприятий различного профиля, на которых зачастую используется сезонная рабочая сила, в том числе граждан Китая. Временная трудовая миграция иностранных граждан образует теневой рынок труда и услуг, а также обуславливает исключение налоговых выплат.

Криминогенность незаконной миграции очевидна. Анализ показателей, характеризующих общероссийскую и региональную (Иркутская область) динамику состояния преступности иностранных граждан, свидетельствует о том, что преступность иностранцев, имея относительно постоянную величину в структуре общей преступности (1,5% в Российской Федерации, чуть менее 1% в Иркутской области), проявляет устойчивую тенденцию к росту.

Так, в 2000 г. в Российской Федерации иностранными гражданами были совершены 35120 преступлений, в 2001 г. – 37166 (что на 5,8% больше, чем в предыдущем году), в 2002 г. – 35712 (–3,9%), в 2003 г. – 40570 (+13,6%), в 2004 г. – 48927 (+20,6%), в 2005 г. – 51225 (+4,7%). Аналогичная картина сложилась и в Иркутской области. Так, в 2000 г. в Иркутской области иностранными гражданами были совершены 348 преступлений, в 2001 г. – 357 (+2,5%), в 2002 г. – 391 (+9,5%), в 2003 г. – 463 (+18,4%), в 2004 г. – 481 (+3,8%), в 2005 г. – 664 (+38,1%) преступления.

Наиболее высокие показатели состояния преступности иностранцев отмечались в период с 2003 по 2005 гг. Темпы ее прироста в регионе в 2003 г., 2004 г., 2005 г. составили соответственно +18,4%, +3,8%, +38,1%.

Кроме того, следует отметить, что в общей структуре преступности иностранцев наибольший удельный вес имеют преступления, совершаемые гражданами стран СНГ. Это касается как Российской Федерации в целом, так и Иркутской области. В среднем гражданами ближнего зарубежья совершаются девять из десяти зарегистрированных преступлений.

Необходимо заметить, что потерпевшими от преступности иностранцев в Иркутской области в большинстве случаев являются иностранцы, преимущественно это граждане из стран СНГ (граждане Узбекистана – 21%, Таджикистана – 18%, Кыргызстана – 11%).

Невысока доля потерпевших среди китайцев (3,8%) по сравнению с количеством лиц, ежегодно прибывающих на территорию Иркутской области (в 2005 г. почти каждый третий легальный мигрант, прибывший в Иркутскую область, был гражданином Китая – 29,5%). Думается, это связано с закрытостью китайской диаспоры от правоохранительных органов, которые только в редких случаях, в основном связанных с причинением тяжкого вреда здоровью или смерти, узнают о совершенных в отношении граждан Китая преступлениях. Следует сказать, что соотношение долей преступников-иностранцев и потерпевших-иностранцев – граждан Китая в Иркутской области в общей структуре свидетельствуют о фактическом их совпадении: 4,3% и 3,8%.

Граждан России, потерпевших от преступности иностранцев, незначительное число – 5,1%, несмотря на то что именно они доминируют в общей структуре местного населения.¹

Представляется целесообразным обратить внимание и на то, что преступность иностранцев специфична: во-первых, ее субъекты не являются гражданами России и прибыли из других госу-

дарств; во-вторых, она является латентной, поскольку только те преступления составляют данный вид преступности, преступник по которым установлен и им оказался иностранец. Поэтому официальный уровень преступности иностранцев всегда ниже, чем реальный уровень.²

Одной из причин высокой латентности являются практически неконтролируемые потоки мигрантов, позволяющие иностранцам, совершившим преступления, беспрепятственно перемещаться по территории Российской Федерации и сопредельным государствам благодаря безвизовому режиму для большинства из них. Сегодня иностранцу, совершившему преступление, выехать из Иркутской области не составляет никакого труда.

Отметим, что до настоящего времени нет юридической иерархии законодательного массива миграционного блока. Нет и сложившегося эффективного административного механизма регулирования миграционных процессов на восточных окраинах России.

Сегодня в России находятся примерно 4 млн. незаконных мигрантов. Только в Сибири и Дальневосточном регионе, по данным спецслужб, нелегально проживают около 1 млн. китайских граждан. По оценкам исследователей, уже сейчас в некоторых дальневосточных населенных пунктах и районах приграничной зоны России число китайских граждан превышает численность коренного населения.³

За годы своего существования миграционная служба Иркутской области претерпела четыре реорганизации. Однако на сегодняшний день нет четкого механизма исполнения такого вида административного наказания, как выдворение за пределы Российской Федерации иностранного гражданина и лица без гражданства.

По мнению многих исследователей проблем незаконной миграции, если иммигранты не будут поставлены под жесткий контроль государства и общества, если не будут проводиться мероприятия административного характера, направленные на регулирование процесса миграции, возможны рост числа преступлений, совершаемых иностранными гражданами, и столкновение местного и временно пребывающего в России населения.⁴

Итак, на Дальнем Востоке и в Восточной Сибири, центром которой является Иркутская область, привлекающая устремления как законных, так и незаконных мигрантов, совершаются более половины всех преступлений, совершаемых в России иностранными гражданами. На Дальнем Востоке фиксируется 2/3 преступлений в отношении иностранных граждан.

В связи с этим возникает вопрос о борьбе региональных служб Российской Федерации с правонарушениями, совершаемыми иностранными гражданами и в отношении иностранных граждан.

Несомненно, решение проблем преступности иностранцев и связанных с ней проблем трансграничной преступности – это задача полицейская. Но не только полицейская. Необходимо проведение комплексной и всеобъемлющей миграционной политики, в которой должны быть задействованы все институты государственной власти: законодательной, исполнительной и судебной.

---

¹ Миграционные процессы и преступность иностранцев в Иркутской области / С.А.Корягина [и др.] ; под ред. А.Л.Репецкой. – Иркутск, 2006. – С.24-25.

² Репецкая, А.Л. Виктимологическая характеристика региональной преступности иностранцев / А.Л.Репецкая // Проблемы борьбы с преступностью : сборник научных трудов. Вып.2 / под ред. А.Л.Репецкой. – Иркутск, 2006. – С.27.

³ Бекряшев, А.К. Теневая экономика и экономическая преступность / А.К.Бекряшев. – Омск, 2004.

⁴ См., например: Агафонова, Т.Ф. Иммиграционная политика и перспективы развития Иркутской области / Т.Ф.Агафонова // Деятельность правоохранительных органов и федеральной противопожарной службы в современных условиях: проблемы и перспективы развития : материалы международной научно-практической конференции. – Иркутск, 2006. – С.7-8; Номоконов, В.А. Проблемы взаимосвязи миграции и преступности / В.А.Номоконов // Проблемы борьбы с организованной преступностью и коррупцией : сборник научных трудов. Вып.2 / науч. ред. А.Л.Репецкая. – Иркутск, 2004. – С.126.

ВОСТРЕБОВАННОСТЬ ПАРЛАМЕНТСКОГО РАССЛЕДОВАНИЯ В РОССИИ: ОСОБЕННОСТИ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО СТАТУСА И ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРАВОНАРУШЕНИЯМ

Штей Н.А., к.ю.н.

Уральский юридический институт
МВД России

Традиционно в юридической литературе парламент как орган законодательной власти рассматривается именно в контексте его правотворческих функций. Однако в полном объеме законотворчество, как известно, не исчерпывает всех действительных возмож-

ностей указанного органа. Парламентское расследование выступает в качестве одного из таких «не свойственных ему» полномочий.

«Несвойственность» интерпретируется нами отнюдь не в негативном контексте, подразумевая, скорее, непрофилирующий характер данного направления деятельности для парламента. Правовое государство, упомянутое конституционным законодателем в тексте ст.1 федеральной Конституции, на наш взгляд, не может ограничить парламент, о каком бы уровне его формирования и деятельности ни шла речь, только лишь законотворческой (законодательной)¹ работой. Отдельные авторы признают объективную невозможность оценивать законодательный орган только лишь с правотворческой точки зрения. Так, С.П.Перегудов считает, «...что будучи практически лишенным действующей Конституцией РФ контрольных функций, наш парламент не является полноценным представительным учреждением. Ибо, хотя он и избирается гражданами в качестве высшего органа государственной власти, его нынешние полномочия наделяют его правом принимать законы, но не дают возможности добиваться их выполнения»².

Действительно, а как в свете вышеизложенного следует понимать положение Регламента Совета Федерации РФ, раскрывающего полномочия Комиссии Совета Федерации по контролю за обеспечением деятельности Совета Федерации – «...осуществления парламентского контроля над соблюдением нормативных и индивидуальных правовых актов по обеспечению деятельности Совета Федерации»? В чем выражается данный контроль? О каких формах реагирования идет речь? Для чего тогда само государство создает достаточно большое количество органов власти, в полномочиях которых имеются и надзор, и контроль, и просто вынесение вопроса на общественное обсуждение? Имеются в виду прокуратура, Уполномоченный по правам человека (как общероссийский, так и по субъектам Федерации), вся правоохранительная система и т.д.

Вопрос о том, что является более приоритетным – деятельность по созданию нормативных правовых актов либо контрольная направленность – неоднозначен. Например, английские исследователи Уэйд и Филипс, выделяя функции английского парламента, главной из них считают парламентский контроль, следующей по значимости – законодательную функцию, на третье место ставят иные – «разные функции», к которым относят судебные функции, принятие петиций, учреждение следственного комитета для расследования любого дела, имеющего государственное значение, и некоторые другие.³ Допускаем также то, что принципиального

значения вопрос о том, что из этого важнее, не имеет. Любая функция государственного органа должна находиться в четком понятном правовом изложении, чего нет на сегодняшний день по отношению ни к контролю, ни к «разным функциям».

По нашему мнению, уже давно назрела необходимость в законодательной детализации полномочий парламента, которые не связаны непосредственно с разработкой, рассмотрением и принятием нормативных правовых актов. Интерес вызывает хотя бы термин «контроль», употребляемый и в Регламенте Государственной Думы, и в Регламенте Совета Федерации в различных по смыслу контекстах: «контроль за соблюдением», «контроль за исполнением», «контроль за деятельностью», «контроль ведения протоколов», «контроль за выполнением» и т.д. Возникает вопрос: как можно что-либо контролировать, не понимая юридической и фактической сути «контроля»? Это чревато тем, что каждый раз, «контролируя» что-либо, парламентарий руководствуется сугубо субъективными рамками понимания своего предназначения в конкретной ситуации. Создание родового направления деятельности – «контроля», его четкая юридическая проработка с позиций, во-первых, понятия, то есть законодательной дефиниции; во-вторых, принципов, субъектов и форм осуществления; в-третьих, пределов осуществления – все это позволит нивелировать субъективизм проверочной деятельности, создавая гарантии того, что права и свободы граждан не будут нарушены.

Современный законодатель, как федеральный, так и уровня субъектов РФ, руководствуется абсолютно другой логикой – от частного к общему, что, по нашему мнению, не может быть приемлемым.

«Парламентское расследование» – яркое подтверждение того, что еще законодатель не создал четкой концепции «контроля». Ведь, по сути, расследование предполагает контроль в строго регламентированных процессуальными нормами формах. Отсутствие этих форм либо их нечеткое определение есть свидетельство того, что само содержание деятельности аморфно. Это логика с сугубо российской ментальной характеристикой – «пойди туда, не знаю куда; сделай то, не знаю что».

Необходим не федеральный закон о парламентском расследовании, который уже принят, а федеральный закон об общих принципах осуществления парламентского контроля, который представляется необходимым ввести еще и как элемент ст.72 Конституции РФ для того, чтобы у субъектов РФ были четкие ориентиры по регламентированию аналогичной деятельности. Вполне

понятно, что вносить поправки в основной учредительный акт государства нежелательно, ибо он в идеале должен быть самым стабильным и защищенным от всякой политизированности, и лишь перманентное адекватное истолкование конституционных норм применительно к меняющейся реальности компенсирует неконкретность отдельных положений Конституции РФ. Поэтому более разумным может быть признан второй вариант – обращение в Конституционный Суд РФ в части разъяснения смысла п.«н» ч.1 ст.72 «...установление общих принципов организации системы органов государственной власти и местного самоуправления». Конституционный Суд РФ не может без привязки к конкретному предмету судебного исследования истолковывать конституционное положение, следовательно, нужны четкий повод и основание для этого. Субъективно трактуя названную конституционную норму, допускаем, что «установление принципов организации» может просто «поглотить» «принципы организации парламентского контроля», что не требует обозначенного выше изменения ст.72 Конституции РФ.

Каково значение парламентского расследования (при неопределенности его правового статуса) для процесса противодействия преступности как явлению общественной жизни? Может ли расследование такого уровня создать действительные основы для улучшения криминогенной обстановки в России? Анализ Федерального закона №196-ФЗ «О парламентском расследовании Федерального Собрания Российской Федерации» (далее – Закон) показывает, что это проблематично.

Для начала обратимся к предмету парламентского расследования: Закон определяет его как «факты и обстоятельства, имеющие негативные последствия для общества и государства».

Что это такое? Данный вопрос нельзя назвать праздным, ведь в Законе сказано, что такое расследование «...не подменяет собой дознание, предварительное следствие и судопроизводство». Более того, спорные вопросы, являющиеся «...предметом иска или заявления, если в исковом заявлении или заявлении указаны факты и обстоятельства, возможные для определения и процессуального выделения и дающие основания для судебного спора», – все это также не входит в предмет парламентского расследования.

Таким образом, в данном случае речь не может идти ни о преступлении, ни об административном правонарушении, ни даже о конституционном и гражданско-правовом деликте, равно как и о дисциплинарном производстве. Сложно не согласиться с тем, что

рядовое преступление не имеет «негативных последствий для общества».

Приведенная проблема не может быть признана единственной. Так, неясным остается такое положение Закона, как «...запрашивание и получение в установленной законом форме ... копий документов, относящихся к предмету расследования» или «опрашивание лиц по расследуемым фактам». Какова процессуальная составляющая данного полномочия членов рабочих групп? Каковы процессуальные формы представления данной информации, и что может последовать за непредставление запрашиваемой информации?

Все приведенное выше свидетельствует об одном – необходимо более четкое определение юридического статуса «парламентского расследования» как в конституционно-правовом, так и в законодательном аспектах.

---

¹ В данной работе эти понятия используются автором как синонимичные.

² Перегудов, С.П. // Проблемы становления гражданского общества в России : материалы научного семинара. Вып.5. – М., 2004. – С.109.

³ Уэйд, Е. Конституционное право / Е.Уэйд, Г.Филипс. – М., 1950. – С.117-145.

ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЙ МЕХАНИЗМ: ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Рябинин Н.А., к.ю.н.

Сибирский юридический институт
МВД России

Теория правоохранительного механизма имеет особую значимость для юриста, работника правоохранительных органов, так как позволяет увидеть всю теорию правоохранительной деятельности в ее практическом воплощении, что, в свою очередь, дает юристу возможность в ходе своей деятельности осознанно применять различные юридические средства, способствующие борьбе с правонарушениями. Именно поэтому особенно важно знание стадий правоохранительного механизма, а также специфики юридических средств, используемых на этих стадиях.

Правоохранительный механизм следует понимать как форму правового воздействия, осуществляемого с помощью специального набора правовых средств, направленных на охрану общества от

противоправного поведения путем привлечения к юридической ответственности правонарушителей.

Специфика правоохранительного механизма обусловлена тем, что:

– во-первых, правоохранительный механизм всегда преследует определенную юридическую цель – охрану общественных отношений от противоправных вариантов поведения;

– во-вторых, существуют специфические юридические средства (охранительная норма, юридическая ответственность и другие), с помощью которых осуществляется правоохранительная деятельность;

– в-третьих, правоохранительный механизм влечет за собой наступление особых юридически значимых последствий, выраженных в привлечении правонарушителя к юридической ответственности.

Для всестороннего понимания категории «правоохранительный механизм» подробно рассмотрим его основные стадии, а также правовые средства, используемые на данных стадиях, в том числе на конкретном правовом примере, связанном с привлечением лица к уголовной ответственности за совершение такого преступления, как убийство.

Первой стадией правоохранительного механизма выступает стадия правообразования. Сущность данной стадии заключается в создании общих правил поведения в обществе. Важнейшей задачей властного субъекта на этой стадии является правильный выбор источников, форм фиксации права, а также специфики построения мельчайшего средства правового регулирования – нормы права. Итогом первой стадии выступает появление юридических источников права, в целом составляющих систему законодательства.

Специфика правоохранительного механизма по отношению к механизму правового регулирования на данной стадии состоит в том, что мельчайшим юридическим средством на этой стадии выступает охранительное правовое предписание (норма права), в содержании которого всегда отражены запрещенные правом деяния и меры юридической ответственности, применяемые государством к правонарушителям. На наш взгляд, такие нормативно-правовые предписания (так называемые «охранительные нормы») выполняют не одну (охранительную), а три функции. По отношению к своим адресатам (правоприменительным органам) они осуществляют регулятивную функцию, по отношению к регулятивным предписаниям – охранительно-обеспечительную функцию и по отношению к правонарушителям – информационно-ориентационную.

Следовательно, мы полагаем, что так называемые «санкции в охранительных нормах» на самом деле выступают правилом поведения для их адресатов, то есть для правоохранительных и судебных органов, полномочных применять данные нормы, правонарушитель является лишь косвенным адресатом данных норм, в частности на него направлена правовая информация о возможных формах реакции со стороны государства на его противоправное поведение. Правонарушитель выступает адресатом мер юридической ответственности, закрепленных в ненормативном правовом предписании (например, приговоре суда), созданном в его отношении на более поздних стадиях правоохранительного механизма.

В выбранном примере на первой стадии правоохранительного механизма происходит юридическая фиксация ст.105 УК РФ, а также статей Общей части УК РФ и статьей УПК РФ, закрепляющих общие понятия, принципы и порядок привлечения к уголовной ответственности.

Второй стадией правоохранительного механизма выступает конкретизация правовых предписаний. Сущность данной стадии заключается в том, что созданные на первой стадии охранительные нормативно-правовые предписания (адресованные неопределенному кругу лиц и рассчитанные на неоднократное применение) конкретизируются применительно к определенным субъектам права и определенным жизненным ситуациям. На второй стадии правоохранительного механизма основными юридическими средствами выступают такие средства, как юридический факт и правоотношение.

Юридический факт в правоохранительном механизме особый – это всегда правонарушение, то есть противоправное, общественно вредное, виновно совершенное деяние деликтоспособного субъекта, влекущее за собой наступление юридической ответственности. Он всегда закреплен в гипотезе охранительной нормы, создаваемой на первой стадии, и проявляется в действии (бездействии) правонарушителя. В нашем примере юридическим фактом будет выступать совершение дееспособным человеком убийства.

Такой юридический факт неизменно влечет за собой особое правоохранительное правовое отношение. Специфика правоохранительного правоотношения, возникающего на данной стадии, заключается в следующем:

– во-первых, правоохранительное отношение – это всегда властеотношение, в котором субъекты расположены вертикально, при этом один субъект – властвующий (носитель властных полномочий), а другой – подвластный (обязанный исполнять требования властвующего субъекта);

– во-вторых, в правоохранительном отношении субъекты не имеют возможности самостоятельно определять варианты своего поведения, то есть такое отношение регулируется с помощью императивного метода правового регулирования;

– в-третьих, правоохранительное отношение имеет особый объект – оно возникает и осуществляется по поводу нарушенного права (правил поведения в обществе).

В нашем примере правоохранительное правоотношение возникает между правонарушителем (лицом, совершившим убийство) и представителем правоохранительного органа (следователем прокуратуры, судьей).

Третья стадия правоохранительного механизма – применение права (правоприменительная деятельность), в нашем случае состоящая в деятельности компетентных субъектов права, направленной на обеспечение реализации правовых предписаний путем определения мер юридической ответственности правонарушителей, завершающаяся вынесением правоприменительного акта.

Данная деятельность в правоохранительном механизме имеет четыре специфические черты:

1. Особое основание для ее осуществления – совершенное правонарушение.

2. Специально уполномоченный субъект, осуществляющий применение права, – правоохранительный орган и особый адресат – правонарушитель.

3. Особая цель – привлечение правонарушителя к юридической ответственности.

4. Завершается вынесением особого правоприменительного акта, который содержит конкретизированные меры наказания, адресованные правонарушителю.

Кроме того, применение права в правоохранительном механизме имеет четкую внутреннюю процессуально-правовую регламентацию. В частности, выделяют три основных стадии применения права, наличие которых обязательно для любой деятельности, связанной с привлечением правонарушителя к ответственности.

Первой стадией применения права является стадия «установления фактических обстоятельств дела». На этой стадии устанавливаются и исследуются юридические факты, имеющие значение для решения данного дела. В нашем примере устанавливаются лицо, совершившее убийство, время, место, способ его совершения, наступившие вредные последствия, характер вины, вещественные доказательства, показания свидетелей и др. Устанавливаемые фактические обстоятельства, как правило, относятся к прошлому, и

поэтому правоприменитель не может наблюдать их непосредственно. Они подтверждаются доказательствами. К доказательствам, с помощью которых устанавливаются фактические обстоятельства по делу, предъявляются процессуальные требования относимости, допустимости, достаточности и достоверности.

Вторая стадия применения права «выбор и анализ правовой нормы» (или юридическая квалификация) состоит в поиске представителем правоохранительного органа нормы, которая регламентирует рассматриваемую фактическую ситуацию. Этот поиск происходит путем сравнения фактических обстоятельств реальной жизни и юридических фактов, предусмотренных гипотезой применяемой правовой нормы, и установления тождества между ними. В нашем случае правоприменитель сравнивает обстоятельства совершенного преступления со ст.105 УК РФ.

На этой стадии правоприменитель должен выбрать норму, установить подлинность ее текста и проверить ее действие во времени, на территории и по кругу лиц.

Следует помнить, что на данной стадии правоприменитель может столкнуться с целым рядом правовых проблем, затрудняющих применение права. К таким проблемам можно отнести: отсутствие нормы, регулирующей исследуемые общественные отношения, – пробел в праве; противоречие между нормами, регламентирующими данное общественное отношение, – правовая коллизия; регламентацию данного отношения несколькими сходными по содержанию правовыми нормами – правовая конкуренция; абстрактный характер правовой нормы, ее неясность, нечеткость – необходимость толкования права.

Третья стадия применения права состоит в принятии решения по юридическому делу. Именно здесь оно обретает письменную документальную форму в виде правоприменительного акта (в нашем случае, как мы уже указывали, будет вынесен приговор суда, закрепляющий меры юридической ответственности, применяемые к лицу, совершившему убийство).

Четвертая стадия правоохранительного механизма – непосредственная реализация права. На этой стадии право становится реальностью, то есть воплощается в правомерном поведении субъектов права. Юридические средства, присутствующие на этой стадии: реализация права, формы реализации права, акт реализации права, правомерное поведение. В нашем примере реализация права будет состоять в правомерных действиях правонарушителя, исполняющего юридические обязанности, адресованные ему приговором суда.

Кроме основных стадий, в правоохранительном механизме может иметь место факультативная стадия, состоящая в толковании права.

Толкование права – это процесс уяснения и разъяснения смысла и содержания правовых предписаний, результатом которого выступает появление интерпретационного акта, в котором разъясняются правовые предписания. Заметим, что толкование права может иметь место на любой из стадий правоохранительного механизма. Например, толкование права может дать правотворческий субъект, создающий охранительное нормативно-правовое предписание на первой стадий. Толкование права может понадобиться на второй стадии при разъяснении правонарушителю его прав и обязанностей как субъекта правоохранительного отношения. Однако чаще всего толкование права необходимо на стадии осуществления правоприменительной деятельности. Во-первых, правоохранительный орган зачастую нуждается в уяснении и разъяснении смысла и содержания применяемых правовых предписаний. Во-вторых, адресату применения права необходимо разъяснить сущность совершенного им деяния и применяемых к нему мер юридической ответственности.

Таким образом, мы установили, что правоохранительный механизм представляет собой форму правового воздействия, осуществляемого с помощью специального набора правовых средств, направленных на охрану общества от противоправного поведения путем привлечения к юридической ответственности правонарушителей.

Он включает в себя четыре основных стадии (правообразование, конкретизацию, применение и реализацию права) и одну факультативную (толкование права).

РЕФОРМИРОВАНИЕ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ СЛУЖБЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Медяник Ю.А., к.ю.н., доцент
Сибирский юридический институт
МВД России

Социально-политические и экономические преобразования в России, связанные с восстановлением ее государственности, вхождением в мировое сообщество демократических стран, приобщением к общечеловеческим ценностям, существенным образом изменили правовой статус личности в российском обществе. Чело-

век, его права и свободы являются высшей ценностью. Конституция Российской Федерации признает и гарантирует права и свободы человека и гражданина, соответствующие общепризнанным принципам и нормам международного права.

Раннее действовавший механизм государственного управления, основанный на принципах административной системы управления государством и обществом, игнорирующий интересы личности, противоречащий нормам и принципам международного права, в современном российском обществе неприменим. Появилась жизненная необходимость коренной смены механизма государственного управления. Тем более что конституционные и законодательные предпосылки уже созданы.

Одним из приоритетных направлений государственной политики Российской Федерации в области строительства эффективного механизма государственного управления является реформирование системы государственной службы. Указ Президента Российской Федерации от 19 ноября 2002 г. №1336 «О федеральной программе Реформирования государственной службы Российской Федерации» определил цели, задачи и перечень мероприятий, необходимых для успешного реформирования государственной службы Российской Федерации. В результате реализации программы должно быть обеспечено:

- приведение нормативно-правовой базы системы государственной службы в соответствие со сложившимися общественными отношениями и новыми экономическими условиями;
- создание профессиональной государственной службы на основе принципов учета и оценки результатов служебной деятельности государственных служащих;
- внедрение должностных (служебных) регламентов государственных служащих;
- достижение качественного уровня исполнения государственными служащими своих должностных (служебных) обязанностей и оказываемых ими гражданам и организациям государственных услуг;
- создание условий для открытости и подконтрольности деятельности аппаратов государственных органов и государственных служащих гражданскому обществу;
- создание основы для совершенствования финансово-экономического обеспечения федеральной государственной службы;
- повышение эффективности кадровой политики в системе государственной службы в целях улучшения кадрового состава федеральной государственной службы;

– внедрение механизмов выявления и разрешения конфликта интересов на государственной службе, а также законодательного регулирования профессиональной этики государственных служащих;

– повышение профессионального уровня федеральных государственных служащих;

– оптимизация численности федеральных государственных служащих;

– создание материально-технических условий для эффективного исполнения федеральными государственными служащими своих должностных (служебных) обязанностей;

– формирование системы управления государственной службы.

Федеральный закон от 27 мая 2003 г. №58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» установил правовые основы организации государственной службы Российской Федерации и определил правовые и организационные основы системы государственной службы Российской Федерации. Принят Федеральный закон от 27 июля 2004 г. №54-ФЗ «О государственной гражданской службе». Далее в рамках реформирования системы государственной службы предполагается принятие Федерального закона «О правоохранительной службе Российской Федерации», а это предполагает разработку и принятие целого пакета нормативных правовых документов, регламентирующих порядок и условия прохождения службы должностными лицами правоохранительной службы.

Необходимо создать высококвалифицированную государственную службу, комплектуемую на основе профессиональных качеств людей. Возможно проведение конкурса при назначении на должности, проводимого под наблюдением специальной комиссии. Замещать вакансии необходимо на основе профессиональных достоинств претендентов, а не их выслуги. Предпочтение должно отдаваться гуманитарному, а не техническому образованию и лицам с научными степенями (тем самым предполагается сделать государственную службу менее замкнутой сферой). Представляется также возможным использовать принятые в предпринимательской деятельности методики финансовой оценки тех или иных административных действий, особенно материального поощрения служащих за нововведения, то есть создать систему стимулов, ориентировать служащих на поиск новых перспективных решений.

Возникла необходимость разработки и принятия перечня типовых должностей правоохранительной службы, разработки и научного обоснования квалификационных требований, предъявляемых к типовым должностям служащих правоохранительной службы.

Квалификационные требования призваны способствовать правильному подбору и расстановке кадров, повышению их деловой квалификации, рациональному разделению труда, созданию действенного механизма разграничения функций, полномочий и ответственности.

Квалификационные требования каждой должности состоят из трех разделов: «Должностные обязанности», «Должен знать» и «Требования к квалификации».

Раздел «Должностные обязанности» квалификационных требований содержит перечень основных функций, которые могут быть поручены полностью или частично служащему, занимающему данную должность.

При необходимости должностные обязанности, содержащиеся в квалификационных требованиях, могут быть распределены между несколькими исполнителями.

Раздел «Должен знать» содержит основные требования, предъявляемые к служащему в отношении специальных знаний, а также знаний законодательства и нормативных правовых актов, методов и средств, которые служащий должен уметь применять при выполнении должностных обязанностей.

Раздел «Требования к квалификации» определяет уровень профессиональной подготовки служащего, необходимый для выполнения возложенных на него обязанностей, и требуемый стаж работы по определенной специальности.

Квалификационные требования служат основой для разработки должностных инструкций с учетом вида правоохранительной службы.

СТАБИЛЬНОСТЬ И ИЗМЕНЕНИЕ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ РАБОТНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ¹

Луговик С.В.

Омская академия МВД России

Трудовым правоотношениям работников органов внутренних дел, как и любому социально-правовому явлению, присущи элементы стабильности и изменчивости. Следует заметить, что само предназначение права в целом и трудового законодательства в частности призвано обеспечить стабильность трудовых отношений и предсказуемость, законность их изменения. Стабильность трудовых отношений вполне правомерно рассматривать как гарантию социальной защищенности работников органов внутренних дел.

Для обеспечения стабильности трудовых правоотношений в ряде норм Трудового кодекса РФ предусмотрены соответствующие меры. По мнению Ю.Г.Попонова и В.И.Анишиной, «в настоящий период актуальность сохранения стабильности трудовых правоотношений не только не утратила своего значения, а даже возросла»².

Что же касается работодателя, то априори считается, что он наиболее заинтересован в изменениях трудовых отношений. Полагаем, что такой подход не вполне обоснован. Здесь, по нашему мнению, во-первых, должен быть определенный баланс между правами работодателя (в нашем случае – органа внутренних дел) и правами работника, а во-вторых, работодатель, отстаивая свои права на изменение трудовых отношений, также заинтересован в их стабильности. Возможно, что причина научных разногласий относительно значимости и соотношения стабильности и динамики трудовых отношений лежит в плоскости различий в понимании этих категорий. Поэтому изначально важно определиться с исходными терминами. В.Г.Сойфер предлагает под стабильностью трудового отношения понимать «такое состояние, для которого характерны устойчивые социально-трудовые связи работника с работодателем и работников с коллективом организации, продолжающиеся не менее пяти лет»³. По нашему мнению, при таком подходе вполне очевидна взаимная заинтересованность как работодателя в лице органа внутренних дел, так и работника в укреплении трудовых отношений. Однако стабильность в таком понимании характеризует преимущественно организационно-управленческий аспект трудовой деятельности (создание профессионального ядра работников, повышение их мастерства и др.). Что же касается трудового права, то здесь стабильность следует связывать не с длительностью работы в определенном подразделении органа внутренних дел, а с неизменностью правового статуса работника, которая проявляется, прежде всего, в постоянстве выполняемой трудовой функции и сохранении гарантий, компенсаций и льгот.

Вместе с тем изменения в сфере трудовых отношений следует рассматривать в качестве объективной составляющей их характеристики. Как отмечает Е.А.Ершова, «постоянно изменяющиеся общественные отношения, изменения в экономике, политике и государственном устройстве с неизбежностью предполагают и возможные законные изменения трудовых правоотношений гражданских служащих»⁴. Аналогичное суждение высказывают и другие ученые. По их мнению, «динамика социальной жизни, в том числе экономических отношений, прогресс науки и техники и другие факторы не всегда позволяют сохранить стабильность существенных условий труда; изменение же этих условий может повлечь за

собой нарушение интересов сторон трудового правоотношения. Учитывая, с одной стороны, социальную значимость данных интересов, а с другой – объективные причины, определяющие динамику существенных условий труда, государство регламентирует как основания, так и порядок новации трудового правоотношения, причем, учитывая значение данной проблемы, ее правовое разрешение осуществляется государством на уровне федерального законодательства о труде»⁵.

С этим мнением созвучно и суждение, высказанное О.А.Парягиной, которая отмечает, что «на динамику трудовых отношений влияют развитие информационных технологий, оптимизация системы управления производственными процессами, финансовое положение организации и другие факторы»⁶. С этим трудно не согласиться. Более того, следует признать, что изменения объективных условий жизнедеятельности человека неизбежно влекут и изменение нормативно-правовой основы труда. Однако изучение этих условий и рассмотрение их как детерминант динамики трудовых отношений работников органов внутренних дел не является задачей данной статьи. Более значимым представляется уяснение юридической стороны проблемы. И здесь можно опереться на мнение профессора В.М.Лебедева, полагающего, что «имеются достаточные основания для формулировки технологической парадигмы трудового права, предопределяющей в значительной степени содержание той его части, которую можно именовать системой локальных норм организации, а в известной мере – и всего трудового права»⁷. Следует заметить, что аналогичный подход просматривается и в нормативно-правовых документах.⁸

С точки зрения права изменения трудовых отношений работников органов внутренних дел чаще всего связаны с изменением:

- 1) законодательства и ведомственных нормативных правовых актов МВД России, регулирующих трудовые и связанные с ними отношения;
- 2) правового положения органа внутренних дел;
- 3) трудовых функций или условий работы.

Что касается первого обстоятельства, то, несмотря на его существенное влияние на динамику правового статуса работника, традиционно в науке трудового права оно не рассматривалось в качестве самостоятельного основания изменения трудовых отношений. Формулируя перечень изменений трудовых отношений, авторы чаще всего сводят его к изменениям трудового договора.⁹ В то же время не вызывает сомнений, что модификации в законодательстве неизбежно вызывают и соответствующие изменения в регулируемых ими отношениях. Их можно было бы назвать макро-

изменениями, так как они распространяют свое действие на широкий круг лиц и возникают помимо воли работника.

Учитывая высокую активность нормотворческой деятельности в последние годы, важно обеспечить паритет между динамикой и стабильностью трудового законодательства. Представляется, именно по этой причине в решениях Конституционного Суда Российской Федерации обращается внимание на то, что «изменение законодателем ранее установленных условий должно осуществляться таким образом, чтобы соблюдался принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям государства, который предполагает сохранение разумной стабильности правового регулирования и недопустимость внесения произвольных изменений в действующую систему норм, а также – в случае необходимости – предоставление гражданам возможности (в частности, посредством установления временного регулирования) в течение некоторого переходного периода адаптироваться к вносимым изменениям. С этим связаны законные ожидания граждан, что приобретенное ими на основе действующего законодательства право будет уважаться властями и будет реализовано»¹⁰.

В то же время трудно представить длительный период, когда бы не было изменений в нормативных правовых актах, регулирующих трудовые отношения работников органов внутренних дел. По нашим данным, такие изменения происходят с периодичностью один раз в два-три года. Проблема, которая возникает в связи с этим, связана в основном с необходимостью внесения соответствующих изменений и уточнений в трудовые договоры работников органов внутренних дел. Проведенный анализ в этой части свидетельствует, что кадровые подразделения органов внутренних дел далеко не всегда «отслеживают» изменения в нормативно-правовой базе и зачастую не вносят изменения в трудовые договоры. Конечно, совершенствование трудового законодательства и обусловленная этим динамика правового статуса работников органов внутренних дел не вписываются в традиционное понимание изменений трудовых отношений. Тем не менее полагаем возможным рассматривать внесение новых правовых положений в трудовое законодательство и ведомственные нормативные акты МВД России в качестве фактора, обуславливающего изменение трудовых отношений работников органов внутренних дел.

---

¹ Под работниками органов внутренних дел в данной статье понимаются лица, работающие в органах внутренних дел и не имеющие специальных и воинских званий.

² Попонов, Ю.Г. Латентные формы принудительного труда в российском трудовом законодательстве / Ю.Г.Попонов, В.И.Анишина // Российская юстиция. – 2005. – №8.

³ Сойфер, В.Г. Правовые вопросы закрепления кадров в организациях / В.Г.Сойфер // Законодательство и экономика. – 2003. – №12. – С.38.

⁴ Ершова, Е.А. Изменение трудовых правоотношений гражданских служащих / Е.А.Ершова // Трудовое право. – 2006. – №4 – С.66.

⁵ Трудовое право России : учебник / под ред. С.П.Маврина, Е.Б.Хохлова. – М., 2003. – С.306.

⁶ Парягина, О.А. Изменение существенных условий трудового договора в период реструктуризации организации / О.А.Парягина // Трудовое право. – 2005. – №11 – С.4-5.

⁷ Лебедев, В.М. Роль технологического процесса в развитии науки трудового права и совершенствовании трудового законодательства / В.М.Лебедев // Трудовое право. – 2005. – №5 – С.10-11.

⁸ См.: Квалификационный справочник должностей руководителей, специалистов и других служащих : постановление Минтруда России от 21 августа 1998 г. №37 (с изм. от 21 января, 4 августа 2000 г., 20 апреля 2001 г., 31 мая, 20 июня 2002 г., 28 июля, 12 ноября 2003 г., 25 июля 2005 г.) // Бюллетень Министерства труда и социального развития Российской Федерации. – 1998. – №12; 2000. – №2; 2000. – №8; 2002. – №8; 2002. – №6; 2002. – №7; 2003. – №8; 2003. – №11.

⁹ См.: Ершов, В.В. Трудовой договор / В.В.Ершов, Е.А.Ершова. – М., 2000. – С.117-131.

¹⁰ По делу о проверке конституционности отдельных положений статьи 30 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» в связи с запросами групп депутатов Государственной Думы, а также Государственного Собрания (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия), Думы Чукотского автономного округа и жалобами ряда граждан : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 29 января 2004 г. №2-П // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2004. – №6. – Ст.450.

ПОРЯДОК И РАЗМЕР ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО НЕЗАКОННЫМИ ДЕЙСТВИЯМИ ОРГАНОВ ДОЗНАНИЯ, ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ, ПРОКУРАТУРЫ, СУДА И ИХ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ

Коваленко А.А.

Сибирский юридический институт
МВД России

Порядок определения размера и выплаты возмещения потерпевшим от незаконных действий правоохранительных и судебных органов на сегодняшний день определяется многочисленными актами. Эти нормативные акты регулируют отношения по возмещению вреда, причиненного незаконными действиями указанных органов, совершенными после июня 1981 г. Большинство нормативных актов, относящихся к рассматриваемой сфере, были приняты

более 20 лет назад, они уже не соответствуют складывающимся на сегодняшний день отношениям и новому законодательству. Поэтому возникает необходимость в разработке современного нормативного акта федерального уровня, регламентирующего основания и порядок возмещения вреда при осуществлении государственно-властной деятельности.

Как гражданское, так и уголовно-процессуальное право признают, что правонарушением может быть причинен имущественный, моральный и физический вред.

Вопросы возмещения имущественного вреда, причиненного правоохранительными и судебными органами, достаточно подробно определены в УПК РФ. Что касается возмещения морального вреда, то в настоящее время этот вопрос вызывает определенные сложности у судейского корпуса Российской Федерации. Эти сложности связаны, прежде всего, с определением размера компенсации морального вреда, так как законодатель оставил рассмотрение этого вопроса исключительно на усмотрение суда. В юридической литературе высказывались различные предложения по данной проблеме, однако до настоящего времени отсутствует конкретная система, которая могла бы быть рекомендована судебным органом для применения.

В рамках же уголовно-процессуального законодательства вопросы возмещения морального вреда закрепляются в виде обязанности прокурора от имени государства принести официальное извинение реабилитированному за допущенную ошибку. Однако на сегодняшний день принесение официального извинения реабилитированному должно сопровождаться в последующем еще и обязательным контролем со стороны органов прокуратуры за процедурой восстановления всех нарушенных прав реабилитированного лица в силу прямой обязанности надзора за соблюдением законности, что даст возможность пострадавшим гражданам реально ощутить заботу со стороны государства. Поэтому очевидной становится необходимость предусмотреть в законодательном порядке обязанность органов прокуратуры по заявлению реабилитированного лица осуществлять контроль за восстановлением его прав.

Уголовно-процессуальное законодательство РФ закрепляет, что при прекращении уголовного дела по реабилитирующим основаниям, а также при постановлении оправдательного приговора орган дознания, следователь, прокурор и суд обязаны разъяснить гражданину порядок восстановления его нарушенных прав и принять предусмотренные законом меры к возмещению ущерба, при-

чиненного потерпевшему, и направить ему извещение с разъяснением порядка возмещения вреда.

Необходимым условием возмещения имущественного ущерба, причиненного незаконными действиями должностных лиц, является обращение реабилитированного лица в уполномоченные органы для определения размера причиненного ущерба.

В соответствии с ч.2 ст.135 УПК РФ реабилитированный в течение сроков исковой давности, установленных ГК РФ (то есть в течение трех лет со дня получения копии приговора, определения, постановления о прекращении дела и извещения о порядке возмещения вреда), вправе обратиться с требованием об определении размера подлежащих выплате денежных сумм.¹

Восстановление трудовых, пенсионных, жилищных и иных прав реабилитированного производится в порядке, установленном ст.399 УПК РФ для разрешения вопросов, связанных с исполнением приговора. Если требование о возмещении вреда не удовлетворено или реабилитированный не согласен с принятым судебным решением, то он вправе обратиться в суд в порядке гражданского судопроизводства (ст.138 УПК РФ). Однако ст.399 УПК РФ ничего не говорит о последующих действиях заявителя после вынесения судом или иным должностным лицом решения и направления этого решения потерпевшему. В данном случае, очевидно, необходимо обратиться к Положению и п.11 Инструкции о порядке возмещения вреда от 2 марта 1982 г.²

Что же касается механизма обжалования и принесения протестов на постановления о возмещении ущерба, то вышестоящие суды рассматривают эти споры по правилам, установленным уголовно-процессуальным законодательством.

Рассмотрение жалобы реабилитированного в соответствии со ст.124 УПК РФ о возмещении ущерба в административном порядке может привести к более быстрому по срокам исправлению допущенной нижестоящим органом ошибки и восстановлению нарушенных прав. Однако, соглашаясь с мнением Т.А.Алмазовой³, необходимо отметить, что в данном случае нельзя не обращать внимание на некоторые негативные последствия административного порядка разрешения споров между гражданином и государственным органом. Зачастую встречаются факты «защиты чести мундира», когда вышестоящий орган более всего заинтересован в защите интересов системы, а не прав и свобод граждан. В этом отношении имеются бесспорные преимущества судебного порядка рассмотрения административного спора, поскольку судья действует (или

обязан действовать) беспристрастно и объективно, подчиняясь требованиям закона.

Необходимо обратить внимание и на то, что на сегодняшний день отсутствует законодательное регулирование вопросов о порядке и размере возмещения вреда, причиненного актами суда при рассмотрении гражданских дел. Размер и порядок возмещения вреда предусмотрены только применительно к случаям причинения вреда при отправлении правосудия по уголовным делам и только гражданам. Основными нормативными актами, регулирующими данные отношения, как указывалось ранее, являются УПК РФ и Инструкция от 2 марта 1982 г. Однако положения указанных актов не распространяются на случаи причинения вреда при отправлении правосудия по гражданским делам. Действующее гражданское процессуальное законодательство также не содержит норм, регулирующих данные отношения. В связи с этим Конституционный Суд РФ в своем постановлении⁴ указал на необходимость законодательного урегулирования рассматриваемых отношений. В данном случае обнаруживается пробел в праве, который может быть устранен лишь с помощью правотворческого процесса путем принятия новой нормы права. Вместе с тем преодолеть пробел можно с помощью правоприменительного процесса посредством аналогии закона либо аналогии права. Однако проблема применения такого способа преодоления пробельности, как аналогия, заключается в отсутствии порядка возмещения вреда.

Можно предположить, что самый простой путь решения этой проблемы до принятия специального закона, регулирующего вопросы возмещения вреда, причиненного при отправлении правосудия по гражданским делам, заключается в возможности применения к рассматриваемым отношениям положений Федерального закона от 21 июля 1997 г. №119-ФЗ «Об исполнительном производстве». Так, если суд выносит решение, оно вступает в законную силу, выдается исполнительный лист, на основании которого возбуждается исполнительное производство судебным приставом-исполнителем и производится возмещение вреда потерпевшему, а в случае вынесения постановления о возмещении вреда прокурором, следователем, дознавателем в соответствии с положениями ст.135 УПК РФ данные постановления могут, по нашему мнению, выполнять роль исполнительного листа.

В связи с этим очевидно, что порядок возмещения морального и имущественного вреда лицам, пострадавшим от незаконных действий органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда, нуждается в едином законодательном регулирова-

нии. Логическим развитием законодательного процесса в регулировании отношений, возникающих у государства вследствие причинения вреда незаконными действиями его органов и должностных лиц, могло бы стать принятие унифицированного нормативного акта в форме федерального закона, предметом правового регулирования которого должен выступить комплекс правоотношений, возникающих в связи с причинением вреда незаконными действиями правоохранительных и судебных органов и их должностных лиц.

¹ Однако здесь необходимо обратить внимание на то, что в соответствии с п.10 Инструкции от 2 марта 1982 г. был установлен шестимесячный срок для обращения гражданина с требованием о возмещении имущественного вреда. Решением Верховного Суда РФ от 5 апреля 2004 г. №ГКПИ03-1383 п.10 указанной Инструкции признан недействующим и не подлежащим применению в части слов «шести месяцев». См.: Решение Верховного Суда РФ от 5 апреля 2004 г. №ГКПИ03-1383 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2004. – №12.

² О возмещении ущерба причиненного гражданину незаконными действиями государственных и общественных организаций, а также должностных лиц при исполнении ими служебных обязанностей : Указ Президиума Верховного Совета СССР от 18 мая 1981 г. // Ведомости СССР. – 1981. – №21. – ст.741; Положение о порядке возмещения ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда : утв. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 18 мая 1981 г. // Ведомости СССР. – 1981. – №21. – Ст.741; Инструкция от 2 марта 1982 г. по применению этого Положения : утв. Министерством юстиции СССР, Прокуратурой СССР и Министерством финансов СССР // Бюллетень нормативных актов СССР. – 1984. – № 3. – С.3.

³ Алмазова, Т.А. Возмещение ущерба, причиненного незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда : дис. ... канд. юрид. наук / Т.А.Алмазова . – М., 2001. – С.105.

⁴ По делу о проверке конституционности положения п.2 ст.1070 ГК РФ в связи с жалобами граждан И.В.Богданова, А.Б.Зернова, С.И.Кальянова и Н.В.Труханова : постановление Конституционного Суда РФ от 25 января 2001 г. №1-П // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – №7. – Ст.700.

**НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА,
ПРИЧИНЕННОГО НЕЗАКОННЫМИ ДЕЙСТВИЯМИ
ОРГАНОВ ДОЗНАНИЯ, ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ,
ПРОКУРАТУРЫ И СУДА**

Прощалыгин Р.А.
Уральский юридический институт
МВД России

Все время своего существования система правоохранительных органов испытывала на себе пристальное внимание общественности. Зачастую в обществе мнение о правоохранительных органах в целом формируется в связи с деятельностью ее отдельных представителей, поскольку деятельность, осуществляемая сотрудниками органов внутренних дел, в ряде случаев может носить незаконный характер, нарушая тем самым права и свободы граждан. В связи с этим в общественном сознании создается негативное отношение ко всей системе правоохранительных органов. Очень часто деятельность правоохранительных органов, и в частности органов предварительного следствия, сопряжена с вмешательством в сферу частных интересов отдельных лиц, которым причиняется вред, поэтому на этапе построения правового государства в нашей стране проблема, связанная с защитой от произвола правоохранительных органов и возмещением причиненного ими вреда, приобретает особую актуальность.

В соответствии со ст.53 Конституции Российской Федерации каждый имеет право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти и их должностных лиц. Нормы, регулирующие порядок реализации указанного положения, закреплены в нормативных актах различных отраслей российского права (гражданского, уголовно-процессуального). Впервые ответственность за вред, причиненный незаконными действиями правоохранительных органов и суда, была установлена Указом Президиума Верховного Совета СССР от 18 мая 1981 г. «О возмещении ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями государственных и общественных организаций, а также должностных лиц при исполнении ими служебных обязанностей»¹. Этим Указом было утверждено Положение о порядке возмещения ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда. В настоящее время данные нормативные акты действуют на территории Российской Федера-

ции. Решительным шагом отечественного законодателя стало включение значительного по объему массива норм компенсационно-восстановительного характера о реабилитации невиновных в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (гл.18 УПК РФ), действие которых фактически перекрывает действие вышеуказанных актов. В п.1 ст.1070 Гражданского кодекса РФ закрепляется, что вред, причиненный гражданину в результате незаконного осуждения, незаконного привлечения к уголовной ответственности, незаконного применения в качестве меры пресечения заключения под стражу или подписки о невыезде, возмещается за счет казны Российской Федерации, а в случаях, предусмотренных законом, за счет казны субъекта РФ или казны муниципального образования в полном объеме, независимо от вины органов дознания, предварительного следствия и суда. Несмотря на это, правовая регламентация института возмещения вреда, причиненного незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда, нуждается в дальнейшем совершенствовании, так как его практическое применение нередко связано с рядом трудноразрешимых проблем.

В п.1 ст.1070 ГК РФ дан исчерпывающий перечень незаконных действий, в результате осуществления которых вред, причиненный лицам судебными органами, подлежит возмещению государством. В п.2 статьи сказано, что вред, причиненный незаконными действиями, не повлекшими последствий, указанных в п.1, подлежит возмещению по основаниям и в порядке, указанным в ст.1069 ГК РФ, которая предусматривает возмещение вреда за любые незаконные действия государственных органов. На наш взгляд, позиция законодателя в данном случае не совсем оправданна. Так, в ст.1070 ГК РФ не нашли своего отражения ряд других мер процессуального принуждения, в том числе и такая мера принуждения, как задержание подозреваемого, в результате осуществления которых лицам может быть причинен вред несколько не меньший, а даже больший, чем вред, причиняемый незаконными действиями, перечисленными в п.1 статьи. Помимо этого указанная статья не предусматривает возмещение вреда, причиненного судебными органами в результате проведения иных незаконных следственных действий. В связи с этим не совсем понятно, для чего законодатель выделил в отдельную статью лишь несколько мер процессуального принуждения, создавая тем самым дополнительные, не совсем оправданные законодательные конструкции. На наш взгляд, в настоящее время были бы более верными отказ законодателя от какого-либо перечня незакон-

ных действий и объединение ст.1070 ГК РФ со ст.1069 ГК РФ в одну статью, которая предусматривала бы ответственность государства за любые незаконные действия органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда.

Кроме того, исходя из анализа действующего законодательства, можно сделать вывод, что правом на возмещение вреда наделяются только те лица, которые подверглись именно незаконным действиям со стороны судебно-следственных органов. Например, при незаконном применении в отношении них мер процессуального принуждения. В случае же причинения вреда правомерными действиями он возмещению не подлежит. Однако как же быть в том случае, если в отношении невиновного лица была избрана мера процессуального принуждения вплоть до задержания и заключения под стражу при наличии на данном этапе расследования уголовного дела всех законных оснований и условий, закрепленных Уголовно-процессуальным кодексом РФ. То есть действия судебно-следственных органов на данном этапе расследования носили правомерный характер, однако невиновному лицу, подвергнутому мере процессуального принуждения, был причинен вред. Таким образом, исходя из трактовки законодательства, следует, что данное реабилитированное лицо не имеет право на возмещение вреда, так как действия органа предварительного следствия, в соответствии с нормами УПК РФ, не будут являться незаконными, а равно и противоправными в рамках гражданского права. В данном случае наиболее приемлемой является точка зрения А.Смирнова и К.Калиновского, которые считают, что возмещению подлежит вред, причиненный реабилитированному как при совершении в отношении него собственно незаконных или необоснованных действий, так и в результате законных и обоснованных на момент производства действий, которые, однако, были связаны с напрасным уголовным преследованием.² Следовательно, по нашему мнению, необходимо в ГК РФ предусмотреть возможность возмещения вреда реабилитированному, причиненного правомерными действиями правоохранительных органов и суда.

Зачастую в практической деятельности приходится сталкиваться с воспрепятствованием установлению истины по уголовному делу путем самооговора лица, результатом которого является применение, по сути, к невиновному лицу со стороны судебно-следственных органов мер процессуального принуждения. Данное положение не нашло отражения ни в УПК РФ, ни в ГК РФ, хотя его наличие было бы вполне уместным. Однако в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 18 мая 1981 г. в

данном случае ущерб возмещению не подлежит. На наш взгляд, было бы вполне уместным дополнить действующий ГК РФ этим исключением из общего правила о возмещении вреда, причиненного незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда.

Рассмотренные положения возмещения вреда, причиненного незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда, свидетельствуют о том, что данный институт нуждается в дополнительном внимании законодателя и дальнейшем совершенствовании.

---

¹ Ведомости Верховного Совета СССР. – 1981. – №21. – Ст.741.

² Смирнов, А.В. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РФ / А.В.Смирнов, К.Б.Калиновский. – С.358.

ДАЛЬНЕЙШАЯ ЛИБЕРАЛИЗАЦИЯ ВАЛЮТНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И РЕГУЛИРОВАНИЕ ОБОРОТА ВАЛЮТНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Ражков Р.А.
Сибирский юридический институт
МВД России

В соответствии с п.3 ст.26 Закона «О валютном регулировании и валютном контроле» с 1 января 2007 г. прекращается применение таких способов валютного регулирования и валютного контроля, как использование специального валютного счета (и все связанные с ним ограничения), регулирование Правительством и Центральным Банком России валютных операций движения капитала, резервирование (и все связанные с ним ограничения), специальный порядок обеспечения исполнения обязательств нерезидента перед резидентом, обязательная продажа части валютной выручки на внутреннем валютном рынке Российской Федерации. Указанные изменения повлекли за собой отмену административной ответственности по ряду правонарушений, предусмотренных ст.15.25 Кодекса «Об административных правонарушениях», а также изменения в объективной стороне ряда преступлений, совершаемых в банковской сфере (ст.ст.183, 193 УК РФ). Наступил новый этап¹ в регулировании валютных отношений, характеризующийся максимально возможной их либерализацией.

В то же время представляется, что регулирование отношений оборота валютных ценностей осуществляется преимущественно нормами частного (гражданского) права. В ст.3 Закона «О валютном регулировании и валютном контроле» указаны принципы валютного регулирования и валютного контроля. В целях либерализации валютного законодательства и создания максимально благоприятных условий для осуществления резидентами внешнеэкономической деятельности и привлечения иностранного капитала в Российскую Федерацию в основе подхода к регулированию порядка осуществления валютных операций движения капитала заложен общеправовой принцип «разрешено все, что не запрещено».

В структурном отношении правовой массив норм, регулирующих оборот валютных ценностей, дифференцируется на две части: общую и особенную. В первом подразделении сосредоточены нормы, имеющие общее значение для регулирования отношений оборота валютных ценностей в целом, применяемые всякий раз при регулировании конкретных социальных связей, возникающих в процессе оборота валютных ценностей. В общую часть должны быть включены правила п.1 ст.2, ст.128, пп.2 п.2 ст.129, п.2 ст.140, ст.141, пп.2 п.5 ст.185 ГК РФ и функционально связанные с ними нормы Закона «О валютном регулировании и валютном контроле». В этих нормах содержатся правоположения относительно объектов правоотношений оборота валютных ценностей. Вместе с тем к отношениям оборота валютных ценностей применяются нормы общей части гражданского права, в частности об имущественных отношениях, об основаниях возникновения гражданских прав и обязанностей, о субъектах и объектах правоотношений, сделках и т.д.

Что касается особенной части рассматриваемого массива, то она включает в себя предписания, действия которых распространяются на отдельные виды и разновидности обязательственных отношений оборота валютных ценностей: п.3 ст.317 ГК РФ и конструктивно связанные с ним нормы о денежных обязательствах,² п.2 ст.454, п.4 ст.498, п.2 ст.807, п.1 ст.878, п.2 ст.1172 ГК РФ и конструктивно связанные с ними нормы Закона «О валютном регулировании и валютном контроле». Поскольку отношения собственности, являясь ядром предмета гражданского права,³ одновременно служат базой для участия в гражданском обороте,⁴ нормы вещного права применяются для регулирования конкретных отношений оборота валютных ценностей.

Чтобы определить отраслевую принадлежность правового массива норм, регулирующих отношения, связанные с оборотом

валютных ценностей, необходимо выявить содержание и определить метод упорядочения этих отношений, поскольку юридическая природа любого правового образования предопределяется содержанием общественных отношений, являющихся предметом правового регулирования соответствующих норм права, и методом их юридического опосредствования, поскольку именно предмет и метод выступают главными объективными системообразующими факторами российского права, его структурирования, подразделения на отдельные отрасли и институционарования.⁵

«Правовая форма общественных отношений как мера юридически возможного и необходимого поведения участников социальных связей объективно обусловлена содержанием этих связей... Поэтому различные виды общественных отношений способны «воспринимать» не правовое регулирование вообще, а строго адекватное своей природе. Другими словами, любому виду общественных отношений соответствуют определенные правовые формы, а каждой из них свой набор правовых средств воздействия, образующих тот или иной режим регулирования. Юридический режим выражается в особенностях его регулятивных свойств, способов и приемов воздействия, которые в концентрированном виде воплощаются в особом для данной отрасли методе правового регулирования. Каждой отрасли права присущ свой метод правового регулирования, специфические черты которого предопределяют своеобразие соответствующих отношений»⁶.

Оборот валютных ценностей, как элемент гражданского оборота, представляет собой разновидность социальных связей, формирующихся в процессе «общественного обмена веществ». Данные социальные связи хотя и обладают определенным своеобразием, тем не менее являются частью отношений, составляющих предмет гражданско-правового института оборота. Сообразно этому на них в полной мере распространяется метод гражданско-правового регулирования.⁷ Как верно отмечает Л.А.Чеговадзе, «практическая деятельность индивидуумов по удовлетворению потребностей частного свойства попадает в сферу гражданско-правового регулирования»⁸.

Следовательно, и правовой массив норм, регулирующих отношения, связанные с оборотом валютных ценностей, входит в гражданско-правовой институт оборота, и поэтому его нельзя рассматривать в отрыве от этого оборота и тем более включать в финансовое право. В соответствии со ст.2 Закона «О валютном регулировании и валютном контроле» сферой его действия является собственно валютное регулирование и валютный контроль, а так-

же определение прав и обязанностей резидентов и нерезидентов в отношении владения, пользования и распоряжения валютными ценностями. Регулирование же гражданского оборота валютных ценностей осуществляется гражданским законодательством. В соответствии со ст.2 ГК РФ именно гражданским законодательством определяются основания возникновения и порядок осуществления права собственности и других вещных прав, регулируются договорные и иные обязательства, а также иные имущественные отношения. О.А.Красавчиков называет указанные отношения «элементами имущественной части предмета гражданского права»⁹.

Вычленение в рамках гражданского законодательства масса норм, регулирующих оборот валютных ценностей, обусловлено характером социальных связей, складывающихся, во-первых, между участниками гражданско-правового оборота валютных ценностей, во-вторых, между субъектами валютных отношений в целом. С одной стороны, включение в ГК РФ норм, регулирующих оборот валютных ценностей, не обеспечивает всесторонней регламентации рассматриваемых отношений. С другой – специфика валютных отношений, выражающаяся в ограничении прав граждан в целях обеспечения безопасности государства, не позволяет ограничиться использованием нормативно-правового материала, сосредоточенного в ГК РФ. Все это предопределило необходимость выработки специальных положений, предназначенных обеспечить адекватное детальное урегулирование отношений оборота валютных ценностей.

Поскольку рассматриваемая совокупность норм предназначена для упорядочения отдельного вида отношений в рамках гражданского оборота, ее функционирование в целом основывается на общих принципах гражданско-правового института оборота. Вместе с тем регулированию оборота валютных ценностей присущи свои собственные принципы: исключение неоправданного вмешательства государства и его органов в валютные операции резидентов и нерезидентов; обеспечение государством защиты прав и экономических интересов резидентов и нерезидентов при осуществлении валютных операций.

В качестве вывода по рассматриваемому вопросу необходимо отметить, что некоторые конкретные обязательства по поводу валютных ценностей прямо предусмотрены обязательственным правом, другие – не указываются, но подразумеваются. Представляется, что в систему обязательств по поводу валютных ценностей входят обязательства, объектом которых выступают валютные ценности, вытекающие из соглашений о неустойке, залоге, задат-

ке, из удержания, из уступки требования и перевода долга, из договоров купли-продажи его отдельных видов (розничной купли-продажи, поставки, продажи предприятия), мены, дарения, ренты, займа, кредита, финансирования под уступку денежного требования, банковского вклада, банковского счета, поручения, агентирования, комиссии, доверительного управления имуществом, простого товарищества, валютные (денежные) обязательства, обязательства из обещания награды, проведения игр и пари, иные обязательства, вытекающие из правомерных юридических фактов, объектом которых выступают действия по передаче (передача в данном случае понимается как передача вместе с валютными ценностями и прав на них) валютных ценностей.

¹ См.: Добрецов, Г.Б. Внешнеторговые операции и обязанности резидента РФ по репатриации валюты и продаже части выручки / Г.Б.Добрецов // Теория и практика коммерческой деятельности : материалы научно-практической конференции (г. Красноярск, 24-25 марта 2005 г.) : в 2 ч. – Красноярск, 2005. – Ч.2. – С.198.

² См.: Белов, В.А. Денежные обязательства / В.А.Белов. – М., 2001. – С.29-36.

³ См.: Яковлев, В.Ф. Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений : учебное пособие / В.Ф.Яковлев. – Свердловск, 1972. – С.17-33.

⁴ См.: там же. – С.82.

⁵ См.: Алексеев, С.С. Структура советского права / С.С.Алексеев. – М., 1975. – С.44-46. Приводится по: Чорновол, Е.П. Нормативно-правовые основы возникновения обязательств по обязательному государственному личному страхованию сотрудников органов внутренних дел / Е.П.Чорновол // Актуальные проблемы цивилистических отраслей права : межвузовский сборник научных трудов. Вып.4. – Екатеринбург, 2004. – С.105-106.

⁶ См.: Чорновол, Е.П. Указ. соч. – С.106.

⁷ См.: Красавчиков, О.А. Категории науки гражданского права. Избранные труды : в 2 т. / О.А.Красавчиков. – М., 2005. – Т.1. – С.59; Яковлев, В.Ф. Указ. соч. – С.69; Гонгало, Б.М. Предмет гражданского права. Проблемы теории гражданского права. Институт частного права / Б.М.Гонгало. – М., 2003. – С.16, 21.

⁸ Чеговадзе, Л.А. Структура и состояние гражданского правоотношения / Л.А.Чеговадзе. – М., 2004. – С.3.

⁹ См.: Красавчиков, О.А. Указ. соч. – С.40.

К ВОПРОСУ О КРИМИНАЛЬНЫХ ТРЕТЕЙСКИХ СУДАХ

Русаков А.Г.

Сибирский юридический институт
МВД России

Третейское производство по разрешению хозяйственных и частноправовых споров широко распространено в большинстве государств с развитой экономической системой, так как предприниматели стремятся разрешать возникающие между ними конфликты не в государственных, а в третейских судах (коммерческих арбитражах), избираемых участниками гражданских правоотношений.

Третейское производство является одной из наиболее эффективных альтернативных форм защиты частных прав участников гражданского оборота в рамках упрощенного, экономичного, доступного и оперативного производства, что отвечает интересам широкого круга участников гражданских правоотношений при рассмотрении гражданско-правовых (страховых, земельных и иных споров), в том числе споров при заключении и исполнении торговых сделок с участием иностранного элемента.

В рамках третейского производства участники юридического конфликта самостоятельно определяют подведомственность гражданско-правового спора, назначают конкретный третейский суд и место третейского разбирательства, устанавливают порядок избрания (назначения) арбитров, формируют состав третейского суда, распределяют судебные расходы, связанные с разрешением спора, и гонорары третейских судей, они вправе устанавливать дополнительные требования к содержанию искового заявления, срок предоставления возражений на исковое заявление, обязательный для сторон характер решения третейского суда.

Анализируя указанные преимущества третейского производства, ряд авторов отмечают, что за рубежом наметилась тенденция к созданию альтернативных органов, уполномоченных разрешать экономические споры в рамках процедур, обеспечивающих реализацию механизма мирного досудебного урегулирования споров; институт третейского производства (частного коммерческого арбитража) широко применяется для разрешения разнообразных гражданско-правовых споров, возникающих в сфере внутренней и внешней предпринимательской деятельности; подобная тенденция набирает силу и в России.¹

Однако в литературе отмечается криминализация посредничества и третейских судов. При этом активно используются отме-

ченные преимущества третейского разбирательства: возможность передать дело на рассмотрение третейского суда и формировать его состав по своему усмотрению, самостоятельный выбор третейского суда, быстрота, конфиденциальность, гарантированность исполнения решений криминальных третейских судов. Причем «криминализированное третейство» широко распространилось среди легально хозяйствующих в сфере экономики субъектов, хозяйствующие субъекты и частные лица иногда вынуждены обращаться к криминальным авторитетам или создавать нелегитимные третейские суды с целью урегулировать конфликт, истребовать долги и т.п. Некоторые исследователи основными причинами существования и деятельности подобных третейских судов экономического профиля называют: непригодность российской судебной системы к новым экономическим реалиям, усиление роли организованной преступности в осуществлении правопорядка, несовершенство российского гражданского, гражданского и арбитражного процессуального законодательства, а также административного, уголовного и уголовно-процессуального законодательства, которые не предусматривают действенного механизма противодействия указанным явлениям.²

М.И.Клеандров писал, что криминальный суд в экономической сфере – это определенная организационная структура преступной среды, разновидность третейского суда, разрешающего споры (чаще всего в сфере нелегальной деятельности) не по критерию законности позиции и требований стороны спора, а на основании исполнения договоренности или по обычаю. При этом он разделяет подобные суды на две группы: нелегальный криминальный третейский суд (криминальность связана с личностью третейского судьи – роль судей выполняют криминальные авторитеты, действия или бездействие по предмету спора носят криминальный характер, исполнение решения данного суда обеспечивается силой преступного авторитета) и нелегитимный (нелегальный) некриминальный третейский суд (который формально организовывается, но спор разрешает не на основе и в порядке установленного законодательством третейского производства). М.И.Клеандров указывал также на отсутствие научных исследований, позволяющих полно раскрыть содержание криминально-судейского фактора с целью вытеснить его легальными, некриминальными организационными структурами.³

П.А.Скобликов даже ввел понятие теневой юстиции, под которой предложил подразумевать деятельность организованных преступных формирований, которая заключается в завершении

конфликтов (урегулировании, разрешении и проч.) путем примирения конфликтующих сторон, содействия им в исполнении обязательств либо в подавлении активности одной из сторон, а также в принятии решений по существу конфликта и в принуждении к исполнению принятого решения силой криминального авторитета. Он также отмечает, что данный вид «криминального бизнеса» сохранит свое значение, вырученные средства будут использоваться для подкупа должностных лиц судебных и исполнительных органов, и предлагает ряд правовых и общесоциальных мер противодействия описанному явлению.⁴

Не оспаривая выводы указанных исследователей, полагаем, что в первую очередь причиной существования и деятельности криминальных и нелегитимных третейских судов является несовершенство законодательства, регулирующего деятельность законно созданных легальных постоянно действующих третейских судов.

Так, вопреки положениям п.1 ст.11 ГК РФ и Федерального закона от 24 июля 2002 г. №103-ФЗ «О третейских судах в Российской Федерации», которые приравнивали решения третейских судов к решениям государственных судов (судов общей юрисдикции и арбитражных судов), судебная практика и практика учреждений юстиции по государственной регистрации прав не считают решения третейских судов обязательными для неопределенного круга лиц, так как они не вступают в законную силу, а становятся обязательными для сторон спора.

Кроме того, из анализа п.2 ч.1 ст.417, п.2 ч.2 ст.426 ГПК РФ и п.2ч.3 ст. 239, п.7 ч.1 ст.244 АПК РФ следует, что компетентные суды Российской Федерации применяют различные критерии при рассмотрении заявлений о выдаче исполнительных листов для исполнения решений российских третейских судов (право отказать в выдаче исполнительного листа, если решение третейского суда нарушает основные (основополагающие) начала (принципы) российского права) и при рассмотрении заявлений о признании и исполнении решений иностранных третейских судов и коммерческих арбитражей (отказано может быть, если исполнение решения иностранного третейского суда противоречит публичному порядку Российской Федерации).

При этом под публичным порядком понимается, в первую очередь, соблюдение основополагающих принципов гражданского и арбитражного процессуального права, тогда как основные принципы российского права возможно трактовать расширительно, что недопустимо, поскольку нарушает правило о невмешательстве

компетентного суда в деятельность третейского суда при ревизии его решения.

Полагаем, что необходимо разъяснение Президиумов Высшего Арбитражного Суда РФ и Верховного Суда РФ по указанным вопросам.

Согласно пп.13 п.1 ст.333-19 Налогового кодекса РФ установлена высокая ставка государственной пошлины в 1000 руб., подлежащей уплате при подаче в суд общей юрисдикции заявления о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда (пп.8 п.1 ст.333-21 – 1000 руб. при подаче аналогичного заявления в арбитражный суд). Полагаем, что данная ставка должна быть снижена.

Вышеизложенное, думается, свидетельствует об определенном «недоверии» к легитимным третейским судам со стороны публичной власти, что в определенной мере препятствует их развитию и косвенно способствует существованию нелегитимных и криминальных третейских судов.

Следует прийти к выводу о необходимости проведения научных исследований в области третейского производства с целью дальнейшего развития процессуального законодательства, а также в сфере деятельности криминальных третейских судов.

Назрела необходимость незамедлительного разрешения отмеченных выше проблем: во-первых – для вытеснения криминальных и нелегитимных третейских судов, во-вторых – для обеспечения гарантированного российским законодательством права хозяйствующих субъектов и физических лиц выбрать форму защиты своих интересов (в том числе альтернативную форму), в-третьих – в связи с предстоящим вступлением России в ВТО, в-четвертых – для укрепления правопорядка и стабильности в российском обществе.

---

¹ Завидов, Б.Д. Комментарий к Федеральному закону «О третейских судах в Российской Федерации» / Б.Д.Завидов. – М., 2003. – С.6; Кох, Х. Международное частное право и сравнительное правоведение / Х.Кох, У.Магнус, Винклер фон Моренфельс ; перевод Ю.М.Юмашева. – М., 2003. – С.60-61; Нешатаева, Т.Н. Международное частное право и международный гражданский процесс : учебный курс : в 3 ч. / Т.Н.Нешатаева. – М., 2004. – С.402-403; Осокина, Г.Л. Гражданский процесс. Общая часть : учебно-методическое пособие / Г.Л.Осокина. – М., 2003. – С.22; Попондопуло, В.Ф. Коммерческое (предпринимательское) право : учебник / В.Ф.Попондопуло. – М., 2005. – С.362-363; Скворцов, О.Ю.Третейское разбирательство предпринимательских споров в России: проблемы, тенденции, перспективы / О.Ю.Скворцов. – М., 2005. – С.617; Арбитражный процесс : учебник / отв. ред. В.В.Ярков. – 2 изд. – М., 2003 – С.771.

² Клеандров, М.И. Экономическое правосудие в России: прошлое, настоящее, будущее / М.И.Клеандров. – М., 2006. – С.184-185, 195-207; Скворцов, О.Ю. Указ. соч. – С.629; Скобликов, П.А. Имущественные споры и криминал в современной России / П.А.Скобликов. – М., 2001. – С.30-31, 70-101, 172-179, 196.

³ Клеандров, М.И. Очерк российского судоустройства: проблемы настоящего и будущего / М.И.Клеандров. – Новосибирск, 1990. – С.110-119.

⁴ Скобликов, П.А. Указ. соч. – С.30-31, 181-182, 303-305.

РИСК СОВЕРШЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ПРОЦЕССЕ НЕДРОПОЛЬЗОВАНИЯ НА УСЛОВИЯХ СОГЛАШЕНИЯ О РАЗДЕЛЕ ПРОДУКЦИИ

Невирко А.Д.

Уральский юридический институт
МВД России

Природные ископаемые являются важным национальным достоянием, от которого зависят процветание государства, благосостояние граждан, экологическое благополучие. Процесс по передаче исключительного права на поиски, разведку и добычу природных ископаемых инвесторам, в том числе и иностранным, должен быть оптимально урегулирован в российском законодательстве. От этого зависит экономическая стабильность как государства, так и отдельных граждан.

До начала 1970-х гг. добывающие компании во всех странах мира привыкли работать на основании исключительных лицензий. (Исключительная лицензия предоставляет держателю право собственности на все природные ископаемые, которые он добудет). Напротив, соглашение о разделе продукции – договорное соглашение, и в качестве такового не дает инвестору никакого законодательно установленного права на добычу природных ископаемых, **а лишь установленное договором право на получение части природных ископаемых** (выделено нами. – *А.Н.*), которая предоставляется инвестору. Различия между соглашением о разделе продукции и исключительной лицензией заключается в том, что оно не наделяет инвестора исключительным правом на добытые природные ископаемые, а предусматривает право на часть от общего количества добытых природных ископаемых.

Концессии (лицензии) и соглашение о разделе продукции являются двумя наиболее распространенными видами соглашений в

нефтегазовой промышленности. Анализ нефтяного законодательства 116 государств, проведенный 1995 г. Barrose Company, показал, что в 52 странах применяются соглашения о разделе продукции, в 62 – концессии (лицензии). При этом в 24 основных нефтедобывающих государствах (с уровнем добычи 30 млн. тонн в год и более) соглашения о разделе продукции применяются в 13 странах, лицензии – в 10.

Многие страны, открывая доступ на свою территорию зарубежным компаниям для ведения поисково-разведочных работ, пришли к решению принять концепцию раздела продукции. Начиная с 1990-х гг. их примеру стали следовать восточноевропейские страны, Российская Федерация, Казахстан и некоторые другие государства-члены СНГ.

В российском праве под соглашением о разделе продукции понимается – договор, в соответствии с которым Российская Федерация предоставляет субъекту предпринимательской деятельности (далее – инвестор) на возмездной основе и на определенный срок исключительные права на поиски, разведку, добычу минерального сырья на участке недр, указанном в соглашении, и на ведение связанных с этим работ, а инвестор обязуется осуществить проведение указанных работ за свой счет и на свой риск.¹ Данное определение дано в п.1 ст.2 ФЗ «О соглашении о разделе продукции». Подобное определение дается И.В.Ершовой и Т.М.Ивановой – договор, в соответствии с которым РФ предоставляет инвестору на возмездной основе и на определенный срок исключительные права на поиски, разведку и добычу минерального сырья на участке недр, указанном в соглашении, и на ведение связанных с этим работ, а инвестор обязуется осуществить проведение указанных работ за свой счет и на свой риск. Соглашение определяет все необходимые условия, связанные с пользованием недрами, в т.ч. условия и порядок раздела произведенной продукции между сторонами соглашения.²

Примерами действующих соглашений о разделе продукции в РФ могут являться проекты:

- «Сахалин-1» (разрабатывают американская ExxonMobil, японский консорциум, индийская ONGS и «Роснефть»);
- «Сахалин-2» (разрабатывают британская Royal Dutch/Shell и два японских концерна);
- «Самотлорское месторождение»;
- «Приразломное нефтяное месторождение»;
- «Ванкорское газонефтяное месторождение» (разрабатывает международный концерн «Тоталь ФинаЭльф»);

– Уватский проект (по Пихтовому, Северо-Демьянскому, Урненскому, Усть-Тегусскому нефтяным месторождениям, Тамаргинско-Северо-Болотному, Кальчинскому, Южно-Пихтовому и Иртышскому перспективным участкам, расположенным на территории Тюменской области) и др.

Осенью 2006 г. разгорелся экологический конфликт вокруг проекта «Сахалин-2». По информации из СМИ, после проверки данного проекта в Генеральную прокуратуру были направлены результаты, в которых содержалась информация о нарушении пяти статей УК РФ.

Некоторые эксперты связали проверку природоохранными ведомствами «Сахалина-2» с дальнейшими планами «Газпрома».

Россия готовится к судебному процессу. В Guardian интервью дал партнер британской адвокатской фирмы *Finer Stephens Innocent* Марк Стефенс, которого российская сторона наняла для участия в судебном процессе против Shell. По его прогнозам, процесс начнется весной 2007 г. Где именно будет проходить суд, адвокат не сказал.

В иностранных СМИ (например, «The Wall Street Journal», «The Washington Post», США) наблюдается волна публикаций, основной идеей которых является устрашение иностранных инвесторов. Запад расценил прессинг в отношении нефтегазового проекта как желание Кремля получить в нем контроль и иллюстрацию ухудшения инвестиционного климата.

Соглашение о разделе продукции является договором гражданско-правового характера. И все споры, соответственно, должны решаться в частноправовой плоскости, то есть в судебном порядке. Однако варварское отношение к экологии (водным, лесным ресурсам) недопустимо. Нарушение в данной области, подпадающее под действие российского уголовного законодательства, безусловно, должно наказываться согласно УК РФ. Становление рыночных отношений, формирование демократического правового государства, развитие инвестиционных отношений объективно требуют создания и изучения системы правовых институтов инвестирования. Но гонка за сверхприбылью и снижение приоритета экологических вопросов недопустимы. Деятельность природоохранных ведомств, направленная на защиту экологии РФ, безусловно, должна присутствовать.

---

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – №1. – Ст.18.

² Ершова, И.В. Предпринимательское право / И.В.Ершова, Т.М.Иванова. – М., 2000.

**НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ
АДМИНИСТРАТИВНОЙ И УГОЛОВНОЙ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ИЗБИРАТЕЛЬНОМ ПРАВЕ:
СООТНОШЕНИЕ СОСТАВОВ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ
СТ.5.16 КОАП РФ И Ч.2. СТ.141 УК РФ**

Пунтус С.А., к.ю.н.

Сибирский юридический институт
МВД России

Как известно, уголовная ответственность наступает за совершение общественно опасных нарушений избирательных прав граждан, законодательства о выборах, причиняющих существенный вред охраняемым законом общественным отношениям в сфере реализации гражданами избирательных прав, организации и проведения выборов.

Уголовная ответственность регламентируется УК РФ, в котором насчитываются 4 статьи, посвященные посягательствам на избирательные права граждан:

1. Статья 141. Воспрепятствование осуществлению избирательных прав или работе избирательных комиссий.

2. Статья 141.1. Нарушение порядка финансирования избирательной кампании кандидата, избирательного объединения, избирательного блока, деятельности инициативной группы по проведению референдума, иной группы участников референдума.

3. Статья 142. Фальсификация избирательных документов, документов референдума.

4. Статья 142.1. Фальсификация итогов голосования.

В целом же данные статьи предусматривают 9 составов преступлений (в то время как в КоАП РФ 33 статьи предусматривают более 40 составов правонарушений). Причем ряд статей КоАП РФ – 5.16 (подкуп избирателей), 5.18 (незаконное использование денежных средств), 5.19 (использование незаконной финансовой поддержки), 5.20 (незаконное финансирование избирательной кампании) и 5.46 (подделка подписей избирателей) – содержат уточнение «... если эти действия не содержат уголовно наказуемого деяния».

Таким образом, очень часто приходится разграничивать составы административных правонарушений и преступлений, так как у них совпадают некоторые признаки. Например, ст.5.1. КоАП РФ предусматривает ответственность за нарушение права гражданина на ознакомление со списком избирателей либо за нерассмотрение в установленный срок заявления о неправильности в списке избирателей. Однако при соответствующих обстоятельствах (прямой

отказ или иные незаконные действия, направленные на создание препятствий для ознакомления со списками избирателей) такие деяния рассматриваются как воспрепятствование осуществлению избирательных прав граждан, то есть как преступления.¹

Постараемся разграничить совпадающие составы преступления, предусмотренного ч.2 ст.141 УК РФ «Воспрепятствование осуществлению избирательных прав или работе избирательных комиссий», и административного правонарушения, предусмотренного ст.5.15 КоАП РФ «Подкуп избирателей, участников референдума либо осуществление в период избирательной кампании, кампании референдума благотворительной деятельности с нарушением законодательства о выборах и референдумах».

Статья 5.16 КоАП РФ гласит: «*Подкуп избирателей, участников референдума* (здесь и далее курсив наш. – С.П.), если эти действия не содержат уголовно наказуемого деяния, либо осуществление благотворительной деятельности с нарушением законодательства о выборах и референдумах – влечет наложение административного штрафа....». Комментируемая статья существенно изменила содержание диспозиции ст.5.16 КоАП РФ, действовавшей до 4 июля 2003 г., – «Вручение избирателям, участникам референдума денежных средств, подарков, иных материальных ценностей, проведение льготной распродажи товаров либо безвозмездное или на льготных условиях предоставление услуг, а равно осуществление благотворительной деятельности с нарушением федерального законодательства о выборах и референдумах...».

Учитывая отсутствие в действующей статье понятия «подкуп», данное деяние ныне сопоставлено с аналогичным понятием УК РФ. Характеристика подкупа содержится в ч.2 ст.56 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», которая под таковым подразумевает: вручение денежных средств, подарков и иных материальных ценностей, кроме как за выполнение организационной работы (за сбор подписей избирателей, участников референдума, агитационную работу); производство вознаграждения избирателей, участников референдума, выполнявших указанную организационную работу, в зависимости от итогов голосования или обещание произвести такое вознаграждение; проведение льготной распродажи товаров, бесплатное распространение любых товаров, за исключением печатных материалов (в том числе иллюстрированных) и значков, специально изготовленных для избирательной кампании, кампании референдума; предоставление услуг безвозмездно или на льготных условиях, а также воздейст-

вованье на избирателей, участников референдума посредством обещаний передачи им денежных средств, ценных бумаг и других материальных благ (в том числе по итогам голосования), оказание услуг иначе чем на основании принимаемых в соответствии с законодательством решений органов государственной власти, органов местного самоуправления.²

Часть 2 ст.141 УК РФ предусматривает ответственность за *«воспрепятствование свободному осуществлению гражданином своих избирательных прав или права на участие в референдуме, нарушение тайны голосования, а также воспрепятствование работе избирательных комиссий, комиссий референдума либо деятельности члена избирательной комиссии, комиссии референдума, связанной с исполнением им своих обязанностей, ... соединенное с подкупом...»*.

Каким же образом разграничивать два этих состава?

1. Главным отличительным признаком уголовно наказуемого деяния является способность служить *реальным и существенным препятствием* в реализации избирательных прав или полномочий членов избирательных комиссий или комиссий референдума. Отдельные факты подкупа единичных избирателей не могут повлиять на итоги голосования и должны расцениваться как административное правонарушение. Масштаб подкупа нужно оценивать исходя из уровня выборов или референдума. Однако правоприменитель не всегда следует данной логике.

Так, жительница деревни Гостилицы Ломоносовского района Ленинградской области Н.С.Городова, вступив в преступную связь с неустановленными следствием лицами, получила от них 1500 рублей для подкупа избирателей в пользу кандидата в депутаты Законодательного Собрания Ленинградской области третьего созыва А.Н.Шаронова. В декабре 2001 г. ей удалось подкупить 16 избирателей, каждому из которых она выплатила по 50 рублей (всего 800) в качестве вознаграждения за голосование в поддержку А.Н.Шаронова. Ее преступные действия были пресечены сотрудниками милиции, которые изъяли оставшиеся 700 рублей, предназначенные для подкупа избирателей. Н.С.Городова признана виновной в совершении преступления, предусмотренного п.п.«а» и «в» ч.2 ст.141 УК РФ.³ В данном случае представляется, что действия Городовой скорее подпадают под действие ст.5.16 КоАП РФ, так как 16 голосов вряд ли бы повлияли на итоговый результат региональных выборов (а вот те же действия на местных (муниципальных) выборах можно смело относить к уголовно наказуемым).

2. Отличием выступает и круг субъектов, нарушающих закон. Субъектом преступления (ч.2 ст.141 УК РФ) является только лишь

физическое лицо, в то время как субъектами правонарушения (ст.5.16 КоАП РФ) – граждане, должностные лица, а также юридические лица.

3. Помимо этого отличительным признаком выступает и круг лиц, «подлежащих» подкупу. Административным правонарушением является подкуп только лишь избирателей и участников референдума. Подкуп члена избирательной комиссии однозначно влечет уголовное наказание (здесь еще нужно учитывать конкуренцию ст.5.6 КоАП РФ – нарушение прав члена избирательной комиссии, комиссии референдума, наблюдателя, иностранного (международного) наблюдателя, доверенного лица или уполномоченного представителя кандидата, избирательного объединения, избирательного блока, члена или уполномоченного представителя инициативной группы по проведению референдума, иной группы участников референдума либо представителя средства массовой информации). Кстати, такой подкуп нужно квалифицировать по совокупности со ст.291 УК РФ – «Дача взятки».

Заместителем прокурора Ставропольского края было возбуждено уголовное дело по ч.2 ст.141 УК РФ по факту воспрепятствования осуществлению избирательных прав, соединенного с подкупом. Основанием послужило то обстоятельство, что 26 января 2003 г. на территории Петровского района Ставропольского края во время проведения дополнительных выборов по избирательному округу №18 группа неустановленных лиц воспрепятствовала осуществлению гражданами избирательных прав, осуществляя подкуп избирателей путем выплаты денег каждому в сумме 50 рублей за голосование в пользу кандидата в депутаты Государственной Думы К. Однако по решению суда было установлено, что жители Петровского района, получившие в день выборов денежное вознаграждение, были оформлены агитаторами кандидата К. и денежное вознаграждение получили за проделанную агитационную работу. Факт обещанного вознаграждения никакого влияния на их волеизъявление при голосовании не оказал.⁴

Одним из возможных вариантов разрешения проблемы разграничения уголовно или административно наказуемого подкупа может служить исключение ст.5.16 из состава КоАП РФ (так, например, произошло со ст.5.2 КоАП РФ (вмешательство в работу избирательной комиссии, комиссии референдума)⁵, которая с соответствующими изменениями включена в ч.3 ст.141 УК РФ). И, соответственно, любой подкуп будет рассматриваться в качестве преступления. Это было бы вполне логично, учитывая, что посяга-

тельство на избирательное право даже одного гражданина можно вполне рассматривать как общественно опасное деяние.

Более того, многие криминологи сходятся во мнении о высокой латентности данного преступления. Понятно, что те финансовые (материальные) средства, которые задействованы в избирательном процессе, рассчитаны на воспрепятствование осуществлению прав не отдельных лиц, а достаточно большого количества избирателей. Поэтому пресечение подкупа одного или нескольких лиц не всегда отражает реальность ситуации.

---

¹ См. подробнее: Шапиев, С.М. Уголовная ответственность за нарушения законодательства о выборах / С.М.Шапиев // Журнал о выборах. – 2006. – №3. – С.2.

² Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации : Федеральный закон от 12 июня 2002 г. №67-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – №24. – Ст.2253.

³ См.: Шапиев, С.М. Уголовная ответственность за подкуп избирателей и нарушение порядка финансирования избирательной кампании / С.М.Шапиев // Журнал о выборах. – 2006. – №4. – С.17.

⁴ См.: Определение Верховного Суда РФ от 17 ноября 2004 г. по делу №19-Г04-8.

⁵ См.: О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» : Федеральный закон от 4 июля 2003 г. №94-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2003. – №27 (Ч.II). – Ст.2708.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ МЕДИЦИНСКОГО ОСВИДЕТЕЛЬСТВОВАНИЯ НА СОСТОЯНИЕ ОПЬЯНЕНИЯ ЛИЦА, В ОТНОШЕНИИ КОТОРОГО ВЕДЕТСЯ ПРОИЗВОДСТВО ПО ДЕЛУ ОБ АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРАВОНАРУШЕНИИ

Шишунова Е.В.

Сибирский юридический институт
МВД России

Богомоллов Н.Н.

Сибирский юридический институт
МВД России

Анализ нормативных правовых актов, практики применения медицинского освидетельствования на состояние опьянения (медицинское освидетельствование) лиц, совершивших администра-

тивные правонарушения, позволил выявить некоторые особенности и проблемы реализации этой меры административно-правового принуждения.

1. *Нормативное основание* (здесь и далее курсив наш. – *Е.Ш.*). Состояние опьянения является квалифицирующим признаком отдельных видов административных правонарушений, включенных не только в гл.12, но также предусмотренных иными главами КоАП РФ (например, ст.ст.20.21, 20.22), а также законами субъектов РФ об административных правонарушениях (например, ч.2 ст.8.6 Закона Красноярского края от 26 апреля 2004 г. «Об административных правонарушениях»). Кроме того, согласно ст.4.3 КоАП РФ совершение административного правонарушения в состоянии опьянения является отягчающим административную ответственность обстоятельством. Однако гл.27 КоАП РФ, в которую включены меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, регламентируются основания, порядок направления и частично порядок проведения медицинского освидетельствования *только лица, которое управляет транспортным средством* (ст.27.12). Вместе с тем право сотрудника милиции *направлять* или доставлять в медицинские учреждения лиц, в отношении которых имеется повод к возбуждению дела об административном правонарушении (очевидно, что имеются в виду не только правонарушения в области дорожного движения), для определения наличия в организме алкоголя или наркотических средств закреплено другим законом – Законом РФ 1991 г. «О милиции» (п.19 ст.11).

Согласно Закону РФ «О милиции» милиция также имеет право *проводить в установленном законом порядке* освидетельствование указанных лиц. Освидетельствование, проведенное сотрудником милиции, не является медицинским. Кроме того, нет закона, который бы устанавливал его порядок. Известно, что процедура проведения медицинского освидетельствования определяется подзаконными актами.

2. *Фактическим основанием* направления лица на медицинское освидетельствование является совершение административного правонарушения либо наличие достаточных оснований полагать, что это лицо находится в состоянии опьянения¹. В числе целого перечня таких достаточных оснований названо «наличие алкоголя в выдыхаемом воздухе, определяемое техническими средствами...». Это положение также косвенным образом подтверждает право сотрудника милиции проводить освидетельствование до направления лица в соответствующее медицинское учреждение

для проведения медицинского освидетельствования на состояние опьянения.

3. *Процессуальное основание.* Об отстранении от управления транспортным средством, а также о направлении на медицинское освидетельствование на состояние опьянения водителя составляется соответствующий протокол (ч.3 ст.27.12 КоАП РФ). Освидетельствование лиц, привлекаемых к административной ответственности за совершение правонарушений, не включенных в гл.12 КоАП РФ, осуществляется по направлениям работников правоохранительных органов (п.4 Временной инструкции Минздрава СССР от 1 сентября 1998 г.).

4. Согласно ч.6 ст.27.12 КоАП РФ *порядок проведения* медицинского освидетельствования водителей определяется Правительством РФ, более детально – нормативными правовыми актами Министерства здравоохранения РФ,² освидетельствование иных лиц в рамках производства по делам об административных правонарушениях регламентируется другим нормативным правовым актом.³

5. До конца не ясно, что следует делать с транспортным средством в случае отстранения водителя от управления им и направления этого водителя на медицинское освидетельствование, поскольку согласно ч.1 ст.27.13 КоАП РФ до устранения причины задержания транспортное средство задерживается при нарушении, предусмотренном ч.1 ст.12.8 КоАП РФ (управление транспортным средством водителем, находящимся в состоянии опьянения). Направление на медицинское освидетельствование водителя, его проведение, оформление результатов – затратная по времени процедура, которая может занять не одни сутки, однако до получения результатов медицинского освидетельствования нельзя определить, будет или нет деяние квалифицироваться по ч.1 ст.12.8 КоАП РФ.

В том числе по этой причине сотрудники ГИБДД в случае выявления фактов управления транспортными средствами водителями в состоянии опьянения находят основания для возбуждения дела об административном правонарушении не по ч.1 ст.12.8, а по ст.12.26 КоАП РФ. Такой подход не решает проблему, поскольку после возбуждения дела по ст.12.26 КоАП РФ не исключается прохождение водителем в специальном медицинском учреждении медицинского освидетельствования без соответствующего протокола самостоятельно. Нередко в этом случае позднее к материалам дела приобщается представленный лицом, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, акт медицинского освидетельствования с заключением об отсутствии у освидетельствованного опьянения.

6. На практике неоднозначно решается вопрос о том, является ли обязательным медицинское освидетельствование на состояние опьянения лиц, совершивших административные правонарушения.

По смыслу ст.27.12 КоАП РФ для водителей транспортных средств, в отношении которых имеются достаточные основания полагать, что они находятся в состоянии опьянения, такое медицинское освидетельствование является *обязательным*.

В отношении иных категорий правонарушителей так утверждать не следует. Эти лица *могут быть* направлены на медицинское освидетельствование. В отношении граждан, привлекаемых к ответственности, например по ст.20.21 КоАП РФ, факт опьянения может быть также удостоверен фельдшером медицинского вытрезвителя (п.4 Инструкции по оказанию медицинской помощи лицам, доставляемым в медицинский вытрезвитель, утвержденной приказом МВД СССР от 30 мая 1985 г. №106).

Итак, к числу документов, в которых закрепляются обстоятельства дела об административных правонарушениях, в данном случае могут относиться: медицинское заключение о результатах освидетельствования на состояние опьянения; протокол о доставлении (помещении) лица в медицинский вытрезвитель, куда вписываются результаты медицинского освидетельствования и указывается степень опьянения; протокол об административном правонарушении; показания потерпевших и свидетелей. К материалам дела можно также приобщить вещественные доказательства, носители видеозаписи поведения, аудиозаписи речи привлекаемых к ответственности лиц. Оценку всех собранных по делу доказательств осуществляет юрисдикционный орган, рассматривающий дело по существу, при этом в соответствии со ст.26.11 КоАП РФ никакое доказательство не имеет заранее установленной юридической силы.

Без сомнения, с принятием КоАП РФ норма, закрепляющая меру в виде медицинского освидетельствования на состояние опьянения, получила развитие, однако и в настоящее время она нуждается в дальнейшем усовершенствовании.

---

¹ Критерии, при наличии которых имеются достаточные основания полагать, что водитель транспортного средства находится в состоянии опьянения и подлежит направлению на медицинское освидетельствование, определены приложением №6 к приказу Минздрава России от 14 июля 2003 г. №308.

² См.: Об утверждении Правил медицинского освидетельствования на состояние опьянения лица, которое управляет транспортным средством, и оформления его результатов : постановление Правительства РФ от 26 декабря 2002 г.; О медицинском освидетельствовании на состояние опьянения : приказ Минздрава России от 14 июля 2003 г. №308.

³ См.: Временная инструкция и Методические указания о порядке медицинского освидетельствования для установления факта употребления алкоголя и состояния опьянения : утв. Минздравом СССР 1 сентября 1988 г. (№06-14/33-14).

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА УПРАВЛЕНИЕ ТРАНСПОРТНЫМ СРЕДСТВОМ ВОДИТЕЛЕМ, НЕ ИМЕЮЩИМ ПРИ СЕБЕ ДОКУМЕНТОВ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ ПРАВИЛАМИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ (Ч.1 СТ.12.3 КОАП РФ)

Иванов А.Ю., к.филос.н.
Сибирский юридический институт
МВД России

Одним из распространенных административных правонарушений в области безопасности дорожного движения является управление транспортным средством водителем, не имеющим при себе документов на право управления им, регистрационных документов на транспортное средство, страхового полиса обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортного средства, а равно документов, подтверждающих право владения, пользования или распоряжения управляемым им транспортным средством в отсутствие его владельца.

С учетом ежегодного увеличения транспортных средств в Сибирском регионе возрастает и число преступлений, совершаемых с использованием транспортных средств. Таким образом, своевременное привлечение к административной ответственности водителей по ч.1 ст.12.3 КоАП РФ является эффективной мерой, направленной на профилактику преступлений в Сибирском регионе.

Объектом данного правонарушения являются правила эксплуатации транспортных средств. С объективной стороны деяние, предусмотренное ч.1 ст.12.3 КоАП РФ, заключается в невыполнении п.2.1.1. Правил дорожного движения (далее – ПДД), утвержденных постановлением Совета Министров – Правительства РФ от 23 октября 1993 г. №1090 (в ред. от 28 февраля 2006 г. №109).

В соответствии с п.2.1.1 ПДД водитель механического транспортного средства обязан иметь при себе и по требованию сотрудников милиции предъявлять им для проверки:

- водительское удостоверение и временное разрешение на право управления транспортным средством;
- регистрационные документы и талон о прохождении государственного технического осмотра на транспортное средство, а при наличии прицепа – и на прицеп;
- документ, подтверждающий право владения, или пользования, или распоряжения данным транспортным средством, в случае управления транспортным средством в отсутствие его владельца;
- страховой полис обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортного средства;
- в установленных случаях путевой лист и документы на перевозимый груз, а при перевозке крупногабаритных, тяжеловесных и опасных грузов – документы, предусмотренные правилами перевозки этих грузов.

Одной из существенных проблем при квалификации административных правонарушений по ч.1 ст.12.3 является разграничение со ст.12.1 (Управление транспортным средством, не зарегистрированным в установленном порядке), ст.12.7 (Управление транспортным средством водителем, не имеющим права управления транспортным средством), ст.12.37 (Несоблюдение требований об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств) КоАП РФ. В отдельных случаях возникают сложности в их разграничении и зачастую не по умыслу водителей. С субъективной стороны данное правонарушение может быть совершено как умышленно, так и по неосторожности. Субъектом данного правонарушения является водитель транспортного средства.

В соответствии с изменениями, вступившими в силу с 1 января 2006 г., водитель транспортного средства обязан иметь при себе и по требованию сотрудника милиции предъявить для проверки талон о прохождении государственного технического осмотра на транспортное средство и прицеп. Отсутствие у водителей указанных документов должно квалифицироваться по ч.1 ст.12.3 КоАП РФ. Но при этом допускается исключение. Без прохождения государственного технического осмотра эксплуатация транспортного средства после регистрации в Госавтоинспекции или иных органах, определяемых Правительством РФ, допускается в течение 30 суток. В случае возникновения непредвиденных обстоятельств (болезнь, командировка и др.) этот срок может продлеваться при условии предъявления документов, подтверждающих указанные обстоятельства.

Отсутствие у водителей регистрационных документов (свидетельство о регистрации документов, ТРАНЗИТ) должно квалифицироваться по ч.1 ст.12.3 КоАП РФ. Следует отметить, что часто возникают ситуации, когда транспортные средства по объективным причинам не могут быть зарегистрированы водителями (собственниками) в течение действия срока транзитных номеров или в течение пяти суток после приобретения транспортного средства.

Например, при попытке регистрации установлен дефект (опечатка) в документах, транспортное средство не регистрируют. Номер двигателя транспортного средства не соответствует номеру, указанному в ПТС. Данные опечатки являются распространенными ситуациями, которые приводят к таким негативным последствиям, как задержание транспортного средства и помещение его на специальную стоянку.

Вины лица нет в том, что водитель не зарегистрировал в установленном порядке транспортное средство, на руки водителю выдается акт технического осмотра с указанием дефектов и несоответствий, срок действия которого – всего 20 дней. Таким образом, с одной стороны, ответственность не должна наступать по ст.12.1 КоАП РФ, но, с другой – наступает по ч.1 ст.12.3 КоАП РФ, так как нет регистрационных документов на транспортное средство. Процесс исправления опечаток в ПТС может длиться неделями, а в отдельных случаях – и месяцами. Например, если транспортное средство было ввезено через таможенную г. Владивостока и при подготовке ПТС была допущена опечатка, ее исправление возможно только в этой же таможне. Необходимо внести изменения в базу данных электронных копий таможенных деклараций в г. Владивостоке. На самом бланке ПТС необходимо поставить печать с указанием о внесенных изменениях. Но, как известно, многие японские транспортные средства вывозят в различные регионы Российской Федерации с целью продажи. Покупатели добросовестно пытаются зарегистрировать автомобили, а сотрудники милиции, обнаружив опечатку в документах, рекомендуют ехать в г. Владивосток для ее устранения. Для того чтобы внести изменения в ПТС, необходимо все документы на транспортное средство отправить в соответствующую таможенную (ПТС, справка-счет, акт технического осмотра). В таком случае эксплуатировать транспортное средство нельзя, так как нет документов. Сотрудники ДПС, остановив транспортное средство, не зарегистрированное в установленном порядке, а в дальнейшем и установив, что водитель не может подтвердить и право собственности, так как документы отправлены во Владивостокскую таможенную, фактически обязаны будут задержать

и поместить транспортное средство на специальную стоянку до устранения причины задержания.

Таким образом, управление транспортным средством без соответствующих документов влечет негативные последствия как для водителя, так и для сотрудников милиции. Для водителя – это административная ответственность в виде штрафа, задержание и возможное помещение транспортного средства на специальную стоянку, что является платной услугой. Для сотрудников ДПС данное правонарушение не является основой, по которой необходимо акцентированно работать, но приходится, поскольку обязанности, а это отнимает время от пресечения более серьезных правонарушений, так как должностные лица ОВД, в соответствии с приказом МВД России от 2 июня 2005 г. №444, составляют протоколы и рассматривают дела о правонарушениях, предусмотренных ч.1 ст.12.3 КоАП РФ (см. ст. 23.3 КоАП РФ). В случае если возникли трудности с регистрацией транспортного средства, в частности по причине опечатки в ПТС, необходимо получить акт технического осмотра, в котором указывается несоответствие номеров в ПТС с номерами на кузове или двигателе автомобиля. Но так как срок действия акта всего 20 дней, то в течение этого срока необходимо внести изменения в ПТС, а транспортное средство не эксплуатировать. При этом желательно сделать копии с документов на транспортное средство и нотариально заверить на случай утери оригиналов либо угона транспортного средства.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОВД С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ И СМИ

Тимко С.А., к.ю.н.

Омская академия МВД России

Одним из актуальных направлений деятельности органов внутренних дел является профилактика и предупреждение преступлений. Эффективность этой деятельности прямо влияет на уровень и структуру преступности, а также авторитет милиции в социальной среде. Профилактическая работа осуществляется в непосредственном взаимодействии с населением, его формированиями и масс-медиа.¹

В целях совершенствования форм взаимодействия органов внутренних дел со средствами массовой информации, обеспечения объективного и оперативного освещения деятельности милиции и

поддержания более тесных связей с общественными формированиями представляется целесообразным:

– службам ОВД (участковым уполномоченным милиции, подразделениям по делам несовершеннолетних, патрульно-постовой службе, Государственной инспекции безопасности дорожного движения, подразделениям вневедомственной охраны) активнее использовать средства наглядной агитации. Распространять бесплатные буклеты, брошюры о работе, а также рекомендации по поведению в экстремальной ситуации;²

– проводить мероприятия по повышению правовой грамотности населения.

Пресс-службам ОВД активнее использовать возможности средств массовой коммуникации, чтобы предоставлять гражданам рекомендации, как не стать жертвой преступников, куда обратиться и как правильно себя вести в случае возникновения экстремальной ситуации. При этом важно учитывать факторы сезонности, распространенность тех или иных преступлений и пр.;

– одним из приоритетных направлений деятельности милиции нужно считать установление связи с детьми и молодежью. Участковым уполномоченным милиции, сотрудникам подразделений по делам несовершеннолетних необходимо посещать детские образовательные учреждения, объясняя роль милиции; как дети должны защищать себя и других; их права и обязанности. Все это поможет им утвердиться в качестве граждан общества, установить контакты с сотрудниками, убедиться в заинтересованности последних судьбой ребят.

Сотрудникам ПДН, следствия, участковым уполномоченным совместно с психологами и педагогами нужно разработать рекомендации для детей по соблюдению правил безопасности для работы в детских садах и начальной школе.

Кроме того, отдельные памятки для детей по соблюдению правил безопасности следует расположить в школах, детских поликлиниках, больницах и других местах массового скопления детей;

– сотрудникам отдельных служб (ПДН, ГИБДД и пр.) принимать участие в воспитательно-развлекательной работе с детьми в летнее время. В первую очередь, ее возможно реализовать посредством посещения школьных и оздоровительных лагерей. Целесообразно проводить занятия, инструктируя детей по вопросам личной безопасности, по правилам дорожного движения, знакомить с работой милиции;

– начальникам органов внутренних дел, их заместителям в конце месяца в помещении подразделения проводить встречи с на-

селением округа. На этих встречах они смогут ответить на вопросы граждан, выслушать их жалобы и претензии и решить другие местные проблемы. Важно предпринять меры по информированию населения о времени и месте таких встреч (для этого можно привлечь представителей КТОСов или СМИ). Указанное мероприятие позволит доводить до руководства и информацию о непрофессионализме отдельных сотрудников. Это особенно актуально в силу того, что среди негативных черт сотрудников милиции опрошенные нами граждане указали на появление сотрудников в нетрезвом виде (27%), грубость (21%), на использование ими служебного положения в личных целях (19%). Встречались также жестокость, безразличие, попытки исказить факты или фальсифицировать материалы.

По результатам опроса общественного мнения, на сегодняшний день участковые находятся на одном из ведущих мест по количеству негативных оценок со стороны населения.³ Чаще всего в силу того, что профессиональная деятельность большинства из них оставляет желать лучшего. Поэтому особая роль здесь должна быть отведена руководству подразделений. Важно обеспечить качественное исполнение служебных обязанностей участковыми, стимулировать их работу, развивать инициативность.

Целесообразно предоставлять участковым уполномоченным квартиры в районе их служебной деятельности, чтобы граждане могли обратиться к ним в нерабочее время.

Участковые должны чаще и в вечернее, и в дневное время проходить по своему участку и общаться с людьми. Большое число жителей будут знать их лично, видеть небезразличное отношение, активную работу, в то же время сотрудники будут знакомиться с жителями;

– участковым уполномоченным милиции во время посещения жилых домов, торговых и других предприятий, организаций на обслуживаемой территории необходимо проверять знания населения о мерах безопасности, предоставлять рекомендации по усилению их неуязвимости в криминальном плане (укрепление фасадов, установка решеток и сигнализации, установление скрытых камер, принятие в штат охранника и пр.), также давать рекомендации жителям города относительно того, что им следует и что не следует делать, если их обокрали, ограбили и т.п.;

– на основе анализа криминогенных точек, проведенного участковыми уполномоченными милиции относительно своей территории, целесообразно установление ими связи с компанией по электроснабжению, чтобы добиться улучшения освещения мест

стоянки автотранспорта, вокруг обычных пешеходных дорожек и спортивных площадок и пр. территорий, где данный фактор выступает детерминантом совершения противоправных деяний;

– участковым уполномоченным во время предусмотренных приказом МВД России от 16 сентября 2002 г. №900 «О мерах по совершенствованию деятельности участковых уполномоченных милиции» поквартирных (подворных) обходов административных участков проводить устный и письменный опросы жителей о существующих проблемах, удовлетворенности работой участковых, необходимых мероприятиях по повышению качества этой работы. Возможно привлечение для этого и старших по домам;

– на базе учебных заведений системы МВД России при кафедрах боевой и физической подготовки целесообразно создать спортивные секции, где бы дети могли заниматься бесплатно. В определенной мере это позволило бы снизить преступность несовершеннолетних, обеспечить более качественный подбор ребят для поступления в эти учебные заведения, повысить престиж службы в ОВД, а также авторитет последних;

– руководству УВД целесообразно решить вопрос о привлечении к охране общественного порядка казачьих формирований;

– в общественных местах, частном секторе значительный профилактический эффект может иметь патрулирование верхом на лошадях;

– оперативно сообщать в СМИ о возбужденных уголовных делах по преступлениям, вызвавшим повышенный общественный интерес, ходе, результатах их расследования и понесенном преступником наказании, а также о проверках, в процессе которых были вскрыты грубые нарушения законности, о возмещенном ущербе, причиненном как государственным интересам, так и отдельным гражданам. Информация должна быть оперативной, сбалансированной. Эксперименты, проведенные психологами, доказали, что сформулировать отношение к событию легче тому, кто первый узнал о нем, ибо первичное восприятие обладает относительно большей стойкостью, чем последующее. Запаздывание информации по официальному каналу заставляет человека обращаться к иному источнику, который может придать актуальному факту или событию нежелательную окраску, навязать чужую идею или взгляд;

– пресс-службам ОВД шире практиковать подготовку совместно с корреспондентами информационных агентств, журналистами, репортерами материалов, статей, интервью, теле-, радиопередач, специальных репортажей и т.д., рассказывающих о мерах,

предпринимаемых органами внутренних дел по борьбе с противоправными деяниями, поскольку «...ни одно сколько-нибудь значительное начинание не может быть успешным без соответствующей поддержки массовой коммуникации, ключевым звеном которой являются средства массовой информации»⁴;

– при пресс-службе УВД создать курсы, на которых аккредитованные корреспонденты, например в течение недели, знакомились бы со спецификой деятельности милиции, желаемыми результатами подобной совместной деятельности;

– четко организовать ПР-деятельность⁵. «Паблик рилейшнз» сегодня является весьма разработанным и перспективным направлением социальной деятельности. Мы должны максимально полно использовать эти возможности. В штабе УВД должен работать сотрудник со специальным образованием, формирующий стратегию и координирующий эту деятельность;

– на сайте УВД располагать последнюю информацию о деятельности милиции, серьезных преступлениях, совершенных в тех или иных районах города, о средствах и методах обеспечения личной безопасности и сохранности своего имущества и пр. Информировать граждан о предстоящих судебных разбирательствах; о программах, осуществляемых органами внутренних дел; о кампании, проводимой милицией по обеспечению безопасности школьников;

– сближению милиции и населения в рамках неформального общения может способствовать проведение соревнований между сотрудниками ОВД и гражданскими лицами. Это могут быть игры в волейбол, футбол между служащими и преподавателями высших, средних учебных заведений, школ или родителями школьников, учащимися старших классов или других учебных заведений.

Представленный перечень мероприятий, безусловно, не является исчерпывающим. Однако их осуществление облегчит противодействие противоправным деяниям, будет способствовать формированию позитивного общественного мнения о сотрудниках органов внутренних дел и их деятельности.

---

¹ *Масс-медиа* – средства массовой информации (пресса, телевидение, радио и т.п.). См.: Большой толковый словарь русского языка. – СПб., 1998. – С.523.

² Такая практика в Великобритании уже дала позитивные результаты. В Омске показателен опыт ГИБДД – выпуск учебников для начальной школы «Я и дорога», установка рекламных щитов вдоль дорог и др.

³ Каждый пятый опрошенный омич высказался негативно об их работе.

⁴ Тавокин, Е.П. СМИ как фактор информации по обеспечению реформ / Е.П.Тавокин // Социологические исследования. – 2005. – №10. – С.100.

⁵ «*ПР*» традиционно понимается как деятельность, направленная на оптимизацию отношений между организацией и общественностью, а также между членами самой организации посредством эффективной системы информации и коммуникаций. Подробнее см.: Пашенцев, Е.Н. Связи с общественностью: мировая практика и современная Россия / Е.Н.Пашенцев. – М., 2000.

ПРОФИЛАКТИКА КРИМИНАЛЬНОЙ АГРЕССИИ ПОДРОСТКОВ В УСЛОВИЯХ ПРОФИЛЬНОЙ ОБОРОННО-СПОРТИВНОЙ ПОДГОТОВКИ

Шевцов В.В., к.п.н., профессор
Тюменский юридический институт
МВД России

Шевцов А.В.
Тюменский юридический институт
МВД России

Актуальность профилактики агрессивного поведения подростков обусловлена, в частности, ростом подростковой преступности, связанной с проявлением криминальной агрессии, недостаточной изученностью влияния специально организованного учебно-воспитательного процесса на формирование социально значимых свойств и качеств личности, снижающих вероятность агрессивного поведения юношей, необходимостью выявления лиц, имеющих склонность к агрессивному поведению.

В настоящее время на юге Тюменской области функционируют 128 классов оборонно-спортивного профиля, общей численностью более 2500 учащихся 14-17-летнего возраста.

В результате социологических исследований выявлен социальный состав учащихся профильных классов: из малообеспеченных семей – 51%, из неполных семей – 32%, дети-сироты – 0,4%, из неблагополучных семей – 23% (алкогольной – 15%, аморальной – 5%, криминальной – 3%). Как показывает социальный состав, значительное количество учащихся профильных классов могут быть отнесены к трудным (педагогически запущенным) подросткам. Действительно, более 37% из них – это учащиеся с девиантным поведением (физическая и вербальная агрессия, употребление спиртных напитков, наркомания, хулиганство, половая распущенность и т.д.). Многие учащиеся являются членами неформальных групп с асоциальной направленностью.

Психическое состояние учащихся профильных классов характеризуется высоким уровнем ситуативной тревожности (48,2%), вышесредним уровнем стрессоустойчивости (59,9%), агрессивности (39,8%) и ригидности (41,2%), средним уровнем фрустрированности (36,4%) и личностной тревожности (31,3%).

Для проверки валидности эмпирически установленных комплексов психических состояний и свойств личности, пригодных для дифференцированной экспертной оценки лиц с фактором риска криминальной агрессии, был проведен корреляционный анализ показателей, характеризующих степень выраженности психических состояний обследованных лиц.

На основе материалов литературных источников и результатов собственных исследований первым, наиболее значимым фактором риска агрессивного поведения является фактор эмоционально-волевой устойчивости, в который вошли показатели волевых (стрессоустойчивость) и эмоциональных (ситуативная и личностная тревожность) характеристик.

Этот фактор характеризует способность к самоконтролю, склонность субъекта регулировать, сдерживать непосредственные побуждения, принимать на себя ответственность за последствия своих действий.

Второй по значимости фактор – «фактор агрессивности». Именно он отражает агрессивно-конфронтационный стиль личностного взаимодействия.

Третий фактор, в который вошли фрустрированность и ригидность, определяет способность субъекта адаптироваться к конкретной, в том числе в конфликтной, ситуации, определяет «репертуар коммуникативных стратегий».

В конечном итоге взаимовлияние и различное соотношение вкладов указанных факторов, степени их проявления детерминируют агрессивное поведение, а также определяют характер и специфику деформации механизмов саморегуляции.

Корреляционный и факторный анализы позволили сделать предположение о наличии психологического симптомокомплекса агрессивного поведения. Этот симптомокомплекс включает: низкий уровень стрессоустойчивости, высокие уровни агрессивности, личностной тревожности, фрустрированности и ригидности.

Психологический симптомокомплекс (фактор риска) выявлен у 2,4% учащихся. На основе выявленного психологического симптомокомплекса оценки учащихся профильных классов были распределены на три группы: неудовлетворительного – высокоагрессивного поведения (1 группа – 7%, из них 5% – дезадаптивного и

2% адаптивного типа), удовлетворительного – среднеагрессивного поведения (2 группа – 53%) и хорошего – низкоагрессивного поведения (3 группа – 40%).

Система формирования военно-профессиональной пригодности учащихся оборонно-спортивного профиля включает три подсистемы: концептуальные основы (цель, задачи, принципы), процесс формирования военно-профессиональной пригодности (военно-патриотическое воспитание, военно-профессиональная ориентация, основы военного законодательства, военная история отечества, тактическая, огневая, строевая, физическая и военно-медицинская подготовка, 14-дневный учебно-полевой сбор), управление процессом формирования военно-профессиональной пригодности (педагогический и психологический мониторинг, военно-профессиональный отбор).

Программа воспитания включала:

1. Духовное совершенствование (нравственное самосознание, формирование социально адекватной «Я-концепции», осознание места в социуме, смысла жизни, развитие способности к эмпатии, рефлексии, диалогу, толерантности и т.д.).

2. Психическое совершенствование (способность к самоанализу, самооценке, волевой регуляции своих действий, поступков, поведения в целом и т.д.).

3. Физическое совершенствование (формирование физической культуры личности, оптимизация физического состояния).

Реализация программы воспитания осуществлялась на основе взаимосвязанных и взаимообусловленных подходов: личностно-ориентированного, гуманистического, ценностных отношений.

В целом программа предусматривала создание благоприятной, позитивной микросреды в противовес негативным внешнесредовым влияниям.

Таким образом, показатели психического состояния свидетельствуют о высокой напряженности психической сферы учащихся профильных классов.

Методика выявления психологического симптомокомплекса (фактора риска) агрессивного поведения может служить основной для диагностики, прогнозирования, психопрофилактики агрессивного поведения учащихся в различных типах образовательных учреждений. Точность прогноза отнесения того или иного лица к группе агрессивного поведения с использованием данной методики составляет 75-80%. При этом необходимо отметить, что 16,4% респондентов имеют высокий уровень агрессивности и низкий уровень стрессоустойчивости, а значит, их можно квалифициро-

вать как повышенную группу риска в отношении возможного перерастания агрессивности в агрессию.

За двухлетний срок обучения в профильных классах оборонно-спортивной подготовки от 50 до 80% учащихся преодолевают негативные установки – созданная учебно-воспитательная микро-среда способствует формированию нравственно-этических привычек, социально одобренных норм поведения.

ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНФОРМАЦИИ О КРИМИНАЛЬНОМ ПРОШЛОМ

Франскевич М.П.

Хакасский государственный университет им. Н.Ф.Катанова

Преступление является главным критерием (показателем) общественной опасности личности. Информация о нем лежит в основе решения вопросов о применении мер уголовно-правового и профилактического воздействия. Практически всю оставшуюся жизнь сведения о совершенном преступлении используются для характеристики его личности, а также в качестве материальных (фактических) оснований для применения мер безопасности, например для запрета на некоторые профессии.

Такой подход подвергается критике со стороны некоторых криминологов и правозащитников: использование сведений о криминальном прошлом после погашения или снятия судимости якобы препятствует нормальной ресоциализации и необоснованно нарушает права и свободы личности. Однако в последнее время побеждает здравый смысл. Ограничения, связанные с преступным прошлым, характерны не только для российской правовой системы. Они применяются во всех странах.¹ Другое дело (и с этим трудно не согласиться), что в российском правоведении отсутствует целостная концепция, определяющая объем, пределы и сроки использования информации о криминальном прошлом, а действующее законодательство с большими пробелами регламентирует режим сбора, хранения, передачи и использования этой информации.

Хотя прямое указание о конфиденциальности сведений о криминальном прошлом отсутствует, толкование действующего законодательства позволяет отнести их к таковым. В соответствии со ст.2 Федерального закона от 20 февраля 1995 г. №24-ФЗ (ред. от 10 января 2003 г.) «Об информации, информатизации и защите

информации» информация о гражданах (персональные данные) – это сведения о фактах, событиях и обстоятельствах жизни гражданина, позволяющие идентифицировать его личность. Конфиденциальной информацией является документированная информация, доступ к которой ограничивается в соответствии с законодательством РФ. Кроме того, перечень сведений конфиденциального характера содержит в себе Указ Президента РФ от 6 марта 1997 г. (ред. от 23 сентября 2005 г.) «Об утверждении перечня сведений конфиденциального характера». Согласно данному Указу одними из таких сведений являются сведения о фактах, событиях и обстоятельствах частной жизни гражданина, позволяющие идентифицировать его как личность (персональные данные), за исключением сведений, подлежащих распространению в СМИ в установленных Федеральным законом случаях.

Сведения о криминальном прошлом лица находятся в Главном информационно-аналитическом центре МВД России (далее – ГИАЦ МВД России). Учет осуществляется в виде двух параллельных и взаимосвязанных картотек: алфавитной (пофамильной) и дактилоскопической. Алфавитная картотека более обширна. В ней, наряду с демографическими данными, приведены данные о судимостях лица, арестах, задержаниях и т.п., указана дактилоскопическая формула, имеется отпечаток указательного пальца правой руки. Проверка по алфавитной (пофамильной) картотеке позволяет в необходимых случаях получить сведения о прежних судимостях, арестах и задержаниях проверяемых лиц; об изменении приговора, о применении амнистии или помилования; времени и месте отбывания наказания, нахождении лица в местном или федеральном розыске и др.

Порядок выдачи справок гражданам о наличии (отсутствии) у них судимости регулируется Инструкцией «О порядке предоставления гражданам справок о наличии (отсутствии) у них судимости», утвержденной приказом МВД России от 1 ноября 2001 г. №965 (в ред. приказа МВД России от 17 ноября 2005 г. №939). В соответствии с этой Инструкцией непосредственное исполнение заявлений о предоставлении заявителям справок о наличии (отсутствии) у них судимости на территории Российской Федерации осуществляется ГИАЦ МВД России и информационными центрами МВД, ГУВД, УВД.

Заявление о предоставлении справок о наличии (отсутствии) судимости должно содержать следующие сведения: фамилия, имя, отчество, число, месяц и год рождения, место рождения, граждан-

ство и адрес места жительства (места пребывания) заявителя на территории Российской Федерации.

Заявление, содержащее указанные сведения, принимается на личном приеме граждан в ГИАЦ МВД России и в МВД, ГУВД, УВД при предъявлении паспорта (иного документа, удостоверяющего личность). При невозможности личного присутствия с заявлением по вопросу предоставления справки о наличии (отсутствии) судимости у гражданина на личном приеме может обратиться уполномоченное им лицо при наличии доверенности либо ее копии на право получения указанной справки, выданной в установленном законодательством Российской Федерации порядке.

При установлении в отношении заявителя сведений об осуждении за совершение деяний, признаваемых преступлением Уголовным кодексом Российской Федерации, информация анализируется с учетом положений ст.ст.84, 85, 86 и 95 Уголовного кодекса Российской Федерации на предмет ее погашения или снятия. При наличии неснятой или непогашенной судимости ответ заявителю должен содержать следующие сведения: фамилия, имя, отчество, дата и место рождения лица, в отношении которого проводилась проверка, дата осуждения, наименование суда, вынесшего приговор, номер статьи, на основании которой он был осужден, вид наказания, дата освобождения.

Справки оформляются на разных бланках, в зависимости от того, отсутствуют сведения о судимости или судимость не снята и не погашена, визируются исполнителями и представляются руководству ГИАЦ МВД России, МВД, ГУВД, УВД на подпись. Подписанные справки заверяются гербовой печатью.

В случае установления факта привлечения проверяемого лица к уголовной ответственности или нахождения его в розыске за совершение преступления в графе «Дополнительная информация» справки о наличии (отсутствии) судимости дополнительно указывается следующая информация: дата возбуждения уголовного дела или объявления в розыск, орган, принявший такое решение, а также номер статьи Уголовного кодекса Российской Федерации, на основании которой проверяемое лицо привлекается к уголовной ответственности. При отсутствии указанной выше информации в графе «Дополнительная информация» делается отметка «не имеется».

Справки о наличии (отсутствии) судимости предоставляются заявителю на личном приеме сотрудниками, осуществляющими прием граждан, под роспись при предъявлении паспорта или уполномоченному заявителем лицу при наличии доверенности, выданной в установленном законодательством РФ порядке.

Как видим, большинство положений, регламентирующих порядок сбора, хранения и выдачи информации о криминальном прошлом, уже зарегламентированы, но, к сожалению, в ведомственных нормативных актах. Поскольку речь в данном случае идет о защите персональных данных, представляется правильным принципы отношений, возникающих в связи с режимом информации о криминальном прошлом, урегулировать в федеральном законе, который наряду с общими правилами должен содержать ответственность субъектов возникающих при этом правоотношений.

---

¹ См., например: Щедрин, Н.В. Свидетельство о благонадежности как элемент системы криминологической безопасности: опыт немецкого законодателя / Н.В.Щедрин, О.А.Егорова // Сибирский криминологический журнал. – 2006. – №2 – С.36-41.

СОВРЕМЕННЫЙ ТЕРРОРИЗМ

Губайдуллин Р.М.
Сибирский юридический институт
МВД России

Терроризм уже приобрел международный, глобальный характер. Еще сравнительно недавно о терроризме можно было говорить как о локальном явлении.

Террористическая деятельность в современных условиях характеризуется: широким размахом, наличием связи и взаимодействием с международными террористическими центрами и организациями; жесткой организационной структурой, состоящей из руководящего и оперативного звеньев, подразделений разведки и контрразведки, материально-технического обеспечения, боевых групп и прикрытия; жесткой конспирацией и тщательным отбором кадров; наличием агентуры в правоохранительных и государственных органах; хорошим техническим оснащением, конкурирующим, а то и превосходящим оснащение подразделений правительственных войск; наличием разветвленной сети конспиративных укрытий, учебных баз и полигонов. Характерно, что, получая в свои руки современные средства ведения информационной войны, международный терроризм навязывает народам свои идеи и свои оценки ситуации, широко и небезуспешно решает мобилизационные задачи по привлечению в свои ряды молодежи, не говоря уже о профессиональных наемниках.

На сегодня терроризм – это уже не только и не столько диверсанты-одиночки, угонщики самолетов и убийцы-камикадзе. Современный терроризм – это мощные структуры с соответствующим их масштабам оснащением.

Важной особенностью современного терроризма, которая должна оставаться в поле зрения экспертов и аналитиков по данной проблематике, является то, что он стал серьезным фактором инициирования и формирования очагов военной опасности и милитаризации ситуации в ряде регионов мира.

Условиями успешной антитеррористической стратегии, с нашей точки зрения, являются: упреждающий характер действий; активность; соответствие задач, полномочий и ресурсного обеспечения; вариативность, наличие различных моделей антитеррористической деятельности в зависимости от решения задач по предупреждению, пресечению, реагированию и смягчению последствий; обеспечение единства в действиях в международном, межгосударственном и государственном масштабах, а также в аспекте объединения усилий ведомств на основе четкого размежевания компетенции органов федерального, регионального и местного уровней; дифференциация задач, форм и содержания антитеррористической деятельности в обычной, чрезвычайной обстановке, при ведении боевых действий.

Разработке подлежат следующие проблемные ситуации: компетенция ветвей власти, пределы ограничения прав и свобод в условиях чрезвычайной обстановки; режим деятельности представителей СМИ; обеспечение безопасности населения; принципы переговоров (ограничение участия высших лиц, характер и пределы возможных уступок, вопрос о правовой силе данных обещаний и т.д.); принципы применения силы и психологического давления (через соучастников, единомышленников, близких и родных, допустимость «контрзаложничества»); надзор и контроль за законностью, статус сотрудников, внедренных к террористам; оценка допустимых пределов применения силы, оружия и спецсредств.

Представляется необходимым разделить ответственность по проведению контртеррористических операций между ФСБ, МВД, МО, ФПС в зависимости от объекта террористической акции и ее целей. Освобождение заложников, скорее всего, входит в компетенцию местного УВД, а при захвате, например атомной станции или другого подобного объекта, может потребоваться вмешательство и ФСБ, и МО, и МВД.

Для борьбы с терроризмом необходимо сформировать четкую управленческую структуру, возможно, с заместителем Председа-

теля Правительства РФ во главе, в которую могут входить руководители силовых министерств в зависимости от объекта воздействия террористов, в субъекте Федерации – заместитель Председателя Правительства республики либо главы администрации области и руководители силовых ведомств. Необходимость привлечения дополнительных сил и средств из других ведомств определяется в зависимости от характера захваченного террористами объекта, степени и формы угрозы. Правоохранительные органы должны осуществлять ряд мероприятий, направленных на выявление фактов незаконной продажи огнестрельного оружия, боеприпасов, ОВ, сильнодействующих препаратов. В этих же целях, безусловно, полезны предпринимаемые государством меры по усилению охраны наиболее важных государственных объектов (вокзалов, аэропортов, коммуникаций), огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ. Важно усилить охрану складов с вооружением в воинских частях, которые наиболее часто становятся объектом нападения со стороны преступников с целью завладения огнестрельным оружием и боеприпасами.

Для эффективной борьбы с терроризмом, как представляется, необходим системный подход к организации антитеррористической деятельности на государственном уровне. Имеющееся в государстве достаточное количество специализированных структур можно назвать подготовленными к борьбе с терроризмом лишь условно, поскольку они в большей степени сориентированы на проведение силовых акций, когда преступление уже совершено. Между тем борьба с терроризмом – это, прежде всего, заблаговременная оперативная работа, позволяющая выявлять террористические организации на стадии возникновения, а террористические акты пресекать на стадии планирования и подготовки. То, что происходит сейчас у нас в стране в борьбе с терроризмом (создание мощных подразделений ОМОН, СОБР, спецназа и их привлечение к ликвидации террористических формирований), напоминает борьбу с бандформированиями после ВОВ в Западной Украине и на территории Прибалтики, когда для ликвидации бандитизма приходилось проводить чекистско-войсковые операции. Нечто похожее происходит в настоящее время в Чечне, чуть ранее происходило в Дагестане, других регионах Кавказа, в ряде стран СНГ.

Для повышения эффективности предупредительных мер Министерству иностранных дел РФ (совместно с МВД РФ, ФСБ РФ) необходимо предоставить полномочия депортировать из России иностранных граждан, причастных к деятельности террористических организаций. Следует ужесточить меры и строго наказывать

(вплоть до вынесения высшей меры наказания – расстрела) за косвенное участие в террористических актах.

Таким образом, следует констатировать, что проблема терроризма в России не только существует, но и ежегодно обостряется, а это связано с обеспечением национальной безопасности страны в целом. И решаться она должна на самом высоком государственном уровне.

ТЕРРОРИЗМ – УГРОЗА ЛИЧНОСТИ, ОБЩЕСТВУ, ГОСУДАРСТВУ

Сергеев С.И.
Сибирский юридический институт
МВД России

Проблема терроризма обрела особое значение в силу его глобализации, а следовательно, и роста масштабов угрозы. России, рассматриваемой в этом контексте, принадлежит весьма значительное место, как в прошлом, так и в настоящем. В советский период терроризм как массовое явление был подавлен. Поэтому еще совсем недавно у нас он воспринимался как нечто инородное.

Складывающаяся в наши дни криминогенная ситуация заставляет вновь говорить о терроризме как важнейшей составляющей общественного бытия.

Серьезными причинами, порождающими терроризм, стали: криминализация общества; стремление организованной преступности прорваться к рычагам власти, причем достижение этих целей зачастую осуществляется и с применением методов террора; высокая степень коррумпированности властных структур, порождающая возможность использования в политическом противоборстве чисто криминальные методы борьбы в духе мафиозных разборок.

Терроризм по своей сути является сложным социально-политическим явлением, аккумулирует в себе имеющиеся противоречия, достигшие в России уровня конфликта. Систематические насильственные акции с использованием огнестрельного оружия, различного рода взрывных устройств, захваты заложников, похищения людей, а также попытки ядерного шантажа позволяют рассматривать терроризм как широкомасштабное явление, представляющее угрозу жизненно важным интересам личности, общества и государства.

Волна насилия, поднятая преступным миром, повысила спрос на оружие, а это не могло не отразиться на расширении так называемого теневого оружейного рынка. Постоянно возрастающий

спрос на оружие в криминальной среде на территории РФ, интернационализация преступных сообществ, а также недостаточно эффективная система пограничного контроля и охраны государственной границы России на участках со странами СНГ сделали вопрос борьбы с незаконным перемещением оружия одним из наиболее актуальных в деятельности российских правоохранительных органов.

Следует отметить, что основная масса огнестрельного оружия на внутренний рынок страны попадает в результате хищений из мест его хранения (войсковые части, склады), поступает из зон вооруженных конфликтов с территории бывшего Советского Союза. Значительное количество оружия похищается с предприятий-изготовителей, как в готовом виде, так и в виде отдельных частей.

Тенденции нарастания уровней организованности преступности, профессионализма, коррумпированности, увеличения численности преступных объединений, сращивания общеуголовной и экономической сфер криминальной деятельности «породили» так называемый коммерческий терроризм. Значительный рост убийств, совершенных из корыстных побуждений, зачастую становится «обслуживающим фактором» в сфере экономической преступности – устранение конкурентов, должников, кредиторов, их запугивание и т.д.

Убийства, совершаемые по найму (заказные), представляют собой особую общественную опасность, отличаются от многих других профессиональной жестокостью и показной демонстративностью, что присуще методам уголовного террора.

Заказные убийства характерны для крупных городов с оживленными рыночными отношениями, особенно в прибыльных сферах деятельности (добыча нефти и газа, их переработка, банковская сфера). В подавляющем большинстве заказные убийства совершаются с применением огнестрельного оружия и взрывчатых веществ (89%).

Немалая доля их происходит при разделе сфер преступного влияния между устойчивыми преступными группировками.

Для достижения своих целей последние все активнее используют методы силового давления. Для этого создаются специальные боевые структуры, используются средства и методы конспиративного сбора информации для обеспечения силового воздействия на структуры малого предпринимательства. Наряду с методами морально-психологического давления используются различные средства физического и психического насилия, среди которых можно выделить вымогательство, похищение людей и захват заложников.

Квалифицированное вымогательство как вид преступной специализации остается одним из главных в деятельности российских преступных формирований. Некоторые коммерческие фирмы на протяжении многих лет выплачивают «дань» преступным структурам за предоставление так называемой «крыши». К сожалению, сами бизнесмены очень редко обращаются в правоохранительные органы, мотивируя это тем, что им проще выплачивать бандитам определенную сумму на постоянной основе, чем несколько месяцев участвовать в уголовном процессе в случае задержания вымогателей и в дальнейшем опасаться за свою безопасность.

Еще одним проявлением уголовного терроризма являются захваты заложников и похищения людей. Указанные преступления тесным образом переплетаются с квалифицированным вымогательством.

Следует иметь в виду высокую степень скрытности данных видов преступлений. Зачастую этому способствует беспокойство за личную безопасность похищенных и взятых в заложники людей, а также недоверие к правоохранительным органам.

Намечается дальнейшая активизация процессов консолидации криминогенного элемента с представителями легально функционирующих коммерческих структур с целью максимально быстрого и эффективного решения возникающих финансовых проблем. К проведению подобных актов нередко привлекаются силовые формирования бандитской направленности, выполняющие в обществах и предпринимательских структурах функции подавления конкурентов, востребования долгов, получения льготных кредитов и действий.

В преступную деятельность все чаще вовлекаются действующие сотрудники правоохранительных органов, частных охранно-сыскных бюро и иных легально существующих силовых формирований.

Анализ криминогенной обстановки в стране позволяет прогнозировать в ближайшее время увеличение фактов похищения людей организованными преступными группами на почве мести, устранения конкурентов и передела сфер влияния. Преимущественно из корыстных побуждений возможно ожидать рост количества фактов захвата заложников.

В настоящее время просматривается тенденция психологического привыкания населения к террористическим актам как неизбежным спутникам современной жизни. Подобное «привыкание» ослабляет восприятие остроты общественной опасности деяний, создает впечатление их «обыденности»; многочисленные жертвы

преступлений приобретают как бы обезличенный вид. А терроризм, среди прочего, как раз и заинтересован в насаждении в обществе, в сознании людей такого состояния.

Анализ отечественной практики борьбы с терроризмом, а также международного опыта позволяет сформулировать ряд выводов.

1. Основным принципом в борьбе с терроризмом для российских правоохранительных органов должна стать предельная жесткость в сочетании с необходимой гибкостью. Опыт большинства стран мира свидетельствует: противопоставить террору можно лишь жесткую, бескомпромиссную борьбу с ним, вплоть до полного уничтожения участников акции, и формирование лояльного отношения общественности к подобным негуманным действиям государства.

2. Максимальных результатов в антитеррористической деятельности можно добиться лишь при наличии слаженной системы, включающей спецподразделения, ориентированные на проведение силовых специальных операций, и всесторонне обеспечивающие их работу различные службы – координационные, аналитические, правовые, технические, оперативные и иные.

3. Усилий одного государства в предупреждении терроризма недостаточно, требуется координация на межгосударственном уровне. Наиболее актуальной задачей для Российской Федерации на этом пути становится взаимодействие не только со странами СНГ, но и со странами дальнего зарубежья.

ПРОБЛЕМА БОРЬБЫ С БИОЛОГИЧЕСКИМ ТЕРРОРИЗМОМ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Матюхин В.А., к.т.н., доцент
Сибирский юридический институт
МВД России

В конце XX – начале XXI вв. терроризм превратился в одну из наиболее опасных угроз национальной безопасности России. Основным толчком к росту терактов послужил конфликт на Северном Кавказе. Масштабность и многообразие террористических проявлений оказывают дестабилизирующее влияние на социально-политическую обстановку в стране и безопасность населения.

Терроризм с применением биологических средств из теоретического явления превращается в реальную действительность. Отмечается рост числа попыток «импорта» биотерроризма в Россию, и в частности в Сибирский регион. Дешевизна и относительная простота использования биологических агентов для массового поражения

населения делает их предпочтительными при совершении террористических акций. Ни в одной из стран до настоящего времени не существует совершенных мер противодействия террористическим атакам с применением биологических носителей.

Акт биологического (бактериологического) терроризма можно определить как применение или попытку применения бактериологических культур (бактерий, вирусов, риккетсий, токсинов, грибков и т.д.) непосредственно для преднамеренного возбуждения эпидемий или эпизоотий в целях оказания давления на органы государственной власти на принятие решений, желательных для террористов.

Несовершенство механизмов контроля по соблюдению «Конвенции по запрещению химического и биологического оружия» вызывает серьезную озабоченность реальностью использования террористами биологических средств в качестве оружия. Основу поражающего действия биологического оружия составляют биологические средства – специально отобранные для боевого применения биологические агенты (патогенные микроорганизмы), способные в случае проникновения в организм людей, животных, в растения вызывать тяжелые инфекционные заболевания, перерастающие в эпидемии, эпизоотии и эпифитотии.

Из всего разнообразия патогенных микроорганизмов, существующих в природе, в качестве потенциальных при биологических террористических актах практически могут быть использованы только несколько десятков биологических носителей. При этом к ним должны предъявляться следующие требования: необходимая поражающая эффективность (достаточно высокая летальность или, по меньшей мере, значительное количество тяжелых форм заболеваний с длительной утратой трудоспособности); высокая контагиозность (заразительность), то есть способность с высокой частотой вызывать возникновение заболеваний среди не иммунных контингентов при минимальной заражающей дозе (от 30% и более от числа подверженных риску заражения); значительная устойчивость во внешней среде.

Важными критериями определения пригодности биологических агентов для применения в террористических целях являются: трудность обнаружения агента после применения в воздухе, воде, на различных объектах внешней среды; сложность и длительность лабораторного определения вида агента; трудность быстрой диагностики возбудителя заболевания; способность инфекции к широкому эпидемическому распространению; отсутствие или недоста-

точная эффективность имеющихся в данное время средств иммунной и экстренной профилактики заболеваний.

Согласно прогнозам в текущем столетии ожидается распространение вспышек эпидемий как новых, так и ранее известных заболеваний, увеличится распространение таких редких инфекций, как холера, дифтерия и др.

В связи с ослаблением иммунной системы жителей России, обусловленным ухудшением качества окружающей среды и достаточно низким уровнем жизни населения, ученые делают вывод о возрастании уровня опасности массовых инфекционных заболеваний, возможности распространения и возникновения новых эпидемий и даже пандемий.

Особую роль в этом играет бурное развитие биотехнологий на базе достигнутых успехов особенно в генной инженерии. Микробиологические лаборатории и биохимические производства могут получить генетически модифицированные штаммы возбудителей опасных и особо опасных инфекционных заболеваний. Поскольку защита от последних не разработана либо не может быть разработана в ближайшем будущем, это способно привести к возникновению катастрофических последствий.

Учитывая, что биотехнологии широко распространены в мире, например в отличие от ядерного оружия, а многие данные, необходимые для производства биологических средств, открыто публикуются в специальной литературе и размещаются на специальных сайтах в Интернете, то любой достаточно развитой стране легко стать разработчиком биологического оружия. Производство биологических средств можно относительно легко и с невысокими затратами наладить в стране, где имеется современная фармацевтическая промышленность. Почти все оборудование для его крупномасштабного производства имеет двойное использование и широко представлено на мировом рынке. Это также делает биологическое оружие относительно доступным и для террористов.

Трудность контроля над распространением и производством биологического оружия, которое может маскироваться под производство вакцин, сложность выявления факторов применения такого оружия из-за сходства его поражающих факторов с естественными эпидемиями обуславливают возможность его масштабного и скрытого применения.

Именно эти и многие другие факторы в условиях всенарастающей угрозы терроризма делают актуальными знания о биологическом оружии и мерах защиты от него.

В этих целях для решения конкретных задач создаются специальные компьютерные программы на основе математических методов расчета с использованием ЭВМ для сбора и обработки первичной информации о состоянии окружающей среды в момент террористического акта и для прогнозирования дальнейшего развития событий, то есть динамики эпидемиологической обстановки. Использование компьютерных технологий для сложноорганизованной обработки больших объемов информации обеспечивает получение как качественных, так и количественных оценок, эффективное проведение предупредительных и оперативных мероприятий. Создаются базы данных по уже происшедшим аварийным ситуациям на биологически опасных объектах на основе справочного материала, которые позволяют извлекать необходимую информацию из подсистемы экологической отчетности происшедших аварий, что может использоваться для оперативного прогнозирования распространения биологических аэрозолей в атмосфере совместно с подсистемой расчетов распространения загрязнения, возникшего в результате аварийных выбросов вредных веществ, которые включают в себя упрощенные модели для проведения экспресс-прогноза в условиях времени и пространства, более точные – для моделирования дальнейших последствий биологического террористического акта.

Общим недостатком является то, что информация об аварийных ситуациях на биологически опасных объектах крайне скудна вследствие несовершенной организации. Сведения об этих авариях не стандартизированы, что весьма затрудняет их оценку, сопоставление различных эпизодов, прогнозирование санитарно-эпидемиологических последствий. Кроме того, из-за ведомственной разобщенности отсутствуют накопление данных об авариях на биологически опасных объектах и их комплексный анализ.

Одним из первых шагов в разрешении этой сложной проблемы должно быть создание банков данных, включающих возможно более полную информацию о всех видах аварий на биологически опасных объектах, а также материалы по мониторингу окружающей среды, включая химические и физические факторы (в т.ч. и о биоценозах). Необходимы проведение комплексного анализа различных форм входного и выходного потоков, исследование и разработка алгоритмов и единых программных средств для реализации вышеуказанных целей.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОГНЕВОЙ ПОДГОТОВКИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В СИБИРСКОМ РЕГИОНЕ

Овчинко О.А.

Сибирский юридический институт
МВД России

Ковалев С.В.

Сибирский юридический институт
МВД России

Значительная часть повседневной оперативно-служебной деятельности в подразделениях органов внутренних дел осуществляется в условиях повышенного риска, все чаще сопряжена с экстремальными ситуациями вооруженной борьбы. Однако практика применения и использования табельного огнестрельного оружия показывает, что уровень огневой подготовки сотрудников ОВД является недостаточным для эффективных действий в различных ситуациях.

Так, по данным ДКО МВД России,¹ за период 2003-2005 гг. на территории Российской Федерации были зарегистрированы 802 случая применения и использования табельного оружия сотрудниками ОВД. Оружие применялось для задержания правонарушителей, пытающихся скрыться, – 35% случаев, для остановки транспортных средств – 30%, в ситуациях самообороны сотрудники применяли и использовали оружие в 11% случаев, остальные 24% приходятся на прочие ситуации. При этом стрельба из оружия чаще всего велась в темное время суток, в условиях ограниченной видимости – 66% случаев. При применении и использовании оружия стрельба велась со следующих дистанций: до 1 м – 12% случаев; до 5 м – 31% случаев; до 10 м – 30% случаев; до 25 м – 21% случаев; свыше 25 м – 6% случаев.

На коротких дистанциях – до 5 м (81%) оружие применялось в основном для отражения нападения на сотрудников милиции, на расстояниях до 10 м (77%) – в ситуациях задержания правонарушителей. Для остановки транспортных средств оружие использовалось на расстояниях до 25 м и более (71%).

Из бесед с сотрудниками были выявлены условия, которые, по их мнению, оказывали отрицательное воздействие на результативность стрельбы. Так, в ситуациях самообороны отмечены такие затрудняющие стрельбу обстоятельства, как: ограничение времени на приведение оружия в боевую готовность и производство вы-

стрела – 90% случаев, низкая освещенность – 21%, стрельба после физической нагрузки – 16%, групповой характер цели – 23%.

Чаще всего в этих ситуациях применяли и использовали оружие сотрудники ППСМ – 28% и уголовного розыска – 23%.

Применение и использование оружия для задержания правонарушителей также требовали ограничение времени на приведение оружия в боевую готовность и производство выстрела. В 33% случаев стрельба велась при ограниченной видимости, на фоне физической нагрузки – 21%, по групповой цели – 13%, в 24% случаев стрельбу затрудняло нахождение в секторе обстрела посторонних граждан. С оказанием вооруженного сопротивления правонарушителями сотрудники сталкивались в 12% случаев. В перечисленных ситуациях чаще всего вели стрельбу сотрудники ППСМ – 21%, ГИБДД – 16%.

Было отмечено, что в ситуациях использования оружия для остановки транспортного средства прицельная стрельба велась только в 41% случаев. Все случаи также сопряжены с ограничением времени для производства выстрела, недостаточной освещенностью (56%), присутствием посторонних граждан в районе стрельбы. В 9% случаев сотрудники вели огонь после расхода магазина, при этом было отмечено, что большое количество произведенных выстрелов связано с трудностями ведения огня по движущейся цели из движущегося транспорта. Использовали оружие в таких ситуациях в основном сотрудники ГИБДД – 56% случаев.

Проведенное ДКО МВД России² исследование, исходным материалом для которого послужили ежедневные сводки о происшествиях, поступающие в дежурные части МВД России, дало возможность представить реальное положение дел с подготовленностью сотрудников к применению оружия.

Так, были проанализированы 277 случаев применения огнестрельного оружия для задержания правонарушителей. В этих ситуациях сотрудниками были произведены 554 выстрела, то есть в среднем по два выстрела в каждом случае. Предупредительная стрельба вверх превалирует над всеми остальными направлениями стрельбы – 202 случая (72,9%).

В 56 случаях сотрудники вели огонь сначала вверх, а затем по правонарушителю, израсходовав при этом 185 патронов. В среднем на каждый факт применения оружия приходилось по 1,4 выстрела вверх и по 4,7 выстрела по цели, при этом зафиксировано 25% попаданий в задерживаемых, что не позволяет дать поло-

жительную оценку огневой подготовленности сотрудников, поскольку стрельба велась с расстояния от 1 до 10 метров.

Стрельба по правонарушителям без предупредительных выстрелов велась в 19 случаях (6,9%). При этом были произведены 32 выстрела, в среднем 1,7 выстрела в каждом случае. Результативность попаданий составила 62,5%. Такой процент можно было бы назвать если и не высоким, то средним, но необходимо учитывать, что почти половина выстрелов производилась с расстояния до 1 м.

Приведенные цифры свидетельствуют о невысоком уровне огневой выучки сотрудников ОВД.

В целях совершенствования профессиональной подготовленности сотрудников органов внутренних дел к успешному выполнению оперативно-служебных задач по охране правопорядка и борьбе с преступностью приказом МВД России от 8 октября 2002 г. №965 было утверждено Наставление по организации профессиональной подготовки сотрудников органов, в котором одним из образовательных уровней является обучение в процессе оперативно-служебной деятельности (служебно-боевая подготовка). Одним из разделов служебно-боевой подготовки является огневая подготовка.

На занятиях по огневой подготовке формируются и отрабатываются практические навыки обращения с огнестрельным оружием с учетом специфики и профиля оперативно-служебной деятельности сотрудников, оперативной обстановки, а также другие вопросы огневой подготовки, возникающие в процессе оперативно-служебной деятельности.

В соответствии с Наставлением по огневой подготовке³ учебные стрельбы с сотрудниками органов внутренних дел, выполняющими должностные обязанности с оружием, должны проводиться не менее одного раза в две недели, с остальными сотрудниками – не менее одного раза в месяц.

Контрольные стрельбы (выполнение контрольных упражнений) во всех органах (подразделениях, учреждениях) внутренних дел – ежеквартально.

Приказом МВД России от 20 мая 2003 г. №340 в зависимости от специфики выполнения оперативно-служебных задач сотрудники разделены на три категории, для каждой из которых предусмотрены различные контрольные упражнения стрельб. Также впервые этим приказом установлены контрольные упражнения стрельб из автомата для всех категорий сотрудников.

Из этого следует, что если ранее сотрудникам ОВД достаточно было владеть навыками стрельбы только из пистолета, то в

настоящее время аналогичные требования предъявляются и к стрельбе из автомата.

Нашло ли такое требование свое отражение при проведении занятий по огневой подготовке в подразделениях?

С этой целью сотрудниками кафедры огневой подготовки Сибирского юридического института МВД России было проведено анкетирование среди слушателей факультета повышения квалификации и слушателей 6-месячных курсов очной сокращенной формы обучения, проходящих службу в органах внутренних дел г. Красноярска, Красноярского края, республики Тыва, Эвенкийского автономного округа и других регионах Сибири. В основном в опросе участвовали начальники подразделений МОБ и КМ, оперуполномоченные уголовного розыска, инспектора ДПС и участковые уполномоченные милиции.

В результате проведенного исследования было установлено: в большинстве подразделений занятия по огневой подготовке проводятся в соответствии с приказом⁴: 1 раз в неделю (10%); 1 раз в месяц (49%); 1 раз в квартал (31%). В некоторых подразделениях только 1 раз в полугодие (3%) и даже 1 раз в год (7%).

Необходимая материальная база для проведения занятий (тир) имеется в 62% подразделений, стрельбище в 29%, остальные либо арендуют необходимые помещения, либо выезжают в непригодные для проведения стрельб местности (карьер). Только 23% оценили материальное обеспечение учебных занятий по огневой подготовке в своем подразделении (боеприпасами, мишенями и мишенным оборудованием и др.) как хорошее, и 77% – как недостаточное.

Предусмотренные приказом контрольные упражнения стрельб из пистолета (2, 3, 4, 5, 6, 11) при проведении учебных занятий выполняют всего 9% сотрудников, большинство же ограничиваются только двумя упражнениями (1 и 2) – 91%. При этом количество боеприпасов, расходуемое на занятиях на одного сотрудника, составляет: до 4 шт. – 45%; до 10 шт. – 47%; до 15 шт. – 7%.

Только в 1,5% из опрошенных подразделений 1 раз в квартал проводятся стрельбы из автомата, 1 раз в полугодие – 14,5%, 1 раз в год – 21% и не проводятся вообще в 63% подразделений. И это несмотря на то, что значительное количество сотрудников выполняют служебные обязанности именно с автоматом (ГИБДД, ДПС, вневедомственная охрана).

Подводя итог, можно с уверенностью говорить о недостаточно высоком уровне огневой подготовленности сотрудников ОВД. Занятия по огневой подготовке в подразделениях органов внут-

ренных дел в основном решают задачи первоначального обучения, как правило, проводятся в условиях, существенно отличающихся от реальной обстановки применения оружия.

При проведении занятий по огневой подготовке в подразделениях ОВД особое внимание необходимо обратить на подготовку сотрудников тех служб и подразделений, которым, согласно статистике, чаще других приходится в процессе несения службы использовать автомат. Для них в программу занятий по огневой подготовке следует ввести обязательные упражнения по стрельбе не только из пистолета, но и из автомата, отрабатывать приемы стрельбы из различных положений, в условиях ограниченного времени для ведения огня и в качестве обязательного ввести упражнение по обучению стрельбе из движущегося автомобиля.

---

¹ Практика применения и использования огнестрельного оружия сотрудниками органов внутренних дел : информационно-аналитический обзор. – М., 2006.

² См. там же.

³ Об утверждении Наставления по огневой подготовке сотрудников органов внутренних дел : приказ МВД России от 11 сентября 2000г. №955.

⁴ Об утверждении Наставления по организации профессиональной подготовки сотрудников органов внутренних дел : приказ МВД России от 8 октября 2002 г. №965.

АНАЛИЗ ФАКТОРОВ, ОБУСЛОВЛИВАЮЩИХ ОГНЕВУЮ ПОДГОТОВЛЕННОСТЬ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Ковальчук А.Н., к.т.н., доцент
Сибирский юридический институт
МВД России

Афанасьев А.В.
Сибирский юридический институт
МВД России

Современная деятельность органов внутренних дел требует от личного состава высокой профессиональной подготовки, составной частью которой является огневая подготовка, направленная на обучение сотрудников умелому и эффективному применению и использованию боевого ручного стрелкового оружия при выполнении оперативно-служебных задач.

Профессиональное владение оружием возможно лишь тогда, когда сотрудник не только имеет специальные знания (мер безопасности, материальной части оружия, теории стрельбы, нормативно-правовых основ и т.д.), но также обладает необходимыми двигательными умениями и навыками, связанными с его эффективным и безопасным обращением при выполнении оперативно-служебных задач.

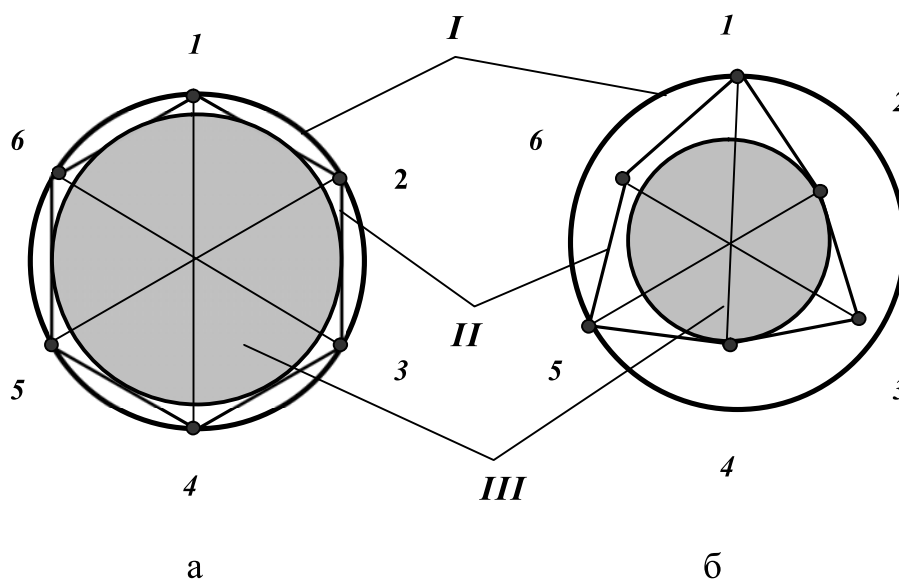
Знание теоретических разделов огневой подготовки и нормативно-правовой документации придает уверенность сотруднику милиции при владении оружием, а правильно сформированные навыки обращения с ним позволяют успешно выполнять поставленные задачи.

Обучение сотрудников ОВД профессиональному владению оружием предполагает формирование у них умений и навыков, способствующих высокоэффективному выполнению профессиональных действий в условиях оперативно-служебной деятельности по обеспечению правопорядка.

В соответствии с «Наставлением по огневой подготовке в органах внутренних дел Российской Федерации» (НОП-2000) огневая подготовка сотрудников включает в себя:

- знание сотрудниками материальной части оружия, основ, приемов и правил стрельбы;
- соблюдение мер безопасности при обращении с огнестрельным оружием и боеприпасами;
- регулярное проведение занятий по огневой подготовке;
- профессиональную и методическую подготовку лиц, организующих и проводящих учебные занятия и стрельбы в подразделениях, рациональное и эффективное планирование огневой подготовки;
- состояние и подготовку к стрельбе оружия и боеприпасов;
- оборудование учебно-материальной базы, позволяющей создавать различную мишенную обстановку и проводить с сотрудниками комплексные занятия по всем разделам огневой подготовки.

Графическое изображение влияния указанных составляющих на уровень огневой подготовленности сотрудников ОВД представлено на рис. 1.

Рис. 1. Графическое изображение влияния составляющих ОП на уровень огневой подготовленности сотрудников ОВД

Диаграмма, представленная на рис. 1а, характеризует благополучное подразделение ОВД. Внешний круг (I) вмещает в себя правильный шестигранник (II), символизирующий идеальное состояние и сочетание важнейших составляющих ОП (в соответствии НОП-2000), обуславливающих эффективность огневой подготовки сотрудников ОВД. Максимальный диаметр внутреннего круга (III) символизирует высокий уровень огневой подготовленности сотрудников ОВД при гармоничном сочетании всех составляющих.

На рис. 1б представлена диаграмма, характеризующая неблагополучное образовательное учреждение или подразделение ОВД. Как видим, ухудшение любой составляющей ОП существенно искажает правильность их сочетания (II), что отрицательно сказывается на размерном показателе – диаметре внутреннего круга (III), символизирующего уровень огневой подготовленности сотрудников ОВД.

Результаты инспекторских проверок¹ и практика применения и использования оружия сотрудниками ОВД² указывают на то, что в подразделениях, показывающих низкий уровень огневой подготовки, как правило:

- отсутствует современная учебно-материальная база, а 30% подразделений вообще не имеют своих тиров;
- отмечается низкий уровень организации занятий по огневой подготовке (занятия проходят нерегулярно, на низком организационно-методическом уровне и с малым процентом охвата личного состава);

– выявлено невыполнение учебного плана служебно-боевой подготовки, что зачастую связано с ограниченным обеспечением боеприпасами (7% от норм положенности);

– личный состав этих подразделений слабо знает нормативы и условия выполнения упражнений, около 30% не знают в полном объеме требования Курса стрельб-2000, свои права и обязанности в части применения и использования оружия, мер безопасности при проведении стрельб, материальной части табельного оружия;

– занятия проводятся в основном внештатными инструкторами по боевой и физической подготовке, которые, как правило, имеют высокий уровень личных достижений в одном из видов спорта, но не подготовлены методически.

Одними из направлений решения обозначенных проблем являются совершенствование методического обеспечения и методики преподавания огневой подготовки в подразделениях ОВД, использование компьютерных обучающих и контрольных программ. Это позволит повысить уровень теоретической подготовки личного состава.

Проблема профессиональной подготовки инструкторов боевой подготовки кадровых подразделений ОВД решается путем их факультативного обучения в рамках программ высшего профессионального образования вузов МВД России. В условиях отсутствия специализированных учреждений, обеспечивающих подготовку таких специалистов, предлагаемая форма обучения позволяет вести подготовку инструкторов на достаточно высоком качественном уровне, обеспечивающем потребности практики. Этот факт отмечается исследованиями В.А.Глубокого (2004-2006) и О.А.Чудиновой (2004-2006).

Известен факт отрицательного влияния перерывов в тренировках с оружием на состояние огневой подготовленности стрелка,³ в связи с этим необходимо усилить контроль руководителей подразделений за выполнением годовых планов служебно-боевой подготовки и периодичностью ее проведения.

Кроме того, назрела необходимость совершенствования упражнений Курса стрельб из пистолета НОП-2000. Так, исследователями (В.Г.Колюхов, 2005; Г.Суарес, 1997-2003; В.А.Торопов, 1996-2004 и др.) неоднократно обращалось внимание на необходимость обучения стрельбе из пистолета с меньших дистанций, чем это предусмотрено Курсом стрельб. Анализ ситуаций применения и использования огнестрельного оружия сотрудниками органов внутренних дел показывает, что до 70% случаев ведения огня из пистолета происходит на дистанции до 10 м. В то же время

при анализе случаев применения и использования табельного оружия сотрудниками органов внутренних дел в реальных ситуациях отмечается ведение прицельной стрельбы только в 32% случаев.⁴ То есть большинство случаев применения и использования табельного оружия на дистанциях до 10 м характеризуются стрельбой без использования прицельных приспособлений.

Исследованиями С.В.Середы (2005) установлено, что при применении традиционной техники стрельбы средний уровень попаданий в реальном бою у сотрудников органов внутренних дел составляет всего 19%. При применении инстинктивной стрельбы (стрельбы навскидку) этот показатель может достигать до 90%.

Таким образом, существующий Курс стрельб не в полной мере соответствуют требованиям практики применения и использования сотрудниками органов внутренних дел табельного оружия (пистолета), что выражается в: несоответствии дистанций, с которых ведется обучение стрельбе из пистолета; отсутствии упражнений, направленных на формирование навыков бесприцельной стрельбы (стрельбы навскидку); неэффективном использовании метода моделирования ситуаций оперативно-служебной деятельности.

Исходя из изложенного, основными направлениями совершенствования огневой подготовки личного состава органов внутренних дел являются:

1) совершенствование методического обеспечения и методики преподавания огневой подготовки в подразделениях;

2) разработка и внедрение методик факультативного обучения инструкторов боевой (огневой) подготовки кадровых подразделений ОВД;

3) усиление контроля руководителей подразделений за выполнением годовых планов служебно-боевой подготовки и периодичностью ее проведения;

4) совершенствование упражнений Курса стрельб из пистолета НОП-2000 в целях обеспечения их соответствия требованиям практики применения и использования огнестрельного оружия сотрудниками.

---

¹ Лупырь, В.Г. Проблемы и перспективы формирования профессионально важных качеств по огневой подготовке у сотрудников ОВД / В.Г.Лупырь, С.В.Бронников // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2004. – №1. – С.47-49; Ковальчук, А.Н. Практика применения и использования оружия сотрудниками ОВД (на примере подразделений ГУВД КК) : аналитический обзор / А.Н.Ковальчук. – Красноярск, 2005.

² Колюхов, В.Г. Состояние огневой и физической подготовки сотрудников органов внутренних дел / В.Г.Колюхов // Проблемы совершенствования системы профессиональной подготовки сотрудников ОВД : материалы межвузовской научно-практической конференции / Московский университет МВД России. – М., 2005. – С.3-10.

³ Столяренко, А.М. Юридическая педагогика : курс лекций / А.М.Столяренко. – М., 2000.

⁴ Колюхов, В.Г. Указ соч. – С.3-10.

ПОДГОТОВКА СОТРУДНИКОВ ОВД К УСПЕШНОМУ ПРИМЕНЕНИЮ ОРУЖИЯ В ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ УСЛОВИЯХ

Чудинова О.А.

Сибирский юридический институт
МВД России

По количеству регистрируемых преступлений Красноярский край из года в год входит в число наиболее криминогенных регионов страны. На протяжении последних лет достаточно напряженной остается обстановка на улицах города и края. В последнее время наметились изменения в структуре уличной преступности, где доминируют грабежи и разбойные нападения.

Таким образом, состояние оперативной обстановки в крае в настоящее время требует от сотрудников ОВД грамотных и более решительных действий по предупреждению и пресечению правонарушений, защите граждан и собственности от преступных посягательств. В этих условиях особенно важны знания сотрудниками ОВД действующего законодательства в части применения и использования оружия, твердые навыки применения оружия в типичных ситуациях служебной деятельности.

Для подготовки сотрудников к экстренным действиям в различных условиях и ситуациях в целом и профессиональному применению оружия в частности необходимы знания отечественных и зарубежных тенденций совершенствования огневой подготовленности сотрудников правоохранительных органов, учитывающих их профессиональную готовность к обеспечению личной безопасности в условиях огневых контактов с преступниками.

В связи с повышенной опасностью деятельности сотрудников ОВД, наличием угрозы их жизни и здоровью в полиции зарубежных стран проводится специальная подготовка, так называемый «менеджмент безопасности». В нашей стране необходимость ре-

шения такой педагогической задачи была обусловлена обострением криминальной ситуации, частым использованием оружия преступниками, увеличением случаев гибели сотрудников.

Чем выше уровень подготовленности к обеспечению личной безопасности, тем выше шансы сотрудника остаться невредимым. Надлежащая постановка этого нового для нас вида профессиональной подготовки к вероятным экстремальным осложнениям стала потребностью сегодняшнего дня. В определенном объеме она нужна всем категориям сотрудников, но проводится с учетом специфики возможных опасностей в их работе.

Конечно, подготовленность к обеспечению безопасности связана с высоким уровнем профессионализма конкретного сотрудника. Но важно другое – выяснить, что еще нужно, что должно стать предметом специальной педагогической заботы преподавательского состава специализированных образовательных учреждений, инструкторского состава подразделений правоохранительных органов? Только ответив на этот вопрос, можно утверждать, что мы имеем дело с особым видом профессиональной подготовки.

Ответ на этот вопрос должен найти воплощение в специальном учебном курсе, который можно было бы назвать «Обеспечение личной профессиональной безопасности сотрудников ОВД». В него должны входить огневая подготовка, профессионально-психологическая подготовка, физическая подготовка, тактико-специальная подготовка.

Анализ причин гибели и ранений сотрудников, зависевших лично от них, выявил следующие: потеря бдительности, неумение предвидеть и оценить опасность, игнорирование очевидных признаков опасности, переоценка своей подготовленности, отсутствие контроля за другими людьми, неверие в возможность стать объектом нападения и др. Иначе говоря, недостатки в подготовке и личные качества определяют предрасположенность сотрудника к несчастным случаям при нахождении в экстремальных ситуациях, его «профессиональную виктимность».

Огневая подготовка сотрудников ОВД традиционно начинается с обучения их материальной части оружия, мерам безопасности при обращении с ним, условиям и порядку выполнения упражнений стрельб, а также приемам и правилам стрельбы из боевого ручного стрелкового оружия. Осваиваются подготовительные упражнения без стрельбы – с учебным оружием, затем – упражнения с фактическим применением оружия при введении все новых и новых усложняющихся условий и задач.

Современная огневая подготовка может быть успешной при современной учебно-материальной базе, позволяющей создавать мишенную обстановку и условия, максимально приближенные к реальным. При обучении стрельбе необходимо использовать средства и приемы, намеренно вызывающие у сотрудников высокое внутреннее напряжение, требующие уметь подавлять волнение, проявлять самообладание, мобилизовывать все силы. Установлено, что применение оружия в реальной обстановке вызывает у стрелка большие психологические и физические нагрузки:

– моторное торможение – оцепенение, уменьшение скорости реакций на внезапное усложнение обстановки, ослабление способности к принятию рациональной изготки для стрельбы, выбору места, применению уклоняющихся приемов и др.;

– появление «туннельного» восприятия окружающего – сужение широты внимания до опасной, по мнению стреляющего, точки и полное отключение от всего окружающего, что более опасно, так как один из преступников может зайти сбоку и будучи незамеченным поразить сотрудника;

– появление временной глухоты – неспособность слышать предупреждения коллег об опасности.

Поэтому сотрудников нужно специально приучать к использованию оружия в условиях повышенных внутренних нагрузок и учить справляться с ними.

В процессе занятий огневой подготовкой можно использовать полигоны или закрытые тир, позволяющие моделировать внезапное появление и перемещение целей, шумы и звуки, характерные для экстремальной обстановки, ответный огонь противника. Современные технические средства обучения позволяют оборудовать тир специальными мишенными установками для имитации усложненной обстановки. В настоящее время активнее стали использоваться компьютерные программы, передающие на экран-мишень компьютера изображения правонарушителя в задаваемых ситуациях (с наведенным оружием, с захваченным заложником, убегającego, нападающего и т.д.). Сотрудник обязан мгновенно сориентироваться и принять решение о применении оружия.

В США при подготовке полицейских используются электронные тир. Это учебный класс с экраном 2x2 м с вогнутой поверхностью, что при демонстрации сюжета создает иллюзию объемного пространства. Обучаемый с лазерным «оружием» принимает исходное положение в 3-4 м от экрана. При выполнении упражнения на экране создается ситуация, при восприятии которой обу-

чающийся должен принять решение на открытие огня, оценивая при этом его правомерность, и произвести «выстрелы».

На экране под влиянием лазера появляются отметки: при промахе – синего цвета, при ранении – желтого, при попадании в жизненно важную точку тела (смертельное ранение) – красного. По окончании упражнений в нижней части экрана появляются показатели: время (с момента появления необходимости применить оружие и до начала стрельбы), количество сделанных выстрелов, достоинство попаданий и количество промахов.

Полезным в обучении признан тренажер с видом противника, внезапно выхватывающего пистолет. Задача обучающегося – уловить начало действий противника и упредить его в выхватывании своего пистолета из кобуры и производстве выстрела. Тренажер фиксирует и сверяет время действий противников, показывая, кто опередил и насколько. Отрабатываются действия с извлечением пистолета из оперативной кобуры, различно расположенной (прикрепленной к поясному ремню спереди или сзади, на плече или подмышкой, на ноге и пр.), но именно той, которая будет у данного сотрудника во время несения службы.

Необходимо научить сотрудника носить оружие так, чтобы он мог мгновенно извлечь его и привести в боевое положение – готовое к немедленному ведению огня. Полезно у всех сотрудников воспитывать привычку проведения постоянного самостоятельного тренажа (в свободные минуты) скоростного извлечения незаряженного пистолета из кобуры с принятием положения для стрельбы, в подготовке его к выстрелу, заряданию и перезаряданию с производством «выстрелов» вхолостую.

За рубежом применяется отработка «интуитивного» метода стрельбы по мишеням в рост человека с черным кругом в области солнечного сплетения. Выполняющий упражнение находится в 7 м от мишени и держит оружие двумя руками под углом 45°. По команде он выполняет в темпе (3-5 сек) 6 выстрелов подряд. Первое упражнение считается освоенным, когда все попадания в мишень будут находиться внутри второго круга, имеющего диаметр 20 см. Второе упражнение выполняется с расстояния 3 м в максимальном темпе до достижения той же точности.

Пока в подразделениях ОВД недостаточно отрабатываются упражнения стрельб с перемещениями (резкой сменой позиции, падениями, перекатами, кувырками и пр.). Они должны предваряться имитацией стрельбы с выполнением частых и глубоких наклонов, выпадов в стороны, поворотов туловища, бега «противоходом» с постоянным визуальным контролем за действиями про-

тивника. Порой они с неохотой выполняются сотрудниками из ложного комплекса «стыдливости, недостойности». Для отучения их от этого в США для имитации стрельбы противника применяют специальные пистолеты, заряженные красящими пулями. Попадание такой пули в полицейского, пренебрегающего мерами безопасности, вызывает у «героя» «болезненные» мысли, и он начинает серьезно стараться, чтобы не быть «убитым».

Навык стрельбы в движении отрабатывается в упражнении, начинающемся движением с 40-50 м от мишени с применением различных уклонов и выполнением 2-3 выстрелов с рубежей 25 и 10 м. Выстрелы делаются с остановкой, так как попасть в цель на бегу практически невозможно. Усложнение: стрельба по 2-4 целям, рассредоточенным по фронту и расстоянию.

Изложенные педагогические подходы к совершенствованию огневой подготовки и ее нацеливанию на подготовку к успешному применению оружия в экстремальных условиях достаточно известны, а польза от них очевидна. Однако нередко в подразделениях ОВД стрельбы осуществляются по старинке – с места по грудной мишени. Руководители подразделений опасаются приближения учебной обстановки к реальным условиям, оказывая тем самым «медвежью услугу» сотрудникам и делу.

Секция
УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Сообщения и выступления

ПОЛНОТА, ВСЕСТОРОННОСТЬ И ОБЪЕКТИВНОСТЬ
ИССЛЕДОВАНИЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ УГОЛОВНОГО ДЕЛА
КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ
СПРАВЕДЛИВОГО ПРАВОСУДИЯ

Бахта А.С., к.ю.н., доцент
Омская академия МВД России

1. Признать лицо виновным в совершении преступления и подвергнуть уголовному наказанию может только суд и не иначе как во вступившем в законную силу приговоре. Приговор суда должен быть законным, обоснованным и справедливым. Это достигается за счёт сбора, исследования и оценки совокупности доказательств, устанавливающих обстоятельства, подлежащие доказыванию по каждому уголовному делу.

2. Достижение целей уголовного судопроизводства обеспечивается правовыми гарантиями. Под ними понимается совокупность предусмотренных законом и адекватных друг другу процессуальных средств и процессуальных условий в органическом единстве с правоприменительной деятельностью.

В систему процессуальных условий следует включать: принципы как основополагающие начала уголовного процесса, общие условия производства в конкретной стадии уголовного процесса и частные условия производства конкретных следственных или судебных действий.

3. Под полнотой исследования обстоятельств уголовного дела надо понимать достоверное установление обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, а также всех юридических признаков, которыми уголовный закон характеризует данное преступление.

Всесторонность представляет собой исследование обстоятельств уголовного дела путём выдвижения и проверки всех объективно возможных версий обстоятельств, уличающих или оправдывающих обвиняемого, отягчающих, смягчающих либо исключаящих их ответственность за содеянное.

Объективным исследование обстоятельств уголовного дела будет признано тогда, когда оно выполнено непредвзято с одинаково справедливым отношением сотрудников правоохранительных органов к потерпевшему и обвиняемому.

4. В действующем уголовно-процессуальном законодательстве отсутствует норма, обязывающая органы дознания, следствия, прокуратуры и суда всесторонне, полно и объективно исследовать обстоятельства уголовного дела. Тем не менее критерии оценки качества исследования обстоятельств уголовного дела напрямую связаны с установлением обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, выдвижением и проверкой всех объективно возможных версий и непредвзятым к этому виду деятельности отношением.

Законодатель сохранил целый ряд институтов, направленных на восполнение пробелов в исследовании материалов уголовного дела. К ним относятся, например: заявление ходатайств; принесение жалоб; представление доказательств; возвращение уголовного дела прокурором для производства дополнительного расследования. При этом указанные процессуальные средства позволяют реагировать участникам уголовного процесса и на соблюдение требований всестороннего и объективного исследования обстоятельств уголовного дела.

5. Влиять на качество исследования обстоятельств уголовного дела обязаны суды. Предусмотренные законом средства, позволяющие устранять препятствия к рассмотрению уголовного дела в суде, не дают возможности проводить процессуальные и следственные действия, направленные на восполнение материалов уголовного дела либо на изменение квалификации содеянного обвиняемым в сторону ухудшения.

У суда сегодня нет законных полномочий добиваться справедливого разрешения уголовного дела в случаях, когда необходимо изменить квалификацию содеянного подсудимым в сторону ухудшения его положения.

6. Приговор суда может быть признан законным, обоснованным и справедливым только тогда, когда он основан на исследовании обстоятельств дела, проведенном в соответствии с требованиями полноты, всесторонности и объективности. На сегодняшний день ни в теории уголовного процесса, ни в правоприменительной практике не выработано других критериев оценки качества исследования обстоятельств уголовного дела.

ВНУТРЕННИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА: СУГГЕСТИВНЫЕ¹ ПОСЛЕДСТВИЯ

Сурихин П.Л., к.ю.н., доцент
Сибирский юридический институт
МВД России

В интервью с сотрудниками органов предварительного расследования часто можно услышать известное утверждение о том, что практика является средством проверки истинности положений теории. Действительно, в науке принято опытным путем проверять, доказывать верность той или иной гипотезы или даже уже сложившегося теоретического учения. Эффект заключается, как мы понимаем, в отождествлении теоретической формулировки вновь открытого закона или элементарного предположения о его существовании и объективно существующей закономерности, проявляющейся в предметах и явлениях природы, но пока неизвестной или непонятной для человека. Если закон был сформулирован ложно, закономерности эксперимента объективно укажут на это.

Исходя из изложенного, на первый взгляд, следователи и дознаватели вполне обоснованно допускают, что практическая уголовно-процессуальная деятельность определяет истинность положений уголовно-процессуальной теории или даже закона. И мы согласны с этим утверждением, но только отчасти.

Есть принципиальная разница между опытом в естественных науках, например в физике, и опытом в уголовном процессе. Она заключается в степени проявления субъективного. В практической уголовно-процессуальной деятельности да и в законе, как можно судить по результатам наблюдений, весьма много субъективного, часто не соответствующего даже правилам формальной логики.

Попытаемся наглядно подтвердить верность обозначенных наблюдений посредством анализа пяти групп конкретных противоречивых ситуаций, предложенных нам практикой и законом.

Пустые формальности в доказывании

В законе предусмотрено участие понятых при производстве следственных действий (ст.170 УПК РФ), но не предусмотрена обязанность понятого участвовать в данных процедурах. вполне возможна ситуация, когда никто из потенциальных понятых не согласится реализовать свое право. Более того, в законе (ст.170 УПК РФ) предполагается необязательность участия понятых. Так существует ли необходимость участия понятых?

Допрос понятых в практической деятельности органов уголовного судопроизводства по отдельным категориям преступлений стал обязательным элементом методики расследования. Практиками предполагается, что таким образом формируются доказательства по уголовному делу. Но представим ситуацию: понятые на законном основании не участвовали в следственных действиях – по делу не будет достаточных доказательств?

Весьма распространено также производство выемки различных предметов и веществ у сотрудников милиции, которые непосредственно изъяли (в широком смысле) данные объекты у кого-либо. Неужели сами сотрудники милиции отказываются добровольно передавать эти объекты органу предварительного расследования вместе с материалом проверки сообщения о преступлении?

Вопреки предписаниям ст.84 УПК РФ видео- и аудиокассеты повсеместно приобщаются к уголовным делам в качестве вещественных доказательств, в то время когда они, как правило, являются обычным «иным документом». Зачем так усложнять процедуру собирания доказательств практическим сотрудникам? Но еще более непонятна идея законодателя, когда он предписывает приложение к протоколу следственного действия (аудиозапись) приобщать в качестве того же вещественного доказательства (ст.186 УПК РФ).

Как ни странно, но вопреки принципу свободы оценки доказательств (ст.17 УПК РФ) в ч.2 ст.75 УПК РФ прямо предписывается формальная оценка доказательств, а не на основе внутреннего убеждения субъекта доказывания.

Ложные процедуры

Становится распространенной процедура получения согласия родственников на производство судебно-медицинской экспертизы трупа. Весьма интересно, что будет делать следователь, если не получит такого согласия? Неужели положения ст.196 УПК РФ «Обязательное назначение судебной экспертизы» в этом случае не действуют?

Чрезвычайно проблематична ситуация, когда на практике происходит подмена постановления о возбуждении уголовного дела рапортом об обнаружении признаков преступления. В этой ситуации и юридически, и фактически производится абстрактная проверка абстрактного сообщения о происшествии без всякого на то законного повода, а в организационном плане – часто и ненадлежащим субъектом и, соответственно, ненадлежащими средствами. Все это приводит только к увеличению документооборота на стадии возбуждения уголовного дела и загруженности сотрудников.

Неопределенные сроки

Не установлены сроки дополнительной проверки сообщения о преступлении по указанию прокурора (ст.ст. 146, 148 УПК РФ). Насколько законна будет такая проверка, если она длится свыше максимального десятисуточного срока?

Срок возвращения уголовного дела из суда второй инстанции в ст. 390 УПК РФ «Вступление приговора в законную силу и обращение его к исполнению» не установлен. Значит ли это, что срок обращения приговора к исполнению может быть по «техническим» причинам растянут на неопределенное время, а точнее, на срок, предусмотренный ст. 83 УК РФ «Освобождение от отбывания наказания в связи с истечением сроков давности обвинительного приговора суда»?

Необоснованные запреты

Почему закон запрещает наиболее подготовленным органам предварительного расследования возбуждать уголовное дело без согласия прокурора, а, например, капитану морского или речного судна такое право предоставлено?

На каком основании не допускается так называемое заочное заключение под стражу в ходе предварительного расследования (помимо случая нахождения обвиняемого в международном розыске, но который можно объявить, только если в отношении обвиняемого заочно избрана мера пресечения в виде заключения под стражу!), а на третьей стадии оно разрешено (ст.238 УПК РФ)? Но ведь в обоих случаях решение принимается судом, а в первом случае в принятии решения участвует еще и прокурор.

В числе субъектов, полномочных избирать меру пресечения, в ст.97 УПК РФ не упомянут орган дознания. А что делать, когда очевидное уголовное дело, производство по которому осуществляется в порядке неотложных следственных действий, не может быть принято следователем и срок задержания подозреваемого истекает?

По какой причине императивно запрещено расширять пределы судебного разбирательства? Что делать, когда требуется лишь формально переквалифицировать преступление, например кражу на грабеж?

Буквальное толкование закона

Данный способ толкования стал излюбленным среди представителей правоохранительных органов. Но следует понимать и то, что таким образом не всегда можно правильно понять или вообще понять закон. Вот тому примеры.

В ст.23 УПК РФ утверждается буквально, что уголовное дело может быть возбуждено только по заявлению руководителя организации или с его согласия. Но деяния, предусмотренные гл.23 УК РФ, признаются преступлением по заявлению или с согласия не руководителя, а самой организации. И как же должен, толкуя буквально закон, поступить правоприменитель, если преступление совершено самим руководителем?

Согласно ст.47 УПК РФ обвиняемому разрешено защищаться буквально всеми средствами, не запрещенными УПК РФ. Что делать, если обвиняемый, защищая свои интересы, начинает совершать административные правонарушения или преступления, которые не запрещены УПК РФ?

Если толковать буквально положения п.2 ч.2 ст.75 УПК РФ, показания, например эксперта или обвиняемого, основанные на догадке или слухе, являются допустимыми. Также будут являться допустимыми показания любого участника уголовного судопроизводства, кроме свидетеля, источник которых не указан допрашиваемым.

Если верить названию ст.91 УПК РФ, то нельзя задерживать лицо по подозрению в совершении преступления, если он не является подозреваемым. Если же доставление задержанного в орган дознания, к следователю или прокурору длилось более 40 часов, то его уже никогда нельзя будет заключить под стражу в качестве меры пресечения (ст.108 УПК РФ).

Принципиальные противоречия

Уголовный процесс провозглашен состязательным на основе трех функций, но это не так. Например, в законе по функциональной принадлежности все участники уголовного судопроизводства классифицированы на четыре группы. Интересен тот факт, что в науке уголовного процесса выделяются еще большее количество функций. В практическом плане такое противоречие в законе в определенные моменты судопроизводства ставит разных участников в весьма трудное положение. Например, следователь, будучи стороной обвинения, должен по закону осуществлять только обвинение, но, действуя, в силу объективных закономерностей, он одновременно осуществляет в том числе и защиту. А, например, обвиняемый вынужден почему-то только защищаться. Но как быть, если он явился с повинной?

Как получилось, что законом предусмотрена реабилитация лиц, подвергнутых принуждению со стороны государства, а потерпевшим от преступных посягательств ущерб государством не возмещается?

Впрочем, предыдущий тезис вполне объясним: исходя из ответов многих респондентов главной целью уголовного процесса является защита прав и свобод обвиняемого (преступника), а не реализация уголовной ответственности и защита законных интересов потерпевшего от преступления.

Думается, что приведенных примеров внутренних противоречий уголовного процесса достаточно, чтобы сделать некоторые выводы.

После «столкновения» подобной взаимоисключающей информации сознание человека вполне закономерно «раздваивается», и в итоге он начинает действовать неадекватно сложившейся ситуации. У правоприменителя «сбивается» шкала оценок, становится невозможным верно истолковать норму и действовать согласно ее предписаниям в конкретной ситуации по уголовному делу, уголовно-процессуальные процедуры начинают восприниматься лишь как сложные бессмысленные формы.

Именно поэтому следователь (или другой правоприменитель) готов слушать «советы» своего непосредственного начальника, надзирающего прокурора и действовать согласно их указаниям, но только не своему личному внутреннему убеждению. Руководители же в свою очередь сами находятся в аналогичной ситуации, и их «советы» далеко не всегда принимаются на основе ст.7 УПК РФ «Законность при производстве по уголовному делу», ст.17 УПК РФ «Свобода оценки доказательств» и ст.88 УПК РФ «Правила оценки доказательств».

В итоге мы имеем «устный» уголовный процесс, приспособленный к современным сиюминутным «нуждам». О «писаном» никто и не вспоминает, за исключением отдельных цитат, избирательно используемых для доказывания положений «устного». В связи с этим и слышим мы часто от своих респондентов при обсуждении тех или иных уголовно-процессуальных действий весьма интересную мотивировку их процессуального поведения: «Мы так всегда делаем» или «Мы так не делаем». И все это вместо внутреннего убеждения, законности, обоснованности, мотивированности, справедливости и совести.

---

¹ *Суггестия* – воздействие на личность, приводящее либо к появлению у человека помимо его воли и сознания определенного состояния, чувства, отношения, либо к совершению человеком поступка, непосредственно не следующего из принимаемых им норм и принципов деятельности. Объектом суггестии может быть как отдельный человек, так и группы, коллективы, социальные слои. См: Большая энциклопедия Кирилла и Мефодия [Электронный ресурс]. – М., 2002.

ОСОБЕННОСТИ И ПЕРСПЕКТИВА РАЗВИТИЯ СУДЕБНОГО КОНТРОЛЯ НА ДОСУДЕБНЫХ СТАДИЯХ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Стерхова И.С.
Восточно-Сибирский институт МВД
России

Развитие отечественной практики судебного контроля на досудебных стадиях уголовного процесса можно разделить на три хронологических периода – досоветский, советский и постсоветский. Их сравнительный анализ раскрывает не только соответствующие особенности, но и перспективу этого развития.

Переход российского общества к капиталистическому способу производства во второй половине XIX в. обусловил необходимость соответствующей защиты прав и законных интересов личности. В связи с этим специальной комиссией под руководством С.З.Зарудного в 1864 г. были разработаны утвержденные Александром II «Основные положения уголовного судопроизводства», реализация которых и привела к возникновению функции судебного контроля, закрепленной судебными уставами 1864 г.

Оформившись и как самостоятельный уголовно-процессуальный институт, и как одна из важнейших разновидностей судебной деятельности, судебный контроль развивался в направлении, которое обеспечивало, с одной стороны, гарантированную защиту прав и законных интересов личности, с другой – возможность эффективной реализации судом контрольных полномочий.¹ Судебный контроль становился все более самостоятельным и независимым, освобождаясь от односторонней ангажированности устремлениями как исполнительной власти, так и отдельной личности.

Монополизация собственности государством, начавшаяся после Октября 1917 г., изменила вектор этого развития. В условиях советской действительности с абсолютным подчинением интересов личности государству судебный контроль неизбежно утрачивал свою независимость.

Инквизиционные, всецело публичные начала уголовного процесса, обеспечивавшие интересы политической власти, а priori не могли содержать норм, позволявших личности противопоставить себя всеильному государству и поспорить с ним в независимом и беспристрастном суде.

Идея независимого судебного контроля за действиями или решениями органов государственной власти оказалась настолько

не востребованной, что, как отмечает И.Ю.Таричко, ее не удалось «реанимировать» ни на законодательном, ни на исследовательском уровнях.²

Отказ государства от монопольного владения собственностью, произошедший в ходе модернизации российского общества конца XX в., вновь обусловил необходимость соответствующей защиты прав и законных интересов личности, потребовав возрождения и дальнейшей реализации идеи независимого судебного контроля.

Однако, благодаря революционному характеру развернувшихся в стране преобразований, реализация идеи независимого судебного контроля началась с либерализации законодательства, а не с создания условий для правоприменительной практики, основанных на разработанных специалистами рекомендациях. В результате на смену присущей советскому времени абсолютной зависимости судебного контроля от интересов государства пришла его зависимость от интересов отдельной личности, причем нередко в ущерб интересам и государства, и общества, и отдельных граждан.

Расширение сферы судебного контроля УПК РФ предельно усиливает защищенность прав подозреваемого или обвиняемого, но в то же время приводит к созданию условий для его уклонения от ответственности либо к неоправданному смягчению наказания, что противоречит назначению уголовного судопроизводства. Результатом принятия судом решений о производстве осмотра жилища при отсутствии согласия проживающих в нем лиц, обыска и выемки в жилище, личного обыска, выемки предметов и документов, содержащих информацию о вкладах и счетах в банках и иных кредитных организациях, о наложении ареста на корреспонденцию и выемке ее в учреждениях связи, наложении ареста на имущество, включая вклады, контроле и записи телефонных переговоров является замена судебным контролем прокурорского надзора.

Однако, выполняя контрольные функции, суд, в отличие от прокурорского надзора, не дает конкретных указаний, выполнение которых обеспечивает установление истины по уголовному делу, он ограничивается общей оценкой законности или обоснованности принятого решения. Руководствуясь принципом состязательности, суд пассивно наблюдает за действиями сторон. В итоге целью уголовного процесса становится не поиск истины по уголовному делу, а соблюдение установленной законом процедуры. В случае ее нарушения доказательства признаются недопустимыми и лицо, привлеченное к уголовной ответственности, оправдывается неза-

висимо от тяжести предъявленного обвинения и имевшихся сведений, положенных в его основу.

УПК РФ расширил возможности состязательности на досудебных стадиях уголовного судопроизводства, предоставив подозреваемому, обвиняемому более широкие права, в том числе по обжалованию любых процессуальных действий и решений следователя и прокурора. Произошло это за счет сужения возможностей правоприменителя быстро и полно раскрыть и расследовать преступление.

Используя положения действующего уголовно-процессуального закона, можно одной только подачей в суд различных, в том числе и необоснованных, жалоб блокировать скорейшее движение уголовного дела в направлении поиска объективных доказательств, поскольку орган расследования будет вынужден отвлекаться на подготовку и предоставление необходимых материалов, участие в совещаниях у прокурора и в судебных заседаниях. В этом случае принцип состязательности заменил принцип быстроты и полноты предварительного следствия, а это, в свою очередь, противоречит требованию ч.1 ст.6 УПК РФ, определяющей в качестве первоочередного назначения уголовного судопроизводства защиту прав и законных интересов потерпевших от преступлений.

Кроме того, потерпевшему не предоставляется никаких прав при подаче жалоб другими участниками расследования, причем даже в тех случаях, когда рассматривается жалоба обвиняемого или подозреваемого, затрагивающая интересы потерпевшего. Например, при рассмотрении жалоб обвиняемого об отмене или изменении меры пресечения, об отмене ареста, наложенного на его имущество, и т.п. Очевидно, как указывает Ф.Н.Багаутдинов, что любое обжалуемое обвиняемым, подозреваемым и их защитниками решение или действие органов расследования в той или иной мере затрагивает интересы потерпевшего, и учет его мнения здесь необходим.³

Закон не содержит и требования об извещении потерпевшего о поступлении в суд и рассмотрении жалоб других участников судопроизводства в порядке судебного контроля, тем самым потерпевший лишен возможности высказать свое мнение по существу поданной жалобы. Теперь обвиняемый и его защитник не могут ограничиваться во времени, необходимом им для ознакомления с материалами уголовного дела. Возможности защиты прав и свобод обвиняемого вновь расширились, но нанесен очевидный вред как публичным интересам, так и правам других участников расследования, включая потерпевшего.

Односторонняя детерминированность судебного контроля устремлениями отдельной личности в ущерб интересам государства, а также правам и свободам других граждан явно не соответствует современным потребностям российского общества. Есть все основания полагать, что через разрешение этой проблемы лежит путь дальнейшего развития отечественной теории и практики судебного контроля на досудебных стадиях уголовного процесса.

---

¹ Таричко, И.Ю. Функция судебного контроля в российском уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук / И.Ю.Таричко. – М., 2003. – С.18-19.

² Там же. – С.93-94.

³ Там же. – С.52.

КОНЦЕПЦИЯ ОХРАНЫ ИМУЩЕСТВА И ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Азаров В.А., д.ю.н., профессор,
заслуженный юрист РФ
Омский государственный университет
им. Ф.М.Достоевского

Абдрахманов М.Х.
Омский государственный университет
им. Ф.М.Достоевского

Принятие в 2001 г. Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации ознаменовало собой повышение количества правовых предписаний, призванных регламентировать вопросы вовлечения и участия юридических лиц в уголовном судопроизводстве.

В частности, защита прав и законных интересов организаций (юридических лиц), потерпевших от преступления, признается назначением (задачей) уголовного судопроизводства (п. 1 ч. 1 ст. 6 УПК РФ), что во многом обусловлено развитием рыночной экономики, ростом числа хозяйствующих субъектов, в связи с чем возникла потребность обеспечить участников имущественного оборота защитой не только от недобросовестного поведения контрагентов, но и от преступных посягательств. Вместе с тем законодатель не ограничился лишь возведением защиты прав и интересов пострадавших от преступных деяний организаций в ранг задачи уго-

ловно-процессуальной деятельности. Впервые в истории отечественного законодательства в УПК РФ появилась норма, предоставившая юридическим лицам возможность приобретать процессуальный статус потерпевшего в случае причинения преступлением вреда их имуществу и деловой репутации (ч. 1 ст. 42 УПК РФ).

Выделение имущества и деловой репутации в ранг объекта первоочередной (применительно к юридическим лицам) охраны в уголовном процессе объясняется тем обстоятельством, что юридические лица, как правило, создаются в целях извлечения прибыли (коммерческие организации), а также для удовлетворения духовных, культурных, социальных и иных неэкономических потребностей (некоммерческие организации). Ввиду этого посягательства на имущественные интересы и умаление деловой репутации весьма ощутимо влияют на успешность деятельности того или иного юридического лица по достижению целей, ради которых они были созданы. Иными словами, в рассматриваемой сфере общественных отношений юридические лица в приоритетном порядке пользуются правовой охраной не любых интересов, могущих быть затронутыми при производстве по уголовному делу, а лишь имущества и деловой репутации как наиболее важных ценностей, принадлежащих данному субъекту.

Ранее одним из авторов настоящей статьи была разработана и предложена научной общественности концепция охраны имущественных интересов личности в уголовном судопроизводстве, в рамках которой предлагается комплексное решение вопросов обеспечения имущественных интересов, затрагиваемых как фактом причинения материального ущерба преступлением, так и вовлечением граждан в любом процессуальном качестве в производство по уголовному делу.¹ Анализ действующего уголовно-процессуального законодательства позволяет утверждать, что выделенные направления уголовно-процессуальной охраны могут быть распространены на имущество и деловую репутацию юридических лиц.

Имущество и деловая репутация юридических лиц являются объектом охраны от преступных посягательств, что находит законодательное подтверждение в предоставлении юридическим лицам возможности приобретать процессуальный статус потерпевшего по уголовному делу (ч.1 ст.42 УПК РФ). Организации, обладающие статусом юридического лица и понесшие вред от преступления, вправе предъявить требование о возмещении имущественного вреда (ч.1 ст.44 УПК РФ). Охранительное воздействие уголовно-процессуального закона проявляется в том, что юридическому лицу, имущественные права и интересы которого нарушены пре-

ступным посягательством, предоставляется легальная возможность добиваться восстановления первоначального имущественного положения. Вопрос о возможности возмещения вреда, связанного с умалением преступным посягательством деловой репутации юридического лица, является дискуссионным, не нашедшим однозначного отражения в действующем законодательстве, поскольку, с одной стороны, УПК РФ устанавливает, что юридическое лицо в случае причинения вреда его деловой репутации признается потерпевшим (ч.1 ст.42), с другой – уголовно-процессуальный закон предусматривает, что гражданский истец вправе предъявить гражданский иск для имущественной компенсации морального вреда (ч.1 ст.44). В результате в научной литературе, а также в судебной практике сложились две кардинально противоположные позиции относительно возможности использования института компенсации морального вреда для защиты деловой репутации юридического лица.

Как было установлено, охрана деловой репутации юридических лиц в уголовном процессе может быть рассмотрена не только в связи с фактом совершения преступления, но и в связи с причинением юридическим лицам вреда, возникшего в результате производства процессуальных действий либо принятия процессуальных решений. Одной из новелл УПК РФ является норма, в соответствии с которой вред, причиненный юридическим лицам незаконными действиями (бездействием) и решениями суда, прокурора, следователя, дознавателя, органа дознания, возмещается государством в полном объеме в порядке и сроки, которые установлены гл.18 УПК РФ (ст.139). Между тем анализ данной главы свидетельствует об отсутствии действенных механизмов для полноценной реализации отмеченного законодательного предписания.

Детальное изучение уголовно-процессуального закона дает возможность утверждать, что второе из упомянутых выше направлений уголовно-процессуальной охраны имущества и деловой репутации юридических лиц находит свое отражение также в ряде иных норм УПК РФ. Так, для юридических лиц, вовлекаемых в производство по уголовному делу посредством придания им статуса гражданского ответчика, закон предоставляет обширный комплекс правомочий, позволяющий соответствующим юридическим лицам защищаться от выдвинутых в отношении них исковых требований (ст.54 УПК РФ). В целях охраны имущественных интересов юридического лица, выступающего в ходе производства по уголовному делу в качестве залогодателя, данному субъекту должно быть разъяснено существо подозрения, обвинения, в связи с которым в качестве меры пресечения избирается залог, а также

связанные с ним обязательства и последствия их невыполнения или нарушения (ч.3 ст.106 УПК РФ). Предусмотренный законом процессуальный порядок наложения ареста на имущество юридического лица требует от органов предварительного расследования получения разрешения суда (п.9 ч.2 ст.29 УПК РФ), что также расценивается нами как существенная гарантия имущественных интересов вовлекаемых в сферу уголовного судопроизводства юридических лиц. При производстве обыска в принадлежащем юридическому лицу помещении вправе присутствовать адвокат такого лица (ч.11 ст.182 УПК РФ).

Подводя итоги, хотелось бы отметить, что современный уровень развития науки уголовного процесса и соответствующей отрасли законодательства дает возможность обосновать концепцию охраны имущества и деловой репутации юридических лиц, в рамках которой упомянутые социальные ценности предлагается охранять как от преступных посягательств, так и от незаконной деятельности властных субъектов уголовного процесса.

---

¹ Азаров, В.А. Проблемы теории и практики охраны имущественных интересов личности в уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... док. юрид. наук / В.А.Азаров. – М., 1996.

УЧАСТНИКИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА: ЗНАЧЕНИЕ ПРАВОВЫХ ПОЗИЦИЙ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РФ

Смирнова И.Г., к.ю.н., доцент
Байкальский государственный университет экономики и права

Опираясь на идеи состязательного построения российского уголовного судопроизводства, законодатель поставил точку в споре о классификации участников уголовно-процессуальной деятельности, разделив их на четыре классификационных группы: суд (гл.5 УПК РФ); участники уголовного судопроизводства со стороны обвинения (гл.6 УПК РФ); участники уголовного судопроизводства со стороны защиты (гл.7 УПК РФ); иные участники уголовного судопроизводства (гл.8 УПК РФ).

Процессуальное положение любого лица, участвующего в деле, характеризуется наличием законодательно закрепленных прав и обязанностей. Вместе с тем не всегда однозначность суще-

ствующих законодательных формулировок является гарантом их конституционности.

Так, ч.8 ст.42 УПК РФ закрепляет положение о переходе прав потерпевшего к одному из его близких родственников по уголовным делам о преступлениях, последствием которых явилась смерть лица. В связи с этим в Конституционный Суд РФ Волгоградским гарнизонным военным судом был направлен запрос о проверке конституционности указанной нормы как не позволяющей наделять правами потерпевшего двух и более близких родственников погибшего.

В соответствии с Декларацией основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью от 29 ноября 1985 г. жертвами преступления являются лица, которым индивидуально или коллективно был причинен вред, включая телесные повреждения или моральный вред, эмоциональные страдания, материальный ущерб или существенное ущемление их основных прав в результате действия или бездействия, нарушающего действующие национальные уголовные законы. Соответственно, понятие «жертва» включает в себя также близких родственников или иждивенцев непосредственной жертвы.

С приведенными положениями согласуется содержащееся в ч.1 ст.42 УПК РФ определение потерпевшего как лица, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред либо вред деловой репутации. По буквальному смыслу данной нормы правовой статус лица как потерпевшего устанавливается исходя из фактического его положения: он лишь процессуально оформляется постановлением дознавателя, следователя, прокурора или суда о признании потерпевшим, но не формируется им. Обеспечение же гарантируемых Конституцией РФ прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве обусловлено не формальным признанием лица тем или иным участником уголовного судопроизводства, в частности потерпевшим, а наличием определенных сущностных признаков, характеризующих фактическое положение этого лица как нуждающегося в обеспечении соответствующих прав. Таким образом, предназначение нормы, закрепленной в ч.8 ст.42 УПК РФ, состоит не в том, чтобы ограничить число лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве в качестве потерпевших, а в том, чтобы определить круг близких родственников погибшего, которые могут претендовать на участие в производстве по уголовному делу в этом процессуальном статусе. Следовательно, указанная норма не может истолковываться правоприменительной практикой как не допускающая возможность

наделения правами потерпевшего по уголовному делу о преступлении, последствием которого явилась смерть лица, одновременно нескольких его близких родственников, и не может расцениваться как нарушающая конституционные права этих лиц.¹

В последние годы понятие защиты стало использоваться в более широком смысле: ученые-процессуалисты стали указывать на необходимость не только защиты обвиняемого, но и защиты «от обвиняемого», например, потерпевших и других участников уголовного судопроизводства.² В связи с этим в правоприменительной практике институт представительства вызывает все больше вопросов. Согласно ч.1 ст.45 УПК РФ представителями потерпевшего, гражданского истца и частного обвинителя могут быть адвокаты, а представителями гражданского истца, являющегося юридическим лицом, – также иные лица, правомочные в соответствии с ГК РФ представлять его интересы. По постановлению мирового судьи в качестве представителя потерпевшего или гражданского истца могут быть допущены один из близких родственников либо любое иное лицо. Указанная норма, таким образом, не только устанавливает правила допуска представителей в уголовном судопроизводстве, но и определяет круг лиц, которые могут быть допущены к участию в деле в качестве представителей. Такое ограничение на возможность участия в качестве представителей участников судопроизводства лиц, не являющихся адвокатами, стало предметом рассмотрения в Конституционном Суде РФ, который по данному вопросу указал следующее.

Согласно ч.1 ст.48 Конституции РФ каждому гражданину гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи. Каждый задержанный, заключенный под стражу, обвиняемый в совершении преступления имеет право пользоваться помощью адвоката (защитника). Таким образом, Конституция РФ гарантирует право на получение квалифицированной юридической помощи в лице адвоката для подозреваемых и обвиняемых, а не для иных участников уголовного судопроизводства, что нашло свое закрепление в ст.49 УПК РФ, согласно которой защитник – лицо, осуществляющее в установленном порядке защиту прав и интересов подозреваемых и обвиняемых и оказывающее им юридическую помощь при производстве по уголовному делу; в качестве защитников допускаются адвокаты.

Что касается потерпевших, в том числе признанных гражданскими истцами, то Конституция РФ не ограничивает круг лиц, которые вправе оказывать им квалифицированную юридическую помощь. Такой подход нашел свое закрепление и конкретизацию в ч.1

ст.45 УПК РФ, предусматривающей при осуществлении уголовного судопроизводства мировым судьей возможность участия в качестве представителя потерпевшего и гражданского истца – помимо адвоката – одного из близких родственников потерпевшего либо иного лица, о допуске которого ходатайствует потерпевший или гражданский истец. Лишение потерпевшего и гражданского истца по уголовным делам, подсудным федеральным судам, права обратиться к другим лицам, способным оказать, по их мнению, квалифицированную юридическую помощь, фактически привело бы к понуждению этих участников уголовного судопроизводства использовать только один способ защиты. Такое ограничение, вопреки требованиям Конституции РФ, значительно сузило бы возможности потерпевшего и гражданского истца свободно выбирать способ защиты своих интересов, а также право на доступ к правосудию.

Следовательно, содержащееся в ч.1 ст.48 Конституции РФ положение о том, что каждому гарантируется получение квалифицированной юридической помощи, означает конституционную обязанность государства обеспечить каждому желающему достаточно высокий уровень любого из видов предоставляемой юридической помощи, но не обязанность потерпевшего и гражданского истца пользоваться помощью только адвоката.³

---

¹ По запросу Волгоградского гарнизонного военного суда о проверке конституционности части восьмой статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 18 января 2005г. №131-О // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2005. – №24. – Ст.2424; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Зевакина Юрия Александровича на нарушение его конституционных прав статьей 42 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 16 марта 2006 г. №67-О // СПС КонсультантПлюс.

² См., напр.: Поляков, М.П. О дуализме института защиты в уголовном судопроизводстве: конкретизация проблемной ситуации / М.П.Поляков // Вестник Нижегородского университета им. Н.И.Лобачевского. Законные интересы граждан и правовые средства их защиты в России / под ред. В.Т.Томина, И.А.Склярова. – Н.Новгород, 1997. – С.18-24 и др.

³ По жалобам граждан Л.Д.Вальдмана, С.М.Григорьева и региональной общественной организации «Объединение вкладчиков «МММ» на нарушение конституционных прав и свобод рядом положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации и Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» : определение Конституционного Суда РФ от 5 декабря 2003 г. №446-О // СПС КонсультантПлюс; По жалобе Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации на нарушение конституционных прав гражданки Г.М.Ситяевой

частью первой статьи 45 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 5 декабря 2003 г. №447-О // СПС КонсультантПлюс; По жалобе гражданки Ивкиной Валентины Оноприевны на нарушение ее конституционных прав частью первой статьи 45 и статьей 405 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 5 февраля 2004 г. №25-О // СПС КонсультантПлюс; По жалобе гражданина Саблина Олега Викторовича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 24 ноября 2005 г. №431-О // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2006. – №2.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ ОБВИНЯЕМОГО И ПОТЕРПЕВШЕГО КОНСТИТУЦИОННЫМ СУДОМ РОССИИ

Безруков А.В., к.ю.н., доцент
Сибирский юридический институт
МВД России

Регламентация правового статуса главных участников уголовного процесса – обвиняемого и потерпевшего – берет начало с Конституции РФ, которая в гл.2 закрепляет основные права и свободы человека, устанавливая основополагающие принципы правового статуса личности – судебная защита (ст.47), право на юридическую помощь (ст.48), презумпция невинности (ст.49), защита прав потерпевших (ст.52) и др., которые нашли свое законодательное закрепление в отраслевом законодательстве, в действующем УПК РФ (ст.ст.6-19 УПК РФ).

Однако регламентация прав обвиняемого и потерпевшего осуществляется не только законодателем (ст.ст.42, 48 УПК РФ). Неоднократно орган конституционного контроля – Конституционный Суд РФ (далее – Суд) – корректировал и формулировал правовые позиции, уточняющие, обеспечивающие права обвиняемого и потерпевшего.

Правам обвиняемого Суд неоднократно уделял внимание. Пожалуй, одним из знаменательных решений Суда явилось постановление от 2 февраля 1999 г., когда Суд приостановил применение исключительной меры наказания – смертной казни – до введения в действие федерального закона, обеспечивающего каждому обвиняемому в преступлении на всей территории России право на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей.

Принципиальным явилось решение 27 марта 1996 г., в котором сформулирована позиция о том, что нормы, ограничивающие права обвиняемого на выбор адвоката по своему усмотрению, если у последнего отсутствует допуск к государственной тайне, ущемляет право на получение квалифицированной юридической помощи, гарантированное Конституцией РФ. Однако в постановлении от 28 января 1997 г. Суд уточнил, что право на самостоятельный выбор защитника не предполагает участие в уголовном процессе любого лица. Защитник должен обладать профессиональными навыками и отвечать ряду законодательно установленных критериев. Кроме того, по своей инициативе Суд указал, что представитель профсоюза или другого общественного объединения не может осуществлять защиту, поскольку не имеет юридического образования, профессиональных знаний и опыта для квалифицированной юридической помощи. Примечательно, что данная правовая позиция не отмечена в резолютивной части решения, так как заявители не ставили вопрос о допуске к защите представителя профсоюза. Тем не менее в УПК РФ законодателем не предусмотрена возможность участия представителя профсоюза или другого общественного объединения в качестве возможных защитников (ст.49), что свидетельствует о влиянии правовых позиций Суда на законодателя.

Важным решением, в первую очередь для правоприменителя, корректирующим законодателя, явилось постановление от 27 июня 2000 г., где Суд признал неконституционной ст.47 УПК РСФСР и подчеркнул, что право на защитника возникает у лица с момента фактического задержания, а не с формального момента предъявления обвинения или составления протокола задержания. На практике лицо первоначально было допрошено в качестве свидетеля, а затем становилось обвиняемым, особенно часто это применялось по неосторожным преступлениям. И теперь это зафиксировано в УПК РФ (ст.ст.5, 49).

Другой блок решений – подтверждение Судом возможности судебного обжалования решений о прекращении уголовного дела. В постановлении от 13 ноября 1995 г. Суд признал принципиальную возможность такого обжалования, а в постановлении от 28 октября 1996 г. признал конституционной ст.6 УПК РСФСР, предусматривающую возможность прекращения уголовного дела вследствие изменения обстановки, но вместе с тем подчеркнул, что прекращение дела по такому основанию не означает установление виновности лица; лицу обеспечивается возможность реализации права на судебную защиту; прекращение по указанному основанию возможно лишь с согласия лица, в отношении которого

оно прекращается. Такая позиция остается актуальной при прекращении уголовного преследования в связи с деятельным раскаянием, где лицу разъясняется право возражать против прекращения уголовного преследования (ст.28 УПК РФ).

В другом решении (от 6 июля 1998 г.) Суд признал неконституционной ч.5 ст.325 УПК РСФСР, где осужденный лишается права на обжалование в кассационном порядке приговора Верховного Суда РФ. Позднее (10 декабря 1998 г.) Суд признал неконституционными положения ст.335 УПК РСФСР в части, позволяющей суду кассационной инстанции рассмотреть дела без участия осужденного, не предоставив ему возможности ознакомиться с материалами судебного заседания и изложить свою позицию по рассмотренным судом вопросам.

Неоднократно Суд вставал и на защиту прав потерпевшего. В постановлении от 15 января 1999 г. Суд признал неконституционными положения ст.295 УПК РСФСР, на основании которых потерпевший по уголовному делу не допускался к участию в судебных прениях. В указанном решении Суд анализирует положения ст.295 УПК РСФСР и сопоставляет их с другими статьями УПК РСФСР, международными актами, а также Конституцией РФ, ст.52 которой гарантирует охрану законом права потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью, доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба.

Важно обратить внимание и на те случаи, когда Суд защищал конституционные права обеих сторон процесса. Так, в постановлении от 23 марта 1999 г. Суд признал не соответствующими Конституции РФ нормы ст.ст.218 и 220 УПК РСФСР, которые исключали в ходе предварительного следствия для заинтересованных лиц возможность судебного обжалования действий и решений правоохранительных органов. В постановлении от 14 февраля 2000 г. Суд пришел к выводу о неконституционности положений ст.377 УПК РСФСР, предусматривающих возможность суду надзорной инстанции рассмотреть дело без ознакомления сторон с протестом, без представления возможности как осужденному (оправданному), так и потерпевшему довести свою позицию до суда.

Обозначенные правовые позиции были в основном учтены законодателем при разработке и принятии УПК РФ. Однако правоприменительная практика на основе УПК РФ показала его непротиворечивость. Поэтому в дальнейшем, после принятия УПК РФ, многие вопросы, касающиеся статуса обвиняемых и потерпевших, вновь стали предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ. Так, в постановлении от 8 декабря 2003 г. было подтверждено

право потерпевшего обжаловать в кассационном порядке решение суда, связанное с отказом государственного обвинителя от обвинения, что согласуется с другими нормами УПК РФ, предусматривающими возможность обжалования не вступивших в силу судебных решений. В постановлении от 24 апреля 2003 г. по делу о проверки конституционности постановления Государственной Думы от 26 мая 2000 г. об объявлении амнистии Суд отметил, что ни объем, ни степень гарантированности потерпевшим конституционного права на судебную защиту не могут зависеть от того, было ли государством осуществлено полностью уголовное преследование или же оно завершилось изданием акта амнистии. Неучастие потерпевшего в определении решения суда о применении акта амнистии не дает оснований для отстранения его от решения иных вопросов по уголовному делу.

Важным решением в деле защиты пострадавших от преступных деяний явилось постановление Суда от 27 июня 2005 г., в котором были признаны неконституционными положения УПК РФ, позволяющие правоохранительным органам не в полном объеме реагировать на заявления граждан по некоторым составам преступлений УК РФ (легкое причинение вреда здоровью, побои – ст.ст. 115, 116 УК РФ). Такие нормы, верно отмечает В.Д.Зорькин, приводили к фактической безнаказанности множества хулиганов и членов организованных преступных групп, что влекло рост преступности против жизни и здоровья личности.¹ И действительно, Суд устранил одно из условий совершения таких преступлений и как минимум поспособствовал сокращению их числа.

Постановлением Суда от 11 мая 2005 г. ст.405 УПК РФ была признана неконституционной в той мере, в какой она, не допуская поворот к худшему при пересмотре судебного решения в порядке надзора по жалобе потерпевшего (его представителя) или по представлению прокурора, не позволяет тем самым устранить допущенные в предшествующем разбирательстве существенные (фундаментальные) нарушения, повлиявшие на исход дела. Причем Суд, подменяя законодателя, постановил, что впредь до внесения соответствующих изменений в законодательство пересмотр в порядке надзора по жалобе потерпевшего или представлению прокурора обвинительного приговора, а также определения и постановления суда в связи с необходимостью применения уголовного закона о более тяжком преступлении, ввиду мягкости наказания или по иным основаниям, влекущим за собой ухудшение положения осужденного, а также оправдательного приговора либо определения или постановления суда о прекращении уголовного дела, до-

пускается лишь в течение года по вступлении их в законную силу (курсив наш. – А.Б.).

Иногда Суду приходится дублировать и подтверждать сформулированные позиции, как, например, в определении от 9 июня 2004 г., где Суд подчеркнул, что положения ч.7 ст.236 УПК РФ, исключаящие обжалование принятого по результатам предварительного слушания судебного решения о направлении уголовного дела по подсудности, не подлежат применению судами как признанные ранее неконституционными.

Таким образом, очевидно, что законодательная регламентация правового статуса обвиняемого и потерпевшего не является исчерпывающей, постоянно дополняется и корректируется решениями Суда, которые включаются в содержание отраслевых процессуальных норм, однако не всегда полностью и своевременно. Поэтому необходимо, во-первых, проработать механизм такой своевременной инкорпорации решений Суда в уголовно-процессуальное законодательство и, во-вторых, обратить внимание законодателя на качественную и последовательную разработку отраслевых норм, учитывая как позиции Конституционного Суда РФ, так и сложившуюся правоприменительную практику. Только в таком случае человек, в том числе и участник одной из сторон уголовного процесса, может быть уверен, что государственные органы надлежащим образом обеспечили или как минимум создали необходимые условия для эффективной реализации и защиты его прав и свобод.

---

¹ Зорькин, В.Д. Верховенство права и конституционное правосудие / В.Д.Зорькин // Журнал российского права. – 2005. – №12. – С.33-35.

НЕЗАВИСИМОСТЬ СУДЕЙ КАК ГАРАНТИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Лукошкина С.В., к.ю.н.

Байкальский государственный университет экономики и права

В правовом государстве, где судебная власть является главной контролирующей константой, судебные решения, судебная практика неизбежно становятся источниками права. Мнение суда о содержании правовых норм является самым авторитетным. Постановление суда, вступившее в законную силу, является окончатель-

ным, и, как правило, никто не вправе его отменить. Как говорится в документе ООН «Основные принципы, касающиеся независимости судебных органов», судьи принимают «окончательное решение по вопросам жизни и смерти, свободы, прав, обязанностей и собственности граждан». Это обстоятельство служит ещё одним и к тому же наиболее веским аргументом при обосновании роли судебной власти в государстве и обществе.

Конституция РФ провозгласила права и свободы человека высшей социальной ценностью и возложила на государство обязанность по их соблюдению и защите. В реализации этой государственной функции принимают участие все ветви власти, но центральное место во всём правозащитном механизме всё-таки отводится судебной системе.

Судебная защита может стать полной и эффективной лишь при условии подлинной самостоятельности судебной власти и реальной независимости судей как основных гарантий прав и свобод граждан, имеющих важное концептуальное значение, поскольку в общественном сознании сложилось мнение, согласно которому самостоятельность и независимость нужны самим носителям судебной власти: для самоутверждения судебной власти, решения его внутренних проблем, установления льгот и привилегий.

В.В.Ершов подчёркивает, что независимость суда в правовом государстве не является самоцелью судей, а в конечном итоге служит обязательным, жизненно важным условием обеспечения прав и свобод граждан.¹

С принятием Закона РФ от 26 июня 1992 г. «О статусе судей в Российской Федерации», Конституции РФ 1993 г., Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 г. «О судебной системе Российской Федерации», Федерального закона от 15 декабря 2001 г. «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации "О статусе судей в Российской Федерации"» и Уголовно-процессуального кодекса РФ была в основном сформирована нормативная база самостоятельности судебной власти, независимости судей, а также система их правовых гарантий. В названных источниках законодатель закрепил такие понятия, как «независимость судей», «неприкосновенность судей», «независимое правосудие», «независимость судов», «самостоятельность судов», «независимость судебной власти», «самостоятельность судебной власти».

Раскрывая данные категории, одни авторы считают, что правосудие является независимым потому, что оно осуществляется никому не подотчётным и независимым должностным лицом – судьёй. Наряду с этим авторы отрицают легитимность и конститу-

ционность таких категорий, как «независимость суда», «независимость судебной власти», и предлагают внести изменение в закон «О судебной системе Российской Федерации», поскольку считают, что содержащееся в нём положение о независимости судов (п.1 ст.5) противоречит ст.10 Конституции РФ.² Другие учёные вносят предложение ввести принцип независимости судебной власти в разряд конституционных положений, что расширит словарный запас Конституции РФ и исключит толкование понятия независимости судебной власти через содержание независимости судей.

Представляется, что первая позиция является спорной, поскольку именно суды и судебная власть осуществляют реализацию процессуальной функции – правосудие.

Как верно отметила Н.В.Радутная, «значительная роль в реализации фактора независимости судей принадлежит уровню правового и нравственного сознания служителей правосудия». В поддержку этой позиции следует согласиться и с мнением Г.Стасенкова о том, что судья никогда не станет поистине независимым, «пока не осознает в полной мере свою зависимость только от Закона, пока не проникнется этой зависимостью. Только тогда мы сможем получить по-настоящему независимый суд».

Переходя к рассмотрению вопроса о гарантиях независимости, предоставляемых судьям, необходимо сказать, что самостоятельность судебной власти не абсолютна, поскольку связана с другими ветвями власти набором сдержек и противовесов и органически входит в единую государственную власть.

Термин «независимость» законодатель использует только применительно к правосудию, то есть к процессуальной среде. Однако последнюю невозможно ограничивать лишь деятельностью судьи, тем более что он независим только при выполнении непосредственных обязанностей при разбирательстве дел судом. Даже единолично осуществляя правосудие и разрешая конкретное дело, судья действует не от своего имени, а от имени государства. Ещё А.Ф.Кони отмечал, что «судья – орган государства. Оно вверяет ему частицу своей власти». Вне суда и вне процессуальной формы принцип независимости судьи не действует. Таким образом, реализация процессуальной функции правосудия – исключительная прерогатива органов государства, то есть суда и судебной власти. Поэтому суд и в целом судебная власть при осуществлении правосудия обладают независимостью.

В связи с этим можно сделать вывод о том, что независимость судей означает независимую процессуальную деятельность при осуществлении правосудия, то есть в ходе рассмотрения и разре-

шения на основе материального и процессуального закона споров о праве в соответствии с профессиональным правосознанием судей и в условиях, исключающих постороннее воздействие на них.

Следует отметить, что действующее уголовно-процессуальное законодательство значительно расширило границы иммунитета указанной категории лиц, в то же время это обстоятельство не должно служить поводом для превращения иммунитета от уголовной юрисдикции в награду или личную привилегию, а должно стать эффективным правовым средством обеспечения надлежащего исполнения лицом, им обладающим, его обязанностей перед государством и обществом.

---

¹ Ершов, В.В. Статус суда в правовом государстве / В.В.Ершов. – М., 1992. – С.76-77.

² Ржевский, В.А. Судебная власть в Российской Федерации: Конституционные основы организации и деятельности / В.А.Ржевский, Н.М.Чепурнова. – М., 1998. – С.146-147.

РЕФОРМА ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНЕНИЯ В СУДЕ И ЕЕ РОЛЬ В БОРЬБЕ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Кириллова Н.П., к.ю.н., доцент
Санкт-Петербургский государственный университет

Проводимая в России судебная реформа, демократизация уголовно-процессуального законодательства оказали существенное влияние на институт поддержания государственного обвинения в суде. Участие прокурора в судебном разбирательстве уголовных дел по делам публичного и частно-публичного обвинения признано законом обязательным. Это становится приоритетным направлением деятельности прокуратуры. Результат борьбы с преступностью напрямую связан с эффективностью поддержания государственного обвинения в суде. В то же время современное состояние института поддержания государственного обвинения свидетельствует о недостаточной его эффективности.

Представляется, что реформа института поддержания государственного обвинения в суде должна осуществляться по нескольким направлениям. Первое – совершенствование процессуальной и организационной регламентации данной деятельности. Второе – внедрение специализации в деятельность государствен-

ных обвинителей и укрепление прокурорского корпуса профессиональными кадрами.

Самостоятельным направлением реформы должно стать и повышение координации деятельности должностных лиц, ответственных за предварительное расследование дела, за процессуальный контроль над расследованием и за поддержание государственного обвинения в суде. Нужно признать, что на сегодняшний день такая координация надлежащим образом в законодательстве не урегулирована, а работа в условиях УПК РФ этого настоятельно требует. Необходимость координации деятельности следователя, надзирающего прокурора и государственного обвинителя подтверждают 96% опрошенных нами следователей прокуратуры, 100% федеральных судей и 90% государственных обвинителей. В настоящее время в отдельных регионах прокуратура принимает меры к усилению такой координации, что следует рассматривать как шаг на пути к реформе института поддержания государственного обвинения. Так, прокурором Санкт-Петербурга подписан приказ от 8 декабря 2004 г. № 144 «Об организации взаимодействия оперативных сотрудников прокуратуры города при расследовании и рассмотрении в суде уголовных дел». В соответствии с п.2 данного приказа районным прокурорам предписывается по каждому уголовному делу, принятому к производству прокуратурой, закреплять работника, который будет впоследствии поддерживать государственное обвинение. По остальным делам государственный обвинитель закрепляется на этапе изучения дела и утверждения обвинительного заключения. В приказе предлагается обеспечить взаимодействие государственного обвинителя со следователем и надзирающим прокурором. Государственный обвинитель обязан рапортом докладывать вышестоящему прокурору о нарушениях закона, допущенных на стадии предварительного расследования, в случаях, когда они влекут за собой оправдательный приговор или отказ прокурора от обвинения. Рекомендуются практиковать оперативные совещания при прокуроре района в целях согласования позиции стороны обвинения. Некоторые итоги реализации указанного приказа были подведены в 2005 г. За год на основании рапортов государственных обвинителей, составленных по результатам изучения уголовных дел, возвращены для проведения дополнительного расследования 216 дел. По значительному числу дел благодаря государственным обвинителям еще на этапе предварительного расследования были восполнены пробелы и устранены допущенные нарушения, которые в суде могли повлечь за собой признание доказательств недопустимыми. По результатам изуче-

ния уголовных дел обвинители не только мотивированно указывают на необходимость проведения тех или иных следственных действий, но и ориентируют следствие на изучение судебной практики по конкретным делам.

По нашему мнению, прокурор-обвинитель и прокурор, утвердивший обвинительное заключение, должны только совместно решать вопрос об отказе от обвинения или об изменении объема обвинения. Государственный обвинитель мог бы более эффективно поддерживать государственное обвинение, если бы на законодательном уровне ему было предоставлено право совместно с прокурором, надзирающим за следствием, проверять материалы расследования в момент утверждения обвинительного заключения и давать согласие на его утверждение. Назначение государственного обвинителя в момент утверждения обвинительного заключения, предоставление ему возможности наряду с надзирающим прокурором (когда эти две процессуальные фигуры не совпадают в одном лице) оценивать материалы дела с точки зрения судебной перспективы снизили бы количество некачественно расследованных дел, направляемых в суд. Данное предложение поддержали 73% государственных обвинителей и 86% опрошенных нами федеральных судей. Действующее уголовно-процессуальное законодательство не предусматривает права государственного обвинителя до судебного разбирательства общаться с потерпевшими и свидетелями, изобличающими обвиняемого в совершении преступления, в то время как защитник вправе опрашивать лиц с их согласия, в том числе и после направления дела в суд. Предоставление такого права государственному обвинителю на этапе утверждения обвинительного заключения и после этого позволило бы ему лучше представлять себе доказательственный материал, характер и степень произошедших с ним изменений, вовремя устранить следственные ошибки и избежать необоснованного обвинения. Данное предложение нашло поддержку более чем у 84% проанкетированных нами государственных обвинителей.

Было бы целесообразным предоставить прокурору соответствующего уровня при расследовании наиболее сложных уголовных дел о тяжких и особо тяжких преступлениях возможность принимать решение о назначении потенциального государственного обвинителя еще на этапе предварительного расследования, например после предъявления обвинения. При этом будущий государственный обвинитель должен иметь право наряду с надзирающим прокурором участвовать в проведении наиболее важных и значимых следственных действий, чтобы лично наблюдать за получением и

проверкой собираемых доказательств и оценивать судебную перспективу дела. Это право можно считать дополнительной гарантией соблюдения прав участников уголовного процесса в ходе расследования, которое будет механизмом противодействия незаконным или необоснованным действиям лица, проводящего расследование. Одновременно от прокурора-государственного обвинителя следствие получит дополнительную помощь при осуществлении уголовного преследования и разделит с ним ответственность за качество получаемых доказательств. Такой подход уменьшит степень возможных взаимных претензий следователя и государственного обвинителя друг к другу по результатам уголовного преследования и позволит им провести совместную оценку возможности доказывания по данному конкретному делу в суде. Затрачивая время на участие в процессе расследования, государственный обвинитель сэкономит его при изучении материалов дела в процессе своей деятельности в судебных стадиях, так как будет уже иметь о них достаточно полное представление.

Другим вариантом решения проблемы повышения уровня координации процессуальной деятельности органов расследования и поддержания государственного обвинения может стать совмещение функций процессуального руководства расследованием и поддержания государственного обвинения в суде. В этом случае следует исходить из того, что прокурор, надзирающий за расследованием уголовного дела, будет обязан по общему правилу поддерживать по нему государственное обвинение. Это повысит степень его ответственности при осуществлении процессуального руководства следствием, поскольку будет четко прослеживаться преемственность между уголовным преследованием на досудебных и судебных стадиях уголовного процесса. По такому пути пошла, например, прокуратура Челябинской области в августе 2002 г. По приказу прокурора Челябинской области в некоторых прокуратурах области приступили к отработке новой модели организации надзора за следствием и поддержания государственного обвинения. Суть эксперимента заключается в том, что будущим государственным обвинителям поручается осуществлять надзор за расследованием дел, по которым они будут поддерживать государственное обвинение. Эксперимент дал положительные результаты. Среди федеральных судей 81% считают целесообразным совмещать функции надзора за следствием и поддержание государственного обвинения. Анкетирование государственных обвинителей свидетельствует о том, что если в 2003 г. лишь 30% опрошенных поддерживали это предложение, то в 2006 г. – 65%. Таким обра-

зом, растет понимание необходимости внедрения в практику данного предложения как среди государственных обвинителей, так и среди судей. По нашему мнению, оба предлагаемых варианта реформы государственного обвинения в суде могут служить механизмом, повышающим уровень уголовного преследования как на следствии, так и в суде.

ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В СИСТЕМЕ МЕР ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНЕНИЯ

Пономаренко О.Н.

Омская академия МВД России

В настоящее время одним из резервов повышения эффективности государственного обвинения является более полное использование должностными лицами прокуратуры возможностей, имеющихся в распоряжении органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность.

В науках уголовного процесса и оперативно-розыскной деятельности потенциал оперативных подразделений рассматривается, как правило, в контексте использования результатов ОРД в доказывании на стадии досудебного производства. К вопросу об использовании результатов ОРД на стадии судебного разбирательства ученые-процессуалисты относятся крайне осторожно. Так, В.В.Николюк и В.В.Кальницкий отмечают: «... использование результатов оперативно-розыскной деятельности на стадии рассмотрения уголовного дела в суде весьма ограничено. На практике представления оперативно-розыскной информации в суд фактически не бывает»¹.

Противоречивостью современного законодательства, затрудняющего использование оперативно-розыскных данных в уголовном судопроизводстве, является некоторая отстраненность государственного обвинителя, во-первых, от итогов доказывания на стадии досудебного производства (предварительного расследования), а во-вторых, от результатов, полученных в ходе осуществления оперативно-розыскных мероприятий.

Что касается первого обстоятельства, то согласно действующему уголовно-процессуальному законодательству государственный обвинитель, по существу, не связан выводами обвинительного заключения (в том числе и основанными на результатах оперативно-розыскной деятельности) и если в ходе судебного разбиратель-

ства он придет к убеждению, что представленные доказательства не подтверждают предъявленное подсудимому обвинение, то он отказывается от обвинения и излагает суду мотивы отказа. Полный или частичный отказ государственного обвинителя от обвинения в ходе судебного разбирательства влечет за собой прекращение уголовного дела или уголовного преследования полностью или в соответствующей его части по основаниям, предусмотренным п.п.1 и 2 ч.1 ст.24 и п.п.1 и 2 ч.1 ст.27 УПК РФ.

Неестественность ситуации заключается в том, что государственный обвинитель, являясь должностным лицом органа прокуратуры, которая в лице прокурора утверждает обвинительное заключение и направляет дело в суд, может отказаться от обвинения. Следует также учитывать, что, по сути, любое значимое процессуальное решение следователя (возбуждение уголовного дела, процессуальные действия, осуществляемые на основании судебного решения, и др.) согласовывается с прокурором. Таким образом, в соответствии с действующим законодательством досудебное следствие проходит под жестким контролем прокурора. В этих условиях ситуация, связанная с отказом прокурора от обвинения, представляется неестественной и даже надуманной.

Относительно отстраненности государственного обвинителя от результатов, полученных в ходе осуществления оперативно-розыскных мероприятий, нужно заметить, что этот аспект выступает частью более сложной проблемы доступа прокурора к оперативно-розыскным материалам на стадиях как досудебного, так и судебного производства. По смыслу закона результаты оперативно-розыскной деятельности должны представляться лишь тем органам и должностным лицам, которые определены в ст.11 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – ФЗ «Об ОРД»). К таковым относятся следователи, орган дознания и суд. Прокурора в этом перечне нет. Однако в ч.4 ст.12 ФЗ «Об ОРД» список должностных лиц, которым представляются оперативно-служебные документы, отражающие результаты оперативно-розыскной деятельности, уже расширен, и в нем присутствует прокурор, осуществляющий надзор за законностью оперативно-розыскной деятельности, который может знакомиться с соответствующими документами в порядке и случаях, установленных ФЗ «Об ОРД».

Здесь обращают на себя два обстоятельства. Во-первых, результаты оперативно-розыскной деятельности представляются только прокурору, осуществляющему надзор за ОРД, иные должностные лица прокуратуры (например, помощники прокуроров,

поддерживающие обвинение) допуска к оперативно-служебным документам не имеют.² Во-вторых, бланкетный характер ч.4 ст.12 ФЗ «Об ОРД» нормативно не обеспечен, так как «порядок и случаи» представления результатов ОРД прокурору четко законодательно не определены.

Анализируя уголовно-процессуальное законодательство и ведомственные нормативные акты, нельзя не обратить внимания еще на одно существенное обстоятельство: государственный обвинитель во время судебного производства ориентируется на взаимодействие со следователями или дознавателями, в производстве которых находилось уголовное дело. В частности, Генеральный прокурор РФ требует, чтобы государственный обвинитель тесно взаимодействовал с должностными лицами, производившими предварительное расследование, и использовал в строгом соответствии с требованиями процессуального закона имеющуюся у них информацию.³ Что же касается взаимодействия государственного обвинителя с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, то подобного указания в нормативных актах Генеральной прокуратуры РФ нет. Такой подход, видимо, можно расценить как следствие недооценки оперативно-розыскных возможностей на стадии судебного производства.

Приводя дополнительные аргументы в пользу необходимости взаимодействия прокуратуры и органов, осуществляющих ОРД, в части государственного обвинения, следует отметить, что по ряду преступлений оперативные подразделения инициативно осуществляют оперативно-розыскное обеспечение как досудебного, так и судебного производства, работая в рамках имеющихся у них дел оперативного учета. В делах оперативного учета, находящихся в производстве и во время судебного разбирательства, концентрируется значительный объем информации, которая может быть использована государственным обвинителем при построении линии обвинения в суде. Эти дела прекращаются в случаях решения задач оперативно-розыскной деятельности (ч.4 ст.10 ФЗ «Об ОРД»). В соответствии с ведомственными нормативными актами юридическим подтверждением достижения задач ОРД чаще всего является обвинительный приговор суда. Таким образом, оперативные подразделения в ходе реализации возложенных на них функций и достижения конечных целей оперативной разработки заинтересованы в сотрудничестве с государственным обвинителем.

Подводя итог изложенному, можно заключить, что оперативно-розыскное обеспечение государственного обвинения должно выступать одним из главных направлений взаимодействия проку-

ратуры и органов, осуществляющих ОРД. Его совершенствование предопределяется необходимостью решения как правовых, так и организационных проблем использования результатов оперативно-розыскной деятельности государственным обвинителем во время судебного производства.

¹ Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности»: учебное пособие / под ред. А.Е.Чечетина. – Изд. 8-е, перераб. и доп. – М., 2004. – С.117.

² Аргументацию этого положения см.: Луговик, В.Ф. Методические рекомендации о порядке представления оперативными подразделениями материалов прокурору, осуществляющему надзор за оперативно-розыскной деятельностью / В.Ф.Луговик // Оперативник (сыщик). – 2005. – № 2. – С.23.

³ См.: Об организации работы прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства : приказ Генеральной прокуратуры РФ от 3 июня 2002 г. №28, п.5 // Сборник основных организационно-распорядительных документов Генеральной прокуратуры РФ. Т.1. – М., 2004.

ПРОБЛЕМЫ ОПТИМИЗАЦИИ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПОЛОЖЕНИЯ ОРГАНОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ В СИСТЕМЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Черняков М.М., к.ю.н.

Сибирский юридический институт
МВД России

Анализ уголовно-процессуальной деятельности приводит многих авторов к выводу о том, что система процессуального контроля, призванная обеспечить законность и обоснованность действий и решений следователя, является неотъемлемой чертой российского уголовного судопроизводства. Именно процессуальный контроль имеет своей целью защиту конституционных прав и свобод граждан от их необоснованного ограничения со стороны лиц, осуществляющих предварительное расследование, а также защиту прав и интересов лиц, потерпевших от преступления.

Вопросы оптимальной организации работы следственного аппарата неразрывно связаны с институтом процессуального контроля, так как на сегодняшний день сотрудники следственных аппаратов органов внутренних дел, федеральной службы безопасности и Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков находятся в неравном положении со следователями

прокуратуры, что связано, в первую очередь, с тем, что прокурорский надзор за деятельностью своего следственного аппарата несколько иной, чем за работой других следственных служб.

Нахождение следственного аппарата в различных ведомствах означает и неравное положение в заработной плате следователей. В связи с этим в настоящее время наблюдается массовый отток опытных специалистов из органов внутренних дел в следственные подразделения других ведомств и как следствие этого – низкий уровень профессионализма в том ведомстве, которое занимается расследованием 70% уголовных дел, что, конечно же, влияет на цели и задачи процессуальной и организационной деятельности руководителей следственных служб.

Дискуссии же о реформировании следственного аппарата идут уже довольно долгое время. Так, еще М.В.Барсуков предлагал единый порядок ведения следствия, функции которого должны быть переданы вновь созданному органу или одному из уже существующих. При этом автор, мотивируя сосредоточение органов предварительного следствия в милиции, а не в прокуратуре, отмечал, что прокурор, руководя, а значит, отвечая за следствие, утрачивает необходимую независимость как орган, осуществляющий надзор за следствием. Кроме того, выступая в суде с поддержанием обвинения, прокурор, руководящий следователями, настолько связал себя всеми его достоинствами и недостатками, что вряд ли может претендовать на необходимую объективность.¹

И.Д.Перлов и М.Ю.Рагинский хотя и предусматривали как один из вариантов нахождение предварительного следствия в прокуратуре, но также подвергали его критике в связи с недопустимостью совмещения прокурорского надзора за законностью предварительного следствия с административным подчинением ему следователей, состоящих непосредственно в ведении прокуратуры.²

Г.Р.Гольст, исследуя точку зрения М.С.Строговича о необходимости нахождения в органах прокуратуры всего следственного аппарата, отмечал: «Дело заключается не в том, где будет находиться следственный аппарат – в органах прокуратуры или Министерстве юстиции, а в том, что он не должен быть соединен с оперативными органами Министерства внутренних дел»³. Аналогичную позицию о недопустимости соединения оперативно-розыскной деятельности и создания следственного аппарата в органах прокуратуры высказывают и другие авторы.⁴

В противовес данной точке зрения некоторые ученые видят выход в создании следственного комитета на базе Министерства внутренних дел.⁵ При этом в обоснование своей позиции авторы

пишут о том, что в органах внутренних дел взаимодействие между следственными и оперативно-розыскными подразделениями происходит на более высоком уровне, чем в других службах.

Мы не можем согласиться ни с одной из этих точек зрения, так как считаем, что следственный аппарат не должен находиться ни в прокуратуре, ни в органах внутренних дел. Нам представляется совершенно справедливым высказывание о том, что «ни теоретически, ни практически недопустимо соединение в одном органе выполнения различных по своей правовой природе видов деятельности: предварительного следствия и оперативно-розыскной деятельности; предварительного следствия и прокурорского надзора; предварительного следствия и уголовного преследования (поддержание обвинения)»⁶.

Мы поддерживаем точку зрения тех авторов, которые предлагают создать самостоятельный и независимый следственный комитет в целях улучшения эффективности предварительного следствия.⁷

К сожалению, на сегодняшний день следственный аппарат представляет собой не что иное, как властный инструмент борьбы в угоду ведомственным интересам. Кроме того, справедливо и высказывание о том, что существующее содержание уголовно-процессуального законодательства стало своеобразным результатом соперничества различных государственных органов, стремящихся не столько к единой, логически завершенной и непротиворечивой структуре, сколько к закреплению в ней приоритетных ведомственных интересов. Поскольку следственный аппарат никогда не имел самостоятельной организации и всегда выступал приложением более мощных ведомственных организационных систем, он, естественно, был лишен возможности на равных защищать свои насущные потребности.⁸

Данные высказывания не лишены объективности, и следственные подразделения не только служат ведомственным интересам и скрывают нарушения конституционных и иных прав и свобод граждан, но и скрывают преступную деятельность отдельных сотрудников.

На наш взгляд, представляется наиболее оптимальным выделение следственного отдела из прокуратуры, МВД, ФСБ и ФСКН и объединение в единый следственный комитет.

В заключение следует отметить, что процессуальный контроль правоохранительных органов, к сожалению, не отвечает современным требованиям и условиям борьбы с преступностью, в связи с чем необходимо на основе обобщенных точек зрения рас-

смотреть возможность совершенствования института процессуального контроля в досудебном производстве.

¹ См.: Барсуков, М.В. За дальнейшее совершенствование организации и деятельности советской милиции / М.В.Барсуков // Советское государство и право. – 1957. – №2. – С.41-43.

² См.: Перлов, И.Д. Назревшие вопросы дознания и предварительного следствия / И.Д.Перлов, М.Ю.Рагинский // Советское государство и право. – 1957. – №4. – С.115-121.

³ Гольст, Г.Р. Основные задачи предварительного расследования в советском уголовном процессе / Г.Р.Гольст // Советское государство и право. – 1957. – №8. – С.71.

⁴ См., напр.: Панченко, С. Соотношение следствия и дознания / С.Панченко // Социалистическая законность. – 1957. – №5. – С.30; Сухордеев, В.Н. К проекту Основ уголовного судопроизводства СССР и союзных республик / В.Н.Сухордеев // Советское государство и право. – 1957. – №5. – С.92; Басков, В. О предварительном следствии / В.Басков // Советская юстиция. – 1990. – №15. – С.16.

⁵ См., напр.: Абрамов, Е. Следственный комитет – ломать не строить / Е.Абрамов // Советская милиция. – 1990. – №11. – С.11-13; Тербилов, В.И. Законность и правосудие в СССР / В.И.Тербилов. – М., 1987. – С.73-74.

⁶ Деришев, Ю.В. Оптимизация досудебного производства в уголовном процессе России : монография / Ю.В.Деришев, В.В.Николюк. – Красноярск, 2003. – С.122-123;

⁷ См., напр.: Савицкий, В.М. Демократия и законность / В.М.Савицкий // Правда. – 1988. – 14 марта; Бакатин, В.В. Закон обязан защищать / В.В.Бакатин // Правда. – 1989. – 19 января; Деришев, Ю.В. Указ. соч.

⁸ См.: Жуковский, В.М. Процессуальная независимость следователя и некоторые ее гарантии / В.М.Жуковский // Предварительное следствие в условиях правовой реформы. – Волгоград, 1991. – С.39.

К ВОПРОСУ О ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ФУНКЦИИ СЛЕДОВАТЕЛЯ

Пучковская М.Е., к.ю.н., доцент
Красноярский государственный
аграрный университет

С вступлением в силу УПК РФ вопрос о функциях следователя приобрел новый оттенок. С одной стороны, принцип состязательности отнес следователя к стороне обвинения, тем самым предопределив его процессуальное положение как должностного лица, избличающего виновного. С другой стороны, отдельные нормы УПК РФ применительно к деятельности следователя продолжают оперировать словосочетанием «расследование уголовного

дела», тем самым указывая на исследовательский характер его деятельности. Возникает закономерный вопрос: каково процессуальное положение следователя с принятием нового Кодекса? Действительно ли он – обвинитель на досудебном производстве либо, несмотря на новую концепцию Кодекса, продолжает объективно, полно и всесторонне исследовать обстоятельства дела? Ведь ст.294 УК РФ по-прежнему устанавливает ответственность за воспрепятствование всестороннему, полному и объективному расследованию дела.

Несмотря на то что уголовно-процессуальный закон отказался от прямого декларирования принципа всесторонности, полноты и объективности исследования, тем не менее следует признать, что через формулировку ст.73 УПК РФ он сохраняет свое действие. Установление всех перечисленных в данной норме обстоятельств есть не что иное, как установление материальной истины по делу. Однако с появлением принципа состязательности можно разграничить «зоны ответственности» сторон в предмете доказывания. Очевидно, что именно сторона защиты имеет интерес доказывать смягчающие вину обстоятельства, положительные характеристики личности обвиняемого, обстоятельства, освобождающие от ответственности или наказания, обстоятельства, исключающие преступность или наказуемость деяния. Каждая из сторон должна внести свою лепту в установление истины по делу. С этих позиций в первую очередь следователь ответственен за функцию изобличения лица в совершении преступления. Однако нельзя не учитывать тот факт, что признаки стороны обвинения следователь приобретает тогда, когда начинает выполнять функции уголовного преследования или обвинения.

Так, п. 22 ст. 5 УПК РФ связывает понятие стороны именно с осуществляемой ею функцией. Этимология слов «преследование» и «обвинение» указывает на увязку такого рода деятельности с определенным субъектом – подозреваемым или обвиняемым. Но ведь эти участники появляются в уголовном процессе не сразу. Общеизвестно, что уголовное дело может быть возбуждено по факту, и до момента, когда в деле появится подозреваемый, может пройти определенное количество времени. Вместе с тем идет расследование, следователь собирает доказательственный материал. Какую функцию он осуществляет на данном этапе?

Более того, как следует из системного анализа понятий «уголовное судопроизводство» и «досудебное производство», уголовно-процессуальная деятельность начинается с момента получения информации о совершенном преступлении. Соответственно, в

рамках доследственной проверки следователь также обладает определенными полномочиями и осуществляет определенную функцию. Представляется, что именно на данных этапах (доследственная проверка и расследование до появления в деле подозреваемого (обвиняемого)) следователь действует не как преследователь, но как исследователь обстоятельств уголовного дела. Действительно, на ранних этапах выдвигаются и проверяются все возможные по делу версии, собираются любые фактические данные, попадающие в поле зрения следователя, независимо от того, какой характер – уличающий или оправдывающий – носит эта информация.

В тот момент, когда следователь становится стороной обвинения, собирание оправдательных или смягчающих вину обвиняемого доказательств не входит в круг его интересов и целей. Для этого в деле появляется сторона защиты. Но, несомненно, в интересах следователя использовать подобные доказательства, на которые указывает защитник, для проверки версии обвинения.

ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ ЗАДАЧАМИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Судницын А.Б.

Омская академия МВД России

Развивая общефилософский тезис, согласно которому бытие, деятельность человека определяет его сознание, мы можем утверждать, что любая человеческая деятельность носит целенаправленный характер. Она устремлена на достижение сознательно поставленных целей, без наличия которых не обладает смыслом.¹ Другим обязательным элементом человеческой деятельности, существующим наравне с целью, является задача. Указанные термины не тождественны, между ними существуют отличия. Цель устанавливает в деятельности интенциональный аспект: что должно быть достигнуто, а задача – операционный: как, каким способом это может быть достигнуто.²

Уголовный процесс как вид государственной деятельности не является исключением: он также обусловлен рядом целей, которые определяют его сущность и функционирование. Составные элементы уголовного судопроизводства – нормы, отрасли, институты – должны соответствовать и подчиняться единым целям как общему началу. Достижение целей уголовного процесса осуществляет-

ся в том числе путем исполнения задач, возложенных на органы предварительного расследования.³

И в прежнем, и в существующем в настоящее время уголовно-процессуальном законодательстве самостоятельного обозначения задач предварительного расследования нет. Законодатель, указав положение органов предварительного расследования в гл.6 УПК РФ «Участники уголовного судопроизводства со стороны обвинения», уже только этим возложил на них обязанность осуществления уголовного преследования. В связи с чем в литературе высказывались опасения, касающиеся усиления обвинительного уклона в деятельности органов предварительного расследования. Так, еще в 1998 г. А.Рогаткин и И.Петрухин отмечали, что «преследующий» по самой своей природе не может с одинаковым успехом выступать в роли «защищающего».⁴

Однако реализация функции обвинения и обвинительный уклон – вещи совершенно различные. Например, И.Михайловская совершенно справедливо отмечает, что бремя доказывания обвинения лежит на участнике процесса, выполняющем эту функцию. Положительное установление какого-либо факта невозможно без исключения иных вариантов развития событий прошлого. В связи с этим обязанность доказывания виновности обвиняемого включает в себя и обязанность органа расследования собирать и исследовать все доказательства, опровергающие версию обвинения.⁵ Действительно, в ходе производства по делу подлежат доказыванию не только обстоятельства, подтверждающие наличие преступления, виновность лица в его совершении, но и исключающие преступность и наказуемость деяния, смягчающие наказание, способные повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности, наказания и др. К таким же выводам пришел и Конституционный Суд РФ, указав в постановлении от 29 июня 2004 г. №13-П требование, согласно которому «...обвинение может быть признано обоснованным только при условии, что все противостоящие ему обстоятельства дела объективно исследованы и опровергнуты стороной обвинения».

Несмотря на попытки, преследующие цель внести ясность в вопрос о современном статусе органов предварительного расследования, ситуация существенно не изменилась. Исходя из современных реалий, функциональное предназначение указанных органов остается не в полной мере ясным. Как заметил П.И.Люблинский, «нерасчлененность в должности следователя различных процессуальных видов деятельности приводит к тому, что равновесие между ними находится в зависимости от субъек-

тивных качеств следователя и легко может быть нарушаемо в ту или иную сторону»⁶. Следует отметить, что указанное суждение, высказанное еще в 1923 г., по сей день остается актуальным. На современном этапе необходимо непредвзятое и полноценное исследование обстоятельств уголовного дела. В связи с чем статус следователя требует корректировки: он не должен быть обвинителем. Задачи, которые он призван решать, значительно обширнее. Для решения столь важного вопроса в сложившейся обстановке необходим новый концептуальный подход.

В этом качестве, по нашему мнению, могут выступать задачи предварительного расследования, которые в общем виде можно определить как заданные в определенных условиях, требующие выполнения мероприятия, направленные на достижение цели.

К задачам можно отнести ключевые аспекты деятельности следователя, которые надлежит осуществить в ходе расследования уголовного дела. Можно полностью согласиться с мнением З.Д.Еникеева, который указал, что «задачи – это ориентиры деятельности органов уголовной юстиции, без таких ориентиров, без правовой информации о задачах и путях их решения уголовно-процессуальная деятельность слепа, равносильна движению корабля без компаса, способна породить произвол, необоснованное привлечение к уголовной ответственности людей, не причастных к преступлению, или, напротив, неоправданное освобождение от воздаяния лиц, подлежащих ответственности, а также иные нарушения, ущемляющие права и интересы граждан»⁷.

Задачи аккумулируют в себе важнейшие составляющие самого предназначения предварительного расследования. Поэтому их система даст возможность получить правильное представление о направлениях деятельности органов предварительного расследования, а также об их истинном статусе. Перечень задач будет являться программой деятельности по уголовному делу, способствуя выработке оптимальных решений, не исключая, однако, самостоятельности в выборе средств и методов реализации указанных задач.

От четкого и правильного формулирования задач предварительного расследования во многом зависят целенаправленность и эффективность всей практической деятельности следователя.⁸ Установленный перечень необходимо определять исходя из современных потребностей жизни, непосредственных ориентиров деятельности для органов предварительного расследования. В качестве таковых мы не можем непосредственно применять защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, защиту личности от незаконного и необоснованного обви-

нения, осуждения, ограничения ее прав и свобод (ч.1 ст.6 УПК РФ). Система задач будет способствовать тому, что даже рядовой сотрудник органа предварительного расследования будет осознавать свою роль, роль подразделения, в целом роль предварительного расследования в осуществлении правосудия. Задачи нацелят следователя на расследование уголовного дела в точном соответствии с законом.

Ориентация следователей на задачи предварительного расследования, как на «маяки» их деятельности, будет способствовать реальному обеспечению объективности предварительного расследования, выступит гарантией того, что следователь, не преследуя интересов какой-либо из сторон участников уголовного процесса, всесторонне, полно и объективно будет исследовать обстоятельства уголовного дела. Поэтому наличие перечня задач предварительного расследования будет способствовать повышению гарантий в объективности расследования, обеспечению прав личности в уголовном судопроизводстве, укреплению законности в деятельности органов предварительного расследования. По нашему мнению, в сфере уголовного процесса эффективно защищать личность, ее права и свободы, публичные интересы можно лишь путем практического выполнения задач предварительного расследования.

¹ См., напр.: Никифоров, А.Л. Деятельность, поведение, творчество / А.Л.Никифоров // Деятельность: теории, методология, проблемы (над чем работают, о чем спорят философы). – М., 1990. – С.53.

² См.: Леонтьев, А.Н. Деятельность. Сознание. Личность / А.Н.Леонтьев // Избранные психологические произведения : в 2 т. - М., 1983. – Т.2. – С.156.

³ См.: Володина, Л.М. Задачи органов предварительного расследования / Л.М.Володина // Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе : сборник материалов международной научно-практической конференции. – Красноярск, 2004. – Ч.2 – С.120.

⁴ См.: Рогаткин, А. О реформе уголовно-процессуального права / А.Рогаткин, И.Петрухин // Законность. – 1998. – №12. – С.94.

⁵ См.: Михайловская, И. Права личности – новый приоритет Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации / И.Михайловская // Российская юстиция. – 2002. – №7. – С.4.

⁶ Люблинский, П.И. Предварительное следствие / П.И.Люблинский. – М., 1923. – С.4.

⁷ Еникеев, З.Д. Задачи и принципы уголовного процесса в свете проблем борьбы с преступностью / З.Д.Еникеев // Актуальные вопросы уголовного процесса современной России : межвузовский сборник научных трудов. – Уфа, 2003. – С.7.

⁸ См.: Ефимичев, С.П. Задачи предварительного расследования / С.П.Ефимичев // Процессуальные вопросы предварительного расследования на современном этапе : сборник научных трудов. – Волгоград, 1988. – С.4.

ЗАДАЧИ АДВОКАТА ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ БЕЗОПАСНОСТИ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Воронов Д.А.

Омская академия МВД России

Сегодня с уверенностью можно говорить о существовании конституционно-правовой и объективной предпосылок для закрепления необходимости обеспечения безопасности участников уголовного процесса как самостоятельного принципа уголовного судопроизводства.¹ Это предопределяет необходимость постановки соответствующих задач перед субъектами уголовного процесса.

Наиболее проблемным является вопрос о том, какие задачи могут и должны быть возложены на адвокатов – как осуществляющих защиту, так и оказывающих иную юридическую помощь в уголовном процессе. По нашему мнению, таковыми должны являться: 1) принятие мер по предупреждению совершения противоправных действий их подзащитными или клиентами в отношении лиц, чья безопасность подлежит обеспечению; 2) принятие мер по обеспечению безопасности лиц, защитником которых они являются либо которым оказывают юридическую помощь (например, путем ходатайств о применении мер безопасности).

Обязанности защитника, которые будут служить реализации обозначенных выше задач, следует закрепить в норме, посвященной его статусу. Предлагается сформулировать их следующим образом: адвокат, осуществляющий защиту или оказывающий юридическую помощь, обязан незамедлительно сообщить должностному лицу, в чьем производстве находятся материал предварительной проверки или уголовное дело, ставшие ему известными сведения о намерении его подзащитного (клиента) либо иных лиц с его ведома, по поручению либо по собственной инициативе оказать противоправное воздействие на лицо, чья безопасность подлежит обеспечению в соответствии с УПК РФ. Указанные сведения не могут быть использованы при обосновании процессуальных решений, ограничивающих права и свободы лица, в отношении которого они были сообщены.

Вероятно, многие адвокаты воспримут вышеуказанное предложение критически. Свое несогласие они, видимо, будут мотивировать тем, что «новые обязанности» адвоката вступают в противоречие с Конституцией РФ, Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»² (далее – Закон «Об адвокатской деятельности»), Кодексом профессио-

нальной этики адвоката³ (далее – Кодекс). Подобного рода осуждения⁴ вызвал и Федеральный закон «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма»⁵ в той части, которая обязывает адвоката при наличии у него любых оснований полагать, что сделки или финансовые операции его клиента осуществляются или могут быть осуществлены в целях легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем, или финансирования терроризма, уведомить об этом уполномоченный орган (ч.2 ст.7.1).

В такой ситуации представляется необходимым аргументировать вышеизложенную позицию. Прежде всего, следует подвергнуть анализу самый веский аргумент, обычно выдвигающийся в противовес такому предложению, – нарушение правила о профессиональной тайне адвоката. В связи с этим выразим свое мнение о содержании адвокатской тайны. Не оспаривая его в части, касающейся сведений о личности и другой информации, указанной в ст.6 Кодекса, подвергнем ее анализу относительно противоправной деятельности подзащитного (клиента). Полагаем, что в содержание адвокатской тайны, безусловно, входят сведения о противоправных деяниях, уже имевших место. Однако мы не согласны с возможностью адвоката быть носителем информации о подготавливаемом или планируемом преступлении его клиента. Принимая во внимание положения, согласно которым адвокат не вправе «занимать позицию, противоположную позиции доверителя» (ст.9 Кодекса), «занимать по делу позицию вопреки воле заявителя» (ст.6 Закона «Об адвокатской деятельности»), мы включаем в предлагаемое «нововведение» запрет на использование сведений, полученных от адвоката, при обосновании решений, ограничивающих права и свободы их доверителей. Сообщение адвоката будет являться своеобразным сигналом, который сам по себе не может быть поводом для уголовно-процессуальной реакции, связанной с ухудшением положения участника уголовного процесса, а будет требовать проверки и подтверждения в общем порядке. Таким образом, анализируемая обязанность адвоката будет иметь целью не ухудшение положения доверителя, а предупреждение совершения общественно опасного деяния.

Кроме того, нормативная основа профессиональной тайны адвоката предусматривает основания для использования адвокатом сообщенных ему доверителем сведений без его согласия, в числе которых – необходимость собственной «защиты по возбужденному против него дисциплинарному производству или уголовному делу» (п.4 ст.6 Кодекса). Хотелось бы расставить приорите-

ты: что более важно – обеспечить адвокату возможность доказывать свою невиновность (чего он делать не обязан) или предотвратить совершение правонарушения, в том числе и преступления?

Язвительные замечания в адрес законодателя, который обязал адвоката «стучать на клиента»⁶, вызывают сожаление. Автор приведенной цитаты, продолжая свои рассуждения, указывает, что «любой человек, в том числе совершивший преступление гораздо более тяжкое, чем легализация доходов, полученных преступным путем, приходя к адвокату, всегда был уверен, что... сведения, обсуждаемые с адвокатом, никогда не станут достоянием гласности». Думается, цель обращения к адвокату – не исповедь, а получение квалифицированной юридической помощи, которая никак не должна быть связана с совместной разработкой стратегии противодействия расследованию и сокрытию следов преступления. В противном случае остается непонятным: как совместить в одном лице члена общества, который не желает быть жертвой преступления и время от времени сетует на повышение уровня преступности, и специалиста, который изо всех сил старается добиться реабилитирующего решения в отношении своего нанимателя – преступника?!

Выражая свое уважение к профессии адвоката и не вдаваясь в обсуждение добросовестности отдельных ее представителей, считаем, что причиной сложившегося противоречивого положения являются нормы, регламентирующие статус адвоката и его деятельность. Полагаем, что самым правильным результатом деятельности адвоката должно быть справедливое разрешение дела его клиента. Это означает, что адвокат, стремясь к достижению назначения уголовного судопроизводства, должен ратовать за законное, обоснованное и объективное расследование и правосудие. Другие действия, направленные, например, на отстаивание и подтверждение выдуманного обвиняемым алиби, пусть остаются уделом частных детективов. В этом случае основания для уважения адвоката будут у всех представителей общества: потерпевшие не будут ненавидеть защитника за оправдание детоубийцы, а обвиняемые будут уверены в том, что получают не более, чем по заслугам.

---

¹ См., напр.: Гуляев, А.П. Задачи и принципы уголовного процесса / А.П.Гуляев // Совершенствование норм и институтов Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : материалы межвузовской научно-практической конференции. – Омск, 2006. – С.14-21; Гуськова, А.П. Судебное право: история и современность судебной власти в сфере уголовного судопроизводства : монография / А.П.Гуськова, Н.Г.Муратова // СПС КонсультантПлюс: ИГ «Юрист», 2005.

² Кодекс профессиональной этики адвоката от 31 января 2003 г. // Российская газета. – 2005. – 5 октября.

³ Об адвокатской деятельности и адвокатуре Российской Федерации : Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ // Российская газета. – 2002. – 5 июня.

⁴ См., напр.: Иванова, Ю. О текущих задачах адвокатского сообщества / Ю.Иванова // СПС КонсультантПлюс: Адвокат. – 2005. – №10; Буробин, В. Легализация доносительства / В.Буробин // СПС КонсультантПлюс: Бизнес-адвокат. – 2005. – №6; Бардин, Л.Н. О новациях с пристрастием (или к вопросу о некоторых проблемах законодательного регулирования адвокатской деятельности) / Л.Н.Бардин // Бизнес-адвокат. – 2005. – №5.

⁵ О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма : Федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ // Российская газета. – 2001. – №151.

⁶ Буробин, В. Указ. соч.

УВЕДОМЛЕНИЕ КАК ЭЛЕМЕНТ РЕАЛИЗАЦИИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Кайгародова Ю.Е., к.ю.н.

Омский юридический институт

Конституция Российской Федерации провозглашает: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью». Однако такой подход требует не только совершенствования уголовно-процессуального закона, но и возможности преодоления различных нарушений в уголовно-процессуальной сфере. Государственная воля, выраженная в процессуальных обязанностях, должна безусловно претворяться в жизнь в целях решения задач, ради которых устанавливаются те или иные процессуальные обязанности.¹ Невыполнение требований уголовно-процессуального закона об уведомлении предполагает наступление негативных правовых последствий. Однако в некоторых случаях уведомление может предотвращать наступление уголовно-процессуальной ответственности. Так, по мнению М.С.Строговича и Г.Н.Ветровой, уголовно-процессуальная ответственность возникает с момента возложения процессуальной обязанности, а не с момента ее нарушения; участник процесса несет позитивную ответственность за добросовестное исполнение своих обязанностей и негативную – за их виновное нарушение.² Уведомление призвано обеспечить правомерное поведение субъектов уголовно-процессуальной деятельности и в этом смысле служит гарантией выполнения процессуальных обя-

занностей всеми участниками процесса.³ Убеждение как составная часть уголовно-процессуальной ответственности находит выражение в осведомленности, которая играет немаловажную роль в неукоснительном соблюдении правовых предписаний, в том числе об уведомлении. И подчас бывает достаточно информирования лиц об их юридических правах и обязанностях в сфере уведомления, чтобы вызвать к жизни желаемое юридически значимое поведение. В случае же отступления от требований уголовно-процессуального закона об уведомлении предполагается применение мер ответственности, то есть санкций.⁴ Относительно уведомления они не всегда четко прописаны в УПК РФ. К ним можно отнести, в частности на основании ч.ч.1-3 ст.222 УПК РФ, возвращение дела в связи с неуведомлением прокурором участников уголовного судопроизводства о направлении дела в суд. В случае, если потерпевший, свидетель или иное лицо, вызываемое на допрос, своевременно не сообщает о причинах неявки, как того требует ч.3 ст.113 УПК РФ, они могут быть подвергнуты принудительному приводу.⁵ Санкцией за невыполнение требований об уведомлении участников уголовного судопроизводства, например о праве на защиту, является признание полученных доказательств недопустимыми.

Несоблюдение уведомительных предписаний, предусмотренных УПК РФ, может привести к наступлению дисциплинарной ответственности на основании иных нормативных актов, регулирующих вопросы уголовного судопроизводства. Так, в случае уведомления следователем прокурора о задержании последний вправе внести представление об устранении нарушения закона начальнику следственного отдела. Должностное лицо, систематически не выполняющее требования УПК РФ об уведомлении, может быть подвергнуто дисциплинарной ответственности за нарушение служебной дисциплины. Кроме того, ст.17.7 Кодекса об административных правонарушениях России за умышленное невыполнение законных требований прокурора, следователя, дознавателя, вытекающих из их полномочий, в том числе в части уведомления, предусматривает административную ответственность в виде штрафа в размере от 10 до 15 минимальных размеров оплаты труда на граждан и от 20 до 30 минимальных размеров оплаты труда на должностных лиц.

Таким образом, УПК РФ и иные правовые акты предусматривают уголовно-процессуальную, административную и дисциплинарную ответственность в виде соответствующих санкций за несоблюдение предписаний об уведомлении участниками уголовного судопроизводства.

¹ См.: Громов, Н.А. Санкции в уголовно-процессуальном праве России / Н.А.Громов, С.А.Полунин. – М., 1998. – С.2.

² См.: Ткачева, Н.В. Меры пресечения, не связанные с заключением под стражу, в уголовном процессе России : монография / Н.В.Ткачева ; научн. ред. А.В.Кудрявцева. – Челябинск, 2004. – С.34.

³ См.: Ветрова, Г.Н. Уголовно-процессуальная ответственность : монография / Г.Н.Ветрова. – М., 1987. – С.5.

⁴ Там же. – С.101.

⁵ См.: Громов, Н.А. Указ. соч. – С.123.

СОБИРАНИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В СИСТЕМЕ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Мирончук В.А.

Сибирский федеральный университет

Одним из важнейших правовых институтов в системе норм уголовного судопроизводства является доказывание. Принятие обоснованных и законных процессуальных решений возможно только на основе полного и глубокого изучения и оценки всей совокупности необходимых доказательств; именно от качества доказывания зависит возможность вынесения обоснованных судебных решений. Очень важной представляется теоретическая разработка вопросов теории доказывания, способная, на наш взгляд, качественным образом повлиять на существующую практику. В данной статье предпринята попытка рассмотреть вопрос о месте собирания доказательств – одного из элементов доказывания – в системе познавательной деятельности по уголовному делу.

Общепризнано утверждение, что собирание доказательств является одним из элементов процесса доказывания наряду с проверкой доказательств и их оценкой. Для ответа на вопрос о месте собирания доказательств в системе познавательной деятельности по уголовному делу необходимо соотнести между собой понятия уголовно-процессуального познания и доказывания по уголовному делу.

Познание как философская категория представляет собой деятельность субъекта, направленную на получение истинных знаний об объекте. В правовой литературе сформировалось понятие юридического познания как разновидности познания социального, осуществляемого органами государства для разрешения того или иного правового вопроса. Видом юридического познания является

познание уголовно-процессуальное. В дореволюционной процессуальной науке доказывание понималось как деятельность участника процесса, обосновывающего с помощью аргументов-доказательств истинность своих утверждений. «Доказать, – писал известный русский процессуалист И.Я.Фойницкий, – значит построить силлогизм; правильность вывода в нем зависит от верности большой посылки, точности малой и правильности той логической операции, которою мы приходим к определенному выводу»¹. Термин «доказывание», таким образом, обозначал лишь мыслительную сторону уголовно-процессуального познания, не охватывая практической деятельности по сбору доказательственного материала.

Известные советские процессуалисты выработали иную точку зрения. Логические операции по обосновыванию конечного вывода не исчерпывают собой уголовно-процессуального познания, утверждал С.А.Шейфер. Собираение доказательств на этапе предварительного следствия путем допросов, осмотров и других следственных действий, несомненно, представляет собой познавательную деятельность. Логичен вывод о том, что, поскольку эту деятельность осуществляет тот же государственный орган, который затем будет использовать доказательства для обоснования своих конечных выводов, сбор фактических данных и оперирование ими оказываются неотделимыми друг от друга. Поэтому соби́рание доказательств можно считать составной частью доказывания. «Работа мысли, состоящая в оперировании аргументами, явно не исчерпывает реального содержания познавательной деятельности следователя (суда). Необходимым компонентом этой деятельности является извлечение фактических данных, получение новых знаний, используемых для построения конечных выводов. При таком положении ближайшим родовым понятием по отношению к доказыванию ... является познание, т.е. деятельность субъекта, обеспечивающая получение истинных знаний об объекте... В уголовном процессе доказывание – это процессуальная форма познания обстоятельств дела»². А.И.Трусов, также отождествляя уголовно-процессуальное познание и доказывание, утверждает: «Содержание процесса доказывания... обязательно включает моменты как чувственного и рационального познания, так и практической деятельности, включает производство различных следственных и судебных действий». М.С.Строгович придерживается аналогичной точки зрения: «Мы отождествляем доказывание в уголовном судопроизводстве с познанием истины по уголовным делам: процесс доказывания и есть процесс познания фактов, обстоятельств уго-

ловного дела». Аналогичную позицию занимали многие советские процессуалисты.

В то же время в советской уголовно-процессуальной науке существовали и иные точки зрения на соотношение познания и доказывания. Так, И.М.Лузгин пытался разграничить познание и доказывание по временному признаку, представив их как последовательно сменяющие друг друга операции: «Если познание в широком смысле этого слова представляет собой получение знаний о тех или иных предметах и явлениях, то доказывание заключается в обосновании установленных положений, в создании условий для познания тех же обстоятельств другими лицами... Посредством доказывания как бы перекидывается мостик от явлений, непосредственно воспринимаемых следователем, к адресату (суду), которому таким образом создаются условия для познания того же явления»³. С данной точкой зрения вряд ли можно согласиться, так как при такой постановке доказывание представляет собой лишь процесс коммуникативного общения двух субъектов – следователя и суда, то есть процесс доказывания начинается только в судебном разбирательстве. Следует признать справедливой критику С.А.Шейфера в отношении авторов, полагающих, что познание в уголовном процессе отличается от доказывания более широким объемом получаемых сведений: «Если сведения (независимо от их характера) получают процессуальным порядком – эта деятельность, несомненно, входит в доказывание; если речь идет о получении ориентирующей информации непроцессуальным путем – указанная деятельность действительно лежит за пределами доказывания. Однако она не входит и в уголовно-процессуальное познание, так как является разновидностью познания обыденного. Ничем иным, как доказыванием, уголовно-процессуальное познание быть не может».

В литературе также можно встретить мнение, согласно которому уголовно-процессуальное доказывание предполагает не только достижение, но и логическое обоснование истинности полученных знаний, то есть по объему понятие уголовно-процессуального доказывания шире, чем познание. На наш взгляд, наиболее логически обоснованной выглядит позиция авторов, отождествляющих уголовно-процессуальное познание и доказывание.

Далее необходимо определить место собирания доказательств в структуре доказывания. В литературе о доказывании говорится как о сложной деятельности, охватывающей тесно связанные между собой практические и мыслительные операции. Собирание доказательств традиционно считается одним из структурных

элементов процесса доказывания наряду с проверкой доказательств и их оценкой. Некоторые авторы, в частности Ф.Н.Фаткуллин, выделяют в процессе доказывания такие этапы, как выдвижение версий и обоснование выводов. Представляется, что и выдвижение версий, и обоснование выводов сопутствуют и сбору, и проверке, и оценке доказательств, поэтому выделять их как отдельные этапы процесса доказывания не стоит. Вообще называть данные элементы процесса доказывания этапами не следует, так как понятие «этап» предполагает определенную стадийность, последовательность явлений, в то время как «процесс доказывания – это единый и неразрывный процесс познания, в котором указанные элементы повторяются». В реальном доказывании сбор и исследование доказательств не отделяются от их оценки, а оценка не всегда завершает доказывание. С.А.Шейфер, не оспаривая данное положение, отмечает, что познавательный процесс, тем не менее, предполагает последовательный переход от чувственно-практических к более абстрактным элементам познания. Чувственно-практический уровень (то есть непосредственно сбор и исследование доказательств) является первоначальным этапом доказывания, а оценка доказательств и формирование конечных выводов – завершающим этапом, «рационально-заключительным уровнем».

Подвести итог сказанному хотелось бы словами С.А.Шейфера: «Доказывание в уголовном судопроизводстве не существует наряду с познанием; оно и есть познание обстоятельств дела, реализуемое в особой процессуальной форме органом расследования, прокурором, судом... Чувственно-практический уровень доказывания представляет собой его начальный этап – сбор доказательств, состоящий в выполнении субъектом доказывания практических познавательных действий... В этом смысле сбор доказательств представляет собой чувственно-практическую основу доказывания».

---

¹ Цит. по книге: Шейфер, С.А. Сбор доказательств в советском уголовном процессе: методологические и правовые проблемы / С.А.Шейфер. – Саратов, 1986. – С.8.

² Там же. – С.11.

³ Лузгин, И.М. Расследование как процесс познания / И.М.Лузгин. – М., 1969. – С.22.

К ПРОБЛЕМЕ АСИММЕТРИИ ПРИ ОЦЕНКЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

Бондар Е.В.
Сибирский юридический институт
МВД России

Вопросы допустимости доказательств как одного из важнейших его свойств сохраняются в центре внимания уголовно-процессуальной науки. Концепция судебной реформы в Российской Федерации в качестве одного из ключевых решений предлагала определение жестких критериев допустимости доказательств и введение практики беспощадного аннулирования недопустимых материалов.

Возможность использования доказательств, полученных с нарушением закона, связана с имеющейся теоретической и практической значимостью проблемы так называемой «асимметрии правил о допустимости доказательств».

Проблема асимметрии при оценке доказательств заключается в том, что правовые последствия нарушения правил о допустимости доказательств могут быть неодинаковыми для представителей обвинения и защиты.

Данный вопрос возник в связи с различными позициями ученых по отношению к возможности использования доказательств, полученных с нарушением закона.

С.А.Пашин считает, что, поскольку бремя доказывания виновности лица лежит на стороне обвинения, недопустимыми должны признаваться только полученные с нарушением закона доказательства, которые могут быть положены в основу обвинения. Сторона же защиты вправе как доказывать невиновность обвиняемого, так и подвергать сомнению доказательства виновности. В этом случае она может применять ущербные доказательства, не допустимые для использования стороной обвинения. Оправдательное доказательство, полученное с нарушением процессуальных прав обвиняемого, может быть признано допустимым по ходатайству защиты, иначе нарушается право обвиняемого на защиту, поскольку он лишается возможности использовать оправдательное доказательство по вине лица, производящего расследование и допустившего нарушение закона. Обвиняемый не может нести ответственность за ошибки следователя, погубившего оправдательное доказательство.

По мнению Н.М.Кипниса, асимметрия правил о допустимости доказательств должна применяться судами в конкретных случаях, круг которых определяется практикой. Если сторона обвинения получает доказательство с нарушением закона, но сам результат следственного действия сомнений не вызывает, защита вправе использовать этот результат. Нельзя допускать ограничительного толкования ст.75 УПК РФ, поскольку в ней содержится запрет на использование доказательств, полученных с нарушением закона, не только для обвинения, но и для доказывания всех обстоятельств, перечисленных в ст.73 УПК РФ, а эти обстоятельства используются не только для установления виновности лица, но и для отстаивания невиновности и смягчения назначаемого наказания.¹

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в п.16 постановления «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия»² указал, что в силу ст.75 УПК РФ «доказательства, полученные с нарушением закона, не могут быть положены в основу обвинения». Следовательно, асимметрия при оценке доказательств усматривается в том, что при получении дознавателем, следователем, прокурором, судом оправдываемого обвиняемого доказательства с нарушением критериев допустимости оно по ходатайству стороны защиты должно быть признано допустимым, поскольку порождает сомнения в виновности обвиняемого.

И.Я.Фойницкий отмечал, что сторона, представившая доказательство, не может исключить его из дела по своему усмотрению. Произвол одной стороны не может препятствовать суду воспользоваться каждым средством, которое он находит полезным для разьяснения дела.

Ряд ученых полагают, что недопустимые доказательства не могут использоваться ни стороной обвинения, ни стороной защиты.

Эффективность установленных процедур должна быть оценена с точки зрения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, а также обеспечения равенства сторон обвинения и защиты при состязательном процессе.

Разумеется, нельзя допускать различный режим представления доказательств для стороны обвинения и для стороны защиты. Необходимо учитывать главное: по ходатайству защиты могут быть допущены к исследованию только те полученные с нарушением закона доказательства, которые добыты стороной обвинения и при нарушении закона именно органом предварительного расследования. Если доказательство представляет сторона защиты, то вопрос о допустимости должен решаться в полном соответствии с

правилами допустимости доказательств без каких-либо ограничений. Кроме того, доказательство должно считаться допустимым лишь в отношении соответствующего подозреваемого, обвиняемого, подсудимого.

По мнению автора, право пользования асимметрией при оценке доказательств должно в равной мере принадлежать как стороне обвинения, так и стороне защиты. Сторона обвинения может восстановить недопустимое доказательство (например, допросить заново лицо с разъяснением ему его прав, если в прежнем допросе они не были ему разъяснены; в случае признания недопустимым заключения эксперта возможен допрос эксперта), сторона же защиты по ходатайству может использовать доказательства, при получении которых нарушения были допущены органом предварительного расследования.

---

¹ Кипнис, Н.М. Доказывание в уголовном процессе: традиции и современность / Н.М.Кипнис. – М., 2000. – С.173-195.

² О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31 октября 1995 г. №8, п.16 // Сборник постановлений Пленумов Верховного Суда РФ. – 1995. – С.11-19.

ЮРИДИЧЕСКАЯ СИЛА ДОКАЗАТЕЛЬСТВ, ПОЛУЧЕННЫХ НА ТЕРРИТОРИИ ИНОСТРАННОГО ГОСУДАРСТВА

Майорова Л.В., к.ю.н., доцент
Сибирский федеральный университет

Интеграция России в мировое экономическое, финансовое и правовое пространство предопределяет необходимость развития международного сотрудничества следственных и судебных органов России и зарубежных стран. Развитие рыночных отношений, целый ряд преобразований в экономике породили не только позитивные тенденции, но и негативные (рост экономической преступности, криминальное отмывание денег, финансовое мошенничество и др.).

Транснациональный характер механизмов хищений и способов сокрытия похищенных денежных средств за рубежом требует активного взаимодействия с правоохранительными органами зарубежных стран.

Основанием для оказания и получения правовой помощи по уголовным делам являются международные конвенции, а также двусторонние соглашения и договоры об оказании правовой помощи.

Появление в УПК РФ части пятой («Международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства») является закономерным, вместе с тем, поскольку ранее этот институт практически не регулировался уголовно-процессуальным законодательством, сегодня это вызывает достаточно много вопросов, одним из которых является понятие юридической силы доказательств, полученных на территории иностранного государства.

В научной литературе существует точка зрения, согласно которой требование признания юридической силы указанных доказательств распространяется только на их допустимость. Относимость доказательств и их достоверность определяются по общим правилам УПК РФ. Следует более подробно остановиться на особенностях понятия допустимости доказательств, полученных на территории иностранного государства.

Допустимость доказательств, полученных в процессе оказания правовой помощи, гарантируется scrupulous соблюдением совокупности обязательных процедурных моментов международных договоров, общепризнанных норм и принципов международного права. Согласно ч.4 ст.15 Конституции РФ международные договоры Российской Федерации и общепризнанные нормы и принципы международного права являются частью правовой системы Российской Федерации.

Таким образом, доказательства, полученные на территории иностранного государства, обладают юридической силой лишь в случае, если они получены в соответствии с международными договорами и обязательствами Российской Федерации. Например, если в судебном разбирательстве выяснится, что доказательства были получены с нарушениями требований, предусмотренных ст. 6 Европейской конвенции «О защите прав человека и основных свобод», то есть лицо не было своевременно уведомлено о предъявленном ему обвинении, либо не имело достаточно времени и возможности для подготовки своей защиты, либо не имело возможности защищать себя лично или через посредство выбранного им защитника допрашивать свидетелей обвинения, то такое доказательство признается недопустимым.

Среди принципов, на которых строится международное сотрудничество в области оказания правовой помощи по уголовным делам, предусматривается и принцип добросовестного выполнения обязательств, принятых на себя по международным договорам.

В целом следует отметить доминирующую прогрессивную тенденцию совершенствования отечественного уголовно-процессуального законодательства о международном сотрудничестве в

сфере уголовного судопроизводства. Как и общемировой процесс формирования и совершенствования правового регулирования международного сотрудничества в сфере уголовного процесса, так и участие в нем России также включает в себя развитие от менее сложных к более сложным правовым и процессуальным формам.

Необходимо отметить, что особое значение для международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства имело принятие в 1990 г. в виде резолюции Генеральной Ассамблеи ООН Типового договора о взаимной помощи в области уголовного правосудия. Данным договором предусмотрено, что правовая помощь может оказываться в следующих формах:

- 1) получение свидетельских показаний и заявлений от отдельных лиц;
- 2) содействие в предоставлении задержанных или других лиц для дачи свидетельских показаний или помощи в проведении расследований;
- 3) предоставление судебных документов;
- 4) проведение розысков и арестов имущества;
- 5) обследование объектов и участков местности;
- 6) предоставление информации и вещественных доказательств;
- 7) предоставление оригиналов или заверенных копий соответствующих документов и материалов, включая банковские, финансовые, юридические и деловые документы.

Некоторые из предусмотренных форм сотрудничества достаточно активно обсуждаются, например производство экспертизы. В УПК РФ предусмотрено жесткое соблюдение процессуальной формы, и только при ее соблюдении доказательство будет обладать свойством допустимости. В соответствии со ст.195 УПК РФ, признав необходимым назначение судебной экспертизы, следователь выносит об этом постановление, а в некоторых случаях и возбуждает перед судом ходатайство. Такая процедура не всегда соответствует нормам, существующим в других государствах. Поэтому в литературе высказываются сомнения в том, что при условии сохранения существующих формулировок в российском законодательстве возможны оказание взаимной правовой помощи и использование доказательств, например экспертного заключения, полученного в противоречии с российским законодательством. Вместе с тем в судебной практике уже существуют решения, которые, с нашей точки зрения, имеют более прогрессивный характер. Так, в определении Военной коллегии Верховного Суда РФ от 10 апреля 2001 г. по делу 5н-206/2000 г. в отношении В.С.Горева сказано, что с учетом анализа положений ст.455 УПК РФ можно сделать вывод о том, что до-

казательства, полученные по уголовному делу на территории иностранного государства до момента направления этого дела в Генеральную прокуратуру Российской Федерации, пользуются такой же юридической силой, как если бы они были получены на территории России. Таким образом, если на территории иностранного государства была проведена судебно-медицинская экспертиза на предмет определения степени тяжести телесных повреждений, полученных потерпевшим, то при производстве по такому уголовному делу на территории России следует считать, что положения ст.196 УПК РФ об обязательном назначении и проведении экспертизы уже были выполнены правоохранительными органами иностранного государства. Следовательно, Верховный Суд РФ требования о формальных моментах не относит к числу тех, что могут повлиять на признание доказательства недопустимым.

Развитие уголовно-процессуального законодательства в области международного сотрудничества, безусловно, как и любое другое, будет совершенствоваться по мере развития практики, и, несмотря на недостатки и пробелы в регулировании, оценивая достигнутые современные результаты, следует констатировать, что Российская Федерация вышла на уровень, сопоставимый с другими странами в формировании международно-правовой базы международного сотрудничества в сфере уголовного процесса.

ПРОБЛЕМЫ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В СУДЕБНОМ РАЗБИРАТЕЛЬСТВЕ

Соколовская Н.С., к.ю.н.,
Томский экономико-юридический
институт

В соответствии со ст.ст.244 и 274 УПК РФ стороны судебного разбирательства для обоснования своих утверждений представляют суду доказательства.

Думается, есть необходимость конкретизировать такую деятельность сторон. Дело в том, что традиционно законодатель термин «представление» использовал по отношению к тем материалам, документам, предметам, которыми располагают такие участники уголовного судопроизводства, как потерпевший, подозреваемый, обвиняемый, гражданский истец, гражданский ответчик. Для того чтобы в уголовном деле появились эти данные в качестве доказательств, указанные субъекты должны их представить следо-

вателю, дознавателю, суду для закрепления их в качестве таковых. При этом в соответствии с ч.2 ст. 70 УПК РСФСР потерпевший, подозреваемый, обвиняемый, гражданский истец, гражданский ответчик были вправе *представлять доказательства* (здесь и далее курсив наш. – Н.С.). В соответствии же с ч.2 ст.86 УПК РФ указанные участники вправе *представлять письменные документы и предметы* для приобщения их к уголовному делу в качестве доказательств. Однако это не означает, что по УПК РСФСР потерпевший, подозреваемый, обвиняемый, гражданский истец, гражданский ответчик реально представляли именно доказательства, потому как они представляли документы и предметы, которые лишь могли стать доказательствами после их приобщения к материалам уголовного дела следователем. Таким образом, на наш взгляд, законодатель более правильно сформулировал в УПК РФ, что конкретно собирают и представляют указанные участники, исключив путаницу в терминах.

Когда же законодатель в УПК РФ относительно правомочий сторон в судебном разбирательстве использует термин «представление доказательств», то, по всей видимости, имеется в виду, что речь идет именно о доказательствах, а не о том, что потенциально может стать доказательством после приобщения к материалам уголовного дела судом. В противном случае законодатель использовал бы иной оборот, аналогичный обороту, использованному в ч.2 ст.86 УПК РФ, – «представление документов и предметов для приобщения их к уголовному делу в качестве доказательств». Кроме того, это, безусловно, соответствует принципу состязательности, согласно которому именно сторонам отводится активная роль в доказывании своих утверждений.

Итак, представляется, можно сделать вывод о том, что в ст.ст.244 и 274 УПК РФ речь идет именно о *представлении доказательств*, а это предполагает, что не требуется дополнительной фиксации и признания судом этих материалов доказательствами, поскольку они уже являются полноценными доказательствами по уголовному делу. Однако здесь возникает проблема: что на судебном следствии представит защитник, если на предварительном расследовании он лишен возможности собирать эти самые доказательства? Представить на исследование можно только то, что уже было надлежащим образом собрано. В настоящее время, пожалуй, для всех очевидно, что ч.3 ст. 86 УПК РФ, закрепляющая за защитником право на собирание доказательств, является фикцией. Законодатель как минимум «забыл» закрепить необходимые правила фиксации тех доказательств, которые якобы вправе собрать

защитник. Фиксация же, как известно, – необходимый и обязательный элемент собирания доказательств, отсутствие которого влечет недопустимость использования собранного материала в качестве доказательства. По-прежнему защитник вынужден обращаться к следователю с тем, чтобы именно он собрал нужное защитнику доказательство. То же распространяется и на судебное следствие, но с той разницей, что в этом случае защитник обращается за помощью к судье (правила допустимости доказательств едины как на досудебном производстве, так и в суде). Таким образом, получается, что только прокурор может реально представить доказательства, что, конечно, идет вразрез с конституционным принципом состязательности и равноправия сторон. Очевидным становится факт, что законодатель никак не может решиться наделить защитника полноценным правом на собирание доказательств. И, в общем-то, понятно почему – слишком велик риск злоупотреблений со стороны недобросовестных адвокатов. Не нужно забывать и того, что защитником в суде наряду с адвокатом может оказаться любое лицо, о котором ходатайствует подсудимый. В связи с этим полагаем единственно верным выходом из ситуации закрепление в УПК РФ нормы, согласно которой суд обязан удовлетворять *все* ходатайства защитника, направленные на собирание и проверку доказательств. Только так суд будет освобожден от преждевременной оценки доказательств (ведь он, разрешая ходатайство, должен решить, имеет ли то, о чем ходатайствует защитник, значение для дела или нет), а защитник может быть уверен в том, что все интересующие его обстоятельства будут исследованы в суде. Кроме того, данная норма позволит суду по-настоящему полно, всесторонне и объективно разрешить дело по существу.

К ВОПРОСУ ОБ ОЦЕНКЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПРИ РАССМОТРЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА В ПОРЯДКЕ, ПРЕДУСМОТРЕННОМ ГЛАВОЙ 40 УПК РФ

Монид М.В.
Сибирский юридический институт
МВД России

Проблематично и крайне неоднозначно складывается взаимодействие процедуры особого порядка принятия судебного решения с *принципом свободы оценки доказательств* (курсив наш. – М.М.). Высказывается мнение, что при рассмотрении уголовного

дела в особом порядке принятия судебного решения происходит полное игнорирование принципа оценки доказательств по внутреннему убеждению, поскольку для его реализации фактически отсутствуют объективные условия, так как доказательства непосредственно не исследуются в судебном заседании.¹

Дать верную оценку доказательствам суд может при условии применения законной процедуры их исследования. С точки зрения чистой формальности процедура исследования доказательств при рассмотрении уголовного дела в особом порядке законна, так как закреплена в законе, но, с другой стороны, в УПК РФ установлены и ряд условий для исследования доказательств судом, в частности устность и непосредственность восприятия, которые не находят в полной мере своего воплощения при рассмотрении уголовного дела в особом порядке. Здесь при исследовании доказательств происходит изъятие на уровне общих условий судебного разбирательства. Соответствующая оговорка сделана в ч.1 ст.240 УПК РФ. Однако подобные изъятия существуют и вне связи с рассмотрением уголовного дела в особом порядке принятия судебного решения. Например, законодательно установлена возможность оглашения показаний свидетеля и потерпевшего в случае их неявки (ст.281 УПК РФ) при наличии согласия сторон, а также рассмотрения уголовного дела в отсутствие подсудимого (ч.4 ст.247 УПК РФ).

Каким образом упрощения, предусмотренные гл.40 УПК РФ, влияют на процесс формирования внутреннего убеждения суда и в конечном итоге на реализацию принципа свободы оценки доказательств? Несомненно, при рассмотрении уголовного дела судом в общем порядке внутреннее убеждение складывается как результат всего судебного рассмотрения дела, как в устном и визуальном непосредственном восприятии, так и в его документальном образе, зафиксированном в материалах уголовного дела.² При этом исследуемые судом факты, как и само событие любого преступления, находятся в прошлом и непосредственно не могут восприниматься судом. Непосредственному восприятию суда доступны только сами сведения (фактические данные), которые могут быть сообщены допрашиваемыми лицами, а также представлены в виде информации, содержащейся в протоколах следственных и судебных действий, и т.д.³ В ходе рассмотрения уголовного дела в особом порядке все эти компоненты присутствуют, но вопросы обоснованности обвинения и виновности лица воспринимаются судом только в образе, зафиксированном в материалах уголовного дела.

Таким образом, не изменяются ни объем, ни содержание исследуемых доказательств, модифицируется только форма их вос-

приятия (фактические данные, отраженные в материалах уголовного дела).

Оценка доказательств должна производиться судьей по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь законом и совестью. При этом никакие доказательства не имеют заранее установленной силы (ст.17 УПК РФ).

Рассмотрим каждый из компонентов названного принципа в соотношении с особым порядком принятия судебного решения.

В наиболее общем плане внутреннее убеждение представляет собой уверенность лиц, принимающих уголовно-процессуальные решения (в частности, судьи), относительно допустимости, относимости, достоверности и достаточности доказательств, а также тех выводов, которые следуют из совокупности этих доказательств.⁴

В содержании понятия «внутреннее убеждение» выделяют три аспекта:

– гносеологический (описать отношение знания, составляющего содержание внутреннего убеждения, к отражаемой действительности, определить критерий его истинности);

– логический (показать формально-логическую структуру формирования вывода из оценки доказательств);

– психологический (внутреннее убеждение – это сплав интеллекта, эмоций и воли, определяющий поведение человека).⁵

Каждый из этих трех аспектов при формировании внутреннего убеждения судьи в ходе рассмотрения уголовного дела в особом порядке присутствует. Гносеологический и логический моменты характеризуются тем, что при рассмотрении уголовного дела в особом порядке судья ни в коей мере не освобождается от обязанности оценить доказательства исходя из их относимости, допустимости, достаточности и достоверности, сформировать собственное представление относительно фактических данных и их юридической квалификации. По содержанию правила оценки доказательств при рассмотрении уголовного дела в особом порядке «работают» без каких-либо изъятий, никаких формализованных ограничений для оценки доказательств особый порядок не предусматривает.

Кроме того, судья абсолютно свободен в принятии решения, поскольку не связан мнением сторон относительно выбора порядка судебного разбирательства при разрешении заявленного ходатайства и как следствие – обязательного вынесения обвинительного приговора, что выгодно отличает особый порядок принятия су-

дебного решения от случаев отказа государственного обвинителя от обвинения в суде.

Законом установлено, что при наличии сомнений в обоснованности (гносеологический аспект) и доказанности (логический аспект) предъявленного обвинения суд переходит к общему порядку судебного разбирательства. Это позволяет утверждать, что законодатель требует от судьи руководствоваться не вероятностными, а обоснованными достоверными выводами.

В свете изложенного полагаем некорректной формулировку ч.5 ст.316 УПК РФ, согласно которой судья не проводит в общем порядке исследование и оценку доказательств, собранных по уголовному делу. Упоминание об оценке доказательств здесь должно быть исключено, поскольку в действительности изменяется лишь порядок их исследования (проверки) как вида познавательно-практической деятельности, причем трансформации подвергается лишь практическая составляющая. Вместе с тем оценка доказательств, рассматриваемая как элемент процесса доказывания, как мыслительная логическая деятельность определения роли и значения собранных доказательств для установления истины⁶, присутствует без изъятий, но оперирует сведениями, представленными в иной форме (в виде имеющихся в материалах уголовного дела документов).

---

¹ Суховерхова, М.А. Особенности формирования внутреннего убеждения и принятия судьей решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением (глава 40 УПК РФ) / М.А.Суховерхова // Электронный ресурс. – Режим доступа: http://ususforensic.nm.ru/statya.prinyatie_sudei_resheniya_v_ramkah_gl40UPK.

² Мурадян, Э.М. Истина как проблема судебного права / Э.М.Мурадян. – М., 2002. – С.247.

³ Пашков, С.Ю. О содержании доказательств и моменте появления их в уголовном деле / С.Ю.Пашков, Т.К.Рябинина // Российский судья. – 2005. – № 2. – С.17.

⁴ Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В.М.Лебедева ; науч. ред. В.П.Божьев. – М., 2003. – С.44.

⁵ Резник, Г.М. Внутреннее убеждение при оценке доказательств / Г.М.Резник. – М., 1977. – С.61-62.

⁶ Белкин, А.Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве / А.Р.Белкин. – М., 2005. – С.234.

ЗАДЕРЖАНИЕ РАЗЫСКИВАЕМОГО ОБВИНЯЕМОГО КАК ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП ЗАКЛЮЧЕНИЯ ЕГО ПОД СТРАЖУ

Павлов А.В.

Омская академия МВД России

Федеральный закон от 4 июля 2003 г. № 92-ФЗ дополнил ст.210 УПК РФ частью 3, в соответствии с которой при обнаружении обвиняемого, объявленного в розыск, он может быть задержан в порядке гл.12 данного Кодекса. Введение самостоятельной меры процессуального принуждения направлено на создание необходимых условий, позволяющих обеспечить участие разыскиваемого обвиняемого в судебном заседании при решении вопроса о заключении под стражу в случае его обнаружении не по месту проведения расследования. Личное участие в судебном заседании лица, в отношении которого избирается мера пресечения в виде заключения под стражу, служит важнейшей гарантией его конституционного права на защиту, обеспечивает ему возможность дать свои объяснения по рассматриваемым в суде вопросам. Предложенная законодателем процедура, с одной стороны, предусматривает систему гарантий прав обвиняемого, а с другой – позволяет на законных основаниях ограничить свободу его передвижения.

В процессуальной литературе неоднозначно воспринимается возможность применения норм института задержания в отношении обвиняемого. Так, Н.Н.Ковтун и А.П.Кузнецов считают, что задержание, реализованное в отношении обвиняемого, будет незаконным, поскольку проверять его возможную причастность к совершению преступления бессмысленно, а решать таким образом возможные проблемы заключения под стражу – не до конца законно.¹

Полагаем, что с данной позицией трудно согласиться: во-первых, цели задержания подозреваемого не стоит автоматически проецировать на обвиняемого. Цели задержания обвиняемого, возможно, следует выводить из системного анализа уголовно-процессуальных норм в целом, а не ограничиваться гл.12 УПК РФ. Во-вторых, законодатель в ч.2 ст.91 УПК РФ прямо предусмотрел возможность использования задержания для решения «проблем» заключения под стражу.²

По мнению О.И.Цоколовой, процессуальные правила о задержании обвиняемого позволили в некоторой степени снять практические проблемы, возникающие при розыске обвиняемого.

Вместе с тем окончательно разрешить рассматриваемую проблему, с ее точки зрения, можно только путем законодательного дозволения заочного ареста.³

Б.Я.Гаврилов уверен, что заключение под стражу лица, объявленного в розыск и задержанного органами внутренних дел за сотни километров от места производства предварительного расследования, осуществить сегодня невозможно. Реальное решение этой проблемы он видит во внесении изменений в ст.108 УПК РФ в части предоставления суду по месту расследования уголовного дела возможности заключения под стражу скрывшегося от следствия подозреваемого, обвиняемого с последующим правом такого лица предстать перед судом непосредственно после его задержания. То есть эта процедура фактически должна вводиться для подтверждения законности и обоснованности избрания меры пресечения в виде заключения под стражу.⁴

Данная позиция является достаточно распространенной в научной литературе.⁵ Однако этот способ разрешения возникшей ситуации вступает в противоречие с международными нормами, в частности с ч.3 ст.5 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, согласно которой «каждое арестованное или задержанное лицо незамедлительно доставляется к судье и имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или освобождение до суда»⁶. Доставка разыскиваемого обвиняемого к месту проведения расследования обычно занимает продолжительное время, что лишает его возможности незамедлительно обратиться за судебной защитой.

В литературе высказана точка зрения, согласно которой ссылка на данную международную норму является необоснованной, так как вынесенное судом решение о заочном заключении под стражу еще не реализовано и обвиняемый де-факто не заключен под стражу.⁷ Однако автор данной позиции далее не развивает свою мысль по этому поводу, не раскрывает значение и порядок реализации полученного таким образом судебного решения. При обнаружении разыскиваемого обвиняемого он в конечном итоге всё же подлежит заключению под стражу.

Принимая во внимание изложенное и учитывая тенденции дальнейшего усиления гарантий прав граждан, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства, мы полагаем, что именно применение задержания в отношении обнаруженного обвиняемого обеспечит баланс между правовой ценностью принуждения и правами и свободами человека при решении вопроса об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу.

Оценивая в целом положительно возможность реализации в отношении обвиняемого самостоятельной меры процессуального принуждения, считаем нужным отметить несовершенство его правового регулирования. Как нам представляется, это обусловлено допущенными недостатками юридико-технического характера регулирования отношений, связанных с применением данной меры процессуального принуждения, проявившимися в неоправданном использовании отсылочной нормы. В разумных пределах такой метод изложения норм права в статьях нормативных актов допустим. В ряде случаев он может способствовать освобождению нормативных актов от повторений, значительно сокращать их объем, не усложняя существенным образом удобство пользования этими актами. Любая отсылочная статья может быть превращена в определенную путем включения в ее текст содержания тех частей других статей, к которым делается отсылка.⁸ Представим, что в главе «Приостановление и возобновление предварительного следствия» мы поместим все нормы, содержащиеся в гл.12 УПК РФ. В этом случае мы наглядно убедимся в том, что правовой механизм, направленный на ограничение свободы лица, подозреваемого в совершении преступления, требует индивидуализации при применении его в отношении обвиняемого. Неудачно использованная отсылочная норма не позволяет раскрыть особенности данной меры процессуального принуждения. Более того, системное толкование ч.3 ст.210 УПК РФ не приводит к единообразному пониманию целей, оснований, а также процессуального порядка задержания обвиняемого, что заставляет сотрудников правоохранительных органов действовать по усмотрению.

Представляется, что вслед за расширением процессуального диапазона задержания необходимо внести соответствующие коррективы в УПК РФ относительно механизма реализации нового вида задержания. Нормативное закрепление специфических оснований, условий и порядка применения задержания обвиняемого будет являться необходимым условием обеспечения гарантий законности и эффективности применения данной меры процессуального принуждения.

---

¹ Ковтун, Н.Н. Судебный контроль законности и обоснованности задержания подозреваемого / Н.Н.Ковтун, А.П.Кузнецов // Российский судья. – 2004. – №7. – С.36.

² В ч.2 ст.91 УПК РФ самостоятельным основанием для задержания является возбужденное ходатайство перед судом об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу.

³ Цоколова, О.И. Задержание подозреваемого / О.И.Цоколова. – М., 2004. – С. 62-63.

⁴ Гаврилов, Б.Я. Новеллы уголовного процесса на фоне криминальной статистики / Б.Я.Гаврилов // Российская юстиция. – 2003. – №10. – С.7.

⁵ См., напр.: Жданов, Е.В. Проблемы дознания по делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотиков / Е.В.Жданов, Б.П.Целинский // Российский следователь. – 2004. – №1. – С.17; Цоколова, О.И. Указ. соч. – С 63.

⁶ Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – №20. – Ст.2143.

⁷ Плотницкий, А.В. Применение меры пресечения в виде заключения под стражу к лицу, находящемуся в розыске / А.В.Плотницкий // Российский следователь. – 2005. – №3. – С.10.

⁸ Законодательная техника / под ред. проф. Д.А.Керимова. – Л., 1965. – С.36.

К ВОПРОСУ О ДОСТАТОЧНОСТИ СВЕДЕНИЙ ПРИ ИЗБРАНИИ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПОД СТРАЖУ

Овчинников Ю.Г., к.ю.н.
Владивостокский филиал Дальнево-
сточного юридического института
МВД России

Основания для избрания мер пресечения в уголовном судопроизводстве всегда привлекали ученых, занимающихся проблемами применения мер принуждения. Особенно это касается тех мер, которые существенно ограничивают конституционные права граждан. Попытаемся ответить на вопрос: в каком объеме суд руководствуется данными при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу.

По общему правилу специально уполномоченные на то лица вправе избрать меру пресечения в отношении подозреваемого, обвиняемого при наличии достаточных оснований. Необходимо учитывать и иные обстоятельства, предусмотренные ст.99 УПК РФ. Все же доминантной при избрании мер пресечения является ст.97, а не ст.99 УПК РФ. Исследование процессуальных документов показывает обратное. Так, анализ постановлений судей об избрании заключения под стражу дает нам основания сформулировать вывод: постановления мотивированы слабо. В 87% решений указаны лишь основания для избрания заключения под стражу, но какие-

либо конкретные фактические данные, подтверждающие намерения обвиняемого, не приведены. В 13% случаях суды даже не указали оснований, предусмотренных в ч.1 ст.97 УПК РФ. Суды руководствуются исключительно характеризующим материалом, что, по нашему мнению, недопустимо. В основном это тяжесть совершенного преступления и данные, характеризующие личность обвиняемого (судимость, наличие постоянного места жительства, место работы и семейное положение).¹

Таким образом, возникает вопрос: какова должна быть *степень достаточности сведений для оснований при избрании заключения под стражу* (здесь и далее курсив наш. – Ю.О.)?

По этому вопросу суждения разделились на два противоположных блока. Одни считают, что такие выводы должны быть приблизительными, вероятными и в то же время достаточными для решения вопроса об избрании меры пресечения, другие полагают, что эти выводы должны быть достоверными.

Мы придерживаемся второй точки зрения, поскольку любое процессуальное решение по уголовному делу может быть принято только на основе установленных данных. Каждое обстоятельство, имеющее значение по уголовному делу, должно быть доказано.

Фактические данные, на основании которых сделаны выводы следователя об избрании меры пресечения, должны быть достоверными. А.А.Чувилев отмечал, что в материалах уголовных дел сравнительно редко можно найти доказательства, прямо указывающие на необходимость применения меры пресечения. Чаще всего об этом косвенно свидетельствуют такие обстоятельства дела, как способ преступления, его продолжительность, совершение нескольких преступлений, корыстные или иные низменные побуждения, отрицательная характеристика личности обвиняемого, наличие у него судимости и т.д. По общему правилу «достаточные основания полагать» порождаются совокупностью нескольких обстоятельств, установленных по уголовному делу.²

Показательным примером является следующее уголовное дело. 27 января 2005 г. в г. Грозном был заключен под стражу сотрудник милиции С.Лапин, обвиняемый по ст.111 УК РФ. Никаких доказательств того, что обвиняемый намерен совершить действия, перечисленные в ст.97 УПК РФ, сторона обвинения суду не предоставила. Основанием послужила исключительно тяжесть преступления, несмотря на то что Лапин не пропустил ни одного судебного разбирательства, положительно характеризуется на работе в УВД, имеет постоянное место жительства.³

Изучение рядом ученых уголовных дел в период действия УПК РСФСР 1960 г. и УПК РФ показало, что следователи и дознаватели при вынесении постановления о мере пресечения практически не ссылаются на конкретные фактические данные, а приводят лишь общие выводы, соответствующие дословно тексту ст.97 УПК РФ, а в некоторых постановлениях ссылки на основания отсутствовали вообще.

Сложность решения вопроса об основаниях для избрания в качестве меры пресечения заключения под стражу состоит в том, что следователь может располагать достаточными данными о совершенном преступлении или о лице, его совершившем. Что же касается будущего поведения обвиняемого, то предвидеть его чрезвычайно трудно, а нередко и просто невозможно. Можно получить данные о намерении обвиняемого скрыться, о приготовлении его к новому преступлению и т.п., на самом же деле обвиняемый не осуществит ни того, ни другого по личным соображениям.

Чтобы поставить окончательную точку в данном вопросе и развеять все сомнения, приведем решения Верховного и Конституционного Судов РФ, которые имеют существенное значение в правоприменительной практике органов предварительного расследования и судов. Определением Конституционного Суда РФ от 8 октября 1999 г. по жалобе граждан К.Ю.Мирзаянца, А.В.Боровских, В.Н.Вечтомова и Д.А.Колосова признано, что орган дознания, следователь, прокурор и суд могут принимать решение об избрании меры пресечения, о ее отмене или изменении только в зависимости от того, подтверждаются ли *достаточными* данными названные в ст.89 УПК РСФСР (ст.97 УПК РФ) основания применения этой меры пресечения. Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. №5 разъяснено, что обстоятельства избрания меры пресечения должны быть *реальными, обоснованными*, то есть подтверждаться достоверными сведениями.

Решение указанных судов нашло отражение в Федеральном законе от 8 декабря 2003 г. №161-ФЗ «О приведении Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и других законодательных актов в соответствие с Федеральным законом "О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации"». Так, ч.1 ст.108 УПК РФ дополнена вторым предложением следующего содержания: «При избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в постановлении судьи должны быть указаны *конкретные фактические обстоятельства*, на основании которых судья принял такое решение».

Немаловажен вопрос о соотношении фактических данных для избрания мер пресечения с наличием доказанности причастности лица к совершению преступления. В юридической литературе он решается неоднозначно. Одни считают, что наличие в уголовном деле доказательств, подтверждающих причастность лица к его совершению, относится к числу обязательных условий заключения под стражу.⁴

Вторая точка зрения сводится к тому, что при решении вопроса о применении заключения под стражу суду следует ограничиться *только выяснением наличия предусмотренных УПК РФ оснований* для избрания данных мер пресечения, *не касаясь оценки доказательств, положенных в основу обвинения*. Мы не можем согласиться с указанной точкой зрения. Наличие сведений, указывающих на причастность лица к совершению преступления, есть необходимый элемент для избрания меры пресечения, особенно такой меры пресечения, как заключение под стражу. Данное положение также вытекает из решений Верховного Суда Российской Федерации. Так, Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 10 октября 2003 г. №5 указал, что наличие обоснованного подозрения в том, что лицо совершило преступление, является *необходимым условием* для законности заключения под стражу. Согласно постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 5 марта 2004 г. №1 к ходатайству об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу органам, ведущим уголовное досудебное производство, следует прилагать копии постановлений о возбуждении уголовного дела и привлечении лица в качестве обвиняемого, копии протоколов задержания, допросов подозреваемого, обвиняемого, а также имеющиеся в деле доказательства, подтверждающие наличие обстоятельств, свидетельствующих о необходимости избрания лицу меры пресечения в виде заключения под стражу (сведения о личности подозреваемого, обвиняемого, справки о судимости, данные о возможности лица скрыться от следствия, об угрозах в адрес потерпевших, свидетелей и т.п.).

Таким образом, судья, принимая решение об избрании заключения под стражу, в первую очередь должен руководствоваться достоверными сведениями, которые бы подтверждали факт противоправного поведения лица, предусмотренного ст.97 УПК РФ, а уже затем руководствоваться тяжестью преступления и сведениями, характеризующими личность обвиняемого, при этом указанные сведения должны находиться в материалах уголовного дела.

¹ Нами были изучены 120 уголовных дел в Приморском крае, по которым избиралась мера пресечения в виде заключения под стражу в 2006 г.

² См.: Чувилёв, А.А. Заключение под стражу в качестве меры пресечения : лекция / А.А.Чувилев. – М., 1989. – С.21.

³ См.: Борисов, Т. Арест на доверии / Т.Борисов // Российская газета. – 2005. – 28 января.

⁴ Проведенное нами интервьюирование следователей ОВД показало, что 54 % опрошенных считают наличие доказательств в причастности лица, совершившего преступление, необходимым элементом для избрания заключения под стражу. Нами опрошены 80 следователей органов внутренних дел Приморского края в течение 2006 г.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ УСМОТРЕНИЯ СЛЕДОВАТЕЛЯ ПРИ ИЗБРАНИИ ЗАЛОГА В КАЧЕСТВЕ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ

Григорьева А.Е.

Якутский филиал Дальневосточного
юридического института МВД России

Как показывает практика, залог в качестве меры пресечения избирается следователями крайне редко, хотя рассматривается большинством процессуалистов как мера пресечения, достаточно эффективно обеспечивающая надлежащее поведение обвиняемого (подозреваемого). В то же время она в значительно меньшей степени ограничивает свободу и неприкосновенность личности, нежели заключение под стражу. В связи с этим большое значение приобретает необходимость исследования вопросов усмотрения следователя при избрании названной меры пресечения.

Следует отметить, что под усмотрением следователя мы понимаем предоставленный и ограниченный законом и процессуальными полномочиями выбор следователем наиболее целесообразного и обоснованного варианта поведения для принятия оптимального решения по делу в конкретной уголовно-процессуальной ситуации. Рассмотрим факторы, определяющие выбор следователя и пределы его усмотрения в вопросах установления оснований для избрания названной меры пресечения, предмета и размера залога.

При наличии хотя бы одного из общих оснований, указанных в ст.97 УПК РФ, перед правоохранительными органами встает вопрос о применении той или иной меры пресечения. Однако для применения именно залога в качестве меры пресечения имеет зна-

чение вопрос о дополнительном (специальном) основании для его применения.

Учитывая природу залога как правового обязательства, можно заключить, что его применение всегда сопровождается возникновением своеобразного соглашения между правоохранительным органом, с одной стороны, и залогодателем – с другой. Возможность заключения этого своеобразного договора (соглашения) зависит от согласия обеих сторон с условиями и обязательствами, возникающими в связи с применением залога. Если залогодателем выступает не обвиняемый, а третье лицо, то для вышеуказанного соглашения необходимо, кроме того, согласие обвиняемого. Помимо этого, у обвиняемого (либо третьего лица) должна иметься возможность внесения суммы залога на депозит органа, принявшего решение о применении именно этой меры пресечения.

Таким образом, специальным основанием для избрания залога является заключение соглашения между правоохранительным органом и обвиняемым (третьим лицом) об условиях и правовых обязательствах сторон. Возникновение данного основания требует наличия определенных условий. Они зависят от субъекта внесения залога, общественной опасности совершенного преступления и лица, его совершившего, возможности залогодателя обеспечить правомерное поведение обвиняемого, других обстоятельств, учитываемых при избрании меры пресечения.

Основания и условия применения залога связаны с определением сферы его применения. По мнению ряда процессуалистов, залог должен применяться при совершении правонарушений, представляющих значительную общественную опасность, то есть речь идет о тяжких преступлениях и преступлениях средней тяжести. Если лицо обвиняется в совершении незначительных преступлений, то, по их мнению, применение залога не всегда будет обоснованным, особенно если инициатором залога выступает следователь, а не обвиняемый.¹ Другие исследователи, напротив, отрицательно относятся к возможности применения залога к лицам, обвиняемым в тяжких и особо тяжких преступлениях, и предлагают законодательно запретить его применение в таких случаях.²

Полагаем, не может быть жесткого ограничения сферы применения залога только преступлениями тяжкими и средней тяжести. В любом случае, помимо оценки тяжести обвинения, следователь может руководствоваться и другими соображениями (например, отрицательной характеристикой обвиняемого в быту и по месту работы) при избрании залога по незначительному преступлению. Кроме того, следует учитывать, что следователь избирает

залог, как правило, в качестве первичной меры пресечения. К примеру, из всех изученных автором случаев применения следователями ОВД залога не было ни одного, когда бы он применялся следователем в результате изменения меры пресечения на более мягкую (с заключения под стражу).³ Это вызвано, на наш взгляд, особенностями усмотрения следователя. В частности, решающую роль здесь играет такой мотив, как нежелание следователя брать на себя ответственность в принятии такого решения, возложение ее на вышестоящий орган: суд или прокуратуру. В таких условиях залог редко избирается по делам о тяжких и особо тяжких преступлениях, что в какой-то мере оправданно. Действительно, если обвиняемый совершил преступление с особой настойчивостью и решительностью, то вполне возможно, что также он будет стараться избежать ответственности и наказания, учинять препятствия производству по делу всеми возможными способами. Оптимальным нам представляется положение о том, что залог должен применяться в основном к лицам, обвиняемым в совершении преступлений средней тяжести, а по делам о тяжких и особо тяжких преступлениях – при отсутствии необходимости заключения их под стражу.

Применительно к залогу представляется совершенно очевидным, что данная мера пресечения неприемлема в отношении неоднократно судимых, лиц, ведущих асоциальный образ жизни, алкоголиков, наркоманов. И, наоборот, может стать наиболее целесообразным средством уголовно-процессуального воздействия в отношении лиц, впервые совершивших преступление, имеющих семью, постоянную работу. Необходимо также учитывать психофизические особенности личности. Так, из соображений гуманности именно залог может стать адекватной заменой заключения под стражу даже по тяжким преступлениям лицам пожилого, старческого возраста, несовершеннолетним.

В стадии принятия решения, кроме уточнения вышеуказанных обстоятельств, следователю необходимо определиться с предметом и размером залога. Практика применения залога следователями органов внутренних дел свидетельствует, что в качестве предмета залога выступают, как правило, деньги (в российской валюте).⁴ Полагаем, предпочтение в выборе предмета залога следователи органов внутренних дел отдают наиболее простым и понятным (знакомым) в документальном оформлении и хранении видам имущества. Здесь определяющее влияние имеют такие субъективные и объективные факторы, как: нежелание использовать более сложные процедуры оформления, вызывающие значительные временные и трудовые затраты; общая загруженность

следователей; слабая осведомленность о порядке оформления и хранения предмета залога; действительно сложная дополнительная правовая регламентация порядка принятия, оформления, хранения, последующего возвращения залогодателю отдельных предметов залога. Так, если в качестве предмета залога выступают ювелирные изделия, драгоценные металлы, камни, произведения искусства, антиквариат, то первоначально необходимо установить их стоимость. Лицо, оценивающее предмет залога, учитывая важность процедуры, должно нести определенную ответственность за точность оценки. Далее необходимо предусмотреть порядок их хранения, а отдельные предметы нуждаются в особом режиме хранения. К примеру, автотранспорт должен храниться на охраняемых стоянках, что, учитывая современное регулирование данного вопроса, вызывает большие сложности. Непреодолимые трудности порождает использование в качестве предмета залога недвижимости (в том числе ипотеки). Поэтому залог должен выступать в виде определенных, удобных в обращении и учете предметов, достаточно ценных для обвиняемого (подозреваемого) и исключающих принадлежность другим лицам, что могло бы воспрепятствовать обращению залога в доход государства. Этим качествам в полной мере отвечают только деньги, являющиеся всеобщим эквивалентом в имущественных отношениях.

Один из самых сложных вопросов, возникающих на практике, – определение суммы (размера) залога. Предложение об установлении фиксированных ставок или формальных параметров залога, выдвигавшееся в разное время отдельными авторами,⁵ не представляется реальным в силу широты спектра обстоятельств, которые необходимо учитывать для принятия верного решения о назначаемом размере денежного обеспечения. Как свидетельствует практика, разным обвиняемым при схожих по основным параметрам преступлениях устанавливаются различные размеры залога. И все же считаем, что сложность рассматриваемого вопроса, заставляющая следователей делать выбор не в пользу залога, требует закрепления на уровне подзаконных актов определенных ориентирующих положений. Если объективно закрепить верхний предел в современном обществе невозможно в силу его значительного расслоения, то нижняя граница вполне может быть установлена. Причем градуироваться она должна в зависимости от категории преступления с обязательным учетом обстоятельств конкретного уголовного дела и личности обвиняемого (подозреваемого).

¹ См., напр.: Вершинина, С.И. Залог в системе мер пресечения : дис. ... канд. юрид. наук / С.И.Вершинина. – Самара, 1998. – С.87; Зуев, С.В. Залог в уголовном процессе / С.В.Зуев. – Челябинск, 2003. – С.17.

²Такая точка зрения нашла свое отражение в ст.99 проекта УПК РФ, разработанного Министерством юстиции РФ; ее разделяет также А.Е.Белоусов. См.: Белоусов, А.Е. Вопросы теории и практики применения мер уголовно-процессуального пресечения по законодательству РФ : дис. ... канд. юрид. наук / А.Е.Белоусов. – Ижевск, 1995. – С.54.

³ Именно при применении залога в качестве вторичной меры пресечения, как показывает практика, она чаще всего применяется при совершении преступлений, представляющих значительную общественную опасность.

⁴ См.: Вершинина, С.И. Указ. соч. – С.87; Зуев, С.В. Указ. соч. – С.138.

⁵См., напр.: Белоусов А.Е. Указ. соч. – С.52; Гранкин, М. Залог как мера пресечения / М.Гранкин //Российская юстиция. – 1998. – № 2. – С.24.

ОСОБЕННОСТИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ ст.315 УК РФ

Иванцов К.К.

Красноярский государственный аграрный университет

Возбуждая дело по признакам преступления, предусмотренного ст.315 УК РФ, прежде всего необходимо быть уверенным в том, что совершенные общественно опасные действия являются именно злостным неисполнением вступившего в законную силу судебного акта или воспрепятствованием исполнению судебного акта, а не каким-либо иным правонарушением, например действиями, предусмотренными нормами КоАП РФ, – ст.ст.17.4 «Непринятие мер по частному определению суда или по представлению судьи» и 17.8 «Воспрепятствование законной деятельности судебного пристава-исполнителя». Поэтому в первичной информации о преступлении необходимо искать признаки, указывающие на злостность неисполнения или воспрепятствование исполнению судебного акта вступившего в законную силу.

В качестве поводов к возбуждению уголовного дела выступают заявления и сообщения лиц, в пользу которых было вынесено судебное решение, но не исполнено лицом, обязанным его исполнить, а также рапорты должностных лиц правоохранительных органов (прокуратуры, службы судебных приставов).

При исследовании материалов, поступивших для решения вопроса о возбуждении уголовного дела, необходимо установить основные обстоятельства:

1) лицо, совершившее противоправные действия достигло возраста уголовной ответственности и является специальным субъектом, т.е., лицом, занимающим должность представителя власти, государственного служащего, служащего органа местного самоуправления, а также служащего государственного или муниципального учреждения, коммерческой или иной организации;¹

2) противоправные действия совершены с прямым умыслом и носят злостный характер, то есть не исполняются, несмотря на неоднократные требования об их исполнении. Лицо осознает, что, используя предоставленные ему полномочия либо управленческие функции, не исполняет судебный акт либо препятствует его исполнению и желает совершить эти действия либо умышленно бездействует. При этом необходимо учитывать наличие объективных обстоятельств, которые препятствуют своевременному исполнению судебных актов и, соответственно, не образуют признаков злостности. Например, отсутствие финансовых средств в организации², болезнь руководителя и т.п. Кроме этого, признаки злостности, на наш взгляд, отсутствуют и при наличии некоторых субъективных обстоятельств, таких как незначительная задержка, проявление неоперативности, небрежности и пр.

Определенную сложность исследования представляют материалы, собранные в рамках исполнительного производства.

Во-первых, оценивается деятельность судебного пристава-исполнителя.

В ходе работы по исполнительному производству судебный пристав-исполнитель должен вручить копию постановления о возбуждении исполнительного производства лично руководителю организации-должника, о чем в постановлении должна иметься подпись последнего с указанием даты получения документа. В соответствии со ст.9 ФЗ «Об исполнительном производстве» в указанном постановлении судебный пристав-исполнитель устанавливает срок для добровольного исполнения содержащихся требований в исполнительном документе, который не может превышать пять дней со дня возбуждения исполнительного производства, и уведомляет должника о принудительном исполнении указанных требований по истечении добровольного срока исполнения. В случае невозможности вручения указанного документа лично руководителю указанное постановление должно быть зарегистрировано в книге входящей корреспонденции организации. При таких обстоятель-

вах на постановлении о возбуждении исполнительного производства должен стоять штамп предприятия с указанием входящего номера, даты поступления и подписи лица, принявшего документ.

По истечении добровольного срока исполнения судебный пристав-исполнитель обязан проверить исполнение должником требований исполнительного документа, в случае неисполнения – в присутствии понятых составить акт о неисполнении указанных требований. Затем судебный пристав истребует в суде решение, на основании которого выписывался исполнительный лист.

В указанный в требовании срок судебный пристав-исполнитель должен проверить исполнение должником требований исполнительного документа. В случае неисполнения судебный пристав-исполнитель отбирает у должника объяснение в рамках п.2 ст.12 Федерального закона «О судебных приставах» по факту неисполнения требований и составляет в присутствии понятых акт о неисполнении требования исполнительного документа, а затем устанавливает новый срок для исполнения. В случае отсутствия уважительных причин, способствующих неисполнению решения суда, должник привлекается к административной ответственности по ст. 17.8 КоАП РФ (составляется административный протокол, который с приложенными к нему материалами в суточный срок направляется для рассмотрения в суд).

В случае злостного неисполнения должником решения суда (должник предупреждался о привлечении к уголовной ответственности по ст.315 УК РФ, в отношении должника дважды составлялся протокол об административном правонарушении, в материалах исполнительного производства имеется хотя бы одно решение суда о рассмотрении указанных выше протоколов об административном правонарушении, но решение суда не было исполнено) приставом-исполнителем в соответствии со ст.143 УПК РФ составляется рапорт об обнаружении признаков преступления.

Во-вторых оценивается качество документов, которые прикладываются к рапорту. Если в заявлении, сообщении о преступлении формально усматриваются признаки преступления, но достоверность данной информации вызывает сомнения, то возбуждению уголовного дела должна предшествовать проверка этих данных в соответствии со ст.144 УПК РФ. При анализе первичной информации следует обращать внимание не только на данные о преступлении, но и на сведения об обстоятельствах, которые исключают проведение расследования по этому факту и, соответственно, снимают вопрос о возбуждении уголовного дела.

Решая вопрос о возбуждении уголовного дела по рассматриваемой категории преступлений, необходимо четко различать в содеянном признаки административного правонарушения, предусмотренного ст.17.8 КоАП РФ, и уголовно наказуемого деяния, предусмотренного ст.315 УК РФ.

В связи с этим представляется полезной следующая рекомендация. В момент правовой оценки совокупности признаков преступления необходимо «отбросить» признаки административного правонарушения, которые являются как бы общим фоном, дополняющим уголовно наказуемые действия, свидетельствующие о злостности намерений и одновременно затрудняющие оценку сущности совершенного. Если этот фон временно не принимать во внимание, то сразу выделятся те основные действия и их последствия, которые определяют противоправную сторону содеянного. По этим «рафинированным» признакам нетрудно определить фактический характер совершенных действий и дать им соответствующую правовую оценку.

---

¹ Так, Дрюкова И.И. подала заявление о привлечении к уголовной ответственности за неисполнение решения суда и.о. старшего судебного пристава ОСП по г. Лесосибирску Ливицкую Е.Н. и судебного пристава-исполнителя ОСП по г. Лесосибирску Морозова И.А., полагая, что они вступили в сговор с руководителем ООО «Ангал» Анисимовым, который должен возместить Дрюкову ущерб в сумме 238388.77 рублей. Якобы в результате этого сговора работники ОСП не приняли всех мер по отысканию имущества должника и необоснованно окончили исполнительное производство. Проведенной предварительной проверкой было установлено, что в действиях сотрудников ОСП каких-либо составов преступления не выявлено, и самое основное то, что они не являются субъектами преступления по ст.315 УК РФ, поскольку судебное решение обязан исполнить не судебный пристав, а то лицо, в адрес которого вынесен судебный акт и которое находится в правовых отношениях с истцом в качестве ответчика (должника). На основании изложенных фактов в возбуждении уголовного дела было отказано (КУП №637 от 07 апреля 2005 г. Архив СО «дежурная часть» ГУ ФССП по Красноярскому краю).

² 15 июня 2004 г. Арбитражным судом Красноярского края было принято решение о взыскании с ЗАО «СИБНЕФТО» 807960 рублей в пользу Территориального градостроительного института «Красноярскгражданпроект». 20 сентября 2004 г. был выдан исполнительный лист. 27 декабря 2004 г. исполнительное производство было окончено в связи с отсутствием у должника имущества или доходов, на которые может быть обращено взыскание. Принятые меры по отысканию имущества и доходов результатов не принесли. От директора института поступило сообщение о преступлении. В результате его проверки было установлено, что на открытых расчетных счетах ЗАО «СИБНЕФТО» в банках остаток денежных средств составляет 0-00 рублей. Генеральный директор ЗАО «СИБНЕФТО» не отказывается исполнить решение суда, но, несмотря на принимаемые им действия, в силу объективных

обстоятельств не может этого сделать. В связи с тем, что должник принимал все меры к исполнению судебного решения, но не имел реальной возможности исполнить его в связи с отсутствием средств, в возбуждении уголовного дела было отказано.

РАЗЪЯСНЕНИЕ ЗАЯВИТЕЛЮ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ЗАВЕДОМО ЛОЖНЫЙ ДОНОС

Муравьев К.В., к.ю.н.
Омская академия МВД России

В соответствии с ч.6 ст.141 УПК РФ лицо, обратившееся с устным заявлением о преступлении, предупреждается об уголовной ответственности за заведомо ложный донос, о чем в протоколе делается отметка, которая удостоверяется его подписью. Закон не закрепляет аналогичного правила относительно письменных заявлений. В определении от 22 июня 1999 г. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ обратила внимание, что в отношении последних предусмотрено только одно требование – они должны быть подписаны лицами, от которых исходят, а вопрос о предупреждении заявителей об ответственности за ложный донос может быть решен при получении от них объяснений либо при допросе.¹ Не содержится требование разъяснять положения ст.306 УК РФ и при приеме заявления частного обвинения (ст.ст.318, 319 УПК РФ).

Указанные правила согласуются с нормой материального права. Диспозиция ст.306 УК РФ не предусматривает в качестве обязательного признака состава преступления предупреждение об уголовной ответственности. Поэтому ответственность за заведомо ложный донос должна наступать независимо от предупреждения.² Кроме того, данное преступление считается оконченным с момента получения сообщения органами, имеющими право возбудить уголовное дело, и последствия (в том числе возбуждение дела, осуждение невиновного) при квалификации не учитываются.³

Изложенное позволяет заключить, что разъяснение заявителю положений ст.306 УК РФ имеет только уголовно-процессуальную направленность. Его роль видится в обеспечении достоверности начальных сведений о преступлении, своевременном «отсеивании» заявлений о несуществующих деяниях. Это помогает исключить факты незаконного, необоснованного возбуждения дела и как следствие разгружает «процессуальную машину» от ра-

боты «вхолостую». Если же ложное заявление связано с подозрением в совершении преступления определенного лица, то своевременное сообщение в компетентные органы о ложности заявления помогает, кроме того, исключить необоснованное привлечение к уголовному преследованию. По данным В.Махова, примерно 10% изученных им материалов были начаты по сообщениям о действиях лиц, невиновность которых удалось установить в результате проверки сообщения.⁴

Таким образом, разъяснение уголовной ответственности за заведомо ложный донос нельзя ставить в зависимость от формы заявления. Оно не должно происходить формально. Полагаем, что при поступлении письменного заявления о преступлении его автора надлежит предупреждать об ответственности по ст.306 УК РФ путем отобрания соответствующей подписки либо в отдельном протоколе. Осуществление указанных действий при поступлении заявления по почте поможет, кроме того, определить, действительно ли оно адресовано лицом, подписью которого скреплено.

Новеллой, направленной на борьбу с ложными заявлениями о преступлениях, стала ч.2 ст.148 УПК РФ. Редакция данной нормы позволяет допустить, что если в сообщении о преступлении не содержится сведений о субъекте, его совершившем, то при установлении в ходе предварительной проверки ложности заявления рассматривать вопрос о привлечении его автора к ответственности по ст.306 УК РФ нет необходимости. Однако это не так. В юридической литературе преобладает позиция, согласно которой состав преступления, предусмотренный ст.306 УК РФ, наличествует и в том случае, когда сообщено лишь о самом факте преступления без указания на лиц, его совершивших.⁵ Такое решение вопроса представляется правильным, поскольку судебной практике известны немало случаев, когда заведомо ложный донос не связан с подозрением в преступном деянии определенного лица.⁶ С другой стороны, ложным указанием на определенное лицо как совершившее преступление заявитель провоцирует правоохранительные органы привлечь его к уголовному преследованию. И хотя для возбуждения дела требуется не только повод, но и основание, нельзя полностью исключить возможность ошибки при принятии этого решения. Наряду с нарушением нормального функционирования следственных и судебных органов, вызванным ложным доносом, существенным образом будут затронуты и права лица, в отношении которого возбуждается уголовное дело, могут быть унижены его честь и достоинство, подорвана репутация. К основному объекту преступления, коим являются интересы правосудия, в данном случае присоеди-

ется дополнительный объект – права и законные интересы граждан. Не случайно ч.2 ст.306 УК РФ в качестве квалифицирующего признака называет то же деяние, соединенное с обвинением лица в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления.

Таким образом, правоприменитель обязан рассмотреть вопрос о привлечении к уголовной ответственности по ст.306 УК РФ при любом отказе в возбуждении дела, когда имеется вероятность того, что поводом для возбуждения уголовного дела стало заведомо ложное заявление о преступлении (с указанием на определенное лицо или без такового).

Самостоятельным поводом для возбуждения уголовного дела является явка с повинной. По сути, она представляет собой разновидность заявления о преступлении. Особенность, отличающая данное заявление от иных, состоит в том, что его автор добровольно сообщает в правоохранительные органы о собственных преступных действиях.

Закон не требует предупреждать явившегося с повинной об уголовной ответственности по ст.306 УК РФ. Высказывалось мнение, что разъяснение ответственности за заведомо ложный донос должно быть сделано, когда в заявлении о явке с повинной идет речь также о преступлениях других лиц.⁷ Однако, как указывалось ранее, диспозиция ст.306 УК РФ не связывает ложный донос с обязательным указанием действий определенного лица. Необходимо учитывать, что в ходе проверки заявлений о явке с повинной иногда выясняется их несостоятельность как относительно причастности к совершенным преступлениям лиц, пишущих «явки», так и относительно самих деяний. Особое внимание необходимо уделять повинным лицам, задержанным или заключенным под стражу за совершение других преступлений. При их написании заявителя могут преследовать различные цели (получение от оперативных сотрудников единовременных выгод в качестве вознаграждения за написание «явки», оставление на определенный период места изоляции при выезде на место совершенного деяния и т.д.). Таким образом, явка с повинной не предрешает возбуждения дела, а наряду с иными заявлениями о преступлениях подлежит тщательной проверке. Поскольку ложные заявления о явке с повинной способны нанести ущерб нормальному функционированию следственных органов, считаем, что явившемуся с повинной, как и другим заявителям, необходимо разъяснять ответственность за заведомо ложный донос. Поскольку уголовным законом субъект этого преступления определен как общий, то ответственность за заведомо ложный донос несут все вменяемые лица, достигшие возраста 16 лет, в том числе обви-

няемый, подозреваемый подсудимый и осужденный.⁸ Поэтому положения ст.306 УК РФ должны разъясняться и в том случае, когда заявление о явке с повинной поступает от участников уголовного судопроизводства, имеющих статус преследуемых лиц.

Таким образом, в каждом случае поступления устного и письменного заявлений о преступлении его автору (в том числе лицу, явившемуся с повинной) необходимо разъяснять ответственность, предусмотренную ст.306 УК РФ. В ч.2 ст.142 УПК РФ необходимо закрепить обязанность предупреждения об уголовной ответственности за заведомо ложный донос. В ч.2 ст.148 УПК РФ слова «по результатам проверки сообщения о преступлении, связанного с подозрением в его совершении конкретного лица или лиц» необходимо исключить.

¹См.: Юрий Скуратов против прокуратуры г. Москвы // Российская юстиция. – 1999. – №11 – С.60.

²См.: Куссмауль, Р. Право на ложь и право на молчание как элементы права на защиту / Р.Куссмауль // Российская юстиция. – 2003. – №2. – С.35.

³См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. Ю.И.Скуратова, В.М.Лебедева. – М., 1996. – С.705-706.

⁴См.: Махов, В. Законодательство о возбуждении уголовного дела / В.Махов // Законность. – 1997. – №1. – С.35.

⁵См., напр.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. – С. 705; Хабибуллин, М.Х. Ответственность за заведомо ложный донос и заведомо ложное показание по советскому уголовному праву / М.Х.Хабибуллин. – Казань, 1975. – С.24-25.

⁶См.: Там же.

⁷См.: Мухамедзянов, И. Процессуальное оформление явки с повинной / И.Мухамедзянов, В.Карузин // Законность. – 1999. – №8. – С.19.

⁸См.: Прошляков, А.Д. Взаимосвязь материального и процессуального права : автореф. дис. ... докт. юрид. наук / А.Д.Прошляков. – Екатеринбург, 1997. – С.15.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ ПРИНЯТИИ РЕШЕНИЯ ОБ ОТКАЗЕ В ВОЗБУЖДЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Самошкин В.В.

Сибирский федеральный университет

Идеальным УПК РФ назвать никак нельзя. Еще до вступления в силу – до того, как нормы его были испытаны на практике, – были приняты несколько федеральных законов о внесении в УПК РФ дополнений и изменений, которыми были существенно ис-

правлены 79 статей указанного Кодекса и 18 приложений! Случай беспрецедентный в законодательной практике. Затем только за первый год действия Кодекса в него были внесены множество весьма существенных дополнений и изменений.

Но совершенствование УПК РФ явно не закончено.

Принято считать, что уголовный процесс – форма существования уголовного материального права. Материальное уголовное право существует как бы в процессуальных одеждах. Из этого, судя по всему, следует, что определяющим началом должно признаваться именно материальное уголовное право, а не наоборот. И уголовно-процессуальные нормы должны определенным способом соответствовать нормам материального уголовного права, однако в действительности существует явная несогласованность норм материального и процессуального права, которая порождает огромное количество ошибок в ходе правоприменительной деятельности.

Наличие противоречий и несогласованности правовых норм является почвой для разного рода злоупотреблений со стороны сотрудников правоохранительных органов, которые могут выражаться в принятии «законных» решений на основе противоречивых и несогласованных норм, что, по сути, способствует коррумпированности должностных лиц. С другой стороны, противоречивость и несогласованность правовых предписаний существенно облегчают деятельность стороны защиты, которая, пользуясь ошибками законодателя, фактически разрушает обвинение.

Ярким примером такой несогласованности служит институт отказа в возбуждении уголовного дела, который является весьма специфичной частью российского уголовного процесса. Специфика данного института заключается в том, что институт отказа в возбуждении уголовного дела достаточно нелогично изложен законодателем, который странным образом закрепил нормы, регламентирующие порядок отказа в возбуждении уголовного дела, «разбросав» их не только в рамках одного нормативного акта, но и, по сути, включив нормы об отказе в возбуждении уголовного дела в законодательные акты, которые по своему содержанию относятся к разным отраслям права, что является следствием отсутствия достаточной теоретической базы указанного правового института.

Данная тема весьма актуальна на сегодняшний день по причине наличия ряда проблем как с теоретической точки зрения в части противоречивости самой конструкции данного института, так и с практической точки зрения по причине огромного количе-

ства ошибок в ходе правоприменительной деятельности органов государственной власти.

Устранение данных проблем имеет огромное значение исходя из особой важности исследуемого правового института, являющегося одной из пограничных линий, за пределами которой заканчивается уголовно-процессуальная деятельность.

В настоящее время существует значительная несогласованность норм материального и процессуального права, что прослеживается в значительном количестве оснований отказа в возбуждении уголовного дела, не предусмотренных Уголовно-процессуальным кодексом России. В ходе анализа материального и процессуального законодательства нами были выявлены следующие основания отказа в возбуждении уголовного дела, помимо указанных в ст.24 УПК РФ:

1) вступивший в законную силу приговор суда по тому же обвинению;

2) неотмененное постановление о прекращении уголовного дела по тому же обвинению либо неотмененное постановление об отказе в возбуждении уголовного дела;

3) отсутствие заявления руководителя организации в случае совершения преступления, предусмотренного гл.23 УК РФ;

4) обстоятельства, изложенные в примечаниях к статьям Особенной части УК РФ;

5) обстоятельства совершения преступления лицом, обладающим дипломатическим иммунитетом.

Первые два основания, указанные выше, упоминаются в ст.27 УПК РФ как основания прекращения уголовного дела, однако представляется абсолютно нелогичной ситуация, когда эти обстоятельства устанавливаются до возбуждения уголовного дела и правоприменителю необходимо сначала возбудить уголовное дело для того, чтобы его сразу же прекратить. Представляется более логичной ситуация, когда можно изначально вынести постановление об отказе в возбуждении уголовного дела.

Отсутствие заявления или согласия руководителя организации в случае совершения преступления, предусмотренного гл.23 УК РФ, в правоприменительной практике весьма часто вызывает ряд вопросов, в частности: как быть с согласием руководителя на возбуждение уголовного дела и привлечение к уголовной ответственности? Порядок получения согласия УПК РФ не урегулирован.

Более сложным является принятие решения в ситуациях, когда нет ни заявления, ни согласия руководителя на возбуждение

уголовного дела. Следовательно, вынося постановление, должен указать основание, которое УПК РФ не предусмотрено.

Остальные же основания существуют вне рамок процессуального права, что, по нашему мнению, является недопустимым и требует немедленного принятия мер по их надлежащему урегулированию.

Следовательно, можно сделать вывод о том, что существенным пробелом в российском уголовно-процессуальном законодательстве является то, что уголовно-процессуальный закон не охватывает всех оснований к отказу в возбуждении уголовного дела, закрепленных законодательными и другими нормативными актами. В результате такого «разброса» затруднено их восприятие и усвоение.

Подводя итог, можно констатировать, что на практике существует огромное количество не предусмотренных в уголовно-процессуальном законодательстве оснований отказа в возбуждении уголовного дела, что, соответственно, негативно отражается на правоприменительной практике в виде неурегулированности ситуации с так называемыми «неучтенными» в УПК РФ основаниями отказа в возбуждении уголовного дела.

В настоящее время предпринимаются попытки со стороны государственных органов для стабилизации ситуации в рамках исследуемого института, примером таких действий может послужить совместный приказ Генеральной прокуратуры РФ и Министерства внутренних дел РФ от 12 сентября 2006 г. «Об усилении прокурорского надзора и ведомственного контроля за процессуальными решениями при рассмотрении сообщений о преступлениях», однако и он не устранил всех проблем. Открытым остается вопрос относительно оснований отказа в возбуждении уголовного дела. Нормативное закрепление последних в ст.24 УПК РФ не соответствует ситуации, сложившейся в настоящее время. В частности, на практике возникают случаи, в которых фигурируют основания отказа в возбуждении уголовного дела, не предусмотренные уголовно-процессуальным законодательством. Отсутствие единства оснований отказа в возбуждении уголовного дела требует значительной теоретической разработки с последующим внесением изменений в Уголовно-процессуальный кодекс РФ.

О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ УСМОТРЕНИЯ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЯ ПРИ РАЗРЕШЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА НА НАЧАЛАХ КОМПРОМИССА С ОБВИНЯЕМЫМ

Калугин А.Г., к.ю.н.

Сибирский юридический институт
МВД России

Диспозитивность рассматривается уголовно-процессуальной наукой в широком смысле как свобода участника процесса, имеющего свой частный или публичный интерес в деле (выступающего как одна из сторон процесса), распоряжаться субъективными процессуальными правами, отождествленная с совокупностью этих прав, и в узком смысле – как возможность распоряжаться не всеми процессуальными правами вообще, а лишь теми, которые могут воздействовать на ход процесса – его возникновение, движение, окончание – в случаях, когда это прямо предусмотрено уголовно-процессуальным законом.¹

Вопрос о том, к диспозитивным или к дискреционным началам относится усмотрение государственных органов – суда, прокуратуры, органов предварительного расследования – при разрешении уголовного дела по существу в форме прекращения производства по делу либо путем применения сокращенных (упрощенных) процедур судопроизводства, в теории уголовного процесса является дискуссионным. Так, В.Я.Чекановым была высказана точка зрения, согласно которой процессуальные права органов и должностных лиц реализуются в системе уголовно-процессуальных правоотношений лишь в той части, в которой они коррелируют правам и обязанностям участвующих в процессе лиц; вне такой связи не может быть самих правоотношений, так как необходимой предпосылкой их возникновения является установление прав и обязанностей законом. Так, следователь вправе решить вопрос о прекращении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям даже при отсутствии ходатайства участников процесса об этом. В то же время наличие ходатайства вовсе не обязывает его принять именно такое процессуальное решение.²

С.А.Касаткина указывает, что свобода выбора альтернативного решения по конкретному уголовному делу, во-первых, ограничена рамками закона, во-вторых, обусловлена требованиями защиты публичного интереса, а потому выступает, скорее, как установленный законом способ выполнения публичной обязанности, чем в качестве права «в чистом виде».³

Представляется, что вопрос о правовой природе правомочий субъектов, осуществляющих производство по уголовному делу, в части выбора альтернативных вариантов разрешения уголовного дела на началах компромисса с обвиняемым следует решать исходя из содержания основных процессуальных функций, органически присущих тому или иному участнику процесса.

Суд, основной процессуальной функцией которого в соответствии с положениями, закрепленными в ст.ст.6, 8 и 29 УПК РФ, является осуществление правосудия, то есть разрешение дела по существу, на первый взгляд обладает полной свободой в выборе предусмотренных законом вариантов разрешения дела. Вместе с тем, если буквально (пользуясь грамматическим методом толкования правовой нормы) воспринимать императивный стиль формулировки ст.254 УК РФ, очевидно, что при установлении оснований для прекращения уголовного преследования в связи с примирением сторон или в связи с деятельным раскаянием суд просто обязан принять решение о прекращении уголовного дела. Применить особый порядок принятия судебного решения суд вправе лишь в случае заявления соответствующего ходатайства подсудимым и только при соблюдении условий, предусмотренных ч.ч.1 и 2 ст.314 УПК РФ. При этом в случае возникновения у судьи сомнений в надежности и доброкачественности представленной органами расследования доказательственной базы он (судья), по сути, обязан перейти к общему порядку судебного разбирательства, несмотря на заявленное ходатайство. Анализ положений ст. 314 УПК РФ в целом позволяет сделать вывод о том, что данной нормой усмотрение суда как таковое при выборе упрощенной формы судебного разбирательства максимально ограничено.

Несколько иная ситуация складывается относительно усмотрения прокурора, следователя, дознавателя при принятии решения о прекращении уголовного преследования на основании норм, допускающих компромисс с обвиняемым, в стадии предварительного расследования. С одной стороны, положения ст.ст.25, 27 и 28 УПК РФ предоставляют прокурору, следователю, органу дознания вполне реальную возможность принимать решение о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) по своему усмотрению, основываясь не только на формальных условиях, указанных в законе, но и на внутреннем убеждении относительно доказанности вины конкретного лица в совершении преступления и свойств личности обвиняемого (подозреваемого). С другой стороны, указанные участники процесса наделены в качестве основной процессуальной функцией обвинения, следовательно, их прямая задача –

сформулировать и выдвинуть обвинительный тезис и обосновать его доказательствами. Причем если у прокурора есть предусмотренное ч.6 ст.37 УПК РФ право отказаться от обвинения при наличии оснований, предусмотренных законом, то конкретно на органы расследования закон не возлагает никаких обязанностей по установлению и доказыванию обстоятельств, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности. Поскольку ст.15 УПК РФ устанавливает невозможность возложения на один и тот же орган одновременно функций обвинения и защиты, законодатель практически провоцирует сугубо обвинительный уклон в деятельности органов, осуществляющих уголовное преследование. Выход из такого положения видится в изменении функционального подхода к определению места и роли органов расследования в уголовном процессе и наделении их вместо функции обвинения функцией исследования обстоятельств дела.⁴

Что же касается пределов усмотрения указанных субъектов при принятии решения о прекращении уголовного преследования, они также достаточно жестко ограничены условиями, установленными законом (в чем явно проявляется публичное начало), кроме того, как совершенно справедливо отметил П.Г.Марфицын, при принятии решения органы расследования не могут не учитывать:

– является ли это решение целесообразным (оптимальным) с точки зрения конечных и ближайших задач уголовного судопроизводства при конкретных условиях места и времени;

– насколько это решение соотносится с обеспечением прав и законных интересов субъектов, вовлеченных в орбиту уголовно-процессуальных правоотношений по конкретному уголовному делу.

Не случайно указанный автор приходит к выводу о том, что внутреннюю сторону усмотрения составляет осознание следователем законности, целесообразности и общественной полезности выбираемого решения.⁵

Следовательно, пределы усмотрения правоприменителя, разрешающего уголовно-правовой конфликт путем компромисса с лицом, совершившим преступление, являются непосредственным отражением публичного характера всей уголовно-процессуальной деятельности органов расследования, прокурора и суда в российском уголовном судопроизводстве.

---

¹ Касаткина, С.А. Публичность и диспозитивность в российском уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук / С.А.Касаткина. – М., 2002. – С.9, 34-35; Пономаренко, С.С. Диспозитивные начала в российском уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук / С.С.Пономаренко. – Оренбург, 2002. – С.27-29.

² Чеканов, В.Я. Прокурорский надзор в уголовном судопроизводстве / В.Я.Чеканов. – Саратов, 1972. – С.66-74.

³ Касаткина, С.А. Указ. соч. – С.36.

⁴ Деришев, Ю.В. Уголовное досудебное производство: концепция процедурного и функционально-правового построения : автореф. дис. ... докт. юрид. наук / Ю.В.Деришев. – Омск, 2005.

⁵ Марфицын, П.Г. Усмотрение следователя (уголовно-процессуальный аспект) : автореф. дис. ... докт. юрид. наук / П.Г.Марфицын. – М., 2003. – С.17-18.

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ ЛИЦА ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Панкратов Д.Е.

Сибирский юридический институт
МВД России

Результатом стремления России к международно-правовым стандартам, касающимся законности, гуманности, экономии мер уголовно-правовой репрессии, можно считать и развитие института освобождения от уголовной ответственности. Только в первый год действия УПК РФ органами предварительного расследования были прекращены свыше 340 тыс. уголовных дел (29,5% от общего количества дел, оконченных производством).¹

Перечень норм Особенной части уголовного законодательства, содержащих так называемые специальные основания освобождения от уголовной ответственности, с принятием в 1996 г. Уголовного кодекса РФ резко расширился. Не будем рассуждать об оценке этого явления. Речь пойдет о согласованности данных норм материального права с нормами УПК РФ.

Например, в соответствии с примечанием к ст. 222 УК РФ лицо, добровольно сдавшее незаконно хранящееся у него оружие, освобождается от уголовной ответственности. В реальной деятельности органов внутренних дел это выглядит следующим образом: факты добровольной сдачи незаконно хранившегося оружия зачастую вообще остаются без всякого уголовно-процессуального реагирования. Оружие просто приходит, а сдавший его гражданин претендует еще на материальное вознаграждение. При этом факт добровольного прекращения незаконного хранения предметов, запрещенных к обращению, остается безо всякого процессу-

ального оформления. А если и проводится какая-либо предварительная проверка данного факта, то чаще всего принимается решение об отказе в возбуждении уголовного дела, хотя формальных оснований для этого в нормах УПК РФ не содержится!

Ситуация вполне объяснима: сотрудники органов дознания и следствия не видят смысла возбуждать уголовные дела, однозначно обреченные на прекращение. При этом возможности отказа в возбуждении уголовного дела в связи с деятельным раскаянием закон не предусматривает, поскольку оно не относится к обстоятельствам, исключающим производство по делу. Налицо парадоксальная ситуация: дело возбуждается и по нему проводятся определенные следственные действия, хотя уголовное преследование данного лица заведомо подлежит прекращению в соответствии со ст.28 УПК РФ.² Таким образом, сотрудники из соображений целесообразности и экономии сил и средств идут, по сути дела, на должностные нарушения. Ведь прежде чем решать вопрос об освобождении от уголовной ответственности и прекращении уголовного дела, необходимо установить факт совершения данным лицом преступления. Лишь после того, как доказана вина субъекта, должен решаться вопрос об индивидуализации ответственности.³

Отсюда вывод: если законодатель ввел в Уголовный кодекс РФ специальные основания освобождения от уголовной ответственности, то это должно найти отражение и в нормах УПК РФ, поскольку отсутствие адекватного процессуального механизма их реализации ведет к тому, что применение упомянутых норм уголовного закона об освобождении от уголовной ответственности органами расследования постоянно сопровождается нарушениями уголовно-процессуального закона.

Следующим примером, на который нельзя не обратить внимание, является порядок прекращения уголовных дел по нереабилитирующим основаниям. Речь идет о праве следователя (дознавателя) прекратить уголовное дело в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления небольшой или средней тяжести, при наличии обстоятельств, предусмотренных гл.4 УПК РФ.

Значение прекращения уголовного дела на досудебных стадиях имеет прагматическое и экономическое значение, поскольку позволяет освободить суд от рассмотрения очевидных дел, не представляющих какой-либо сложности, тем самым предоставив судьям возможность более детально, полно и всесторонне рассматривать многоэпизодные дела, а также дела о тяжких и особо тяжких преступлениях. Это стало особенно актуальным с приня-

тием УПК РФ, который ограничил сроки рассмотрения уголовных дел в судах. Не стоит отказываться от возможностей разгрузить суд, если эти возможности не противоречат духу общепризнанных международно-правовых постулатов, примером является институт официального предупреждения, предусмотренный в Англии. Не-реабилитирующие основания прекращения уголовного дела по УПК РФ по своему материально-правовому содержанию и есть не что иное, как обстоятельства, позволяющие должностным лицам органов расследования отказаться от дальнейшего уголовного преследования.

При этом лицо, освобожденное от уголовной ответственности, фактически (но не юридически!) признается виновным в совершении инкриминируемого преступления, причем таковым он признается в процессуальном акте следователя, дознавателя и при этом не освобождается от обязательств по гражданскому иску, не вправе претендовать на возмещение расходов, связанных с оказанием ему юридических услуг⁴ и претерпевает другие неблагоприятные правовые (но не уголовно-правовые) последствия.

В связи со сказанным наличие данной возможности освобождения лица от уголовной ответственности не противоречит принципу неотвратимости ответственности, «ибо существо проблемы не в индивидуализации ответственности, а в единстве используемых при этом критериев оценки общественной опасности деяний и лиц, их совершивших. Если при освобождении от уголовной ответственности это единство достигнуто и оно соответствует реальным параметрам антисоциального поведения, то не возникает и оснований для нарушения равенства граждан»⁵.

Противоречие в данном случае выражается в другом – нормативном оформлении законодателем данной полезной процедуры. Речь, прежде всего, о том, что нормы УПК РФ, касающиеся прекращения уголовного дела и уголовного преследования по не-реабилитирующим основаниям, противоречат ч.1 ст.118 Конституции РФ, поскольку законодатель, по сути, делегировал функцию правосудия (а констатация вины лица в совершении преступления при разрешении дела по существу, собственно, и есть правосудие) органам расследования. Это противоречит конституционным принципам осуществления правосудия только судом и презумпции невиновности, а также праву гражданина на доступ к правосудию.

Сказанное свидетельствует о необходимости законодательно-го компромисса между презумпцией невиновности и институтом освобождения от уголовной ответственности, который может быть достигнут путем формулирования ряда условий прекращения уго-

ловного дела по нереабилитирующим основаниям и приведения уголовного и уголовно-процессуального законодательства в соответствие с ними. Например: во-первых, принятие решения следователем о прекращении уголовного дела или отказе в возбуждении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям нуждается в согласовании либо контроле со стороны органа, уполномоченного признавать лицо виновным в совершении запрещенного уголовным законом деяния, то есть суда. Данное изменение устранило бы существующее противоречие между презумпцией невиновности и конституционным принципом осуществления правосудия только судом; во-вторых, необходимо принять во внимание интересы потерпевшего в виде дачи им согласия на прекращение уголовного дела по нереабилитирующим основаниям с целью усиления гарантий права потерпевшего на возмещение вреда, причиненного вследствие совершения преступления. Это имеет принципиальное значение, так как ч.4 ст.213 УПК РФ лишь декларирует лицу, в отношении которого совершено преступление, право самостоятельно отстаивать свои интересы в рамках гражданского судопроизводства без какой бы то ни было поддержки правоохранительной системы.

Устранение приведенных пробелов и противоречий в законодательстве имеет большое значение для повышения качества расследования уголовных дел, обеспечения законности и обоснованности решений, принимаемых в уголовном судопроизводстве.

---

¹ Хабарова, Е.А. Прекращение уголовных дел по нереабилитирующим основаниям: система оснований и гарантии прав участников процесса : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Е.А.Хабарова. - Екатеринбург, 2002. – С.3.

² Калугин, А.Г. Применение специальных оснований освобождения от уголовной ответственности : практическое пособие / А.Г.Калугин. – Красноярск, 2004. – С.12.

³ Уголовное право. Общая часть. – М., 1997. – С.477-478.

⁴ Дуюнов, В.К. Освобождение от уголовной ответственности и уголовного наказания / В.К.Дуюнов. – Тольятти, 2001.

⁵ Мальцев, В. Принципы уголовного законодательства и общественно опасное поведение / В.Мальцев // Государство и право. – 1997. – №2. – С.102.

**О СООТНОШЕНИИ КАТЕГОРИЙ
«ПРЕКРАЩЕНИЕ УГОЛОВНОГО ДЕЛА»
И «ПРЕКРАЩЕНИЕ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ»**

Волынская О.В., к.ю.н., доцент
Московский университет МВД России

1. Выражения «прекращение уголовного дела» и «прекращение уголовного преследования» достаточно часто в научной и учебной литературе употребляются как парные категории. Имеются и иные варианты их сочетания: «прекращение уголовного дела и уголовного преследования», «прекращение уголовного дела (уголовного преследования)» и т.п. Одно из них употреблено в наименовании гл.4 УПК РФ. Следует ли отсюда, что рассматриваемые правовые категории настолько близки по своей сути, что допускают объединенное использование, не искажающее индивидуального внутреннего содержания, либо имеет место простое их механическое объединение? Иными словами, что представлено в каждой из них в большей степени: сходство или различие, совместимость или несовместимость?

2. Общие черты рассматриваемых категорий можно обнаружить в разных плоскостях. Например, их частично объединяет структура уголовно-процессуального закона. Так, гл.4 УПК РФ озаглавлена: «Основания отказа в возбуждении уголовного дела, прекращения уголовного дела и уголовного преследования». Соответственно этому в данной части закона сосредоточены основания как прекращения уголовного дела, так и уголовного преследования, хотя они разграничены. Первые нашли выражение в ст.24 УПК РФ, вторые – в ст.ст.27 и 28 УПК РФ.

3. Глава 4 УПК РФ объединяет далеко не все, что касается прекращения уголовного дела и прекращения уголовного преследования. Нормативной основой являются также предписания, содержащиеся в иных частях закона, например п.3 ч.1 ст.226, п.3 ч.2 ст.229, п.4 ч.1 ст.236, ст.239, расположенных в гл.29 УПК РФ «Прекращение уголовного дела». В обозначенной главе речь идет не только о прекращении уголовного дела, но и о прекращении уголовного преследования. Упоминание о последнем содержится также в ч.2 ст.175, ст.427 УПК РФ.

4. Прекращение уголовного дела и прекращение уголовного преследования схожи процедурно. То и другое решение вправе принять одни и те же субъекты уголовного процесса. Во многом аналогична технология принятия таких решений. Форма и содержание правоприменительного акта предусмотрены Приложением 135

ст.476 УПК РФ, содержащим бланк, поименованный «Постановление о прекращении уголовного дела (уголовного преследования)».

Объединяющими являются и правила, согласно которым: 1) прекращение уголовного дела влечет за собой одновременно прекращение уголовного преследования (ч.3 ст.24 УПК РФ); 2) уголовное дело подлежит прекращению в случае прекращения уголовного преследования в отношении всех подозреваемых или обвиняемых, за исключением случаев, предусмотренных п.1 ч.1 ст.27 УПК РФ (ч.4 ст.24 УПК РФ); 3) допускается прекращение уголовного преследования в отношении подозреваемого, обвиняемого без прекращения уголовного дела (ч.4 ст.27 УПК РФ);

Общим можно назвать и то, что основания прекращения уголовного дела, предусмотренные п.п.1-6 ч.1 ст.24 УПК РФ, могут быть использованы для прекращения уголовного преследования.

5. Однако между рассматриваемыми категориями имеются и различия, причем существенные. Основное отличие одного от другого заключается в следующем: в первом случае речь идет о прекращении не только уголовного дела, но и уголовного преследования (ч.3 ст.24 УПК РФ); во втором случае прекращается уголовное преследование в отношении конкретного лица, то есть отпадает подозрение либо обвинение в инкриминируемом преступлении.

Представляется, что это не единственное отличие даже из числа основных, и рассмотреть их все будет более удобным, если попытаться ответить на вопрос: является ли прекращение уголовного дела и прекращение уголовного преследования единым правовым институтом?

6. Первым, наиболее значимым признаком правового института является характеристика регулируемых общественных отношений. Выступая не иначе как в форме правовых предписаний, эти отношения должны быть направлены на один и тот же объект, что позволяет говорить об их однородности.¹ Различия в объекте в нашем случае провести несложно, кроме случаев, когда имеет место одновременное прекращение уголовного дела и уголовного преследования. Прекращение уголовного дела направлено на завершение производства по делу в целом, то есть не допускает между субъектами последующие уголовно-правовые отношения, которые связаны с выяснением обстоятельств конкретного жизненного случая. Но это не означает, что имеет место окончание абсолютно всех уголовно-процессуальных отношений между данными субъектами. В частности, они могут быть продолжены в рамках таких правовых институтов, как обжалование, реабилитация. Объектом отношений при прекращении уголовного преследования яв-

ляется уголовно-процессуальная деятельность в отношении конкретного лица и в связи с конкретным фактом. Причем в качестве такого факта могут выступать не только реальное событие, совершенное, например, обвиняемым, но и действия следователя.

Уголовное преследование всегда носит публичный или общественный характер. Публичный характер уголовного преследования подчеркивается, во-первых, специальным кругом осуществляющих его субъектов; во-вторых, тем, что лицо, в отношении которого оно происходит, как правило, приобретает процессуальный статус подозреваемого или обвиняемого; в-третьих, публичный характер обуславливает вынесение специального решения о начале уголовного преследования.

7. Вторым признаком правового института может рассматриваться совокупность общих терминов. В нашем случае таковые имеются. В законе не проведена резкой грани в предписаниях, определяющих основания и порядок прекращения уголовного дела и уголовного преследования, все это выражено одинаковой словесной формой. К числу общих терминов здесь можно отнести также следующие: «прекращение», «обвиняемый (подозреваемый)», «постановление». В то же время имеются и различия. Например: «уголовное дело», «уголовное преследование», «деятельное расследование», «непричастность» и др.

8. Третий признак – своеобразие правовой конструкции института. Слияние законодателем правовых предписаний о прекращении уголовного дела и уголовного преследования в отдельных частях закона, и в первую очередь в гл.гл.4 и 29 УПК РФ, выглядит несколько искусственным. С учетом разницы в объекте правового регулирования, формах прекращения уголовно-процессуального производства законодатель, по нашему мнению, мог пойти по пути отдельного нормативного закрепления рассматриваемых правил. Примененный же прием юридической техники приводит к некоторому смешению различных по сути терминов и понятий. На это указывает и проведенный нами опрос практических работников. Так, 28% из числа опрошенных следователей и 36% дознавателей не смогли обозначить принципиальной разницы между прекращением уголовного дела и уголовного преследования.

9. Четвертый из выделенных нами признаков структуры правового института состоит из нескольких элементов:

а) прекращение уголовного дела и уголовного преследования представляют собой комплекс «равноправных» правовых предписаний, то есть нет одной определяющей нормы, а все остальные ее конкретизируют и дополняют;

б) рассматриваемые институты характеризуются разнородностью предписаний (например, общие предписания, нормы-запреты, нормы-дозволения и т.д.);

в) в каждом из этих правовых институтов все нормы объединены устойчивыми закономерными связями.

Таким образом, приведенные различия позволяют говорить о том, что прекращение уголовного дела и уголовного преследования можно рассматривать как два самостоятельных обособленных правовых института. В теории уголовного процесса уже имеются попытки представить уголовное преследование в качестве самостоятельного института.²

10. И все же рассмотренная совокупность правовых предписаний, регулирующих определенную сферу общественных отношений, может именоваться единым правовым институтом прекращения уголовного дела и уголовного преследования. Вместе с тем правовой институт прекращения уголовного дела и уголовного преследования надлежит рассматривать как специфическую сложносоставную правовую конструкцию, объединяющую в себе два относительно самостоятельных блока нормативных предписаний, регламентирующих общественные отношения, возникающие при прекращении уголовного дела и прекращении уголовного преследования:

а) прекращение уголовного дела – это одна из форм окончания уголовно-процессуального производства;

б) под прекращением уголовного преследования следует понимать завершение стороной обвинения в соответствии с предусмотренными в законе основаниями процессуальной деятельности, направленной на изобличение лица в совершении преступления;

в) окончание уголовного преследования может иметь место:

– при полном или частичном отказе государственного обвинителя от обвинения в стадиях подготовки и назначения судебного заседания, а также судебного разбирательства;

– при изменении объема обвинения в ходе утверждения прокурором обвинительного заключения;

– при вынесении дознавателем, следователем, прокурором, судьей постановления о прекращении уголовного дела или уголовного преследования;

– при вынесении и предъявлении нового постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого;

– при вынесении постановления об отказе в возбуждении уголовного дела;

– при не фиксируемом нигде отказе от дальнейшего осуществления деятельности по изобличению лица в совершении преступления.

В ситуациях, указанных в первых пяти пунктах, момент окончания уголовного преследования достаточно ясен. Он связан с вынесением и приобретением юридической силы соответствующего процессуального документа. В последнем случае такой момент четко не определен, что явно не способствует защите прав и законных интересов личности;

г) правовой институт прекращения уголовного дела и уголовного преследования надлежит рассматривать как специфическую, сложную по составу правовую конструкцию, объединяющую в себе два относительно самостоятельных блока нормативных предписаний, регламентирующих общественные отношения, возникающие при прекращении уголовного дела и прекращении уголовного преследования.

---

¹ См.: Божьев, В.П. Уголовно-процессуальные правоотношения / В.П.Божьев. – М., 1975. – С.33.

² Сафронов, Д.М. Обстоятельства, исключающие уголовное преследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Д.М.Сафронов. – Омск, 2003. – С.7.

О НЕДОПУСТИМОСТИ «АВТОМАТИЧЕСКОГО» ПРЕКРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ

Мазюк Р.В.

Байкальский государственный университет экономики и права

Уголовное преследование как процессуальная деятельность, затрагивающая права и законные интересы личности в уголовном судопроизводстве, подлежит прекращению при наличии конкретных оснований (ст.27 УПК РФ) путем вынесения соответствующего постановления (ст.213 УПК РФ). Вынесение постановления о прекращении уголовного преследования означает для лица, в отношении которого оно выносится, что такое лицо признается не причастным к совершенному преступлению, в связи с чем лишается процессуального статуса подозреваемого, обвиняемого. Вместе с тем недостаточно полное регулирование порядка прекращения уголовного преследования в отдельных нормах УПК РФ влечет неоднозначное применение данного института на практике и как результат приводит к незаконному ограничению прав и законных интересов личности.

В связи с этим заслуживающим наибольшего внимания в теории и практике уголовно-процессуального права является вопрос о

том, прекращается ли уголовное преследование по истечении 10 (30) суток с момента применения меры пресечения подозреваемому в случае непредъявления ему в указанный срок обвинения (ст.100 УПК РФ)? Так, согласно результатам проведенного опроса следователей прокуратуры и органов внутренних дел Иркутской области, 52% респондентов считают, что непредъявление подозреваемому обвинения в течение 10 суток с момента применения ему меры пресечения согласно ст.100 УПК РФ влечет прекращение у лица процессуального статуса подозреваемого. 48% опрошенных считают, что сам факт непредъявления обвинения в указанный срок подозревание с лица не снимает и оно сохраняет свой процессуальный статус подозреваемого.

В научной литературе по данной проблеме также нет единого мнения. Ряд ученых утверждают, что подозреваемый является кратковременным участником уголовного судопроизводства и срок нахождения лица в данном статусе ограничен максимальным сроком избрания в отношении него меры пресечения в соответствии со ст.100 УПК РФ (то есть 10 сутками).¹ Другие полагают, что «срок нахождения лица в данном качестве не может ограничиваться установленными законом сроками задержания или применения меры пресечения: правовой статус подозреваемого не связан с этими мерами, может возникнуть раньше и сохраняется у лица по завершении действия указанных мер до предъявления ему обвинения или прекращения уголовного преследования и реабилитации»².

Если согласиться с мнением о том, что прекращение действия меры пресечения, избранной подозреваемому, влечет прекращение процессуального статуса подозреваемого и как результат – прекращение его уголовного преследования, то, учитывая, что на практике в таких случаях постановление о прекращении уголовного преследования в подавляющем большинстве случаев не выносится, следует заключить, что данный порядок прекращения уголовного преследования носит «автоматический» характер. При этом под «автоматическим» прекращением уголовного преследования следует понимать процессуально не оформленное решение прокурора, следователя о прекращении процессуальной деятельности по изобличению подозреваемого в совершении преступления вследствие истечения срока действия в отношении него меры пресечения до предъявления обвинения.

Для правильной оценки рассматриваемой проблемы, как представляется, необходимо иметь в виду следующее:

1) истечение срока задержания либо меры пресечения не является свидетельством того, что у дознавателя, следователя, прокуро-

ра отпали подозрения в отношении лица. На момент истечения указанных сроков могут быть не исчерпаны все процессуальные средства установления причастности лица к совершению преступления;

2) законодатель нормативно признал концептуальную возможность долговременного нахождения лица в процессуальном статусе подозреваемого – в случае возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица (п.1 ч.1 ст.46 УПК РФ). В этом случае лицо может являться подозреваемым в течение периода, ограниченного сроком производства по уголовному делу. В связи с этим нет оснований утверждать, что подозреваемый является кратковременным участником уголовного судопроизводства;

3) исходя из назначения уголовного судопроизводства, следует определить, в каком случае в наибольшей степени обеспечивается защита личности от ограничения ее прав и свобод: в случае прекращения у лица процессуального статуса подозреваемого либо в случае его продолжения. Как представляется, назначению уголовного судопроизводства в большей степени соответствует сохранение у лица процессуального статуса подозреваемого, в результате чего он сохраняет права, предусмотренные ч.4 ст.46 УПК РФ, и прежде всего право на защиту от фактически продолжающегося уголовного преследования.

Таким образом, необходимо заключить, что подозрение не является кратковременным этапом уголовного преследования, продолжительность которого зависит от срока задержания либо применения к лицу меры пресечения. Уголовное преследование в отношении лица, обладающего процессуальным статусом подозреваемого, должно осуществляться до тех пор, пока не будет:

1) установлена непричастность лица к совершенному преступлению, на основании чего уголовное преследование данного лица должно быть прекращено по п.1 ч.1 ст.27 УПК РФ путем вынесения соответствующего постановления, либо

2) собрано достаточно доказательств, дающих основания для привлечения лица в качестве обвиняемого (ч. 1 ст. 171 УПК РФ).

Некоторые процессуалисты уже указывали на то, что процессуальный статус подозреваемого должен прекращаться только путем вынесения специального постановления.³ Более того, в уголовно-процессуальных законах некоторых стран ближнего зарубежья предусмотрена норма о том, что лицо перестает пребывать в положении подозреваемого с момента вынесения постановления о привлечении его в качестве обвиняемого либо о прекращении уголовного преследования (уголовного дела), например ч. 5 ст. 40 УПК Республики Беларусь и ч.4 ст.39 УПК Кыргызской Республики. Полагаем, что

подобный законодательный подход исключает возможность существования неопределенного процессуального статуса у лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование.

Таким образом, в целях совершенствования правовой регламентации порядка прекращения уголовного преследования подозреваемых, к которым применялась мера пресечения до предъявления обвинения, а также устранения встречающихся на практике случаев «автоматического» прекращения уголовного преследования считаем необходимым дополнить ст.46 УПК РФ частью 5 следующего содержания: «5. Подозреваемым лицо является до вынесения в отношении него постановления о привлечении в качестве обвиняемого либо постановления о прекращении уголовного преследования».

---

¹ Пантелеев, И.А. Подозрение в уголовном процессе России / И.А.Пантелеев. – Екатеринбург, 2001. – С.14; Якимович, Ю.К. Досудебное производство по УПК Российской Федерации / Ю.К.Якимович, Т.Д.Пан. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб., 2004. – С.29; Мельников, В.Ю. Задержание подозреваемого: дис. ... канд. юрид. наук / В.Ю.Мельников. – Краснодар, 2004. – С.46.

² Аверченко, А.К. Подозреваемый и реализация его прав в уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.К.Аверченко. – Томск, 2001. – С.9.

³ Чупилкин, Ю.Б. Гарантии прав подозреваемого в российском уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Ю.Б.Чупилкин. – Краснодар, 2001. – С.7; Давлетов, А. Подозреваемый по УПК: проблема не решена / А.Давлетов, И.Ретюнских // Российская юстиция. – 2006. – №1. – С.21.

ПРЕКРАЩЕНИЕ УГОЛОВНОГО ДЕЛА В ОТНОШЕНИИ ЛИЦ, НЕ ДОСТИГШИХ ВОЗРАСТА ПРИВЛЕЧЕНИЯ К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: ПОЧЕМУ ПРОБЛЕМА НЕ РЕШАЕТСЯ?

Квициния К.А.
Прокуратура г. Москвы

При организации работы по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, предупреждению и сдерживанию подростковой преступности серьезной проблемой являются запрещенные уголовным законом деяния, совершаемые лицами до достижения возраста, с которого возможно наступление уголовной ответственности.

Данная проблема эпизодически обсуждается в юридической литературе, имеются аргументированные предложения о дополнении УПК РСФСР и УПК РФ нормами, призванными урегулировать особенности расследования фактов совершения общественных опасных деяний лицами до достижения ими возраста привлечения к уголовной ответственности с последующим прекращением уголовного дела.¹ В настоящее время имеет смысл еще раз обратиться к этим вопросам.

Во-первых, на начало 2005 г. в подразделениях по делам несовершеннолетних (ПДН) ОВД страны в связи с совершением общественно опасных деяний до достижения возраста уголовной ответственности состояли на учете 75334 человека, на начало 2006 г. – 79446. Данная категория подростков остается самой представительной по численности среди всех состоящих на учете в ПДН ОВД, которые наиболее склонны к совершению преступлений. Многими из них совершены два и более общественно опасных деяний.

Такие лица нередко являются инициаторами и организаторами совершения запрещенных уголовным законом деяний, вовлекают в них других малолетних, имеют устойчивые отношения и связи с ранее судимыми несовершеннолетними. Поэтому они требуют повышенного внимания со стороны ПДН ОВД с точки зрения проведения с ними индивидуальной профилактической работы.

Во-вторых, из общего количества лиц, состоящих на учете в ПДН ОВД за совершение общественно опасных деяний до достижения возраста уголовной ответственности, три четверти – мальчики и девочки, которым еще не исполнилось 14 лет. Поведение, образ жизни, условия воспитания таких лиц должны изучаться особо тщательно, поскольку это определяет содержание индивидуальной профилактической работы с ними. Большое значение при этом имеют качество, всесторонность, полнота расследования обстоятельств, выяснение ситуативности совершения названными лицами общественно опасных деяний.

В-третьих, изменилась законодательная регламентация порядка реагирования на факты совершения запрещенных уголовным законом деяний лицами, не достигшими возраста привлечения к уголовной ответственности (ч.3 ст.27, ч.4 ст.133 УПК РФ). УПК РСФСР (п.5 ст.5) предусматривал самостоятельное основание для отказа в возбуждении и прекращения уголовного дела – недостижение к моменту совершения общественно опасного деяния возраста, с которого, согласно закону, возможна уголовная ответственность. Оно действовало наряду с таким основанием, исклю-

чающим производство по уголовному делу, как отсутствие в деянии состава преступления (п.2 ст.5 УПК РСФСР).

В УПК РФ норма, предусматривавшаяся п.5 ст.5 УПК РСФСР, не нашла закрепления. Теперь, согласно ч.3 ст.27 УПК РФ, уголовное преследование в отношении лица, не достигшего к моменту совершения запрещенного уголовным законом деяния возраста, с которого наступает уголовная ответственность, подлежит прекращению на основании п.2 ч.1 ст.24 УПК РФ – за отсутствием в деянии состава преступления.

Избранный законодателем в ч.3 ст.27 УПК РФ вариант формулирования основания прекращения уголовно-процессуального производства при совершении общественно опасного деяния лицом, не достигшим возраста привлечения к уголовной ответственности, обуславливает необходимость обсуждения следующего вопроса. В уголовно-процессуальном законе под уголовным преследованием понимается процессуальная деятельность, осуществляемая стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления (п.55 ст.5 УПК РФ). В случаях совершения общественно опасного деяния лицом до достижения возраста уголовной ответственности также должна быть доказана его причастность к совершенному деянию. Но доказывание этого факта, когда имеются сведения о малолетнем возрасте лица, происходит в иных процессуальных формах, без придания ему процессуального статуса подозреваемого или обвиняемого. Поэтому применительно к ситуациям, когда расследование общественно опасного деяния прекращается в связи с недостижением лицом возраста привлечения к уголовной ответственности, точнее будет говорить о прекращении уголовного дела, возбужденного по факту совершения запрещенным уголовным законом деяния, а не уголовного преследования.

Правильность данного суждения подтверждается и анализом складывающейся правоприменительной практики. Судя по содержанию ч.3 ст.27 УПК РФ, законодатель исходит из того, что в отношении таких лиц осуществляется уголовное преследование, которое, по выяснению факта недостижения ими возраста уголовной ответственности, подлежит прекращению. Однако в действительности по указанным делам, как показывает их изучение, собственно уголовное преследование не осуществляется. Преимущественно производство по делу сводится к документальному подтверждению возраста совершивших общественно опасное деяние лиц, почти в 70% изученных дел они занимали процессуальное положение свидетеля.

Принимая во внимание актуальность проблемы высокой криминальной активности малолетних, осознавая необходимость совершенствования деятельности соответствующих субъектов по предупреждению антиобщественного поведения подростков, не достигших возраста привлечения к уголовной ответственности, представляется целесообразным изменение в принципе действующего порядка расследования уголовных дел анализируемой категории.

Статьи 73 и 421 УПК РФ сформулированы и рассчитаны на случаи расследования и судебного разбирательства уголовных дел о преступлениях, то есть когда в уголовном деле фигурирует «полноценный» субъект преступления. В гл.50 УПК РФ «Производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних» не включена ни одна правовая норма, которая бы учитывала и отражала особенности проведения расследования по фактам совершения запрещенных уголовным законом деяний малолетними.

Изучение уголовных дел, прекращенных в связи с недостижением лицом возраста привлечения к уголовной ответственности, позволяет утверждать, что в большинстве случаев главной целью расследования является удостоверение возраста лица, совершившего общественно опасное деяние. При появлении в распоряжении дознавателя, следователя документальных данных о возрасте малолетнего дальнейшее расследование уголовного дела фактически «сворачивается».

Анализ уголовно-процессуального законодательства РСФСР и РФ в части регламентации порядка реагирования на общественно опасные деяния малолетних, научных публикаций по данной проблематике, практики прекращения уголовных дел в отношении лиц, не достигших возраста уголовной ответственности, позволяет сформулировать ряд выводов:

а) решение законодателя не выделять в системе оснований отказа в возбуждении и прекращения уголовного дела самостоятельного основания – недостижение лицом возраста, с которого наступает уголовная ответственность, – неоправданно и некорректно с юридической и фактической позиций;

б) качество расследования уголовных дел в отношении лиц, совершивших общественно опасные деяния до достижения возраста привлечения к уголовной ответственности, нельзя признать удовлетворительным. Такие уголовные дела, не имеющие судебной перспективы, расцениваются дознавателями, следователями, а также руководителями органов расследования как второстепенные, «второсортные»;

в) процессуальный контроль расследования и прекращения таких уголовных дел осуществляется формально, не носит упреждающего характера, что приводит к отмене прокурорами многих постановлений о прекращении уголовных дел. Поэтому решение о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) в связи с недостижением лицом возраста привлечения к уголовной ответственности целесообразно согласовывать с прокурором;

г) оптимизации практики прекращения уголовных дел в отношении лиц, совершивших общественно опасные деяния до достижения возраста привлечения к уголовной ответственности, повышению эффективности проведения с такими лицами индивидуальной профилактической работы соответствующими органами способствовало бы внесение в уголовно-процессуальное законодательство соответствующих дополнений в части регламентации прекращения уголовных дел в отношении таких лиц.

---

¹ См.: Николук, В.В. Производство с участием несовершеннолетних / В.В.Николук. – Омск, 1994. – С.16-20; Лукьянчиков, Е.Д. Разрешение органами внутренних дел заявлений и сообщений о преступлениях несовершеннолетних / Е.Д.Лукьянчиков, Д.П.Письменный. – Киев, 1987. – С.33-37; Ларин, А.М. Уголовный процесс России : лекции-очерки / А.М.Ларин, Э.Б.Мельникова, В.М.Савицкий. – М., 1997. – С.304-305; Галимов, О.Х. Малолетние лица в уголовном судопроизводстве / О.Х.Галимов. – СПб., 2001. – С.91-101; Семьянова, И.С. Проблемы совершенствования расследования преступлений несовершеннолетних (организационно-правовой аспект) / И.С.Семьянова. – Омск, 2004. – С.73-79 и др.

ПРЕКРАЩЕНИЕ УГОЛОВНОГО ДЕЛА И УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ В СУДЕ

Мядзелец О.А.

Ленинский районный суд г. Красноярска

1. При рассмотрении уголовных дел в суде распространенным процессуальным решением является прекращение уголовного дела или уголовного преследования. Это обусловлено, во-первых, тем, что по отдельным основаниям уголовное дело или уголовное преследование может быть прекращено исключительно судом:

а) в случае полного или частичного отказа государственного обвинителя от обвинения в ходе судебного разбирательства – ч.7 ст.246 УПК РФ;

б) с применением к несовершеннолетнему обвиняемому принудительных мер воспитательного воздействия – ст.427 УПК РФ.

Во-вторых, органы расследования, прокурор, с одной стороны, и суд – с другой, дают разные оценки имеющимся в уголовном деле доказательствам, часть из которых в судебном заседании признаются недопустимыми либо утрачивают доказательственную ценность в связи с изменением своей позиции и показаний участниками процесса. Только за 2005 г. в целом по России в результате рассмотрения уголовных дел судами прекращены уголовные дела и уголовное преследование в отношении 14,3 тыс. лиц по реабилитирующим основаниям и 324,5 тыс. лиц – по нереабилитирующим основаниям (в 2003 г. эти показатели выглядели соответственно 11,7 тыс. и 267,3 тыс.; в 2004 г. – 17,5 тыс. и 306,2 тыс. человек).

2. Норма, включенная в ч.7 ст.246 УПК РФ, воспринята специалистами как весьма противоречивая, поскольку в этих случаях позиция потерпевшего не учитывается. Отмечается, в частности, что, руководствуясь данной нормой, государственный обвинитель может заблокировать в принципе любое уголовное преследование, инициировав прекращение уголовного дела судом без рассмотрения его по существу, на основании формального сугубо процессуального момента – отказа государственного обвинителя от обвинения.¹

При рассмотрении уголовных дел судьи ориентируются на правовые позиции Конституционного Суда РФ, который применительно к анализируемой ситуации в постановлении по делу о проверке конституционности положений п.п.1 и 3 ч.1 ст.232, ч.4 ст.248 и ч.1 ст.258 УПК РСФСР от 20 апреля 1999 г. указал, что обязанность суда постановить оправдательный или обвинительный приговор, констатирующий виновность подсудимого в менее тяжком преступном деянии, связывается с отказом от обвинения как прокурора, так и потерпевшего. Кроме того, согласно п.16 ч.2 ст.42 УПК РФ потерпевший наделяется правом поддерживать обвинение.

Вряд ли оптимально и решение законодателя в части предоставления возможности прокурору заявить об отказе от обвинения на предварительном слушании (ч.1 ст.239 УПК РФ). Такой отказ может быть признан обоснованным по окончании судебного следствия, в ходе судебных прений с изложением мотивов отказа (представленные доказательства не подтверждают предъявленное подсудимому обвинение).²

Поэтому нормы, допускающие возможность прекращения уголовного дела или уголовного преследования в суде в связи с отказом государственного обвинителя от обвинения (ст.24, ст.27, п.16 ч.2 ст.42, ч.1 ст.239, ч.7 ст.246 УПК РФ), необходимо согласовать.

3. Анализ судебной практики показывает, что в суде уголовное дело или уголовное преследование наиболее часто прекращаются в связи с примирением подсудимого с потерпевшим, а также при деятельном раскаянии подсудимого.

Так, в 2003 г. в целом по стране на основании ст.25 УПК РФ судами было прекращено уголовное преследование в отношении 188 тыс. подсудимых, в 2004 г. и 2005 г. – соответственно в отношении 225,5 тыс. и 266,6 тыс. подсудимых. В связи с деятельным раскаянием в 2003 г. суды прекратили уголовное преследование в отношении 25,3 тыс. подсудимых, в 2004 г. и 2005 г. – соответственно в отношении 25,2 тыс. и 22,9 тыс. подсудимых.

В материалах абсолютного большинства таких уголовных дел, направленных прокурором в суд для рассмотрения по существу, имелись основания для принятия решения о прекращении уголовного дела или уголовного преследования по ст.ст.25 и 28 УПК РФ. Будучи, однако, «озабоченными» формировать благополучную ведомственную статистику, прокуроры, осуществляющие надзор за процессуальной деятельностью органов расследования, предпочитают ориентировать дознавателей и следователей на окончание производства по таким уголовным делам с составлением обвинительных акта или заключения. По данной категории уголовных дел прокурорам не доставляет трудностей и поддержание в суде государственного обвинения.

Подобная практика, отнимающая у судей неоправданно много времени, нуждается в переосмыслении и существенной корректировке (возможно, по этому вопросу требуется указание Генерального прокурора РФ по аналогии с принятыми мерами по пресечению получившей распространение в деятельности прокуроров необоснованной практики изъятия из органов расследования министерств и ведомств уголовных дел и передачи их в производство следователей прокуратуры).³

4. В судебной практике возникают вопросы при необходимости возобновить уголовное дело в порядке ч.5 ст.427 УПК РФ – при систематическом неисполнении несовершеннолетним требований, предусмотренных назначенной принудительной мерой воспитательного воздействия (ПМВВ).

В ст.427 УПК РФ специально оговорены правила рассмотрения судом ходатайства и материалов уголовного дела, прекращенного с целью применения к несовершеннолетнему ПМВВ. Но в этой статье нет никаких предписаний относительно того, по каким правилам суд должен рассматривать ходатайство подразделения по делам несовершеннолетних (ПДН) ОВД об отмене ПМВВ. В

комментариях к УПК РФ рекомендации на этот счет сводятся к следующему: при рассмотрении данного ходатайства в судебное заседание вызываются несовершеннолетний обвиняемый, его защитник, прокурор, а также представитель специализированного учреждения для несовершеннолетних.

Подобная судебная процедура характерна для рассмотрения вопросов, связанных с исполнением приговора (ст.399 УПК РФ). По правилам, установленным ст.399 УПК РФ, действительно, разрешаются сходные по юридической природе вопросы об отмене условного осуждения (п.7 ст.397 УПК РФ) и условно-досрочного освобождения (п.4.1 ст.397 УПК РФ). Поэтому логично, чтобы вопросы об отмене ПМВВ также рассматривались в порядке, предусмотренном ст.399 УПК РФ.

Исходя из содержания ч.5 ст.427 УПК РФ, суд вправе принять только два решения по поступившему ходатайству ПДН ОВД: 1) при недоказанности систематичности неисполнения несовершеннолетним ПМВВ в удовлетворении ходатайства отказывается; 2) при доказанности систематичности неисполнения несовершеннолетним ПМВВ она отменяется, и уголовное дело, хранящееся в архиве суда, вместе с постановлением судьи об отмене ПМВВ направляется прокурору для возобновления производства по уголовному делу. Относительно второго решения надлежит прояснить следующее.

Несовершеннолетний, совершивший преступление небольшой или средней тяжести, может быть освобожден от уголовной ответственности с применением ПМВВ как по правилам ст.427 УПК РФ, так и по правилам ст.431 УПК РФ, то есть при рассмотрении уголовного дела, направленного в суд с обвинительным заключением (обвинительным актом).

При назначении ПМВВ в соответствии со ст.431 УПК РФ возобновление уголовного дела и производство по нему расследования теряют всякий смысл, поскольку дело было расследовано в полном объеме и окончено с составлением обвинительного заключения (обвинительного акта). В этом случае требуются отмена решения суда о прекращении уголовного дела и применении к несовершеннолетнему ПМВВ, возобновление судебного разбирательства для рассмотрения уголовного дела по существу. Поскольку ПМВВ отменяется в связи с систематическим неисполнением несовершеннолетним предусмотренных ею требований, при возобновлении судебного разбирательства по уголовному делу может возникнуть и вопрос об избрании в отношении несовершеннолетнего меры пресечения, что также должно найти отражение в постановлении судьи.

¹ См.: Кальницкий, В.В. Высказанная обвинителем позиция предопределяет пределы судебного разбирательства / В.В.Кальницкий // Российская юстиция. – 2002. – № 12. – С.34-35; Кириллова, Н.А. Правовые последствия отказа от обвинения / Н.А.Кириллова // Российская юстиция. – 2006. – №7. – С.54-55.

² См.: Демидов, И. Отказ прокурора от обвинения / И.Демидов, И.Тушев // Российская юстиция. – 2002. – №8. – С.25-27.

³ См.: О соблюдении подследственности уголовных дел : указание Генерального прокурора РФ от 16 августа 2006 г. №59/49.

ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ПРАВИЛА ПРЕДЕЛОВ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА

Другов М.А.
Сибирский федеральный университет

Сегодня весьма актуальными остаются вопросы, связанные с ролью суда в процессе доказывания, – о его активности, самостоятельности в собирании доказательств, необходимости установления истины по уголовному делу и некоторые другие.

В прежнем законодательстве многие моменты указанных вопросов регулировались институтом, непосредственно связанным с пределами судебного разбирательства, – институтом возвращения уголовного дела на дополнительное расследование. Однако данный институт упразднен, в связи с чем правило пределов судебного разбирательства наполнилось новым содержанием и приобрело новый процессуальный смысл, хотя и при его прежней формулировке.

Много дискуссий было вокруг института возвращения дела на доследование по поводу как положительных, так и отрицательных его сторон. Отдельные ученые высказывали мнение о необходимости исключения данного института и отрицали возможность его модернизации, другие считают необходимым его сохранение и совершенствование.

На наш взгляд, к вопросу о пределах судебного разбирательства в УПК РФ необходимо подойти комплексно и объективно.

К сожалению, законодатель не смог учесть все моменты и спорные вопросы, которые в УПК РСФСР разрешались действием института возвращения дела на доследование. На сегодняшний день в практике рассмотрения уголовных дел накопилось достаточно спорных вопросов. Решение некоторых из них новый УПК не предусматривает.

Проанализировав и обобщив мнения различных ученых, обратившись к судебной практике, мы сделали вывод о том, что существует два вида «ситуаций»¹, регламентация которых ранее возлагалась на институт возвращения дела на дополнительное расследование в связи с ухудшением положения подсудимого и нарушения его права на защиту. Критерием разделения «ситуаций», на наш взгляд, являются причины их возникновения.

Первый вид, это «ситуации», проявляющиеся, прежде всего, в неверной квалификации деяния, отсутствии отдельных доказательств и др. Зачастую суд не может устранить такие «ситуации», в частности в связи с тем, что они связаны с изменением обвинения, влекущим ухудшение положения обвиняемого и нарушение его права на защиту.

В некоторых таких «ситуациях» существует возможность их устранения в ходе судебного разбирательства, не ухудшая положение обвиняемого и не нарушая его права на защиту. В этих случаях государственный обвинитель, например, может пере kvalифицировать деяние на менее тяжкое.

Второй вид «ситуаций» – это случаи выявления новых обстоятельств, которые возникают непосредственно в ходе судебного разбирательства благодаря, например, активности сторон, показаниям обвиняемого, свидетеля, воспользовавшегося ранее правом не свидетельствовать против себя и своих близких родственников и «заговорившего» в суде, а также новых обстоятельств, появление которых не связано с волей участников процесса и не зависит от них. То, что в ходе судебного разбирательства может возникнуть ситуация, когда появляются новые обстоятельства, не отрицает и сам законодатель, предусмотрев возможность возобновления судебного следствия в случае, если участники прений сторон или подсудимый в последнем слове сообщат о новых обстоятельствах, имеющих значение для уголовного дела (ст.294 УПК РФ).

Как нам представляется, такого рода «ситуации» (второго вида) условно можно разделить на те, в которых суд может позволить себе своего рода активность и самостоятельно восполнить пробелы, выявленные в ходе судебного разбирательства, и те, в которых суду ничего не остается делать, как выносить оправдательный приговор или приговор с формулировкой «в пределах предъявленного обвинения».

Сейчас мы бы хотели более подробно остановиться на втором виде «ситуаций» и раскрыть то содержание, которым мы наполняем его подвиды.

Как мы уже указывали, «ситуации», в которых в ходе судебного разбирательства появляются новые обстоятельства или необходимость и возможность их выявления, можно разделить на два подвида. Критерием разделения мы выбрали возможность суда в пределах судебного разбирательства проявлять активность в условиях современного уголовного судопроизводства.

Первый подвид – это ситуации, в которых суд может проявлять инициативу, в частности самостоятельно осуществлять соби­рание доказательств. Суд, таким образом, восполняет недостающие компоненты для наиболее полного построения своего внутреннего убеждения.

Подобного рода ситуацию описывает в своем определении Конституционный Суд РФ.²

Выполнение функции обвинения заключается в возбуждении уголовного преследования, формулировании обвинения и отстаивании его в суде. В соответствии с законом в ходе судебного следствия устанавливаются не только обстоятельства, подтверждающие доказанность обвинения, но также и обстоятельства, смягчающие вину подсудимого или оправдывающие его, а равно иные обстоятельства, необходимые для справедливого и беспристрастного разрешения уголовного дела по существу. Следовательно, соби­рание доказательств не только является прерогативой сторон, но и входит в число полномочий суда, реализуемых в порядке, установленном уголовно-процессуальным законодательством для производства судебного следствия.

Эта позиция разумна, поскольку иное толкование роли суда будет препятствовать свободному формированию им своего внутреннего убеждения.

Второй подвид – это ситуации, в которых суд не может проявлять активность и ему приходится выносить решение на основе представленных материалов дела, не реагируя, например, на признание подсудимого в совершении более тяжкого преступления или на появление в суде данных, свидетельствующих о совершении преступления иным лицом, не подвергнутым уголовному преследованию со стороны обвинения.

С принятием УПК РФ появилось множество ситуаций, когда суд лишен возможности проявления самостоятельности, и которые можно отнести ко второму подвиду.

Так, в одном из уральских регионов суд вынес оправдательный приговор лицу, обвиняемому в совершении убийства путем удушения своей жертвы, на том основании, что в судебном заседании была установлена иная причина насильственной смерти – ножевое ранение, нанесенное тем же подсудимым.³

Также примером служит уголовное дело, по которому подсудимый обвинялся в совершении преступления, предусмотренного ч.1 ст.111 УК РФ: умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, опасного для жизни человека. После поступления уголовного дела в суд и назначения судебного заседания потерпевший скончался от полученных телесных повреждений. Очевидно, что в данном случае преступные действия подсудимого должны быть квалифицированы по ч.4 ст.111 УК РФ, и для предъявления нового обвинения в совершении более тяжкого преступления уголовное дело следовало направить прокурору, но действующий уголовно-процессуальный закон не предоставил суду таких полномочий.

Так или иначе, законодатель упразднил институт возвращения уголовного дела на дополнительное расследование, и правило пределов судебного разбирательства в контексте УПК РФ при его прежнем звучании приобрело новый процессуальный смысл. Теперь суд полностью лишен какой-либо возможности в проявлении самостоятельности в случаях, когда в судебном заседании будут выявлены обстоятельства, свидетельствующие о необходимости изменения обвинения в худшую для подсудимого сторону, предъявления нового обвинения или привлечения к уголовной ответственности новых лиц.

Закрепив пассивную роль суда, законодатель, исключивший из нового уголовно-процессуального закона институт возвращения уголовного дела для дополнительного расследования, видимо, не предусмотрел возможность появления вышеописанных ситуаций и не выработал надежный механизм их разрешения.

На наш взгляд, было бы логичным предоставить прокурору как стороне обвинения право на возбуждение перед судом ходатайства о возвращении уголовного дела на дополнительное расследование в случаях возникновения «ситуаций» второго вида, описанных нами, что, в свою очередь, гарантировало бы вынесение законного, обоснованного и справедливого решения по делу.

---

¹ В связи с отсутствием в законодательстве и научной литературе подходящей терминологии соответствующие явления мы будем обозначать как «ситуации».

² Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Бокситогорского городского суда Ленинградской области о проверке конституционности части 1 статьи 86 УПК РФ : определение Конституционного Суда РФ от 6 марта 2003 г. № 104-О.

³ Оксюк, Т.Л. Возвращение уголовного дела прокурору / Т.Л.Оксюк // Уголовный процесс. – 2005. – №1.

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБОМ ПОРЯДКЕ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Самсонова О.А., к.ю.н, доцент
Байкальский государственный уни-
верситет экономики и права

Общеизвестно, что в мировой судебной практике существуют различные виды процессуальных институтов, целью которых является сокращение судебных расходов и сроков рассмотрения уголовных дел. Отдельным из них отдается предпочтение в зависимости от национальных традиций, сложившейся практики применения уголовно-процессуального законодательства. Примером подобной процессуальной формы рассмотрения и разрешения уголовного дела можно считать особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением.

Особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением не является принципиально новым для отечественного уголовного процесса. Упрощенное разрешение криминального конфликта, являющееся следствием признания лицом своей вины, было известно уже древнему русскому праву (гл.2 Краткого изображения процессов и судебных тяжб Петра I от 30 марта 1716 г., Свод законов Российской империи 1832 г. (кн.2, т.15), Устав уголовного судопроизводства 1864 г. (ст.ст.680-681).

Современные авторы, обращаясь к вопросу исследования данного института, приходят к выводу о том, что он имеет как положительные, так и отрицательные стороны. Не останавливаясь на известных преимуществах особого порядка принятия судебного решения, хотелось бы кратко сформулировать те отдельные недостатки, на которые обращают внимание ученые и практические работники в оценке реализации указанной процедуры.

Во-первых, очевидно, что особый порядок принятия судебного решения в той форме, в которой он существует в России, не содержит достаточного количества процессуальных гарантий для участников процесса, что влечет ущемление прав как обвиняемого, так и потерпевшего, а также свидетельствует о недостаточной реализации судом своих функций по отправлению правосудия в особом порядке судебного разбирательства.

Во-вторых, как совершенно верно отмечает Е.Ганичева, из-за неточного определения в УПК РФ категории уголовных дел, одно-

временно являющихся и основанием применения особого порядка судебного разбирательства, на практике возникают разногласия в правильном установлении круга уголовных дел в зависимости от их тяжести.¹ Так, отдельными исследователями предлагается следующая позиция: при определении наказания должен учитываться максимально возможный срок наказания, а не санкция статьи. При исчислении возможного наказания суды должны руководствоваться и положениями ст.ст.62, 66 УК РФ, позволяющими за счет последовательного исчисления дробей рассматривать в особом порядке уголовные дела о преступлениях, верхний предел санкции которых превышает 10 лет лишения свободы. Таким образом, с учетом того, что максимально возможное наказание исчисляется исходя из приоритета материального закона над процессуальным, по аналогии с п.9 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 11 июня 1999 г. №40, рассмотрение в особом порядке судебного разбирательства возможно и по делам, санкция статьи УК РФ которых превышает 10 лет лишения свободы.²

В-третьих, на сегодняшний день сложилась практика, когда отдельные судьи на стадии предварительного слушания отказывают в принятии ходатайства о рассмотрении уголовного дела в особом производстве, мотивируя свое решение тем, что из содержания ст.229 УПК РФ исключен п.4, предусматривавший в качестве одного из оснований проведения предварительного слушания заявление подобного ходатайства. Таким образом, суды трактуют подобное изменение в законодательстве следующим образом: заявить ходатайство о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства обвиняемый вправе лишь при ознакомлении с материалами уголовного дела в порядке ст.217 УПК РФ.

В-четвертых, необходима более четкая регламентация самого судебного разбирательства при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением.

Таким образом, назрела необходимость в более детальной разработке норм, регламентирующих применение особого порядка судебного разбирательства, а также в устранении имеющихся противоречий, которые сейчас устраняются путем проб и ошибок самими практиками.

Разрешению перечисленных и иных проблем посвящено постановление Пленума Верховного Суда РФ от 5 декабря 2006 г. №60 «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел».

Хотелось бы обратить внимание на некоторые принципиальные моменты указанного постановления.

Так, Верховный Суд РФ прямо указывает на то, что определенные условия постановления приговора без проведения судебного разбирательства не являются условиями назначения уголовного дела к рассмотрению и подлежат выяснению уже в ходе судебного заседания. Таким образом, для применения указанной процедуры достаточно наличия ходатайства обвиняемого о применении особого порядка и отсутствия обстоятельств, ему препятствующих.

Неразъяснение обвиняемому органами предварительного расследования при ознакомлении с материалами уголовного дела права ходатайствовать о применении особого порядка судебного разбирательства следует считать нарушением права обвиняемого на защиту, влекущим за собой необходимость проведения предварительного слушания для решения вопроса о возвращении уголовного дела прокурору. Данное разъяснение, безусловно, существенным образом призвано защитить права обвиняемого и является, на наш взгляд, существенным.

Разрешая спорные вопросы о том, по какой категории уголовных дел возможно постановление приговора в особом порядке, Верховный Суд РФ уточняет, что в соответствии с ч.1 ст.314 УПК РФ особый порядок судебного разбирательства может быть применен только по делам о преступлениях, наказание за которые не превышает 10 лет лишения свободы. При этом необходимо исходить из наказания, предусмотренного санкцией статьи, вмененной обвиняемому, а не из наказания, которое может быть назначено ему с учетом обстоятельств, предусмотренных ст.ст.62, 64, 66, 69, 70 УК РФ.

Пункт 12 постановления также указывает, что гл.40 УПК РФ не запрещает принятие по делу иных, кроме обвинительного приговора, судебных решений. Таким образом, судом может быть преквалифицировано содеянное обвиняемым, а само уголовное дело может быть прекращено, если для этого не требуется исследования собранных по делу доказательств и фактические обстоятельства при этом не изменяются.

Обращается внимание судей на то, что при наличии оснований, предусмотренных ст.ст.62, 64, 66, 69, 70 УК РФ, наказание виновному назначается по правилам как этих статей, так и ч.7 ст.316 УПК РФ.

Судам также разъясняется право осужденного обжаловать в надзорном порядке вступивший в законную силу приговор суда без каких-либо ограничений, поскольку уголовно-процессуальный закон (ст.317 УПК РФ) таковых не содержит.

Думается, что развитие судебной практики является важным как для достижения целей уголовного судопроизводства, так и для профилактики посткриминального поведения граждан. Процедура особого производства принятия судебного решения имеет немало-важное значение в стимулировании обвиняемого не только к согласию с обвинением и как следствие – к признанию своей вины, но и к совершению объективных действий, подтверждающих это его отношение. Эти действия могут проявляться в виде активного способствования раскрытию преступления, возмещения ущерба и т.д. Как совершенно верно отмечает Л.П.Ижнина, данный институт – практически единственная норма УПК РФ, стимулирующая обвиняемого к совершению подобных действий.

---

¹ См.: Ганичева, Е. Особый порядок судебного разбирательства / Е.Ганичева // Законность. – 2006. – № 9. – С.48.

² Любишкин, Д.Е. Особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Д.Е.Любишкин. – Владимир, 2006. – С.12.

ОБЖАЛОВАНИЕ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ О ВОЗВРАЩЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ПРОКУРОРУ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Головащук Е.М., к.ю.н., доцент
Сибирский юридический институт
МВД России

Васильев О.Ю.
Сибирский юридический институт
МВД России

УПК РФ внес значительные коррективы в ряд существовавших ранее институтов уголовного судопроизводства. Институт возвращения уголовного дела прокурору, сменивший институт доследования, вызывает едва ли не больше споров, чем другие положения нового законодательства, как среди ученых, так и среди практиков.

Остается в настоящее время спорным вопрос об обжаловании в кассационном (апелляционном) порядке судебных решений о возвращении уголовных дел прокурору. Статья 237 УПК РФ не содержит положений, регулирующих порядок обжалования указанных постановлений. В каждом конкретном случае приходится

обращаться к общим нормам УПК РФ, посвященным обжалованию судебных решений. В соответствии с положениями ч.7 ст.236 УПК РФ судебное решение, принятое по результатам предварительного слушания (в том числе и о возвращении уголовного дела прокурору), обжалованию не подлежит. По смыслу п.2 ч.5 ст.355 УПК РФ постановление, вынесенное в ходе судебного разбирательства в результате удовлетворения ходатайства участника судебного разбирательства, также не подлежит обжалованию в порядке, установленном гл.43 УПК РФ.

В результате толкования данных норм мы приходим к выводу о том, что отсутствует запрет лишь на обжалование решений о возвращении уголовного дела прокурору, принятых судом в ходе судебного заседания по собственной инициативе. Однако практика разрешения указанных вопросов достаточно разнопланова. Одни судьи считают, что постановления о возвращении уголовных дел в порядке ст.237 УПК РФ могут быть обжалованы, принимают кассационные представления (жалобы), отменяют решения нижестоящих судов, другие – не принимают кассационные представления и жалобы. Указанный неоднозначный подход к обжалованию судебных решений, безусловно, должен быть устранен путем дополнительного законодательного урегулирования.

Представляется, что внесение в ст.237 УПК РФ дополнения, предусматривающего возможность обжалования решения суда о возвращении уголовного дела прокурору, было бы лучшим вариантом решения данной проблемы. Право на оспаривание действий и решений должностных лиц и суда установлено УПК РФ как «одно из основных положений уголовного процесса»¹. Данное положение является по своей природе конституционным и закреплено в ст.46 Конституции РФ.

Представляется очевидным, что этот вывод должен распространяться и на институт возвращения судом уголовного дела прокурору.

В постановлении от 2 июня 1998 г. по делу о проверке отдельных положений ст.ст.331 и 464 УПК РСФСР Конституционный Суд РФ признал не соответствующими Конституции РФ нормы, исключающие право на обжалование решений суда первой инстанции, влекущих приостановление производства по делу. В п.3 определения Конституционного Суда РФ от 9 июня 2004 г. суд посчитал, что данными нормами «объективно создаются препятствия для дальнейшего движения дела, а невозможность их обжалования порождает опасность неоправданной и незаконной задержки в принятии решения по делу и нарушения прав граждан, судебная

защита которых в дальнейшем не может быть обеспечена или не может привести к их эффективному восстановлению»².

Указанные положения будут справедливы и в отношении решения суда о возвращении уголовного дела прокурору. Возвращая уголовное дело прокурору, суд фактически переносит осуществление правосудия на неопределенный срок. Создаются препятствия для дальнейшего рассмотрения дела, а невозможность обжаловать постановление порождает неоправданные задержки.

В определении от 30 сентября 2003 г. Конституционный Суд РФ указал: существует «необходимость обеспечения заинтересованным участником судопроизводства возможности еще до завершения производства в суде первой инстанции обжаловать судебные решения, если ими ограничиваются их конституционные права и свободы, в том числе право на доступ к правосудию и судебную защиту»³. Однако одним из постановлений – от 8 декабря 2003 г. – Конституционный Суд РФ признал ч.7 ст.236 УПК РФ не соответствующей Конституции РФ только в части, исключающей обжалование таких решений, как постановление о приостановлении производства по делу и постановление о направлении дела по подсудности. Решение о неконституционности ч.7 ст.236 УПК РФ в части исключения обжалования вынесенного по итогам предварительного слушания постановления суда о возвращении уголовного дела прокурору в порядке ст.237 УПК РФ Конституционным Судом РФ не принималось, следовательно, в данной части указанная норма имеет юридическую силу и должна применяться.

Аналогичную позицию высказал и Верховный Суд РФ в постановлении Президиума от 12 ноября 2003 г. по делу Добрякова.⁴ Однако даже Верховный Суд РФ не проявляет последовательности в этом вопросе и в отдельных случаях допускает отмену постановлений о возвращении уголовного дела прокурору.⁵

Указанная неопределенность отмечается и в практике судов субъектов РФ. Так, «Архангельский областной суд на практике придерживается позиции Верховного Суда РФ и не допускает к кассационному рассмотрению жалобы и представления на указанные судебные решения»⁶, а Красноярский краевой суд допускает обжалование решений нижестоящих судов о возвращении уголовного дела прокурору.

Такая ситуация есть результат неопределенности законодательной регламентации соответствующих правоотношений.

Необходимость законодательного урегулирования данного вопроса посредством предоставления возможности обжалования решений о возвращении уголовного дела судом обусловлена еще и

тем, что зачастую уголовные дела возвращаются по основаниям, не предусмотренным законом. Необоснованное решение о возвращении уголовного дела ведет к отсрочке его разрешения и, следовательно, к нарушению права обвиняемого на рассмотрение дела в разумные сроки.

Остается актуальным вопрос о соответствии требованиям ст.7 УПК РФ о законности, обоснованности и мотивированности судебного решения о возвращении уголовного дела в порядке ст.237 УПК РФ. В постановлении судьи должны быть изложены не только ходатайства сторон о возвращении дела прокурору и мнения других участников процесса либо указание на инициативу самого суда, но и приведены конкретные нарушения уголовно-процессуального закона, о которых заявлено в ходатайстве либо которые выявлены судом самостоятельно, а также приведено обоснование, имеется ли и в чем конкретно выражается препятствие для рассмотрения дела судом.⁷ Анализ судебной практики показал, что чаще всего судьи не поясняют, в чем конкретно выражается препятствие для рассмотрения дела судом, ограничиваясь констатацией факта наличия нарушения, препятствующего возможности вынесения судебного решения.

Вследствие отсутствия обоснования невозможности рассмотрения дела судом сложно оценить правильность принятого решения и определить действительные причины, повлекшие возвращение дела прокурору.

На наш взгляд, в целях избежания ошибок и исключения фактов вынесения необоснованных решений, суды в каждом конкретном случае должны определять, препятствует ли выявленное нарушение уголовно-процессуального закона рассмотрению дела судом, и, убедившись в этом, надлежащим образом мотивировать своё решение, особенно в случаях выявления неочевидных, редко встречающихся в судебной практике нарушений и недостатков, а также нарушений, не перечисленных в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 5 марта 2004 г., по которым нет устоявшейся судебной практики.

Непросто однозначно ответить на вопрос: каким образом должна быть построена диспозиция ст.237 УПК РФ, то есть какими должны быть основания возвращения уголовного дела прокурору судом, полномочия должностных лиц, производящих предварительное расследование, судьи и прокурора, сроки устранения нарушений. Рассмотренные проблемные моменты и противоречия в УПК РФ требуют детального теоретического осмысления и скорейшей нормотворческой доработки.

¹ Шиплюк, В.А. Обжалование судебных решений о возвращении уголовного дела прокурору, принятых по итогам предварительного слушания / В.А.Шиплюк // Уголовный процесс. – 2005. – №8. – С.27.

² Собрание законодательства Российской Федерации. – 2004. – №40. – Ст.3989.

³ Собрание законодательства Российской Федерации. – 2003. – №51. – Ст.5026.

⁴ См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2004. – №5. – С.21-22.

⁵ См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2005. – №8. – С.31.

⁶ Бурмагин, С.В. Возвращение уголовных дел прокурору в порядке ст.237 УПК РФ (комментарий судебной практики) / С.В.Бурмагин // Российская юстиция. – 2005. – №1-2. – С.73.

⁷ См.: Там же.

К ВОПРОСУ ОБ ОСНОВНЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ РЕФОРМИРОВАНИЯ КАССАЦИОННОГО ПРОИЗВОДСТВА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Александрова О.Ю., к.ю.н.

Сибирский юридический институт
МВД России

Кассация по УПК РФ представляет собой форму обжалования и проверки не вступивших в законную силу судебных решений, которая воплотила в себе такие основные черты, как: осуществление пересмотра судебного решения с точки зрения его существа; возможность по ходатайству стороны при рассмотрении дела в кассационном порядке непосредственно исследовать доказательства по правилам, устанавливающим процедуру судебного следствия в рамках судебного разбирательства; возможность представления в вышестоящий суд и использования в ходе и по итогам производства по делу дополнительных материалов (доказательств); а также право суда кассационной инстанции изменить приговор.

Кассационное обжалование – это институт кассационного производства, объединяющий совокупность уголовно-процессуальных норм, определяющих круг субъектов, уполномоченных на принесение кассационной жалобы или представления, сроки их принесения и перечень судебных решений, которые могут быть обжалованы в кассационном порядке, устанавливающих форму кассационной жалобы и кассационного представления и последствия ее несоблюдения, а также условия, основания, порядок и последствия кассационного обжалования.

Кассационная жалоба – это повод для возбуждения производства в суде кассационной инстанции в виде письменного уго-

ловно-процессуального документа, фиксирующего процессуальные действия уполномоченных на то законом лиц по обжалованию не вступившего в законную силу судебного решения и содержащего предусмотренные УПК РФ реквизиты с мотивированной просьбой проверить законность, обоснованность и справедливость обжалуемого решения.

Кассационное представление по своему процессуальному значению, структуре и содержанию не отличается от кассационной жалобы, однако подается специально уполномоченными на то субъектами – государственным обвинителем либо вышестоящим прокурором, которые, в отличие от участников и иных лиц, уполномоченных на подачу кассационной жалобы, защищают публичный интерес, нарушенный незаконным, необоснованным и несправедливым судебным решением. Уголовно-процессуальный закон гарантирует право на пересмотр не вступившего в законную силу решения суда первой или апелляционной инстанций. В связи с этим участникам процесса предоставляется свобода обжалования в кассационном порядке любого из названных решений, за изъятием определений и постановлений, кассационный пересмотр которых может ограничить судебскую независимость. Кроме того, гарантии подкрепляются тем, что на суд кассационной инстанции возлагается обязанность принять и рассмотреть по существу принесенную жалобу или представление, не допустив тем самым вступления в законную силу неправосудного приговора или судебного решения.

Анализ судебной практики Красноярского краевого суда позволил сделать выводы о необходимости совершенствования уголовно-процессуального механизма кассационного обжалования судебных решений в части, касающейся субъектов, предметов, сроков обжалования, а также порядка принесения кассационной жалобы и кассационного представления.

В части субъектов кассационного обжалования предлагается:

1. Расширить их перечень в ч.4 ст.354 УПК РФ за счет включения в него лица, в отношении которого прекращено уголовное дело или уголовное преследование, его защитника и законного представителя, частного обвинителя, законного представителя потерпевшего и частного обвинителя.

2. Считаем, что в УПК РФ следовало бы закрепить нормы о том, что подача кассационных жалоб и представлений (в том числе дополнительных), заявлений об изменении жалоб (представлений) должна осуществляться при условии согласования позиций по делу между: защитником и подзащитным; представителем (в том числе законным) и представляемым; защитником и законным представителем одного лица, являющегося по отношению к одному из них подзащитным, а по отношению к другому представляе-

мым; двумя государственными обвинителями, государственным обвинителем и вышестоящим прокурором.

3. Относительно предмета кассационного обжалования необходимо:

– конкретизировать занятую законодателем позицию – все судебные решения, за отдельными изъятиями, установленными законом, подлежат обжалованию в кассационном порядке – путем установления четкого перечня промежуточных судебных решений, в том числе выносимых по ходатайствам сторон, не подлежащих кассационному обжалованию;

– законодательно установить, что нормы относительно возможности обжалования промежуточных судебных решений распространяются на случаи обжалования в кассационном порядке постановлений суда апелляционной инстанции.

4. В части срока кассационного обжалования:

– установить в УПК РФ, что исчисление кассационного срока должно начинаться со дня подписания протокола судебного заседания, а при подаче на него замечаний – со дня их рассмотрения;

– определить, что в случае, если протокол судебного заседания подписан, а замечания на него либо не поданы в установленный срок, либо рассмотрены, но копия приговора осужденному, содержащемуся под стражей или помещенному в психиатрический стационар, его защитнику, представителю (в том числе законному) не вручена, срок кассационного обжалования должен исчисляться со дня вручения ему копии приговора.

5. Предлагаем усовершенствовать кассационный порядок рассмотрения уголовного дела:

– предусмотрев порядок оставления жалобы (представления) без движения с необходимостью обязательного вынесения процессуального решения (постановления) о возвращении жалобы (представления), с предоставлением кассатору права обжаловать отказ судьи в принятии жалобы (представления) по мотивам несоблюдения реквизитов, установленных в ст.ст.363, 375 УПК РФ;

– закрепив срок для пересоставления жалобы (представления), равный 10 суткам с момента получения лицом извещения и копии решения об оставлении жалобы (представления) без движения;

– установив последствия принесения жалобы (представления) без устранения нарушений, на которые было указано в постановлении судьи;

– предусмотрев возможность восстановления пропущенного срока для пересоставления жалобы или представления в общем порядке.

ЗАКОННЫЕ ИНТЕРЕСЫ ЛИЦА, В ОТНОШЕНИИ КОТОРОГО ВЕДЕТСЯ ПРОИЗВОДСТВО О ПРИМЕНЕНИИ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР МЕДИЦИНСКОГО ХАРАКТЕРА

Буфетова М.Ш., к.ю.н., доцент
Байкальский государственный уни-
верситет экономики и права

Под законным интересом в юридической литературе принято понимать интересы, соответствующие субъективным правам личности, поскольку в процессуальных правах находят отражение интересы гражданина, которые законодатель признает социально полезными, необходимыми, общественно значимыми.

В.А.Азаров считает, что «законные интересы личности наряду с правами составляют самостоятельный структурный элемент правового статуса личности в уголовном судопроизводстве, не исчерпываая, однако, полностью его содержания»¹.

Любой участник уголовного судопроизводства так или иначе защищает свои права и законные интересы. Лицо, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, заинтересовано в том, чтобы перечисленные в материальном законе виды принудительных мер применялись объективно, исходя из фактических обстоятельств дела, изменялись и прекращались в соответствии с действующим законодательством. Если в силу своего психического состояния лицо не всегда способно осознанно проявлять свой интерес при расследовании и судебном разбирательстве, то это не означает, что в данном случае он отсутствует.

Р.Е.Гукасян полагает: «... если исходить из того, что вне сознания интересы не существуют, то придется признать, что малолетние, а также лица с нарушенной психикой интересов не имеют»². С такой позицией трудно согласиться. Полагаю, что указанные лица, несомненно, имеют интересы, поскольку сам интерес по своей природе объективен. Объективный интерес должен учитываться в уголовном судопроизводстве, так как право является своеобразным центром, фокусом различных интересов государства и личности. В нем интересы и воля любого участника процесса находят свое разнообразное преломление и выражение. Будучи проявлением общественных отношений, объективный интерес не осознается лицом, а возникает вне и независимо от нашего сознания. Поэтому неосознание лицом этих интересов не отменяет их объективности. Если лицо с психическими расстройствами не осознает законного интереса в уголовном судопроизводстве, то этот интерес

обязаны отстаивать законный представитель и защитник лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, а также должностные лица органов предварительного следствия, прокуратуры и суда.

Вместе с тем никакой интерес не существует вне субъекта, поскольку вне человеческого общества никаких интересов не может существовать. Субъект заключает в себе объективные и субъективные стороны, являясь в одно и то же время носителем сознания и таких природных и социальных качеств и свойств, которые существуют вне и независимо от его сознания. В праве отражается интерес не только как объективное явление, но и как осознанное, субъективное. Право преобразует объективность интереса в его субъективную направленность, предусматривает строго определенные действия людей.

Законный интерес лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, определяется, прежде всего, спецификой его процессуального положения.

Однако законные интересы любого участника уголовного судопроизводства, в том числе и рассматриваемого лица, нельзя сводить только к правам, предусмотренным в уголовно-процессуальном законодательстве. Защищаемый законом интерес не всегда выступает в качестве субъективного права. Интерес и субъективное право тесно взаимодействуют между собой, однако не всегда совпадают. Думается, что интерес – более широкое понятие, поскольку нет такого субъективного права, которое не преследовало бы какого-либо интереса, но не всякий интерес опосредуется правом и охраняется законом.

В свете вышеизложенного полностью поддерживаем позицию П.А.Колмакова, который считает, что «законные интересы лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, заключаются в том, чтобы: дело было бы прекращено, если отсутствуют основания для применения принудительных мер медицинского характера; принудительные меры медицинского характера не применялись иначе как при бесспорной доказанности совершения деяния данным лицом в установленном законом порядке; полностью соответствовали закону и фактическим данным юридическая оценка действий этого лица, наступление психического расстройства и решение о применении соответствующего вида принудительного лечения; не оставались без внимания следователя, прокурора и суда обстоятельства, освобождающие это лицо от применения принудитель-

ных мер медицинского характера при наличии оснований, предусмотренных законом; был решен вопрос о продлении, изменении и прекращении принудительной меры медицинского характера; оно не было подвергнуто мерам процессуального принуждения и не несло гражданско-правовую ответственность иначе как при наличии оснований и в порядке, установленном законом»³.

¹ Азаров, В.А. Проблемы теории и практики охраны имущественных интересов личности в уголовном судопроизводстве / В.А.Азаров. – Омск, 1995. – С.29.

² Гукасян, Р.Е. Проблема интереса в советском гражданском процессуальном праве / Р.Е.Гукасян. – Саратов, 1970. – С.12.

³ Колмаков, П.А. Правовое регулирование принудительных мер медицинского характера / П.А.Колмаков. – Сыктывкар, 1999 – С.111.

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ОСНОВАНИЙ И УСЛОВИЙ НАПРАВЛЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ЗАПРОСА О ВЫДАЧЕ ЛИЦА, НАХОДЯЩЕГОСЯ НА ТЕРРИТОРИИ ИНОСТРАННОГО ГОСУДАРСТВА

Шинкевич Д.В., к.ю.н.

Сибирский юридический институт
МВД России

В соответствии с ч.1 ст.460 УПК РФ Российская Федерация может направить иностранному государству запрос о выдаче ей лица для уголовного преследования или исполнения приговора на основании международного договора РФ с этим государством или письменного обязательства Генерального прокурора РФ выдавать в будущем на основе принципа взаимности этому государству лиц в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Исходя из этого, основания для направления запроса о выдаче необходимо дифференцировать на фактические и формальные.

К фактическим основаниям относятся действия и события, выступающие в качестве юридических фактов: установлены событие преступления, время и место его совершения; установлено лицо, совершившее уголовно наказуемое лишением свободы деяние; собраны достаточные доказательства, изобличающие лицо, подлежащее выдаче, в совершении преступления; вынесено постановление о привлечении подлежащего выдаче лица в качестве обвиняемого; в отношении скрывшегося обвиняемого избрана мера пресечения – заключение под стражу, санкционированная прокурором;

получены достоверные данные о нахождении обвиняемого в конкретном иностранном государстве, подтвержденные соответствующими документами.

В случае если документального подтверждения не имеется, необходимо направить через НЦБ Интерпола России запрос в то государство, на территории которого обвиняемый может находиться. При этом запрос о выдаче следует направлять только при положительном ответе.

Формальные основания – это юридические, то есть оформленные нормативно-правовым образом, разного уровня условия оказания правовой помощи. Формальные основания подразделяются на: а) нормативно-правовые (первичные), к ним относятся: международный договор РФ с запрашиваемым государством или письменное обязательство Генерального прокурора РФ выдавать в будущем на основе принципа взаимности этому государству лиц в соответствии с законодательством РФ; отраслевое законодательство государств; б) формально-документальные (вторичные): запрос о выдаче, составленный с соблюдением соответствующих требований и в установленном порядке направленный в иностранное государство.

В УПК РФ условия для направления запроса о выдаче лица из иностранного государства определены исключительно для процедуры осуществления выдачи на основе принципа взаимности.

Так, согласно ч.2 ст.460 УПК РФ направление запроса о выдаче лица на основе принципа взаимности осуществляется, если в соответствии с законодательством обоих государств деяние, в связи с которым направлен запрос о выдаче, является уголовно наказуемым и за его совершение либо предусматривается наказание в виде лишения свободы на срок не менее одного года или более тяжкое наказание – в случае выдачи для уголовного преследования, либо лицо осуждено к лишению свободы на срок не менее шести месяцев – в случае выдачи для исполнения приговора.

Вместе с тем при решении вопроса о направлении запроса о выдаче лица, находящегося на территории иностранного государства, в Российскую Федерацию необходимо учитывать следующие условия для осуществления выдачи, предусмотренные международными договорами РФ:

1) преступление, в связи с совершением которого запрашивается выдача, признается уголовно наказуемым как по законодательству РФ, так и по законодательству иностранного государства.

Требование о «двойной наказуемости» закреплено во всех международных договорах, предусматривающих выдачу лица, и

означает, что выдача производится за деяния, которые в соответствии с законодательством как запрашивающего, так и запрашиваемого государства являются уголовными преступлениями. При направлении запроса о выдаче необходимо учитывать особенности законодательства иностранного государства, так как отсутствие соответствующих норм в уголовном законе иностранного государства исключает возможность реализации процедуры выдачи запрашиваемого лица для уголовного преследования или исполнения приговора на территории Российской Федерации;

2) если запрос о выдаче направляется с целью привлечения лица к уголовной ответственности, то за совершение им данного преступления должно быть предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок не менее одного года или более тяжкое наказание. Однако он может быть иным. Так, в соответствии со ст.23 международного договора, заключенного между СССР и Иракской Республикой, срок лишения свободы должен быть не менее двух лет;

3) если запрос о выдаче направляется для приведения приговора в исполнение, то запрашиваемое лицо должно быть осуждено судом РФ за совершение данного преступления к лишению свободы на срок не менее шести месяцев или к более тяжкому наказанию.

Для государств-участников Европейской конвенции о выдаче 1957 г. установлен иной срок наказания осужденному, подлежащему выдаче, – не менее четырех месяцев (ч. 1 ст. 2).¹

На практике нередко встречаются случаи, когда запрос о выдаче касается совершения лицом нескольких преступлений, каждое из которых карается в соответствии с законодательством обоих государств, но некоторые из них не отвечают условию в отношении срока наказания.

Например, лишение свободы, назначенное по законодательству запрашиваемой стороны, составляет меньше одного года либо назначено наказание менее четырех или шести месяцев. В данном случае следует руководствоваться правилом, установленным в ч.2 ст.2 Европейской конвенции о выдаче 1957 г., которое позволяет запрашиваемому государству разрешить выдачу в отношении таких преступлений при условии выдачи, по крайней мере, за одно экстрадиционное преступление;²

4) лицо, выдача которого требуется, не является гражданином запрашиваемого иностранного государства (за исключением случаев, когда иностранное государство допускает выдачу своих граждан).

Следственными органами Российской Федерации запрос о выдаче может быть направлен только при наличии у такого лица российского гражданства, отсутствии гражданства государства, на

территории которого он находится, а также в случае, если запрошенное к выдаче лицо является апатридом (лицом, не имеющим гражданства) или гражданином третьего государства;

5) лицо, в отношении которого запрошена выдача, объявлено в международный розыск и имеется информация о том, что оно скрывается на территории запрашиваемого иностранного государства.

Вместе с тем не всегда следователи и суд РФ обладают достоверной информацией о месте пребывания обвиняемого (подсудимого, осужденного), скрывающегося от уголовного преследования или исполнения приговора. В данном случае следственные и судебные органы РФ, в производстве которых находится уголовное дело или исполнение приговора, в установленном законом порядке обращаются в НЦБ Интерпола России,³ который организует международный розыск данного лица с привлечением НЦБ одной или ряда стран, где предположительно находится разыскиваемый, а также с использованием возможностей Генерального секретариата Интерпола.

Прежде чем объявить лицо, скрывающееся от уголовного преследования или исполнения приговора, в международный розыск по запросу следственных и судебных органов РФ, НЦБ Интерпола России в обязательном порядке обращается в Генеральную прокуратуру РФ с просьбой дать заключение о том, что в случае обнаружения данного лица на территории одной из стран-членов НЦБ будет запрошена его выдача. Таким образом, объявление лица в международный розыск является гарантией необходимости осуществления его выдачи;

б) отсутствуют основания для отказа в выдаче лица по запросу РФ, предусмотренные международными договорами РФ и национальным законодательством иностранного государства.

---

¹ Статья 25 Европейской конвенции о выдаче 1957 г. определяет, что в рамках данной Конвенции «постановление об аресте» означает любое постановление, предусматривающее лишение свободы и вынесенное судом в дополнение к приговору о тюремном заключении или вместо него.

² Аналогичное правило содержится и в ч.4 ст.2 Типового договора о выдаче. Минская конвенция, а также заключенные СССР и РФ двусторонние договоры о правовой помощи и правовых отношениях подобных оговорок не содержат.

³ Порядок организации проведения международного розыска по линии НЦБ Интерпола закреплен в Инструкции о порядке исполнения и направления ОВД РФ запросов и поручений по линии Интерпола, утвержденной приказом МВД России от 11 января 1994 г. №10.

Секция
ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Сообщения и выступления

ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЕ ПРАВО:
ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ

Луговик В.Ф., к.ю.н., доцент, заслуженный юрист Российской Федерации
Омская академия МВД России

Совершенствование оперативно-розыскного закона сдерживается недостаточным уровнем научного исследования правовых проблем, отсутствием общепризнанной концепции нормативного правового регулирования оперативно-розыскной деятельности.

Это обусловлено рядом обстоятельств. В их числе следует назвать то, что оперативно-розыскная деятельность в течение длительного времени развивалась как сугубо секретная наука. Конечно, это нельзя оценивать однозначно негативно. Дело в том, что история науки знает немало примеров успешного развития теоретических исследований в условиях секретности (ядерная физика, баллистика, науки военного цикла и др.). Однако секретность накладывает ряд существенных особенностей как на методiku и направления исследований, так и на формирование предмета науки. В частности, следует признать, что в настоящее время усилиями нескольких поколений ученых наиболее исследованными оказались вопросы организации и тактики оперативно-розыскной деятельности, в то время как правовые проблемы, занимавшие второстепенное место до принятия Закона РФ «Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации»¹, рассматривались в качестве второстепенных. При освещении правовых аспектов осуществления оперативно-розыскных мероприятий или действий авторы, как правило, ограничивались ссылками на ст.29 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и ст.118 УПК РСФСР, которая гласила, что на органы дознания возлагается принятие необходимых оперативно-розыскных и иных предусмотренных уголовно-процессуальным законом мер в целях обнаружения преступлений и лиц, их совершивших. Затем рассуждения переводились в плоскость анализа ведомственных нормативных правовых актов.

Относительная «молодость» оперативно-розыскного права отчасти обуславливает и недостатки в ведомственном регулировании одноименной деятельности. Здесь даже наблюдается несоответствие издаваемых нормативных правовых актов установленным формам. Так, в соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 13 августа 1997 г. №1009 «Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации» (с изменениями от 11 декабря 1997 г., 6 ноября 1998 г., 11 февраля 1999 г., 30 сентября 2002 г.) нормативные правовые акты издаются федеральными органами исполнительной власти в виде постановлений, приказов, распоряжений, правил, инструкций и положений. Однако в настоящее время основной нормативный правовой акт, регламентирующий основы оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел, называется Наставлением.

Анализ приказов, инструкций и иных нормативных правовых актов показывает, что зачастую они составлены с нарушением юридической техники, изобилуют множеством необоснованных ограничений и процедур. Так, в ведомственных нормативных правовых актах по ряду оперативно-розыскных мероприятий имеются ограничения, не предусмотренные Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности». Например, проведение ряда мероприятий ведомственные акты связывают с необходимостью заведения дел оперативного учета; по некоторым мероприятиям явно завышен уровень должностных лиц, санкционирующих их проведение. Видимо, по мнению их разработчиков, такие ограничения призваны усилить контроль за оперативно-розыскной деятельностью. Однако их наличие сковывает инициативу сотрудников оперативных подразделений и не обеспечивает быстроту реагирования на информацию о нарушениях прав граждан.

Правовое регулирование оперативно-розыскной деятельности можно рассматривать с двух уровней: законодательного и подзаконного (преимущественно ведомственного).

В науке существуют несколько подходов к законодательному регулированию оперативно-розыскной деятельности (ОРД). Некоторые авторы полагают, что ОРД, являясь частью полицейского права, должна регламентироваться и соответствующими нормативными правовыми актами. Сторонниками такой позиции являются ученые, исследующие проблемы административного права (Ю.П.Соловей, К.С.Бельский и др.).

Более предпочтительной представляется позиция тех ученых, которые свои усилия сосредоточили на разработке проектов нового закона об оперативно-розыскной деятельности либо внесении существенных изменений в действующий закон. Именно на анализе подходов в этой части целесообразно сосредоточить внимание. Так, А.Ю.Шумилов полагает, что должен быть принят закон, регламентирующий все виды сыска, и выступает за объединение сыскных процедур в единый уголовно-розыскной процесс.

В ряде предлагаемых в настоящее время проектов закона об ОРД предпринята плодотворная попытка детальной регламентации отдельных аспектов оперативно-розыскной деятельности (задач, принципов ОРД, оперативно-розыскных мероприятий, методов, конфиденциального сотрудничества, оперативно-розыскного процесса и др.). Безусловным их достоинством является стремление урегулировать процедуру проведения оперативно-розыскных мероприятий. Имеется множество и других позитивных новелл. В то же время, учитывая объем и сложность задач, решаемых в законопроектах, они не могут быть безупречными, лишенными недостатков.

В качестве фактора, актуализирующего проблему правового регулирования оперативно-розыскной деятельности, следует назвать ее многосубъектность. Казалось бы, эта проблема не имеет принципиального значения, так как многие виды деятельности, в том числе и правоохранительной (процессуальная, административная), осуществляются разными ведомствами (субъектами). Однако такая аналогия не годится при оценке оперативно-розыскной деятельности.

Многосубъектность как обстоятельство, концептуально влияющее на правовое регулирование оперативно-розыскной деятельности, следует оценивать в контексте фактора секретности научных исследований. Дело в том, что наличие нескольких самостоятельных органов, обособленно в закрытом режиме исследовавших и ныне исследующих оперативно-розыскные проблемы, не способствует научному взаимопониманию и внедрению результатов НИР в практику. Контент-анализ научных источников, а также правовой базы показывает, что в настоящее время между различными органами, осуществляющими ОРД, наблюдается несогласованность терминологии, в том числе и при формулировании положений в ведомственных нормативных правовых актах; дается различное толкование норм Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»; имеются расхождения по концептуальным проблемам оперативно-розыскной науки. В связи с этим следует приветствовать предпринимаемые в последние годы попытки

консолидации усилий ученых различных ведомств по исследованию оперативно-розыскных аспектов борьбы с преступностью.²

Оценивая действие данного фактора с позиций обеспечения преемственности научных изысканий и совершенствования правового регулирования оперативно-розыскной деятельности, можем заключить, что в настоящее время наиболее актуальным направлением исследований выступает проведение своеобразной «ревизии» научных идей, сформулированных учеными различных ведомств. При этом мы не имеем в виду придание статуса нормативности тем или иным суждениям или школам: наука этого не приемлет. Здесь, скорее всего, речь должна идти об исследованиях, призванных обобщить научные концепции по основополагающим направлениям оперативно-розыскной деятельности. Полагаем, что их широкое обсуждение будет способствовать выработке официальной позиции законодателя по предмету, пределам, механизму регулирования отношений в рассматриваемой сфере социальной практики.

---

¹ Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации : Закон Российской Федерации от 13 марта 1992 г. № 2506-1 // Российская газета. – 1992. – 29 апреля. Отменен Федеральным законом от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности».

² Нужно заметить, что в последние годы стали издаваться межведомственные сборники научных работ по проблемам ОРД, а также журналы «Оперативник (сыщик)», «Полицейское право» с рубрикой «"Оперативно-розыскная деятельность": журнал в журнале».

ОСНОВОПОЛАГАЮЩИЕ ИДЕИ КОНСПИРАЦИИ

Павличенко Н.В, к.ю.н.

Омская академия МВД России

Одной из сложных и исключительно важных проблем науки оперативно-розыскной деятельности является теоретическая разработка вопросов конспирации. В первую очередь, на наш взгляд, необходимо проанализировать исходные положения, определяющие порядок обеспечения конспирации, ее содержание и формы осуществления, – принципы конспирации.

Принципы конспирации прямо связаны с практической деятельностью оперативных подразделений, они не являются научной абстракцией, выдуманной пытливым умом ученого. На наш взгляд, принципы конспирации воплощаются, становятся реально-

стью, а точнее сказать, претворяются в жизнь через практическую деятельность. Именно в связи с тем, что принципы конспирации отражают устойчивые особенности отношений, сложившихся в практической деятельности оперативных подразделений, можно говорить *об их объективности* (здесь и далее курсив наш. – Н.П.).

Вместе с тем принципы конспирации носят *субъективный* характер, так как они вырабатываются, формулируются и обобщаются человеком (ученым), занимающимся их разработкой, или являются следствием осмысленного творчества законодателя, то есть ученый либо законодатель формулирует объективно существующие принципы конспирации.

Среди принципов конспирации особое место занимают функциональные принципы: активности, надежности, своевременности, вариативности.

Принцип активности. Анализ всей совокупности приемов, методов и правил обеспечения конспирации показал, что она достигается путем принятия оперативным уполномоченным либо иным субъектом оперативно-розыскной деятельности определенных волевых решений, направленных на осуществление активных действий. Они могут выражаться во введении противника¹ в заблуждение, в сокрытии истинного характера своих намерений, в маскировке внешности и др.

Действительно, трудно представить ситуацию, когда субъект обеспечения конспирации, бездействуя, выполнил задачу, направленную на сохранение сведений ограниченного распространения, так как, бездействуя, невозможно руководить процессами, протекающими в обществе, придать им нужное направление, повысить успешность выполняемой работы, преодолеть трудности и снизить противоборство противника.

Если все же представить ситуацию, когда у оперативного уполномоченного отсутствует возможность действовать, то эта форма поведения будет вынужденным бездействием, а вынужденное бездействие, на наш взгляд, может быть следствием только действия. Потеря возможности действовать – результат выполнения какого-то действия.²

В связи с этим справедливо утверждение, что только от активности субъекта конспирации, его воли и разума, и в первую очередь от его профессиональной подготовки, зависит, будет ли обеспечена конспирация и достигнуты ее цели.

Принцип надежности. Принцип надежности заключается, прежде всего, в том, что конспирация должна обеспечивать абсолютную гарантию сохранения в тайне сведений ограниченного

распространения путем сокрытия истинного характера осуществляемых действий либо демонстрации ложной деятельности. Именно надежность конспирации позволяет принять адекватные меры в борьбе с преступлениями, которые готовятся и совершаются в условиях неочевидности.³ Благодаря надежности конспирации обеспечиваются внезапность действий оперативных сотрудников, безопасность лиц, оказывающих содействие органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность.

В связи с тем, что основной целью конспирации является сохранение и соблюдение сведений ограниченного распространения, говорить о надежности конспирации возможно только в том случае, если она достигла своих непосредственных целей, при этом целесообразно различать разные уровни надежности. В идеальном варианте сведения ограниченного распространения должны быть известны лишь одному оперативному уполномоченному. Однако достичь этого практически невозможно. В связи с этим можно говорить о максимально допустимой степени надежности, которая достигается за счет минимизации количества лиц, осведомленных о сведениях ограниченного распространения. Так, при осуществлении маскировки объект можно скрыть от окружающих таким образом, чтобы о его существовании не было известно никому, либо о существовании объекта может знать широкий круг лиц, но при этом не догадываться об истинном его предназначении.

Принцип своевременности. Принцип своевременности вытекает непосредственно из принципа активности и надежности конспирации. На наш взгляд, этот принцип является неотъемлемой частью всей оперативно-розыскной деятельности. Он означает, что мероприятия, направленные на обеспечение конспирации, должны осуществляться тогда, когда имеется реальная возможность не допустить несанкционированного распространения сведений, относящихся к государственной и служебной тайне. При обеспечении конспирации такая проблема возникает особенно остро, и вопрос своевременности является ключевым при принятии того или иного решения.

В практической деятельности важен не только и не столько вариант принимаемого решения (вопрос принятия решения прямо зависит от принципа активности и надежности конспирации), сколько своевременность его принятия. Это та грань, за которой при любом развитии ситуации сведения ограниченного распространения окажутся расшифрованными. Назовем ее «точка расконспирации» либо «точка расшифровки». Подобное имеет место тогда, когда сотрудник милиции принимает решение о сокрытии

истинной цели своей деятельности или демонстрации ложной деятельности в то время, когда об этом известно определенной категории лиц (проверяемым и разрабатываемым, сотрудникам правоохранительных органов, не имеющим отношение к оперативно-розыскной деятельности, и т.п.).

Принцип вариативности. Принцип конспирации, который мы назвали принципом вариативности, теснейшим образом связан с другими принципами. В первую очередь, это относится к принципам активности и своевременности. Так, чтобы быть в состоянии решать какой-либо вопрос в нужный момент или сохранить для себя возможность решить его позже, активный субъект стремится к расширению сферы возможного действия и к достижению наиболее эффективных форм действия.⁴ Требуется инициативное применение правил конспирации на основе изучения и анализа конкретной оперативно-тактической ситуации, которая, естественно, не может воспроизводить предшествующие ситуации во всех деталях.

Игнорирование данного положения приводит к непоправимым результатам, среди которых наиболее серьезными являются угроза жизни и здоровью лиц, оказывающих содействие органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность. Таким образом, вариативность служит качественной характеристикой обеспечения конспирации, раскрывающей ее содержание, что позволяет нам говорить о ней как о принципе конспирации.

Безусловно, в данной публикации конспективно рассмотрены лишь некоторые вопросы, которые носят дискуссионный характер и требуют дальнейшего изучения и проработки. Кроме того, открытый характер издания, в котором публикуется статья, не позволил автору более широко рассмотреть проблемы, носящие секретный характер.

---

¹ С точки зрения агонологии деятельность по выявлению и разоблачению преступников – это деятельность двух противоборствующих субъектов.

² См.: Котарбинский, Т. Трактат о хорошей работе / Т.Котарбинский. – М., 1975 – С.69.

³ Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности»: Научно-практический комментарий. – 4-е изд., перераб. и доп. – М., 1999. – С.15.

⁴ Котарбинский, Т. Указ. соч. – С. 129.

**НРАВСТВЕННОЕ СОДЕРЖАНИЕ
ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ
КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ
КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ И СВОБОД
ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА**

Овсянникова Ю.В.

Восточно-Сибирский институт МВД
России

Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» (ФЗ «Об ОРД») закрепляет ряд положений, совокупность которых позволяет говорить о нравственном содержании этой деятельности в целом и оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ), являющихся ее содержанием, в частности. К их числу следует отнести:

1. Определение нравственно-положительной цели осуществления ОРМ – защита жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечение безопасности общества и государства от преступных посягательств (ст.1 ФЗ «Об ОРД»). Никакие иные цели не могут быть основанием для проведения ОРМ (ст.5 ФЗ «Об ОРД»). ОРМ могут проводиться только в отношении лиц, обоснованно подозреваемых в причастности к преступной деятельности, должны обеспечивать своевременное выявление, предупреждение, пресечение преступлений и привлечение виновных к установленной законом ответственности и не могут быть направлены против законопослушных граждан; требование уважения и соблюдения прав и свобод человека и гражданина (ст.3 ФЗ «Об ОРД»); запрещается разглашение сведений, затрагивающих неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, честь и доброе имя граждан, которые стали известными при проведении ОРМ, за исключением случаев, предусмотренных федеральными законами (ст.5 ФЗ «Об ОРД»).

Принцип уважения прав и свобод человека и гражданина рассматривается как приоритетный. Это означает, что при проведении ОРМ соблюдение и защита прав и свобод должны быть: а) их целью; б) основой, на которой они базируются, и в) критерием их эффективности и допустимости используемых средств. Данный принцип распространяется не только на не причастных к преступлениям граждан, но и на тех лиц, которые подозреваются в их совершении.

2. Указание на то, что ОРД, а соответственно, и ОРМ проводятся только в исключительных случаях, когда нет возможности решить задачи борьбы с преступностью иными средствами (ст.8 ФЗ «Об ОРД»). Данное положение ориентирует на то, чтобы применение средств ОРД в силу их остроты и специфичности рассматривалось как крайняя необходимость.

3. Установление четких оснований и условий для проведения ОРМ, исчерпывающего перечня их видов, а также видов оперативных подразделений, органов, наделенных правом осуществлять ОРД, и их компетенции (ст.ст.6, 7, 8, 13 ФЗ «Об ОРД»). Установление названных требований необходимо как для того, чтобы запретить проведение ОРМ в иных, не предусмотренных законом, обстоятельствах, так и для того, чтобы исключить использование недозволенных средств (провокации, оговор, самооговор, фальсификация материалов и т.п.).

Вместе с тем признание той или иной деятельности законной не делает ее нравственно допустимой, поскольку и сам закон может оцениваться в общественном сознании как безнравственный. Именно поэтому даже при наличии законных оснований для проведения ОРД возникает потребность в определении ее нравственного содержания, выявлении ее соответствия нравственным нормам. К тому же право определяет содержание ОРД, ее цели, принципы, формы и т.п., однако конкретная тактика проведения ОРМ, оценка конкретной ситуации и выбор того или иного решения нормами права непосредственно не регулируются. В этом случае критериями правильности действий оперативников являются не только успех дела, но и моральные предписания.

Без ОРМ невозможно организовать получение достоверной информации о тайных планах, намерениях и устремлениях подозреваемых в противоправной деятельности, заблаговременно создать надежные позиции по предупреждению и раскрытию преступлений. Практика показывает, что в таких ситуациях ОРМ могут оказаться единственным способом получения положительных результатов.

С этой точки зрения ОРМ не только отвечают требованиям моральных норм, но и способствуют претворению их в жизнь посредством борьбы с преступностью, поскольку именно преступность является наиболее яркой формой аморальности. Если же совершенное преступление не раскрыто, а преступник не разоблачен, это означает не только то, что уголовно-правовая норма не применена и право остается бессильным, но и то, что нормы нравственности, будучи грубо нарушенными, также лишены возмож-

ности быть реализованными, пока не восстановлена справедливость и преступник не понес заслуженного наказания. Поэтому, учитывая, что значительная часть тяжких преступлений раскрывается исключительно благодаря ОРМ, считаем, что они являются эффективным средством утверждения в обществе моральных норм, а следовательно, способствуют обеспечению прав и свобод человека и гражданина.

Правовые нормы и практика предлагают ряд критериев, в соответствии с которыми можно определить ту грань, за пределами которой добро превращается в зло, благая цель защиты общества от правонарушений, становясь самоцелью, наносит ему ущерб. В качестве таких критериев выступают:

- необходимость использования именно данных средств и проведения именно данных ОРМ либо возможность получения необходимого результата с помощью других средств;

- предполагаемые материальные и духовные последствия проведения тех или иных ОРМ;

- существенность, эффективность и достаточность для дела фактических данных, которые будут получены в ходе проведения этих ОРМ;

- степень общественной опасности преступления и преступника.

Следовательно, при принятии решения о проведении ОРМ и в ходе их проведения необходим правильный выбор средств, поскольку может случиться так, что преступление будет предотвращено или раскрыто, но такой ценой, что отрицательные последствия станут явно преобладать над достигнутыми положительными результатами.

Важно иметь в виду, что решение о возможности применения того или иного ОРМ может быть признано верным, если будут учтены все или, по меньшей мере, наиболее значимые последствия, которые может предотвратить субъект решения.

Нравственно допустимым то или иное ОРМ может считаться в том случае, если его проведение повлекло за собой меньшие физические, нравственные, материальные и иные издержки, нежели его несовершение или если положительный результат, достигнутый с помощью ОРМ, окажется по своему значению выше, чем ущерб, нанесенный им.

Определение границ допустимости проведения тех или иных ОРМ в каждом конкретном случае производят оперативные работники, обладающие индивидуальным нравственным и правовым сознанием, то есть имеющие собственное представление о содержании

нравственных и правовых норм и ценностей, о критериях нравственного и безнравственного, правомерного и противоправного.

На практике это может приводить к тому, что одно и то же ОРМ может оцениваться разными людьми и как допустимое, и как недопустимое. Это обстоятельство важно учитывать, так как лишь тогда, когда намечаемое ОРМ будет являться объективным (в соответствии с нравственными и правовыми требованиями) и восприниматься субъективно (в соответствии с убеждениями субъекта) как допустимое, оно может быть приемлемым. Расхождение в оценке ОРМ общественным и индивидуальным сознанием сказывается на эффективности и целесообразности их проведения, а в конечном счете – на обеспечении конституционных прав и свобод человека и гражданина.

О СОБЛЮДЕНИИ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УКРАИНЕ

Железняк Н.С., д.ю.н., профессор,
заслуженный юрист Российской Фе-
дерации
Сибирский юридический институт
МВД России

Регламентация соблюдения прав и свобод человека и гражданина при осуществлении оперативно-розыскной деятельности содержится в ст.9 «Гарантии законности при осуществлении оперативно-розыскной деятельности» профильного закона Украины.

Анализ существующих в ней предписаний и их сопоставление с положениями российского Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, само название статьи подразумевает наличие в ней более широкого круга вопросов, нежели касающихся только обеспечения прав и свобод личности при осуществлении ОРД. Исследование ее содержания подтверждает высказанную нами мысль. В статье речь ведется не только о предмете исследования, но и о процедурных вопросах, касающихся заведения дел оперативного учета, условиях проведения некоторых мероприятий, уровне их санкционирования, контроле и т.п.

Во-вторых, вызывает возражение установление ч.1, согласно которому *в каждом случае наличия оснований для проведения ОРД*

заводится оперативно-розыскное дело (здесь и далее выделено нами. – Н.Ж.). Это означает, что по делам, относящимся к преступлениям любой тяжести, сотрудникам оперативных подразделений необходимо заводить дела оперативного учета, что, несомненно, неоправданно увеличивает документооборот в сфере ОРД, тем самым повышая нагрузку на сотрудников отмеченных подразделений.

В-третьих, возникают вопросы и по ч.3 исследуемой статьи. В ней отмечено, что *на без вести пропавшее лицо, подозреваемое в подготовке или совершении преступления, скрывающееся от органов расследования или уклоняющееся от отбывания уголовного наказания, ведется только одно оперативно-розыскное дело*. При этом непонятно, заводятся ли аналогичные дела на без вести пропавших лиц, но не подозреваемых в подготовке или совершении преступлений, на лиц, подозреваемых в указанных действиях, но не являющихся без вести пропавшими. Некорректность формулировки позволяет нам сомневаться в точности выраженных в ней положений.

В-четвертых, следует отметить, что ч.4 рассматриваемой статьи предполагает возможность *отдельных ограничений прав и свобод человека и юридических лиц, которые носят исключительный и временный характер и могут применяться лишь с санкции прокурора в отношении лица, в действиях которого имеются признаки преступления, и в случаях, предусмотренных законодательством Украины, в целях защиты прав и свобод других лиц, безопасности общества*. Таким образом, речь идет о наличии возможности ограничения прав граждан и юридических лиц, если при этом имеются признаки **любого** уголовно наказуемого деяния (а не тяжкого или особо тяжкого, как это сформулировано в соответствующей норме российского закона).

В-пятых, согласно ч.6 правом выдавать разрешение на проведение ОРД обладает *руководитель соответствующего оперативно-подразделения, несущий ответственность за законность осуществляемых мер в соответствии с действующим законодательством*. При этом опять возникает вопрос: такое право делегируется руководителю при осуществлении действий оперативно-розыскного характера, ограничивающих права граждан, или любых оперативно-розыскных мер? Если речь идет о мерах, ограничивающих права и свободы граждан, то, представляется, уровень санкционирования законодателем занижен, если предполагается санкционирование им любых оперативно-розыскных действий, то это наносит безусловный вред таким категориям, как оперативность, самостоятельность и ответственность оперативного работника.

В-шестых, и это можно отнести к позитиву, законодатель в ч.7 отмечает, что *при применении оперативно-розыскных мер работники оперативных подразделений обязаны учитывать их **соответствие** степени общественной опасности преступных посягательств и угрозе интересам общества и государства.*

В-седьмых, представляется сомнительной норма ч.10 анализируемой статьи, в которой зафиксирован запрет на передачу и разглашение сведений о нераскрытых преступлениях. На наш взгляд, такой запрет, если он не затрагивает отношения, описанные во второй части нормы (*если они могут причинить ущерб следствию либо интересам человека, безопасности Украины*), позволяет скрывать данные об уровне преступности в стране, а значит, противоречит интересам гражданского общества.

В-восьмых, положение ч.14 статьи наконец-то дает ответ на вопрос, изложенный нами в пятой позиции. Действительно, рассматриваемая норма **свидетельствует, что оперативно-розыскные меры, связанные с временным ограничением прав человека, проводятся с санкции прокурора в целях предотвращения тяжких преступлений, их пресечения и раскрытия, розыска лиц, уклоняющихся от отбывания уголовного наказания или без вести пропавших, пресечения разведывательно-подрывной деятельности против Украины.** Однако в случае оперативной необходимости неотложного осуществления этих мер оперативно-розыскные подразделения обязаны в течение 24 часов сообщить прокурору о применении и основаниях для их проведения. Таким образом, можно сделать вывод, что положение ч.6 исследуемой статьи, касающееся выдачи разрешения на осуществление ОРД со стороны руководителя, по общему правилу относится к мероприятиям, не связанным с ограничением прав личности.

В-девятых, ч.15 статьи посвящена условиям проведения визуального наблюдения. Здесь отмечается, что оно может проводиться *с целью установления данных о лице и его связях в случаях, если имеются факты, подтверждающие, что им готовится или совершено **тяжкое преступление**, а также для получения сведений, указывающих на признаки такого преступления.* Представляется странным, что указанному мероприятию, с позиции обеспечения прав граждан, отводится специальная норма, однако в статье обойдены молчанием такие ограничивающие права граждан мероприятия, как проникновение в жилые помещения, снятие информации с каналов связи, контроль телеграфно-почтовых отправлений.

В-десятых, как позитивную следует отметить норму, закрепленную в ч.16 исследуемой статьи, согласно которой *для получе-*

ния информации запрещается применять технические средства, психотропные, химические и другие вещества, которые угнетают волю или причиняют вред здоровью людей и окружающей среде. Аналогичное по сути положение сформулировано в ч.3 ст.6 российского профильного закона.

Таким образом, исследование положений рассматриваемой статьи профильного закона Украины свидетельствует о наличии в них значительного числа недостатков, негативно влияющих на правоприменительную практику.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОИЗВОДСТВА ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОГО МЕРОПРИЯТИЯ – ОПЕРАТИВНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ С ПРИМЕНЕНИЕМ МАШИН-«ЛОВУШЕК»

Маторин М.А., к.ю.н.

Московский университет МВД России

Оперативный эксперимент – это оперативно-розыскное мероприятие, заключающееся в искусственном создании на определенной территории (объекте) условий, позволяющих осуществить контроль и оперативное сопровождение действий проверяемого (разрабатываемого) в целях выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступлений, а также установления причастных к ним лиц.

Это одно из наиболее сложных, комплексных оперативно-розыскных мероприятий. Оно было введено Федеральным законом от 12 августа 1995 г. «Об оперативно-розыскной деятельности». Включение оперативного эксперимента в перечень оперативно-розыскных мероприятий, как нам представляется, вызвано потребностями практики, в том числе необходимостью правового урегулирования применения машин-«ловушек».

Целью оперативного эксперимента является получение информации в условиях, максимально приближенных к тем, в которых было совершено интересующее оперативного сотрудника событие. Для этого, как правило, к его производству привлекаются те же лица, технические или транспортные средства, воссоздается соответствующая обстановка.

Предусматриваются две основные формы проведения оперативного эксперимента (в зависимости от избранной инициатором тактики проверочных действий):

а) создание негласно контролируемых условий с целью обеспечения возможности выявить намерения подозреваемого в определенной, искусственно созданной ситуации;

б) создание негласно контролируемых объектов для преступных посягательств, при соприкосновении с которыми разрабатываемый находится перед добровольным выбором совершения тех или иных действий (машины-«ловушки», квартиры-«ловушки» и т.д.).

Нас интересует вторая форма проведения оперативного эксперимента.

В практике борьбы с преступностью метод использования машин-«ловушек» применяется, как правило, для установления лиц, совершающих серии краж автотранспорта и разбойные нападения на водителей.

Ловушка как способ установления лиц, совершающих серийные преступления, заключается в заблаговременном и скрытом расположении подставного объекта преступного посягательства либо предмета-ловушки в местах наиболее вероятного совершения серийных преступлений для внезапного задержания их в момент проявления преступных замыслов либо покушения на преступление в целях раскрытия всей серии преступлений.

Как указывают А.А.Яковлев и А.Г.Парадников, подобный способ раскрытия преступлений имеет ряд тактических преимуществ, дает возможность оперативным сотрудникам значительно ускорить выявление преступника и пресечение его дальнейшей преступной деятельности.¹

Однако, как показывает опыт практических работников, использование машин-«ловушек» не имело широкого применения в деятельности оперативных подразделений ОВД с начала 1990-х гг. Это было связано с ослаблением системы МВД, несоответствием материально-технической базы нуждам и потребностям оперативных подразделений, а впоследствии усложненной схемой документирования и процессуального закрепления данного оперативно-розыскного мероприятия (ОРМ). В начале XXI в. в связи с ростом количества преступлений, связанных с автотранспортом, в том числе корыстно-насильственных, оперативные подразделения предприняли попытку вернуться к используемому методу и столкнулись практически с теми же проблемами.

Рост количества краж и угонов автотранспорта повлек необходимость проведения оперативного эксперимента с применением средств радиосвязи (радиоловушек). Практика последних лет позволила выявить следующие требования к проведению подобного оперативного эксперимента.

1. Автомашина должна соответствовать критериям похитителей. Это должны быть новый отечественный автомобиль или иномарка престижной модели и высокой стоимости, имеющие атрибутику только что приобретенной машины, оставленные в потенциально опасном месте. Автомобиль должен иметь «легенду», следовать из пункта А в пункт Б, останавливаться у магазинов, в местах стоянки, быть привлекательным. Водитель должен демонстрировать пренебрежение средствами сигнализации, иными противугонными системами или вовсе их отсутствие.

2. Используемая машина не должна быть статичной. Группы угонщиков, имея опыт противодействия ОВД, имеют и наружное наблюдение, и мобильные базы данных, и «своих» людей в ГИБДД. Статичное расположение машины на улице не делает ее привлекательной для угонщика-специалиста, в лучшем случае ее могут попытаться похитить несовершеннолетние в ночное время.

К проблемам, возникающим при проведении такого оперативного эксперимента, можно отнести:

– низкий профессионализм служб сопровождения и отсутствие необходимого оборудования для контроля за состоянием и положением автомашины;

– материальные сложности организации полноценного оперативного эксперимента с использованием дорогостоящих иномарок, являющихся предметом посягательства;

– несовершенство процессуальной базы. Например, адвокаты задержанных могут трактовать действия сотрудников как провокацию.

В то же время есть и положительные результаты использования автомашин-«ловушек». Например, в УВД Калининградской области для задержания лиц, совершающих хищения автомашин с целью последующего возврата за вознаграждение, в ходе оперативного эксперимента использовались дорогостоящие автомобили импортного производства. Изолированность области, отсутствие рынка сбыта похищенного автотранспорта или разукomплектованных автомашин на территории региона позволили использовать данный вид оперативно-розыскных мероприятий для выявления групп, специализирующихся именно на хищении и возврате дорогостоящих, приобретенных в Германии или Польше автомашин. Оборудование таких машин техническими устройствами, позволяющими контролировать перемещение автотранспорта, или системами принудительной блокировки в сочетании с использованием оперативно-поисковых подразделений позволило задержать

лиц, похищавших автомашины и перегонявших их в места «отстоя» для ведения переговоров с владельцами.

Вместе с тем опыт ГУВД г.Москвы в организации подобного оперативно-розыскного мероприятия показал, что устойчивые группы, имеющие опыт и налаженное взаимодействие при выборе объекта посягательства, оценивают его не только по внешней привлекательности, но и учитывают признаки, демаскирующие автомашины-«ловушки». Таковыми могут быть: несоответствие номеров, недостаточно усталый вид водителей, наличие посторонних предметов в машине, признаки нахождения в кузове пассажиров, отсутствие следов дорожной грязи на бортах и т.п.

Так, организованные в конце 2005 г. оперативные мероприятия ГУВД г. Москвы по выявлению лиц и преступных групп, совершающих нападения на «челноков», приезжающих из регионов за товаром, не имели значительного результата по следующим причинам:

- автомашины, используемые сотрудниками уголовного розыска, не имели отличительных знаков, эмблем или надписей, характерных для регионов, номерные знаки которых использовались;

- в ряде случаев внешний вид водителей, степень усталости не соответствовали указанному на номерах региону, откуда по легенде автомашина прибыла;

- наличие в машине типа «Газель» только двух сотрудников уголовного розыска без поддержки ОМОН или ОМСН при конфликтной ситуации, предшествующей нападению, вынуждала к расшифровке работников перед угрозой неравного соотношения сил нападающих и оперативных работников;

- преступники совершали посягательства в ранние утренние часы на прирыночной площадке или при движении по улицам, что в силу малочисленности машин и хорошей слышимости затрудняло работу ОПП ГУВД, а в ряде случаев приводило к невозможности использования радиоперехвата.

Использование автомашин-«ловушек» на автодорогах федерального значения крайне редко, что обусловлено рядом причин технического и ресурсного свойства:

- вовлечение в планируемую операцию значительных сил (ОМОН, ОПП, ГИБДД);

- необходимость согласования с МВД-УВД-ГУВД соседних регионов в случае прохождения значительного отрезка автодороги, приводящего к расшифровке организованных мероприятий;

- необходимость учета человеческого фактора при организации засады в кузове автомашины на маршруте следования: соз-

дание условий в кузове; демаскировка засады на стоянке вследствие движения бойцов ОМОН; притупление бдительности при длительном движении;

– возможность преступников блокировать кузов.

Указанные проблемы не позволяют эффективно использовать такую форму оперативного эксперимента, как создание машин-«ловушек», а их решение требует комплексного подхода.

---

¹ См.: Яковлев, А.А. Оперативный эксперимент в раскрытии тяжких однородных преступлений / А.А.Яковлев, А.Г.Парадников // Актуальные проблемы теории и практики оперативно-розыскной деятельности ОВД в современных условиях : сборник статей. – Красноярск, 1997. – С.191-192.

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СОДЕЙСТВИЯ ГРАЖДАН ОРГАНАМ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИМ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Гусев В.А., к.ю.н.

Омская академия МВД России

В настоящее время оперативно-розыскное право находится на этапе активного развития правоотношений. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – ФЗ «Об ОРД») впервые легализовал оперативно-розыскную деятельность (ОРД) как вид государственной правоохранительной деятельности, определив при этом основные положения, регулирующие соответствующие правоотношения. Как справедливо отмечал А.А.Чувилев, оперативно-розыскное право является наиболее «молодой» отраслью российского права и, несомненно, находится еще в стадии развития, однако его самостоятельность характеризуется наличием собственных предмета и метода правового регулирования, а также особой системы правовых норм, предназначенных для регулирования определенного вида общественных отношений.¹

Следует отметить, что большая часть норм оперативно-розыскного права носит ярко выраженный процедурный характер: нормы, закрепляющие виды, основания и условия проведения оперативно-розыскных мероприятий, ведение дел оперативного учета, использование результатов ОРД и т.п. Причем мнение о том, что «нормы, регулирующие оперативно-розыскную деятельность, ... по своей природе являются процессуальными и предназначены, наравне с нормами уголовно-процессуального права, для реализа-

ции норм уголовного права»², в юридической литературе было сказано еще задолго до принятия ФЗ «Об ОРД».

Вместе с тем именовать данную отрасль оперативно-розыскным процессуальным правом было бы неверно. Мы солидарны с А.А.Чувилевым в том, что есть все основания считать оперативно-розыскное право комплексным, поскольку оно включает в свое содержание нормы, регламентирующие трудовые, гражданско-правовые, уголовно-процессуальные и уголовно-правовые отношения.³ При этом ключевое место в системе норм оперативно-розыскного права принадлежит юридическим процедурам, которые призваны обеспечить максимально полную и эффективную реализацию указанных норм в правоприменительной деятельности.

В связи с этим как в теоретическом, так и в практическом плане весьма актуальной является такая сфера деятельности оперативных подразделений, как использование помощи граждан, оказывающих конфиденциальное содействие, при подготовке и проведении оперативно-розыскных мероприятий. Процедура привлечения граждан к такому содействию в ст.17 ФЗ «Об ОРД» по вполне понятным причинам детально не регламентируется, однако и ведомственное регулирование не снимает многих вопросов в правоприменительной практике. Мы полагаем, что в дальнейшем, с развитием правоотношений в этой области, данные правовые пробелы могут стать причиной судебных разбирательств между органами, осуществляющими ОРД, и гражданами, привлекаемыми или привлеченными к содействию. В этой же плоскости лежат проблемы законодательной регламентации процедуры освобождения от уголовной ответственности отдельной категории граждан, привлеченных к сотрудничеству (ч.4 ст.18 ФЗ «Об ОРД»). Учеными и практиками высказываются полярные суждения по поводу легитимности данной нормы, а также порядка ее применения⁴, при этом немаловажной является процедура обеспечения безопасности таких граждан, правовое регулирование которой также оставляет желать лучшего.

Лица, оказывающие содействие органам внутренних дел в осуществлении оперативно-розыскной деятельности, могут получать вознаграждение и другие выплаты, на что из федерального бюджета, согласно ст.19 ФЗ «Об ОРД», выделяются финансовые средства. При этом в соответствии с ч.5 ст.18 ФЗ «Об ОРД» полученные указанными лицами суммы вознаграждений и другие выплаты в соответствии с федеральным законодательством налогами не облагаются и в декларациях о доходах не указываются. Цель данной нормы, несомненно, заключается в сохранении конфе-

циальности содействия гражданам органам, осуществляющим ОРД, однако она вступает в некоторое противоречие с другими положениями указанного закона.

Так, в соответствии с ч.6 ст.18 ФЗ «Об ОРД» период сотрудничества граждан по контракту с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, в качестве основного рода занятий включается в трудовой стаж граждан. Указанные лица имеют право на пенсионное обеспечение в соответствии с законодательством Российской Федерации. Анализ данной нормы позволяет сделать вывод о том, что период сотрудничества может включаться в трудовой стаж при следующих условиях: 1) наличие контракта о сотрудничестве; 2) сотрудничество должно быть основным родом занятий данного лица (то есть являться основным источником его доходов) или оно не должно иметь иного официального места работы. Вместе с тем следует подчеркнуть, что данное законодательное положение является декларативным, поскольку не определяет процедуры включения сотрудничества в трудовой стаж и реализации права на пенсию. В связи с этим оформление трудового стажа и назначение пенсии возможны только на основании положений действующего трудового и пенсионного законодательства, которые предусматривают выплату страховых взносов в Пенсионный фонд РФ, постановку на индивидуальный (персонифицированный) учет (оформление пенсионной книжки застрахованного лица, наличие индивидуального лицевого счета) и т.д. При этом перед органами внутренних дел стоит задача обеспечения лиц, оказывающих конфиденциальное содействие, соответствующими документами при сохранении в тайне факта негласного сотрудничества.

В сфере оперативно-розыскной деятельности имеется еще достаточно большое количество неурегулированных процедурных вопросов, рассмотрение которых даже в качестве постановки проблемы невозможно в рамках данной работы. Вместе с тем хотелось бы обозначить нашу позицию относительно ключевого направления комплексного решения данных проблем.

В настоящее время в юридической литературе высказывается мнение о необходимости обеспечения единства нормативного регулирования как процесса выявления оперативно-розыскных данных в частности, так и осуществления ОРД в целом. Если рассматривать пути решения этого вопроса с позиций ведомственной регламентации, то наиболее предпочтительным вариантом, по мнению В.Ф. Луговика, будет издание совместного (всеми субъектами ОРД) нормативного акта, регулирующего процедуру осуще-

ствления оперативно-розыскных мероприятий.⁵ Мы солидарны с данной точкой зрения, однако полагаем, что это лишь определенный промежуточный этап развития правового регулирования ОРД, который должен завершиться детальной законодательной регламентацией оперативно-розыскных юридических процедур.

¹ См.: Чувилев, А.А. Оперативно-розыскное право / А.А.Чувилев. – М., 1999. – С.2.

² Сидоренко, Н.И. Процессуальное содержание норм, регулирующих оперативно-розыскную деятельность органов внутренних дел / Н.И.Сидоренко // Проблемы совершенствования оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел. – Киев, 1978. – С.138.

³ См.: Чувилев, А.А. Указ. соч. – С.5.

⁴ См.: Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности»: научно-практический комментарий. – Барнаул, 2005. – С.199-202.

⁵ См.: Луговик, В.Ф. Проблемы процедурно-процессуального обеспечения оперативно-розыскной деятельности / В.Ф.Луговик // Полицейское право. – 2005. – №3. – С.85.

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ АНОНИМНОГО ИНФОРМИРОВАНИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

Волынкин Е.Н., к.ю.н., доцент
Сибирский юридический институт
МВД России

Под анонимным заявлением понимается письмо, сообщающее о ком-нибудь что-то обидное, неприятное, компрометирующее, в котором автор скрывает свое имя.¹ К анонимным заявлениям в нашем обществе обычно относятся негативно. Однако нельзя оценить анонимные послания как явление однозначно отрицательное. Среди мотивов, которые побуждают граждан к анонимному информированию правоохранительных органов, могут быть не только личная неприязнь к конкретному лицу, желание устранить конкурента и т.п., но и искреннее желание оказать помощь в борьбе с преступностью и коррупцией при этом отсутствии по ряду причин возможности общения с сотрудниками правоохранительных органов. В качестве таких причин можно выделить, во-первых, нежелание граждан участвовать в гласном процессе расследования; во-вторых, сомнение граждан в соблюдении обязательств анонимности; в-третьих, опасение мести со стороны преступников в случае утечки информации и неуверенность в защите со стороны право-

охранительных органов. К анонимному информированию могут прибегать очевидцы преступлений, а порой и пострадавшие, не желающие давать официальные показания. Думается, что здесь действуют мотивы, в большей мере производные от потребностей гражданина в безопасности и предсказуемости последствий.

Результаты анализа действующих открытых нормативных правовых актов (НПА), прежде всего, указывают на отсутствие в них иных форм предоставления информации, кроме письменного обращения в виде анонимного письма или заявления. Следует заметить, что сама процедура регистрации анонимных сообщений в ряде ведомственных НПА отсутствует. К примеру, в п.25 «Инструкции о порядке рассмотрения и разрешения обращений и приема заявителей в органах военной прокуратуры», утвержденной приказом Главной военной прокуратуры от 9 апреля 2003 г. №74 указывается лишь, что анонимные обращения, содержащие сведения о готовящихся или совершенных преступлениях, служат сигналом для организации проверки либо направляются в правоохранительные органы по принадлежности.² В п.1 ст.11 Федерального закона от 2 мая 2006 г. «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» указывается, что если в письменном обращении не указаны фамилия гражданина, направившего обращение, и его почтовый адрес, то ответ ему не дается. Такое указание, по меньшей мере, нелогично. Ведь в таких обращениях не указываются установочные данные отправителя. Между тем аналогичные формулировки можно обнаружить и в п.43 «Инструкции по работе с обращениями граждан в системе МВД России», объявленной приказом МВД России от 22 сентября 2006 г. №750, и в п.21 «Инструкции о порядке рассмотрения предложений, заявлений и жалоб граждан и осуществления приема граждан в органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ», утвержденной приказом ФСКН РФ от 1 ноября 2005 г. №325, и в п.5.18 «Инструкции по делопроизводству в Министерстве юстиции РФ», утвержденной приказом Минюста РФ от 28 июня 2001 г. №191, и др.

Необходимо указать ряд аргументов, которые предопределяют именно сам запрет рассмотрения анонимных жалоб, сообщений и заявлений. Получается, что поскольку анонимным признается любое обращение, которое не содержит личной подписи автора, его фамилии, имени и отчества, а также данных о месте его жительства (работы, учебы), чиновник волен делать с подобной корреспонденцией что угодно. Достаточно заявителю второпях подписаться неразборчиво или, допустим, забыть указать место рабо-

ты – и действующий по инструкции чиновник вправе признать послание анонимным и уничтожить его. Можно также говорить и о добропорядочности чиновников, уполномоченных принимать решения по обращениям граждан, которые не сочтут нужным рассматривать поступившие в органы анонимные сообщения о готовящихся или совершенных преступлениях и тем более направлять в правоохранительные органы по принадлежности. Ведь в ряде НПА прописано, что такие обращения не рассматриваются и направляются в архив.³

Кроме того, в нормативных правовых актах указывается: «анонимное письмо, содержащее сведения о готовящихся, совершенных или совершаемых преступлениях, розыске преступников, рассматривается руководителем, ответственным за организацию оперативно-розыскной деятельности, и передается в оперативное подразделение для проверки и оперативного использования»⁴ либо направляется в органы МВД и другие правоохранительные органы для оперативного использования⁵. Логичен вопрос: а как быть с обращениями, содержащими информацию, к примеру, об административных или дисциплинарных правонарушениях?

Таким образом, главным критерием оценки анонимной информации по-прежнему остается содержание сведений о готовящихся, совершенных или совершаемых преступлениях, розыске преступников. Обратимся к уголовно-процессуальному законодательству. Анонимное заявление о преступлении в соответствии с ч.7 ст.141 УПК РФ не может служить поводом для возбуждения уголовного дела. В то же время уголовно-процессуальные нормы не содержат прямого запрета на использование анонимных документов в качестве доказательств, например вещественных.

Следует подчеркнуть, что в открытом законодательстве полностью отсутствует процедура предоставления вознаграждения гражданам за результативную анонимную информацию. Между тем результаты исследования показывают, что такой мотив, как материальная заинтересованность, находится на втором месте и во многом побуждает граждан к конфиденциальному содействию правоохранительным органам путем анонимного предоставления информации. Именно соблюдение двух основных условий (гарантия анонимности источника и денежное вознаграждение за предоставленную информацию) делают данный вид содействия, как представляется, эффективным.

В связи с указанным мы полагаем, что вступивший в силу в ноябре 2006 г. Федеральный закон «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» не решает в полной ме-

ре существующие проблемы, связанные с реализацией гражданами права на анонимные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления.

На наш взгляд, интересен опыт получения анонимной информации от населения в штате Техас, США. Суть использования данного вида содействия заключается в следующем: гражданам, предоставившим информацию, способствующую осуждению преступника, выдается вознаграждение. Анонимность информирующего лица гарантируется введением и последующим использованием кодового номера, устанавливаемого при первом телефонном контакте. Население информируется о преступлениях через средства массовой информации: даются общая картина преступления, а также имеющиеся сведения о подозреваемых лицах, указываются сумма вознаграждения и номер телефона полиции. Вознаграждения выдаются и за сведения о необъявленных преступлениях.

Однако в США реализацией программы по борьбе с преступностью занимаются общественные организации, которые, как правило, имеют правление, состоящее из 25 человек: 13 бизнесменов, трех юристов, двух представителей печати, служащего телевидения, священника, учителя и четырех частных лиц. Они назначаются мэром города и работают на безвозмездной основе. Правление принимает решение о сумме вознаграждения за информацию, а также решает, о каких преступлениях следует давать объявления. Подготовка материалов проводится мэром с помощью полиции.

Анонимный осведомитель сообщает информацию по телефону или посылает ее по почте. Сведения, получаемые таким путем, считаются потенциально ценными. При первом звонке в полицию информирующего просят периодически связываться с ними для того, чтобы затем договориться о способе передачи ему денег. Обычно вознаграждение передается в запечатанном конверте по кодовому номеру в обусловленном месте. Средства для вознаграждения поступают от частных лиц, религиозных и финансовых организаций, средств массовой информации, предприятий и т.п.

Детальный анализ влияния этой программы на уровень раскрытия преступлений показывает, что ее введение уже в первые годы привело к значительной стабилизации борьбы с преступностью.⁶

Мы считаем, что использование зарубежного опыта в борьбе с преступностью в России будет вполне приемлемым при условии добровольности вложения денежных средств гражданами и юридическими лицами в финансово-материальное обеспечение программы. Безусловно, проблему анонимного информирования требуется разрешить законодательно с учетом существующих реалий.

¹ См.: Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка / С.И.Ожегов, Н.Ю.Шведова. – 4-е изд., дополненное. – М., 1999. – С.25.

² См. также: Инструкция о порядке рассмотрения и разрешения обращений и приема граждан в органах и учреждениях прокуратуры Российской Федерации : утв. приказом Генеральной прокуратуры РФ от 15 января 2003 г. №3, п.2.6; Инструкция о приеме, регистрации и проверке в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы сообщений о преступлениях и происшествиях : утв. приказом Минюста РФ от 11 июля 2006 г. №250, п.3.

³ См., напр.: Инструкция по делопроизводству и о порядке рассмотрения обращений граждан в администрации города Красноярск : утв. постановлением администрации г. Красноярск от 31 июля 2000 г. №430, п.6.12.

⁴ См.: Инструкция о приеме, регистрации и проверке в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы сообщений о преступлениях и происшествиях : утв. приказом Минюста РФ от 11 июля 2006 г. №250, п.3.

⁵ См., напр.: Инструкция по делопроизводству в органах и учреждениях прокуратуры Российской Федерации : объявлена приказом Генеральной прокуратуры РФ от 28 декабря 1998 года № 93, п. 2.3.5.5.

⁶ Получение от населения информации за вознаграждение // «Полис чиф» (США). – 1984. – № 4.

О ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ПРАВ ОРГАНОВ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИХ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, В НЕКОТОРЫХ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

Железняк И.Н.

ГУВД Красноярского края

Анализ предписаний профильных законов некоторых государств СНГ, касающихся прав органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, позволяет сделать вывод, что они по своей законодательной регламентации существенно отличаются друг от друга.

Например, нормы, регламентирующие права субъектов ОРД в ст.7 профильного закона Азербайджанской Республики, одновременно сходны с аналогичными нормами российского закона и отличны от них. Прежде всего, следует обратить внимание на включенное в первую фразу статьи словосочетание *при непосредственном исполнении своих полномочий* (здесь и далее курсив наш. – И.Ж.), подчеркивающее, что использовать свои права органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, могут исключительно при непосредственном исполнении своих полномочий.

Другое отличие мы обнаруживаем в п.1 ст.7. В исследуемой норме отмечается, что субъектам ОРД предоставлено право осуществлять оперативно-розыскные меры «в порядке, предусмотренном статьей 10 настоящего Закона», и здесь же отмечается право применять указанные меры «гласным и негласным способами». И если в первом случае ссылка на необходимость осуществлять оперативно-розыскные меры *в порядке, предусмотренном статьей 10 настоящего Закона*, представляется абсолютно правомерной, то во втором – свидетельствует о дублировании положений ч.1 ст.3 рассматриваемого закона, согласно которой одним из принципов ОРД является *сочетание гласных и негласных методов работы*.

Следующее отличие проявляется в п.2, в соответствии с которым субъектам ОРД предоставляется право «сотрудничать в компенсируемом или безвозмездном порядке с лицами, согласившимися при соблюдении секретности помогать субъектам ОРД». В этой формулировке следует обратить внимание на два момента. Во-первых, законодатель использует вместо возмездного (как в базовом законе) компенсируемый порядок сотрудничества. При этом определить, является ли компенсация аналогом возмездности, посредством исследования данной нормы не представляется возможным. Во-вторых, в качестве обязательного условия сотрудничества с лицами, согласившимися помогать субъектам ОРД, законодатель выставляет *соблюдение секретности* со стороны указанных лиц. На наш взгляд, при буквальном толковании рассматриваемое положение сужает круг лиц, желающих содействовать органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, поэтому его, как и предыдущее отличие, следует относить к «белым пятнам».

Не идеальным, по нашему мнению, выглядит право органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, «создавать информационную систему для обеспечения ОРД и пользоваться ею». С одной стороны, норма предполагает создание и использование единой информационной системы, что при существенном отличии функций разных субъектов ОРД вряд ли позволит им эффективно решать поставленные задачи, с другой – полагаем неоправданным использование в сфере ОРД только указанной системы, ограничивая тем самым возможности по добыванию оперативно значимых сведений, содержащихся в многочисленных информационных системах иных министерств и ведомств.

Остальные положения, отличаясь от базовых по форме, идентичны им по содержанию, а потому не подвергаются нами анализу.

Права субъектов оперативно-розыскной деятельности Республики Беларусь, сформулированные в ст.9 профильного закона, существенно и в лучшую сторону отличаются как от предшествующих, так и российских положений.

Согласно п.6 ч.1 субъектам ОРД предоставляется право «сбирать и изучать документы и сведения, которые характеризуют деятельность учреждений, организаций, предприятий, а также отдельных лиц, подозреваемых в подготовке или совершении преступлений». Такое право, к сожалению, не закреплено в российском законе, что, представляется, создает для субъектов ОРД определенные сложности в реализации поставленных законодателем задач.

В соответствии с п.7 ч.1 субъектам ОРД предоставляется право «ходатайствовать при наличии достаточных оснований перед соответствующими контролирующими органами о проведении до возбуждения уголовного дела проверки финансово-хозяйственной деятельности субъектов хозяйствования». Мы полагаем, что словосочетание *ходатайствовать... перед соответствующими контролирующими органами* не должно вводить в заблуждение правоприменителя о возможных последствиях такой просьбы субъектов ОРД. Абсолютно понятно, что такая просьба будет высказываться только *при наличии достаточных оснований*, в связи с чем маловероятно получение отказа на нее со стороны контролирующих органов.

Согласно п.8 ч.1 субъектам ОРД предоставляется право «получать от юридических и физических лиц безвозмездно или за вознаграждение информацию о готовящихся либо совершенных преступлениях, о лицах, замышляющих, подготавливающих, совершающих или совершивших преступление, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда, о без вести пропавших, а также привлекать их к необходимому содействию для подготовки и проведения оперативно-розыскных мероприятий». Анализ зафиксированного положения позволяет отметить два важных, на наш взгляд, момента.

Во-первых, это фиксация права субъектов ОРД *получать от юридических и физических лиц безвозмездно или за вознаграждение оперативно значимую информацию*. К сожалению, в российском законе аналогичной нормы мы не обнаруживаем, что, по нашему мнению, создает определенные сложности у правоприменителя в части получения от указанных лиц оперативно значимой информации.

Во-вторых, это указание на то, что у оперативных подразделений имеется право *привлекать их* (юридических и физических

лиц – И.Ж.) к необходимому содействию для подготовки и проведения оперативно-розыскных мероприятий. Здесь следует обратить внимание на возможность привлекать к содействию как юридических, так и физических лиц. Отмеченная новелла представляется нам позитивной, хотя и не подтверждается содержанием ст.18 рассматриваемого закона, регулирующей вопросы содействия граждан органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность.

Если прокомментированные выше нормы мы относили к позитивным, то положение, заключенное в ч.5 рассматриваемой статьи, оценить непросто. Дело в том, что согласно этому положению на таможенные органы не распространяются права, «предусмотренные пунктами 2 и 9 части первой и пунктом 6 части второй настоящей статьи». Что касается п.9 ч.1 и п.6 ч.2 данной статьи, то такие исключения из общего правила для таможенных органов нам понятны. Однако как, например, оценить предписание о запрете для указанных органов *устанавливать на безвозмездной либо возмездной основе отношения сотрудничества с лицами, изъявившими согласие оказывать помощь на конфиденциальной основе органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность?* Этот вопрос, полагаем, относится к категории риторических и поэтому остается без ответа.

ПРИНЦИПЫ РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Буряков Е.В., к.ю.н., доцент
Омская академия МВД России

Чтобы познать сущность какой-либо деятельности, необходимо рассмотреть принципы, которые ее определяют. Г.К.Синилов применительно к оперативно-розыскной деятельности понимает под ними «основополагающие идеи, важнейшие правила по организации и ведению борьбы с преступностью, преимущественно негласными средствами и методами, определяющие главные, исходные моменты оперативно-розыскной деятельности, из которых вытекают положения более частного характера»¹. Анализ содержания принципов, их практической реализации имеет важное значение в оперативно-розыскной деятельности. «От того, какими принципами мы руководствуемся, зависит правильность познания и формирования данной отрасли знания, а также эффективность практических мер борьбы с преступностью»².

Впервые принципы ОРД сформулировал в 1966 г. А.Г.Лекарь, который отнес к ним такие, как строгое соблюдение законности, повседневную связь с общественными организациями, опору на трудящихся, сочетание гласных и негласных мероприятий в борьбе с преступностью, соблюдение конспирации и наступательность при осуществлении оперативно-розыскных мероприятий.³ Дальнейшему развитию принципов оперативно-розыскной деятельности способствовали работы В.М.Атмажитова, В.Г.Боброва, Д.В.Гребельского, В.А.Лукашова, Г.К.Синилова, А.Б.Утевского и других ученых.⁴

В оперативно-розыскной деятельности все принципы принято классифицировать на две группы: общие и специальные. Первыми, кто предпринял такую попытку, были А.Г.Лекарь, Д.В.Гребельский и В.А.Лукашов. К первой группе они относят принципы научности, плановости, соблюдения законности, уважения прав и свобод личности; ко второй – конспирации, объективности, наступательности, сочетания гласных и негласных мероприятий. Аналогичным образом А.А.Закатов выделил принципы криминалистического учения о розыске: общие (законность, всесторонность, полнота и объективность, научность, неотвратимость наказания, этичность использования средств розыска) и специальные (конспиративность, оперативность, планомерность, обеспечение безопасности граждан).⁵

Вместе с тем, как указывает К.В.Сурков, «каждый принцип ОРД, отражая определенные закономерности общественной жизни, аккумулирует в себе серию однородных свойств и признаков, комплекс которых, отличаясь автономным характером, приобретает очертания того или иного исходного положения оперативно-розыскной деятельности»⁶.

Принципы оперативно-розыскной деятельности, разработанные учеными, получили впоследствии законодательное закрепление. Например, в Законе РФ от 18 апреля 1991 г. №1026-1 «О милиции» указано, что деятельность милиции строится в соответствии с принципами уважения прав и свобод человека, законности, гуманизма, гласности (ст.3); в Законе РФ от 5 марта 1992 г. №2446-1 «О безопасности» к принципам обеспечения безопасности отнесены законность; соблюдение баланса жизненно важных интересов личности, общества и государства; взаимная ответственность личности, общества и государства по обеспечению безопасности; интеграция с международными системами безопасности (ст.5); в Федеральном законе от 12 августа 1995 г. №144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» законодатель определил

ключевые принципы оперативно-розыскной деятельности – конституционные принципы законности, уважения и соблюдения прав и свобод человека и гражданина, а также принципы конспирации, сочетания гласных и негласных методов и средств (ст.3).

Поскольку розыскная деятельность является частью оперативно-розыскной деятельности, рассмотренные принципы в полной мере следует отнести к исследуемому виду деятельности. Следовательно, к общим принципам розыскной деятельности надлежит отнести законность, гуманизм, уважение и соблюдение прав и свобод человека и гражданина, неотвратимость наказания; к специальным – конспиративность, сочетание гласных и негласных методов и средств, интеграцию с международными системами безопасности.

Особое положение среди принципов розыскной деятельности занимает конспиративность, которая осуществляется в тайне от разыскиваемых (скрывшихся преступников) и разрабатываемых (подозреваемых в совершении преступлений, маскируемых под безвестное исчезновение) лиц, что является вполне оправданной мерой, направленной на преодоление противодействия со стороны объектов розыска. Однако конспирация, занимая по ранжиру ведущее место среди специальных принципов, по существу, стоит над общими. В результате такие принципы, как законность, гуманизм, уважение и соблюдение прав и свобод человека и гражданина, по нашему мнению, реализуются не полностью. Аргументируем свою позицию. Розыскная деятельность, протекающая в условиях конспирации, имеет специфический (закрытый) характер делопроизводства, что подразумевает засекречивание дел оперативного учета, а следовательно, и ограниченный к ним доступ со стороны определенного круга лиц на основании ведомственного (должностные лица органов внутренних дел) и законодательного (должностные лица прокуратуры и суда) регулирования. Причем перечень этих должностных лиц строго ограничен лицами, имеющими в установленном порядке допуск к государственной тайне.

Таким образом, конспирация на сугубо ведомственном уровне не позволяет гражданам, обратившимся в органы внутренних дел с заявлением о безвестном исчезновении своих близких, знакомиться с материалами таких дел. Длительная неопределенность относительно судьбы исчезнувшего человека и предпринимаемых мер по его розыску порождает жалобы на неудовлетворительную работу правоохранительных органов, а значит, нарушаются законные права и интересы граждан. На наш взгляд, следует рассекретить дела по розыску без вести пропавших лиц, а материалы со

сведениями, относящимися к государственной тайне, помещать во вторые части таких дел, заводящиеся по мере необходимости.

¹ Сенилов, Г.К. Правовые, информационные и тактические основы оперативно-розыскной деятельности советской милиции / Г.К.Сенилов. – М., 1975. – С.28.

² Климов, И.А. Принципы теории и практики оперативно-розыскной деятельности / И.А.Климов. – М., 1993. – С.24.

³ См.: Основы оперативно-розыскной деятельности : учебник. – М., 1966. – Ч.1. – С.12-13.

⁴ См., напр.: Оперативно-розыскная деятельность органов внутренних дел / под ред. В.М.Атмажитова. – М., 1991. – С.6-8; Гребельский, Д.В. Теоретические основы и организационно-правовые проблемы оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел : автореф. дис. ... докт. юрид. наук / Д.В.Гребельский. – М., 1974. – С.16; Лукашов, В.А. Введение в курс «Оперативно-розыскная деятельность органов внутренних дел» / В.А.Лукашов. – Киев, 1976. – С.38-39; Нагиленко, Б.Я. Проблемы оперативно-поисковой деятельности органов внутренних дел / Б.Я.Нагиленко. – Рязань, 1975. – С.34-40; Сенилов, Г.К. Указ. соч. – С.28-44.

⁵ См.: Закатов, А.А. Криминалистическое учение о розыске : учебное пособие / А.А.Закатов. – Волгоград, 1988. – С.6.

⁶ Сурков, К.В. Принципы оперативно-розыскной деятельности и их правовое обеспечение в законодательстве, регламентирующем сыск : монография / К.В.Сурков. – СПб., 1996. – С.19.

ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КОНТРОЛЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Железняк Т.И.

Сибирский юридический институт
МВД России

В различных научных работах неоднократно отмечается, что оперативно-розыскная деятельность осуществляется преимущественно посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий. Часть из них (меньшая) носит гласный характер и характеризуется публичностью, как правило, осведомленностью лиц, которых они касаются, о проведении компетентными органами данных действий. И если сотрудники оперативных подразделений нарушат их права и свободы, то согласно ч.3 ст.5 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – ФЗ «Об ОРД») указанные лица самостоятельно или с помощью соответствующих юридических служб могут обжаловать их действия в вышестоящий

орган, осуществляющий оперативно-розыскную деятельность, прокурору или в суд.

Естественно, что негласные оперативно-розыскные мероприятия (их большинство) не носят публичного характера, что обуславливает отсутствие у заинтересованных лиц информации об их проведении. Об осуществлении такого мероприятия осведомлены лишь сотрудник оперативного подразделения, являющийся инициатором или исполнителем данного мероприятия, его непосредственный начальник, руководитель, уполномоченный на осуществление оперативно-розыскной деятельности (по мероприятиям ведомственного санкционирования), судья (по мероприятиям, ограничивающим права и свободы граждан и требующим судебного санкционирования), прокурор (при осуществлении надзора за оперативно-розыскной деятельностью). В связи с этим возникает вопрос: поскольку само заинтересованное лицо не может (и не должно) знать об оперативном интересе соответствующих служб к своей персоне и деятельности и, следовательно, не может их обжаловать в случае нарушения своих прав, кто и с помощью каких средств будет контролировать законность действий, осуществляемых сотрудниками оперативных подразделений?¹ Ответ на этот вопрос мы и попытаемся дать в данной статье.

Обычно в словарях и иных справочных изданиях контроль понимается как учет, проверка чего-либо: выполнения законов, планов, решений; как проверка, наблюдение с целью проверки исполнения законов, постановлений, управленческих решений и т.п. Таким образом, можно сделать вывод, что контроль в целом – осуществление управленческой функции, направленной на проверку, наблюдение за тем или иным явлением.

Если следовать основным положениям теории государства и права, то следует заключить, что контроль является закономерным и неотъемлемым атрибутом государственной власти.

Контроль – определяющий механизм системы социального управления, которую традиционно представляют в виде двух взаимодействующих подсистем: субъекты управления – объекты управления, иными словами, контролирующей и контролируемой подсистем.

Если иметь в виду субъекты контроля, то следует дифференцировать такие его виды, как государственный и общественный. В свою очередь, государственный контроль можно подразделить на контроль ведомственный, внутриведомственный и вневедомственный, межведомственный и надведомственный.² В этом ряду в соответствии со сложившимся в оперативно-розыскной сфере под-

ходом законодателя нас в большей мере будут интересовать два вида государственного контроля – надведомственный (общий) и ведомственный.

Действительно, в соответствии с ФЗ «Об ОРД» контроль за оперативно-розыскной деятельностью можно подразделить на общий (ст.20) и ведомственный (ст.22).

Согласно ст.20 ФЗ «Об ОРД» общий «контроль за оперативно-розыскной деятельностью осуществляют Президент Российской Федерации, Федеральное Собрание Российской Федерации, Правительство Российской Федерации в пределах полномочий, определяемых Конституцией Российской Федерации, федеральными конституционными законами и федеральными законами».

Понятно, что президентский контроль осуществляется не лично указанным должностным лицом, а подчиненными ему структурами. Так, в Администрации Президента России создано Контрольное управление, сотрудники которого и реализуют контрольные функции по различным направлениям государственной деятельности, в том числе оперативно-розыскной.

Парламентский контроль имеет одно важное преимущество перед другими видами контроля, состоящее в том, что его результаты «прозрачны», они более объективны и доступны для граждан, как правило, становятся известны населению.

Как в верхней, так и нижней палатах Федерального Собрания РФ существуют профильные комитеты (в том числе по безопасности), члены которых рассматривают некоторые проблемы законодательства и правоприменения в оперативно-розыскной деятельности, являются инициаторами слушаний, внесения изменений в действующие законодательные акты или принятия новых.³

Правительство РФ состоит из руководителей министерств и ведомств, ряд которых относятся к категории субъектов оперативно-розыскной деятельности или обладают функциями по осуществлению контроля за отдельными направлениями означенной деятельности. Например, Министерство финансов РФ имеет в своем составе соответствующее подразделение, в полномочия которого заложено осуществление проверок обоснованности и законности расходования денежных средств, выделяемых в государственном бюджете на оперативно-розыскную деятельность.

Что касается ведомственного контроля, то согласно ст.22 ФЗ «Об ОРД» «руководители органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, несут персональную ответственность за соблюдение законности при организации и проведении оперативно-розыскных мероприятий».

Предложенная законодателем формулировка представляется нам некорректной во многих отношениях.

Во-первых, согласно ей «руководители органов, осуществляющих ОРД, несут *персональную ответственность...*». Учитывая, что в названии исследуемой статьи ключевым словосочетанием выступает *ведомственный контроль*, полагаем, что было бы абсолютно правомерным вести речь именно о ведомственном контроле, а не об ответственности руководителей указанных органов.

Во-вторых, далее отмечается, что эти руководители «несут персональную ответственность *за соблюдение законности* при организации и проведении оперативно-розыскных мероприятий». Согласно законам логики из данного установления вытекает, что означенные руководители не должны нести ответственности, например, за соблюдение конспирации при осуществлении оперативно-розыскных мероприятий.

В-третьих, существенно сужает степень их ответственности заключительное словосочетание фразы «при организации и проведении оперативно-розыскных мероприятий». Действительно, оперативно-розыскные мероприятия являются ключевым звеном оперативно-розыскной деятельности, однако суть такой деятельности только подготовкой и проведением оперативно-розыскных мероприятий не исчерпывается. Анализируемая же норма в ее нынешнем виде значительно ограничивает возможности ведомственного контроля со стороны уполномоченных законом руководителей за такими сферами деятельности, как организационно-штатное построение оперативных подразделений, планирование, работа с содействующими лицами и т.п. Более того, она не наделяет отмеченным правом непосредственных руководителей оперативных подразделений, поскольку согласно подзаконным нормативным правовым актам субъектов оперативно-розыскной деятельности они не являются руководителями, уполномоченными на ее осуществление.

Для устранения отмеченных недостатков следует изложить исследуемую формулировку в новой редакции, например: «Руководители органов и подразделений, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, в пределах своей компетенции осуществляют ведомственный контроль за организацией и проведением оперативно-розыскной деятельности».

---

¹ См. об этом: Казаков, В.Н. Правомерное поведение сотрудника милиции как элемент правопорядка / В.Н.Казаков // Контроль и надзор за деятельностью органов внутренних дел – важнейшая гарантия обеспечения

прав человека : материалы международной научно-практической конференции. – М., 2000. – С.59-63.

² Харитонов, А.Н. Государственный контроль над преступностью: теоретические и правовые проблемы : монография / А.Н.Харитонов. – Омск, 1997. – С.9.

³ См. об этом: Шмелев, Е.Р. Отныне заметно усилен парламентский контроль над российским сыском / Е.Р.Шмелев // Оперативник (сыщик). – 2006. – №1(6). – С.24.

СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ ПОСТРОЕНИЕ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ УГОЛОВНОГО РОЗЫСКА ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ОПЕРАТИВНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ ТЕРРИТОРИИ И ОБЪЕКТОВ

Половников О.Г.

Омская академия МВД России

В основе структурного построения подразделений уголовного розыска, как справедливо отмечается исследователями, лежит специализация, которая является не только общим организационным принципом деятельности органов внутренних дел, но и важнейшей предпосылкой совершенствования оперативно-розыскной работы.

Анализ ведомственной нормативной базы показывает, что структура подразделений уголовного розыска, осуществляющих оперативное обслуживание территории и объектов, не имеет конкретной правовой регламентации. В связи с этим количественный состав оперативных сотрудников, осуществляющих оперативное обслуживание территории и объектов, определяется в зависимости от складывающейся оперативной обстановки, структуры и динамики преступлений, совершаемых на обслуживаемой территории, а также от субъективного мнения руководства.

При рассмотрении современного состояния деятельности подразделений уголовного розыска по оперативному обслуживанию территории и объектов следует констатировать, что в настоящее время отсутствует какой-либо документ, регламентирующий численность оперативных сотрудников, осуществляющих такой вид деятельности. Количество оперуполномоченных по рассматриваемому направлению работы, как правило, зависит от общей штатной численности службы уголовного розыска и определяется субъективно, без применения научно обоснованных критериев.

В результате проведенного нами исследования были получены следующие данные: в 93% территориальных органов внутренних дел административная граница поделена на зоны оперативного обслуживания и имеются сотрудники, осуществляющие оперативное обслуживание территории и объектов, из них в 47% случаев зону обслуживают 3 и более человек; в 34% зону обслуживает один человек; в 10% случаев оперативное обслуживание зоны закреплено за оперативным сотрудником в качестве «дополнительной нагрузки». В 2% случаев за оперативное обслуживание территории и объектов не отвечает никто.

На основании изложенного можно утверждать, что подразделения уголовного розыска, осуществляющие оперативное обслуживание территории и объектов, нуждаются в специализации оперативных работников, поскольку специализация способствует разработке и постоянному совершенствованию организационных форм и методов борьбы с преступностью, координации различных по своему характеру и назначению оперативно-розыскных действий и является гарантией единства и целостности оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел как системы.

Проведенное нами исследование показало, что в некоторых районных органах внутренних дел за каждой из оперативных зон закреплены руководящие работники ОВД, на которых возложены осуществление контроля и оказание помощи в организации борьбы с преступностью. По итогам работы проводятся совещания в присутствии руководителя ОВД, его заместителей, руководителей подразделений ОВД, закрепленных за определенной зоной (кураторов), сотрудников следственных подразделений, участковых уполномоченных, на которых оперуполномоченные заслушиваются по итогам служебной деятельности. С целью обеспечения взаимодействия между подразделениями куратору зоны вменены в обязанность систематический анализ оперативной обстановки в зоне, планирование и осуществление профилактических мер по раскрытию преступлений путем оказания взаимной помощи, комплексного использования сил, средств смежных органов и подразделений, сбор и обмен оперативной информацией между подразделениями в зоне. Кураторы зон имеют право вызывать личный состав ОВД, обслуживающий зону, для доклада об оперативной обстановке и проведения совещаний с целью выработки согласованных мер борьбы с преступностью. Им предоставлено право маневрировать силами и средствами органа внутренних дел, а в случаях осложнения оперативной обстановки – проводить комплексные мероприятия с использованием всех необходимых сил и

средств, входящих в их оперативное подчинение. Начальник отдела и его заместители в целях общей профилактики преступлений организуют систематическое обследование работниками отдела обслуживаемой территории и расположенных на ней объектов, а также проведение оперативно-розыскных и иных мероприятий, направляя их в первую очередь на выявление мест, где наиболее часто совершаются нарушения общественного порядка и преступления, и условий, способствующих их совершению.

По нашему мнению, в таком закреплении за руководителями служб и подразделений оперативных зон есть рациональное зерно, так как решается вопрос о контроле деятельности оперативных работников, осуществляющих оперативное обслуживание территории и объектов, а также об оказании необходимой помощи при его осуществлении. С такой точкой зрения согласились 89% опрошенных оперативных работников и 74% руководителей служб и подразделений органов внутренних дел.

К ПРОБЛЕМАМ КАДРОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ УГОЛОВНОГО РОЗЫСКА

Поросенов П.И.

Абаканский филиал Сибирского
юридического института МВД России

Преступность в России как следствие несовершенства экономических, политических и социальных отношений приобрела такой размах и характер, что представляет огромную опасность для человека и государства, стала прямой угрозой стратегическим интересам и национальной безопасности нашей страны. В таких условиях именно от качества работы оперативных подразделений органов внутренних дел зависят спокойствие и благополучие граждан, обеспечение правопорядка в целом. Благодаря их работе претворяется в жизнь принцип неотвратимости наказания за совершение преступлений.

Выполнение широкого круга задач, стоящих перед подразделениями уголовного розыска, зависит, прежде всего, от того, насколько хорошо подготовлены в профессиональном отношении их сотрудники. Данные подразделения по праву являлись элитными в системе органов внутренних дел, и служба в уголовном розыске на протяжении многих лет считалась престижной.

К сожалению, в настоящее время наблюдается падение престижа службы в уголовном розыске. Эта проблема свойственна и органам внутренних дел Хакасии. Ежегодно из подразделений уголовного розыска увольняются либо переходят в другие службы в среднем около 30 сотрудников. При этом большая часть сотрудников уходит вообще из органов внутренних дел. В результате за шесть последних лет состав уголовного розыска обновился более чем наполовину. В данных подразделениях количество сотрудников со стажем менее 3 лет в 2004 г. составляло 33,2%, в 2005 г. – 35,2%. При этом сотрудники с высшим юридическим образованием составляют всего 32,8%, со средним юридическим – 11,9%. Существуют значительные трудности в комплектовании открывающихся вакансий. В большинстве ОВД внутренние резервы для пополнения таких подразделений исчерпаны.

Сегодня необходимо бить тревогу по поводу возникшей опасности утраты профессионального ядра. Можно даже сказать, что это уже не опасность, а свершившийся факт. Нет преемственности поколений сотрудников, нет опытных наставников, мало руководителей, которые способны грамотно и эффективно руководить оперативными подразделениями. Можно сделать вывод, что в последние годы кадровый состав подразделений уголовного розыска ОВД коренным образом изменился не в лучшую сторону.

Причин сложившегося положения достаточно много. Но, как нам видится, это происходит в основном из-за недостаточного материального и морального стимулирования сотрудников, в том числе и в решении их социальных проблем.

Личный состав подразделений уголовного розыска, постоянно рискующий жизнью, ежедневно работающий в значительно более напряженном режиме, чем сотрудники других служб органов внутренних дел, практически не имеет никаких социальных преимуществ.

Следует отметить, что престиж и привлекательность службы прямо связаны с уровнем денежного содержания сотрудников, которое должно обеспечивать достойные условия жизни. Этот вопрос можно решить не только повышением заработной платы, но и гарантированными существенными дополнительными выплатами: за особые условия службы, работу сверх установленного лимита рабочего времени, положительные результаты работы. Полагаем, что для повышения привлекательности службы в уголовном розыске целесообразно решить вопрос об установлении льготной выслуги. Необходимо также и введение различного рода социальных

льгот – по оплате коммунальных платежей, на внеочередное получение жилья и т.п.

На наш взгляд, есть реальный путь решения указанной проблемы. Необходимо разработать и принять на законодательном уровне Положение о службе в уголовном розыске, в котором конкретно определить условия службы сотрудников уголовного розыска, в том числе при работе сверхурочно, закрепить использование материального стимулирования по результатам деятельности (премирование за оперативную работу, за раскрытие отдельных преступлений и т.д.).

Также мы полагаем, что назначение на должность любого уровня следует осуществлять по результатам конкурсного отбора, открытого для всех сотрудников. Этот путь решения проблемы уже на начальном этапе приведет к позитивным переменам по всем направлениям оперативно-служебной деятельности подразделений уголовного розыска.

ЗАДАЧИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОПЕРАТИВНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ КРИМИНАЛЬНОЙ МИЛИЦИИ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ОПЕРАТИВНО-ТЕХНИЧЕСКИХ МЕРОПРИЯТИЙ

Шаламов Г.В.

Омская академия МВД России

Рассмотрение сущности взаимодействия оперативных подразделений криминальной милиции при проведении оперативно-розыскных мероприятий предполагает изучение задач данного вида взаимодействия, которые мы разделили на две группы: основные и вспомогательные.

Критерием для такого деления нами избрана цель, на достижение которой направлено решение той или иной задачи. В качестве целей, достигаемых при решении задач взаимодействия оперативных подразделений криминальной милиции при проведении оперативно-технических мероприятий, нами отдано предпочтение задачам оперативно-розыскной деятельности в целом. В своей позиции мы опираемся на мнение, согласно которому задачи – это «ступени», которые ведут к цели. Причем задача, выдвигаемая для достижения отдаленной цели, может сама являться целью для более частного тактического решения. В свою очередь, задача, ре-

шение которой ведет к этой цели, может оказаться целью для еще более мелкого оперативно-тактического решения.

Соответственно, к основным задачам взаимодействия оперативных подразделений криминальной милиции мы причисляем те, которые направлены на решение стратегических задач оперативно-розыскной деятельности, то есть те, которые определены в ст.2 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности: документирование действий лиц, подготавливающих, совершающих и совершивших преступления, и установление местонахождения лиц, скрывшихся от органов дознания, следствия и суда, уклоняющихся от уголовного наказания, а также розыск без вести пропавших.

Задача документирования действий лиц, подготавливающих, совершающих и совершивших преступления, детерминирована, на наш взгляд, тем, что вся деятельность взаимодействующих при проведении оперативно-технических мероприятий оперативных подразделений криминальной милиции будет направлена на обеспечение выполнения стратегических задач оперативно-розыскной деятельности, к числу которых относятся выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений.

Следующей основной задачей взаимодействия нами рассматривается установление местонахождения лиц, скрывшихся от органов дознания, следствия и суда, уклоняющихся от уголовного наказания, а также розыск без вести пропавших. Однако непосредственно розыском указанных категорий лиц оперативно-технические подразделения не занимаются, а лишь устанавливают какие-либо обстоятельства, способствующие розыску лиц, скрывшихся от органов дознания, следствия и суда, уклоняющихся от уголовного наказания, а также розыску без вести пропавших лиц.

Вспомогательные задачи – те, выполнение которых направлено на решение частных задач оперативно-розыскной деятельности. К ним нами отнесены обеспечение неотложных оперативно-розыскных мероприятий при пресечении и раскрытии тяжких и особо тяжких преступлений; обеспечение задержания с поличным лиц, совершающих преступления; установление местонахождения имущества, добытого преступным путем; обеспечение некоторых следственных действий; обеспечение собственной безопасности.

Целью обеспечения неотложных оперативно-розыскных мероприятий при пресечении и раскрытии тяжких и особо тяжких преступлений является разрешение таких частных задач оперативно-розыскной деятельности, как проведение конкретных, первоначальных или последующих оперативно-розыскных мероприятий,

фиксация на материальные носители действий лиц, представляющих оперативный интерес, и др. В случаях резкого изменения оперативной обстановки по конкретному раскрываемому (расследуемому) преступлению либо при совершении тяжкого или особо тяжкого преступления возникает необходимость проведения ряда неотложных оперативно-розыскных мероприятий, связанных с осуществлением оперативно-технических мероприятий.

Второй вспомогательной задачей взаимодействия оперативных подразделений криминальной милиции при проведении оперативно-технических мероприятий мы считаем обеспечение задержания с поличным лиц, совершающих преступления. Достижимой целью при этом будет решение таких частных задач оперативно-розыскной деятельности, как проведение краткосрочного оперативного внедрения, фиксация факта наличия у лица тех или иных оперативно значимых ценностей, предметов или документов и др. Без ее разрешения зачастую становится невозможным раскрытие, дальнейшее расследование ряда преступлений (например, вымогательства, взяточничества, мошенничества и др.) и привлечение к уголовной ответственности лиц, их совершающих.

Следующая задача – установление местонахождения имущества, добытого преступным путем. При этом совместные действия оперативных подразделений криминальной милиции при проведении оперативно-технических мероприятий направлены на отыскание, сохранение и возвращение похищенного имущества либо имущества, которое может быть использовано в счет возмещения вреда.

Четвертой и в некоторой степени новой задачей мы выделили техническое обеспечение проведения некоторых следственных действий. Статьей 186 УПК РФ предусматривается такое следственное действие, как «контроль и запись переговоров», для проведения которого следователь дает поручение оперативному подразделению криминальной милиции о производстве контроля и записи переговоров, оперативный сотрудник проводит оперативно-розыскное мероприятие «прослушивание телефонных переговоров». По этой же цепочке происходит обратная передача полученной информации. Целью взаимодействия является достижение таких частных задач оперативно-розыскной деятельности, как обеспечение негласности проводимого оперативно-технического мероприятия и недопущение разглашения сведений о средствах и методах оперативно-розыскной деятельности при использовании полученных результатов в качестве доказательств.

И последней, но не менее важной задачей мы считаем обеспечение собственной безопасности. Решение данной задачи подразумевает взаимные согласованные действия, цель которых – обеспечение негласности проводимых оперативно-технических мероприятий и недопущение разглашения сведений о лицах, их проводивших, о средствах и методах оперативно-розыскной деятельности при использовании полученных результатов, а также обеспечение физической безопасности лиц, участвующих в проведении оперативно-технического мероприятия.

О ПОНЯТИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОПЕРАТИВНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ТАМОЖЕННЫХ ОРГАНОВ И ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Батаев С.В.

Омская академия МВД России

Понятие «взаимодействие» используется в разных видах социальной практики. В различных областях знаний о нем имеются множество суждений. Так, в философии под взаимодействием понимается «категория отношения, которое порождает единство вещей и процессов чувственного мира»¹, «категория, отражающая процессы воздействия различных объектов друг на друга, их взаимную обусловленность, взаимодополняемость, взаимопереход, порождение одним объектом другого»², в словаре русского языка данный термин раскрывается как «взаимная связь двух явлений или взаимная поддержка»³.

Анализ научных источников показывает, что вопросы взаимодействия привлекают внимание ученых, исследующих проблемы криминалистики, уголовного процесса и оперативно-розыскной деятельности. Один из подходов основан на суждении В.М.Шванкова, согласно которому взаимодействие – это «сотрудничество на основе взаимопомощи»⁴.

В юридической литературе подход к раскрытию сути взаимодействия (как сотрудничества) правоохранительных органов базируется также и на анализе субъектов взаимодействия.⁵ Изучение существующих подходов позволяет выделить два основных элемента рассматриваемого понятия – это «сотрудничество» и «субъекты взаимодействия».

По мнению Н.Е.Савельева, взаимодействие – «это основанная на законах и подзаконных нормативных актах совместная согласо-

ванная деятельность не подчиненных друг другу оперативных аппаратов с использованием присущих им сил, средств и методов для решения оперативно-тактических и частных задач предупреждения и раскрытия преступлений»⁶. В.В.Овчаров применительно к взаимодействию оперативных подразделений территориальных и транспортных органов внутренних дел в раскрытии преступлений определяет взаимодействие как «основанную на законах и подзаконных актах согласованную деятельность оперативных подразделений территориальных и транспортных ОВД, осуществляемую с целью наиболее эффективного применения присущих им сил, средств, форм и методов по раскрытию преступлений»⁷.

Анализ приведенных суждений позволяет выделить еще три элемента рассматриваемого понятия: 1) базирование совместной согласованной деятельности на законах и подзаконных нормативных актах, 2) использование специфических сил, средств и методов и 3) решение определенных целей или задач.

Другие авторы конкретизируют ранее сформулированные или предлагают дополнительные элементы «взаимодействия». Так, А.Ю.Шумилов полагает, что сотрудничество направлено на решение общей задачи⁸, а В.Ф.Сулиев отмечает, что совместная деятельность осуществляется «в определенных формах и направлениях»⁹.

Таким образом, обобщая существующие подходы, следует заключить, что к элементам взаимодействия необходимо отнести:

- субъектов взаимодействия;
- согласованность действий;
- базирование на законах и подзаконных нормативных актах;
- осуществление в определенных формах и направлениях;
- использование специфических сил, средств и методов;
- наличие общей задачи.

Попытки определить понятие взаимодействия таможенных органов с другими правоохранительными органами уже проводились. По мнению А.Ф.Ноздрачева, под таковым «имеется в виду их функциональное сотрудничество, совместная деятельность и (или) информационный обмен с другими государственными органами по различным направлениям таможенной деятельности в целях эффективного выполнения возложенных на них Таможенным кодексом и иными актами таможенного законодательства задач и функций»¹⁰. Однако, на наш взгляд, данное определение не отражает всей полноты перечисленных нами элементов взаимодействия.

Таким образом, можно констатировать, что взаимодействие оперативных подразделений Федеральной таможенной службы и органов внутренних дел по борьбе с контрабандой наркотиков –

это совместная согласованная деятельность, основанная на законах и подзаконных нормативных актах, осуществляемая гласно и негласно с использованием специфических форм и направленная на решение общей задачи – борьбы с контрабандой наркотиков.

¹ Краткая философская энциклопедия / ред.-сост. Е.Ф.Губский, Г.В.Короблева, В.А.Лутченко. – М., 1994. – С.66.

² Философский энциклопедический словарь. – М., 1989. – С.88.

³ Ожегов, С.И. Словарь русского языка / С.И.Ожегов ; под ред. Н.Ю.Шведовой. – 18-е изд., стереотип. – М., 1987. – С.68.

⁴ Шванков, В.М. Теоретические основы координации и взаимодействия в органах внутренних дел / В.М.Шванков. – М., 1978. – С.9.

⁵ См.: Распопо, Ю.М. Взаимодействие с таможенной / Ю.М.Распопо, В.В.Золотухин // Финансы. – 1991. – №5. – С.35.

⁶ Савельев, Н.Е. Взаимодействие оперативных аппаратов органов и учреждений внутренних дел в борьбе с наркоманией : лекция / Н.Е.Савельев. – М., 1989. – С.5.

⁷ Овчаров, В.В. Организация и тактика взаимодействия оперативных подразделений территориальных и транспортных органов внутренних дел в раскрытии преступлений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В.В.Овчаров. – М., 2005. – С.14.

⁸ См.: Краткая сыскная энциклопедия: деятельность оперативно-розыскная, контрразведывательная, частная сыскная (детективная) / авт.-сост. А.Ю.Шумилов. – М., 2000. – С.17.

⁹ Сулиев, В.Ф. Понятие и сущность взаимодействия оперативных подразделений органов внутренних дел и службы исполнения наказаний при раскрытии преступлений / В.Ф.Сулиев // Проблемы теории и практики оперативно-розыскной деятельности криминальной милиции : межвузовский сборник научных трудов / под ред. С.И.Давыдова. – Барнаул, 2005. – С.141-142.

¹⁰ Ноздрачев, А.Ф. Правовые формы деятельности и взаимодействия таможенных органов с другими государственными органами и таможенными службами зарубежных стран / А.Ф.Ноздрачев // Законодательство и экономика. – 2004. – №8. – С.12.

СИТУАЦИОННЫЙ ПОДХОД В ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Давыдов С.И., к.ю.н., доцент
Барнаульский юридический институт
МВД России

Поиск путей эффективного применения оперативно-розыскных сил и средств в борьбе с преступностью объективно предполагает развитие существующих и появление новых оперативно-розыскных учений, и прежде всего имеющих методологическое значение.

В связи с этим полагаем заслуживающей пристального внимания проблему ситуационного подхода в оперативно-розыскной деятельности (ОРД), для активного исследования которой сложился ряд предпосылок.

Предпосылка первая – состояние и результаты ситуационных исследований в других отраслях знаний.

Так, в философии активно развиваются основы общенаучной, междисциплинарной методологии ситуационного подхода как средства познания. Актуальность и значимость таких исследований для развития теории ОРД очевидна, поскольку, во-первых, познавательная сторона является одной из сущностных характеристик оперативно-розыскной деятельности, а во-вторых, ситуационный подход занимает свое место в системе общенаучных методов познания в теории ОРД.

При исследованиях проблем влияния ситуационных факторов на характер и содержание оперативно-розыскной деятельности ее субъектов крайне важно обратиться к психологии. Здесь в свое время сложились два подхода. Согласно первому поведение и характер деятельности человека определяют, прежде всего, ситуационные факторы. Согласно второму приоритет отдается личностным факторам. Современные подходы, как правило, отказываются от жесткого противопоставления внутренних (личностных) и внешних (ситуационных) факторов, определяющих поведение человека. Сегодня можно говорить о фактически сложившемся интегративном личностно-ситуационном подходе, представления которого способствуют новому пониманию отношений между «личностью» и «средой».¹

Проблема ситуационного подхода активно и давно исследуется в криминалистике. Понятие «следственная ситуация» стало одним из важнейших в криминалистической науке, является постоянным предметом обсуждения. Появляются новые взгляды на природу и структуру следственных ситуаций.

Некоторое сходство следственной и оперативно-розыскной ситуации, обусловленное криминальным событием, по поводу которого они возникают, позволяет использовать результаты криминалистических исследований в научной разработке ситуационной проблематики в теории ОРД.

Вторая предпосылка развития теоретических основ ситуационного подхода в ОРД связана с большим интересом к этим проблемам со стороны представителей оперативно-розыскной науки (А.И.Глушков, И.А.Климов, Г.А.Корнилов, В.Г.Самойлов, Г.К.Синилов, Л.Л.Тузов, В.П.Шиенок и др.).

Третья предпосылка развития ситуационного подхода в оперативно-розыскной деятельности обусловлена характеристикой предмета ее теории, который включает и оперативно-розыскную практику, и криминальную деятельность, имеющие ситуационную природу.

Рассмотрим некоторые положения концепции ситуационного подхода в ОРД, имеющие значение как для развития теории, так и для совершенствования оперативно-розыскной практики:

1. Важной методологической проблемой является определение места оперативно-розыскной ситуации в системе ОРД.

Несмотря на устоявшуюся точку зрения о необходимости изучения оперативно-розыскной ситуации в рамках оперативно-розыскной тактики, есть основания для ее исследования и как элемента методики раскрытия отдельных видов преступлений. Представляется, что основное содержание методик раскрытия отдельных видов и групп преступлений должны составлять многоуровневые системы обобщенных оперативно-розыскных ситуаций и соответствующие им типовые программы действий.

Бесспорны роль и значение ситуационных аспектов в учении об организационной стороне ОРД.

Одним из звеньев организационной работы руководителей оперативных подразделений является оперативно-тактическое планирование, которое основывается на анализе оперативно-тактической обстановки, включающей целый ряд факторов, характерных для каждой конкретно сложившейся оперативно-тактической ситуации.²

Важной составной частью учения об организационной стороне ОРД является концепция оперативного прогнозирования (В.А.Лукашов, С.С.Овчинский). По своему содержанию прогнозирование в ОРД предполагает позитивное влияние на выработку наиболее целесообразных в конкретной ситуации тактических решений и выбор средств и методов, необходимых для их реализации в целях успешного решения задач ОРД.

В развивающейся теории оперативно-розыскной диагностики оперативная обстановка и конкретная криминальная ситуация выступают в качестве объектов диагностирования.

Таким образом, в оперативно-розыскной науке постепенно отмечается тенденция использования ситуационного подхода для решения самых разнообразных задач оперативно-розыскной тактики, методики, организации ОРД.

Изложенное позволяет сделать вывод, что комплекс развивающихся научных положений о ситуационном подходе в оперативно-розыскной деятельности приобретает общенаучное значение

в теории ОРД и вряд ли может быть структурно отнесен к какому-либо одному из ее разделов. В связи с этим имеются основания рассматривать оперативно-розыскную ситуацию как элемент общей теории ОРД.

2. О выделении типичных оперативно-розыскных ситуаций и алгоритмизации оперативно-розыскной деятельности.

Практически неограниченное количество ситуаций, возникающих в оперативно-розыскной деятельности, предопределяет сложную и весьма значимую для теории и практики ОРД проблему выделения типичных оперативно-розыскных ситуаций. Такие ситуации выделяются на основе научного обобщения признаков, общих для определенной группы конкретных ситуаций.

Представляется, что в оперативно-розыскной деятельности выделение типичных оперативно-розыскных ситуаций возможно не только при разработке частных методик раскрытия преступлений. Это целесообразно и в розыскной работе, и в документировании преступных действий разрабатываемых, и в агентурной работе, и при осуществлении отдельных оперативно-розыскных мероприятий.

Повторяемость как качество ситуации значима для оперативного работника в том смысле, что знакомые по прошлому опыту ситуации фиксируются в сознании и существенно влияют на восприятие им новой однотипной ситуации. На этой основе вхождение в новую ранее известную ситуацию не сопровождается проблемой выбора решения. Ситуация разрешается автоматически, благодаря не однажды избранному решению в аналогичных ситуациях в прошлом.

Деятельность оперативного работника в таком случае значительно упорядочивается. Появляется возможность выбрать такие тактические приемы, которые бы наилучшим образом обеспечили выполнение поставленной задачи.

В данном случае ситуационный подход выступает как методологическая основа алгоритмизации оперативно-розыскной деятельности.

Использование ситуационного подхода в научных исследованиях проблем оперативно-розыскной деятельности позволяет приблизить разрабатываемые рекомендации к реальным потребностям практики.

---

¹ См. Гришина, Н.В. Психология социальных ситуаций / Н.В.Гришина // Вопросы психологии. – 1997. – № 1. – С.121-132.

² См.: Лукашов, В.А. Организация и методика информационно-аналитической работы в сфере оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел : лекция / В.А.Лукашов. – Омск, 1983. – С.5.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ БОРЬБЫ С ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Седелъцев М.В.

Омская академия МВД России

В последнее десятилетие наше государство характеризуется интенсивным темпом политических и социально-экономических изменений во многих областях жизни общества и государства. Происходят перемены и в преступной среде. И то что организованная преступность представляет собой не надуманное, а реальное, стабильно прогрессирующее явление, стало общепризнанным фактом.

Впервые вывод о существовании в нашей стране организованной преступности на официальном уровне был сделан в начале 80-х гг. XX в. сотрудниками Всесоюзного института по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности ВНИИ МВД СССР и Омской высшей школой милиции, осуществлявшими исследования независимо друг от друга.¹

Сегодня результаты деятельности органов внутренних дел свидетельствуют о том, что в Российской Федерации действуют более 400 организованных преступных групп (ОПГ) общей численностью свыше 10 тыс. человек.²

Сформировавшись с целью систематического совершения преступлений, ОПГ, как правило, осуществляют тщательную их подготовку, используют приемы сокрытия следов содеянного, маскируют свой преступный образ жизни.

Сложившаяся в указанной сфере ситуация настоятельно требует активного реагирования органов внутренних дел на неблагоприятные тенденции в структуре и динамике современной организованной преступности. Для решения этой задачи на государственном уровне утверждена Концепция³, определяющая основные недостатки, а также цели и направления деятельности ОВД в борьбе с организованной преступностью.

Учитывая положения данного документа и ориентируясь на изучение практической деятельности подразделений по борьбе с организованной преступностью (БОП), представляющими наибольший интерес, на наш взгляд, являются вопросы планирования мероприятий, проводимых в отношении ОПГ, и приемы реализации материалов, собранных в ходе изобличения преступной деятельности ОПГ.

Современная организованная преступность во многом отличается от той, которая имела место в нашей стране еще несколько лет назад. В настоящее время ОПГ характеризуются детальной подготовкой преступлений, высоким профессионализмом, наблюдаемым в ходе их совершения, особой изощренностью применяемых для этого приемов, средств и методов, тщательной маскировкой содеянного. Таким образом, обязательным условием успешного проведения мероприятий в отношении ОПГ, по нашему мнению, является научно обоснованное их планирование.

В.Г.Бобров считает, что планирование в значительной мере обуславливает общий уровень борьбы с организованной преступностью, обеспечивает ее целенаправленность, наступательность, создает необходимые предпосылки для наилучшего использования сил и средств оперативно-розыскной деятельности ОВД, гарантирует удачное решение задач и достижение конечных целей при соблюдении законности.⁴

Проведенное исследование показало, что к наиболее распространенным недостаткам планирования можно отнести: формальный характер составляемых планов, не опирающихся на анализ имеющейся информации; неконкретность, расплывчатость используемых формулировок; отсутствие комплексного подхода к планированию.

Таким образом, в целях повышения качества и результативности борьбы с организованной преступностью представляется целесообразным рекомендовать оперативным работникам такой подход к вопросам планирования, при котором план мероприятий будет рассматриваться как неотъемлемый элемент, определяющий всю последующую тактику их проведения.

Обращаясь к проблеме реализации материалов, собранных в ходе изобличения преступной деятельности ОПГ, следует заметить, что содержание проводимых в каждом конкретном случае оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ) обуславливается особенностями отдельно взятой группы. Однако, определяя важность данного положения, необходимо оговориться, что в процессе выбора вариантов действий по решению стоящих задач необходимо учитывать такие факторы, как предыдущий опыт, а также ранее выявленные закономерности поведения членов ОПГ.

Как показывает практика, зачастую продолжительная, качественно осуществляемая работа по изобличению преступной деятельности ОПГ не приносит желаемого результата вследствие применения неэффективного приема реализации собранных материалов. Такая ситуация возникает в том случае, когда оператив-

ные работники по тем или иным причинам сталкиваются с затруднениями в определении степени готовности собранных материалов к их использованию в уголовном процессе.⁵

Изученный положительный опыт работы подразделений БОП позволяет определить несколько эффективных приемов реализации материалов, собранных в ходе изобличения преступной деятельности ОПГ, применяемых в зависимости от степени их готовности к последующему использованию в ходе предварительного расследования:

– одновременное задержание всех членов преступной группы. Этот тактический прием может использоваться, когда в отношении всех или большей части членов ОПГ имеются основания для задержания в порядке ст. 91 УПК РФ с перспективой их последующего заключения под стражу. Посредством данного приема обеспечивается исключение возможности воздействия членов ОПГ на свидетелей и потерпевших;

– задержание отдельных членов ОПГ, если выявлена преступная деятельность не всех, а лишь некоторых из них, при условии, что оно позитивно повлияет на привлечение оставшихся членов группы к уголовной ответственности. Практика деятельности подразделений БОП говорит о том, что в некоторых случаях более эффективно задерживать не всех, а лишь основных членов ОПГ. Второстепенных же участников иногда целесообразно оставить «на свободе», чтобы в дальнейшем использовать их в качестве источников получения оперативно значимой информации.

В рамках статьи нами предпринята попытка осветить лишь некоторые представляющиеся сегодня актуальными вопросы борьбы с организованной преступностью.

---

¹ Долгова, А.И. Организованная преступность / А.И.Долгова, С.В.Дьяков. – М., 1989. – С.4.

² Состояние правопорядка в Российской Федерации и основные результаты деятельности ОВД и ВВ в 2005 г. : аналитические материалы. – М., 2006. – С.14-19.

³ Концепция совершенствования деятельности органов внутренних дел Российской Федерации в сфере борьбы с организованной преступностью: приказ МВД России 2005 г. №625.

⁴ См.: Бобров, В.Г. Оперативная разработка: проблемные вопросы теории и практики / В.Г.Бобров // Теоретические и практические проблемы оперативно-розыскной деятельности : сборник статей. – Калининград, 1999. – С.20.

⁵ См.: Оперативно-розыскная деятельность органов внутренних дел по борьбе с организованной преступностью : курс лекций. Вып.2. – М., 1997.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ БОРЬБЫ С ЭТНИЧЕСКОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ В КРАСНОЯРСКОМ КРАЕ

Черкашин С.А.

Сибирский юридический институт
МВД России

Борьба с этнической преступностью, являющаяся одной из глобальных проблем, наиболее остро встала перед человечеством на рубеже третьего тысячелетия. В России одним из факторов, ее определяющих, являются процессы миграции и изменения демографической ситуации.

Анализ современной ситуации показывает, что многонациональность в той или иной степени присуща большинству регионов России. На территории Красноярского края проживают 137 национальностей, в том числе 10 аборигенных народов, при общем преобладании русского этноса (89%).¹ Около 30 национальных меньшинств придерживаются мусульманской религии и традиций, общая их численность в 2002 г. составила 88 тысяч человек (3% от всего населения края). С учетом трудовых мигрантов и гостей из ближнего зарубежья эта цифра, по экспертным оценкам, превышает 130 тыс. человек. На 1 января 2006 г. в Красноярском крае функционировали 34 официально зарегистрированных национально-культурных общественных объединения (НКОО). По данным Управления юстиции РФ по Красноярскому краю, в краевом центре были зарегистрированы 11 общественных организаций, состоящих из представителей этнических меньшинств, выходцев из государств Закавказья и Средней Азии.

Ускорившийся в последнее время приток в Красноярский край лиц из Кавказского и Средне-Азиатского регионов (иностранцев и лиц без гражданства, беженцев, вынужденных переселенцев) вызывает постоянное повышение количества совершенных преступлений и усиление отрицательного влияния на оперативную обстановку этнических преступных формирований.

Пополнению рядов преступников-мигрантов способствуют сохраняющаяся «прозрачность» российских границ, недостаточно строгий контроль за соблюдением режима пребывания в стране иностранных граждан, увеличивающиеся потоки беженцев и переселенцев из конфликтных регионов. Анализ незаконной миграции иностранных граждан на территорию Красноярского края показал, что наибольшую их долю составляют азербайджанцы и таджики, которые любыми способами пытаются легализовать свое положение. Следствием этого является значительный рост криминальных

деяний, связанных с использованием поддельных документов (в 48,8 раза по сравнению с 2000 г.).

Одновременно с указанными обстоятельствами усиливается влияние криминальной среды, состоящей из указанных лиц, что способствует созданию преступных групп на этнической и религиозной основе, а в конечном итоге распространению организованной преступности.

В настоящее время преступность азиатского и кавказского этносов в Красноярском крае составляет 1,2% в общей структуре. Пик преступности указанных этносов зафиксирован в 2005 г., когда общее количество преступлений по сравнению с 2000 г. увеличилось почти в 2,3 раза – с 329 до 781.

Из числа выявленных и раскрытых преступлений в 2005 г. совершены: 250 (32%) – таджиками, 159 (20%) – азербайджанцами, 98 (12,5%) – киргизами, 68 (8,7%) – узбеками, 43 (5,5%) – чеченцами, 102 (13,1%) – смешанными этническими группами.

По сравнению с 2000 г. произошло значительное снижение умышленных убийств – на 55,5%, разбойных нападений – на 83,3%, но вместе с тем увеличилось число таких преступлений, как тяжкий вред здоровью – в 2 раза, грабежи – в 4,5 раза, кражи – на 85,9%, незаконный оборот наркотических средств – на 37,6%.

Следует отметить, что сферой деятельности этнических структур в Красноярском крае является как легальная, так и теневая экономика. Этнические преступные группы контролируют различные сферы бизнеса, захватывают ключевые позиции в легальной экономике, их представители являются соучредителями различных коммерческих предприятий, где специализируются на проведении противоправных хозяйственно-финансовых операций и отмывании денег. Поэтому не вызывает сомнения, что истинная прибыль этнических групп во многих случаях скрывается. Они проникают в структуры различных отраслей власти, обладают обширными связями с организованными преступными группами в других регионах страны. За счет преступлений в сфере экономики идет финансовая подпитка организованной этнической преступности во всех регионах России. В число наиболее притягательных для их преступной деятельности регионов входит Красноярский край, обладающий сырьевой и перерабатывающей промышленностью, высокоразвитой инфраструктурой, возможностями хранения и дальнейшей транспортировки товаров из России.

Необходимо подчеркнуть, что основная опасность деятельности преступных этнических групп населения состоит в постепенном, но уверенном расширении сферы влияния за счет получения сверхприбыли от легальной и криминальной деятельности.

Часть полученных средств идет на воспроизводство преступного бизнеса, часть вкладывается в легальные коммерческие структуры. Существенная доля прибыли тратится на организацию собственных общественно-политических организаций и подкуп должностных лиц властных структур.

Продолжает оставаться одной из наиболее острых и актуальных проблема преступности азиатских, кавказских и цыганских этносов, связанных с незаконным оборотом наркотиков. Именно большой приток граждан из стран СНГ и регионов Кавказа способствует организации в Красноярском крае достаточно устойчивой инфраструктуры наркобизнеса. Так, за 2005 год выявлены 128 преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, что составляет 16% от общего количества раскрытых преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств.

Приведенные показатели в большей степени отражают активность правоохранительных органов, в первую очередь РУ ФСКН и подразделений криминальной милиции. Есть основания полагать, что реальный уровень этнической преступности в рассматриваемой сфере значительно выше.

Одним из основных видов криминальной деятельности этнических преступных групп является совершение преступлений (незаконный оборот наркотических средств, грабежи, разбои, причинение тяжкого вреда здоровью) в отношении представителей своей же диаспоры.

На наш взгляд, одной из проблем, которая продолжает оставаться наиболее острой и актуальной, являются подделка документов и их использование, поскольку за нарушение правил пребывания на территории Российской Федерации только в 2005 г. привлечены к административной ответственности 1278 человек и 58553 человека выдворены из страны. На сегодняшний день эти цифры гораздо выше.

Результаты проведенного нами исследования свидетельствуют о том, что оперативное обслуживание объектов, контролируемых преступными этническими группами, еще недостаточно эффективно во многих случаях из-за незнания сотрудниками оперативных подразделений языка, обычаев, религиозных особенностей и менталитета представителей соответствующих национальностей, входящих в состав преступных формирований, а также сложностей приобретения конфиденентов из числа представителей этнических групп населения.

В связи с этим важным направлением в деятельности органов внутренних дел Красноярского края является проведение специальных мер по установлению конкретных мест концентрации ази-

атских и кавказских этнических групп, осуществлению мероприятий по их оперативному прикрытию.

В этих условиях деятельность оперативных подразделений органов внутренних дел во многом должна предопределяться уровнем осведомленности о состоянии фактического положения дел в указанной сфере.

Таким образом, в борьбе с преступностью кавказских и азиатских этносов у ОВД возникает множество неординарных проблем, имеющих организационно-тактическую специфику. Эта специфика определяется этносоциальной характеристикой Красноярского края, криминальной активностью различных этнических групп, их криминальной специализацией, особенностями национального характера.

Непременным условием успешного противодействия этническим организационным преступным формированиям является полноценное информационное обеспечение оперативных подразделений ОВД и проводимых ими оперативно-розыскных мероприятий.

Полагаем, что успех в борьбе с этническими преступными группами во многом зависит от повышения уровня всей оперативно-розыскной деятельности в данном направлении, привлечения к содействию заинтересованных организаций, учреждений и граждан, а вместе с тем от разработки научно обоснованных мер по борьбе с азиатскими и кавказскими этническими преступными группами.

---

¹ См.: Права человека и этнические меньшинства : сборник материалов международного научно-практического семинара / сост. Д.Д.Невирко – Красноярск, 2006.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВЫЯВЛЕНИЯ И ДОКУМЕНТИРОВАНИЯ ВЗЯТОЧНИЧЕСТВА И КОММЕРЧЕСКОГО ПОДКУПА В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Трухин М.А.
Барнаульский юридический институт МВД России

Анализ статистических данных по Алтайскому краю за последние годы указывает на рост количества выявленных преступлений, связанных с получением и дачей взяток, коммерческим подкупом в сфере образования. Так, если в 2004 г. были выявлены

91 факт взяточничества и 3 коммерческого подкупа, то в 2005 г. – соответственно 127 и 21.

Вместе с тем большинство этих преступлений остаются не выявленными (латентными) вследствие высокой степени замаскированности и скрытности совершения. Действия по выявлению указанных преступлений предполагают проведение комплекса оперативно-розыскных мероприятий, направленных на получение первичных сведений о фактах противоправной деятельности конкретных лиц. Однако активная работа субъектов ОРД в этом направлении сдерживается некоторыми пробелами в оперативно-розыском законодательстве относительно оснований проведения оперативно-розыскных мероприятий. Дело в том, что в ст.7 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» указано, что основанием для проведения ОРМ являются «ставшие известными органам, осуществляющим ОРД, определенные сведения о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного противоправного деяния, а также о лицах, его подготавливающих, совершающих или совершивших, если нет достаточных данных для решения вопроса о возбуждении уголовного дела». Из этого следует, что если названные органы такими сведениями не располагают, проводить оперативно-розыскные мероприятия они не имеют право. Таким образом, инициативная поисковая деятельность с целью добывания информации о лицах, причастных к взяточничеству или коммерческому подкупу в сфере образования, по существу, является незаконной.

Ранее законность проведения оперативно-розыскных мероприятий в известной степени обосновывалась предписаниями ч.1 ст.118 УПК РСФСР, которая возлагала на органы дознания обязанность по применению таких мер в целях обнаружения преступлений и лиц, их совершивших. В принятом и вступившем в действие УПК РФ оснований для проведения оперативно-розыскных мероприятий с целью выявления преступлений не предусмотрено.¹

Возникает вопрос: каким образом можно выйти из сложившейся ситуации? Полагаем, что эту проблему можно решить путем внесения изменений и дополнений в Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» в части расширения перечня оснований проведения оперативно-розыскных мероприятий. Они должны проводиться независимо от наличия оперативной или любой другой информации. Следует законодательно закрепить возможность проведения оперативно-розыскных мероприятий для выявления первичных сведений о преступлениях и лиц, к ним

причастных. Это соответствует самой сущности оперативно-розыскной деятельности как деятельности разведывательной.

Практика борьбы со взяточничеством показывает, что не существует более эффективного способа борьбы со взяточничеством, чем задержание с поличным при поведении оперативного эксперимента.

Проблема применения оперативного эксперимента в борьбе со взяточничеством заключается в том, что законодатель допускает проведение данного оперативно-розыскного мероприятия только в целях выявления, предупреждения, раскрытия тяжких и особо тяжких преступлений, а также в целях выявления и установления лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших.

Что касается государственных учебных заведений и проведения в отношении взяточполучателя оперативного эксперимента, то здесь правовых проблем не возникает. Преступление, предусмотренное ст.290 УК РФ «Получение взятки», за исключением ч.1, относится к категории тяжких. А как быть с учебными заведениями, не имеющими статус государственного вуза? Преподаватель такого учебного заведения в случае получения незаконного денежного вознаграждения является субъектом преступления средней тяжести – коммерческого подкупа (ст.204 УК РФ). А значит, для документирования его преступных действий проведение оперативного эксперимента не допустимо.

Практика борьбы с коммерческим подкупом в сфере образования в Алтайском крае пошла по такому пути, как документирование преступной деятельности путем проведения оперативно-розыскного мероприятия «наблюдение» с использованием технических средств. С их помощью в течение определенного времени фиксируются все факты получения преподавателем денежных средств от студентов. Однако проблема заключается в реализации полученной оперативным путем видеозаписи и формировании доказательств. Дело в том, что в данной ситуации не изымается сам предмет подкупа. В связи с этим впоследствии возникают проблемы с доказыванием причастности разрабатываемого лица к получению предмета подкупа.

Задерживать с поличным субъекта коммерческого подкупа в ходе наблюдения нельзя, так как в данном случае мероприятие будет расцениваться как оперативный эксперимент. Именно такого подхода придерживаются сотрудники следственных подразделений. Наблюдение, по их мнению, предполагает пассивный характер действий. Не вдаваясь в анализ различия наблюдения и оперативного эксперимента, отметим, что такое положение дел возник-

ло в связи с отсутствием в Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности» определений понятий оперативно-розыскных мероприятий.

Данная проблема создает трудности в документировании взяточничества и коммерческого подкупа в сфере образования. Очевидно, что законодателю необходимо путем внесения дополнений в федеральный закон, регулирующий оперативно-розыскную деятельность, дать определения каждому из указанных видов мероприятий.

К разряду проблемных, на наш взгляд, можно отнести и то, что оперативные подразделения, получив информацию о лице, которое требует или получает вознаграждение, начинают выяснять, субъектом какого состава преступления является преподаватель. Полагаем в связи с этим, что прежде всего следует разобраться, является ли преподаватель государственного учебного заведения субъектом преступления, предусмотренного ст.290 УК РФ. Субъектами данной статьи являются только должностные лица, постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляющие функции представителей власти либо выполняющие организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, а также в Вооруженных силах РФ (п.1 примечания к ст.285 УК РФ). По мнению В.В.Воронина, к их числу преподавателей отнести нельзя, ибо «под организационно-распорядительными функциями понимаются такие, которые заключаются в руководстве коллективом, участком работы, служебной или производственной деятельностью других работников», что не характерно для рядовых сотрудников государственной или коммерческой систем образования.² Его позиция основывается на п.3 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2000 г. №6 «О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе», где отмечается, что «организационно-распорядительные функции включают в себя, например, руководство коллективом, расстановку и подбор кадров, организацию труда и службы подчиненных, поддержание дисциплины, применение мер поощрения и наложения дисциплинарных взысканий». В п.5 данного постановления сделан вывод о том, что «не являются субъектами получения взятки работники государственных органов и органов местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждений, исполняющие в них профессиональные или технические обязанности,

которые не относятся к организационно-распорядительным или административно-хозяйственным функциям».

Однако в последние годы правоприменительная практика сложилась таким образом, что преподаватель стал также признаваться субъектом преступного деяния, предусмотренного ст.290 УК РФ, с чем трудно согласиться.

По своему содержанию деятельность преподавателя не может служить основанием для вывода, что он обладает полномочиями представителя власти либо организационно-распорядительными функциями государственных или муниципальных служащих.

---

¹ Аتماжитов, В.М. О законодательном регулировании оперативно-розыскной деятельности : научный доклад / В.М.Аتماжитов, В.Г.Бобров. – М., 2003. – С.15-16.

² Воронин, В.В. Педагог и врач как субъекты получения взятки / В.В.Воронин // Российский следователь. – 2005. – №9. – С.19-21.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЗАКОННОСТИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ БЭП ПО БОРЬБЕ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ ДРАГОЦЕННЫХ МЕТАЛЛОВ

Торубаров О.И.

Омская академия МВД России

Российское законодательство во все времена уделяло значительное внимание правовой регламентации вопросов, связанных с оборотом драгоценных металлов. В этих целях принимались нормативные правовые акты, направленные на «пресечение утайки и подмены драгоценных металлов, с одной стороны, и на поиски полезных ископаемых – с другой»¹. Однако до настоящего времени остаются еще не решенными вопросы в правовом регулировании деятельности подразделений БЭП по борьбе с незаконным оборотом драгоценных металлов.

Актуальным вопросом является принятие Федерального закона «О вольноприносителях», который, по мнению сотрудников подразделений БЭП, является объективной необходимостью. Так, более 85% оперативных уполномоченных отметили, что если у граждан, нелегально обладающих драгоценными металлами, появится возможность возмездно сдать их государству, это будет существенно способствовать снижению криминогенной обстановки. В свою очередь, 67% респондентов полагают, что решение данной

проблемы должно осуществляться комплексно с совершенствованием всего «валютного законодательства».

Обоснование возможности и необходимости принятия указанного закона подкрепляется проведенным в УВД Иркутской области экспериментом, где в 1970-1980 гг. во взаимодействии с объединением «Лензолото» проводилась операция «Угрюм-река», мероприятия которой были направлены на добровольную сдачу гражданами противоправно добытого золота. В Республике Саха-Якутия и Магаданской области в конце 1990-х гг. были приняты нормативные акты, предусматривающие возможность лицам, обладающих незаконно добытыми драгоценными металлами, сдать их государству за наличный расчет. Результатом стали сотни килограммов сданного золота.²

Вместе с тем одностороннее принятие данного нормативного правового акта может принести только временные результаты (отметили 76% респондентов), в связи с чем необходимо внести изменения в действующее законодательство, регламентирующее вопросы привлечения к уголовной ответственности за совершение преступлений в сфере оборота драгоценных металлов, а также в правовые акты, определяющие статус субъектов оборота драгоценных металлов.

Действительно, рассматривая комплексно действующее законодательство, необходимо констатировать, что лицо, изъявившее желание сдать на возмездной основе драгоценные металлы государству, будет привлечено к уголовной ответственности согласно ст.191 Уголовного кодекса РФ, так как при конструировании данной уголовно-правовой нормы законодатель не использует «стимулирующие средства воздействия на лиц, совершивших преступления в сфере экономической деятельности»³. В связи с этим эффективность планируемого закона «О вольноприносителях», по нашему мнению, будет безмерно низкой. Данное обстоятельство требует установления специального вида освобождения от уголовной ответственности в отношении лиц, добровольно сдавших находящиеся у них драгоценные металлы и камни, относящиеся к предмету преступного посягательства согласно ст.191 УК РФ, если в его действиях не содержится иного состава преступления. Нам представляется, что установление специального вида освобождения от уголовной ответственности за совершение преступлений, предусмотренных ст.191 УК РФ, позволит восстановить социальную справедливость без осуждения виновного, нейтрализовать причиненный обществу и государству ущерб, достичь цели профилактики преступлений.

В связи с изложенным примечание к ст. 191 УК РФ может быть сконструировано следующим образом: «Лицо, совершившее преступление, предусмотренное настоящей статьей, добровольно сдавшее драгоценные металлы, природные драгоценные камни или жемчуг, добытые незаконным путем, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иной состав преступления».

Завершающим этапом в триаде изменений законодательства, носящих превентивный характер, является решение вопроса о закреплении статуса субъектов оборота драгоценных металлов. Это связано, в первую очередь, с проблемой «хищничества», то есть добычей физическими лицами драгоценных металлов без соответствующего разрешения.

Исследование показало, что «хищническая» добыча драгоценных металлов является в большинстве случаев первоначальным этапом в их нелегальном обороте, контролируемом организованными преступными группами. В связи с этим нормативное урегулирование (возвращение в правовое поле) добычи драгоценных металлов физическими лицами послужит, по нашему мнению, существенной и скорейшей декриминализации оперативной обстановки в местах добычи рассматриваемых ценностей.

Контент-анализ действующих нормативных предписаний свидетельствует, что в них имеются существенные разногласия по поводу правового положения участников рынка драгоценных металлов. Так, ч.1 ст.9 ФЗ «О недрах» допускает в качестве пользователей недр *граждан и участников простого товарищества*.⁴ Однако в положениях п.1 ст.4 Федерального закона «О драгоценных металлах и драгоценных камнях» среди субъектов добычи, производства и оборота драгоценных металлов указаны только *организации*.⁵ По нашему мнению, подкрепленному экспертными оценками сотрудников БЭП, это обстоятельство является препятствием в легальной добыче драгоценных металлов физическими лицами, а также в развитии рассматриваемой отрасли экономики, так как «легальная разработка участков месторождений «малыми формами» позволяет не только дополнительно извлечь драгоценный металл, но и получить дополнительную информацию о месторождениях»⁶.

Нам представляется, что решением данной проблемы является изменение п.1 ст.4 Федерального закона «О драгоценных металлах и драгоценных камнях» в части, касающейся предоставления всем субъектам предпринимательской деятельности (в том числе и частным предпринимателям), имеющим специальное раз-

решение (лицензию), права на добычу и производство драгоценных металлов и камней.

В связи с вышеизложенным необходимо констатировать, что в целях осуществления эффективной деятельности подразделений БЭП по борьбе с незаконным оборотом драгоценных металлов требуется комплексно изменить существующее законодательство, в части, касающейся принятия закона «О вольноприносителях», установить специальный вид освобождения от уголовной ответственности в отношении деяний, предусмотренных ст.191 УК РФ, предоставить возможности всем субъектам предпринимательской деятельности осуществлять добычу и производство драгоценных металлов и камней при наличии специального разрешения.

¹ Никонович, С.Л. Нарушение правил сдачи государству драгоценных металлов и камней (исторический аспект) / С.Л.Никонович // Вестник Московского университета МВД России. – 2006. – №2. – С.147.

² Ладный, В. В России начинается «золотая лихорадка» / В.Ладный // Комсомольская правда. – 2002. – 15 июня. – С.1.

³ Лопашенко, Н.А. Глава 22 Уголовного кодекса нуждается в совершенствовании / Н.А.Лопашенко // Государство и право. – 2000. – №12. – С.26.

⁴ О недрах : Закон РФ от 21 февраля 1992 г. №2395-1 // Российская газета. – №2. – 1995. – 15 марта.

⁵ О драгоценных металлах и драгоценных камнях : Федеральный закон от 26 марта 1998 г. №41-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – №13. – Ст.1463.

⁶ Попова, С.И. Гражданско-правовое регулирование сделок с драгоценными металлами : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / С.И.Попова. – М., 2002. – С.19-20.

К ВОПРОСУ О ХИЩЕНИЯХ СРЕДСТВ СОТОВОЙ СВЯЗИ, СОВЕРШЕННЫХ ПУТЕМ МОШЕННИЧЕСТВА

Ударцев С.Ю.

Барнаульский юридический институт
МВД России

Проблема раскрытия хищений средств сотовой связи, получающих все большее распространение, становится в последнее время для органов внутренних дел одной из самых актуальных. Доля указанных противоправных деяний по отдельным регионам России достигает 20%, а в крупных городах превышает треть от общего количества зарегистрированных преступлений. По данным органов внутренних дел Сибирского федерального округа, еже-

годный рост количества хищений средств сотовой связи за последние 3-4 года составляет 200-280%. В общем количестве таких преступлений каждое пятое совершается путем мошенничества. При этом отмечаются крайне низкие результаты раскрываемости указанных преступлений – от 25% до 35%.

Проведенными исследованиями выявлен ряд факторов, негативно влияющих на деятельность оперативных подразделений по установлению и изобличению лиц, совершающих мошенничества с целью завладения сотовыми телефонами. К таким факторам можно отнести: отсутствие материальных следов преступления; совершение мошенничества лицами, не находившимися ранее в поле зрения милиции; малые габариты сотовых телефонов, что позволяет легко скрыть их после совершения преступления; возможность быстрой реализации похищенных аппаратов. Серьезно затрудняет работу по раскрытию хищений сотовых телефонов правовая неурегулированность отношений органов внутренних дел и операторов сотовой связи в части информационного обеспечения деятельности оперативных подразделений.

Имеющийся опыт оперативно-розыскной практики позволяет выделить и сформулировать некоторые положения, которые могут являться основой для разработки мер по раскрытию хищений сотовых телефонов, совершаемых путем мошенничества.

Известно, что информационной основой деятельности по раскрытию отдельных видов преступлений является их оперативно-розыскная характеристика. Применительно к мошенничеству, связанному с хищениями сотовых телефонов, представляется важным рассмотреть способы его совершения, которые в литературе пока системно не описаны.

Наличие информации о способах мошеннических действий по завладению сотовыми телефонами способствует выявлению серийных преступлений, совершаемых одним и тем же лицом, позволяет скоординировать действия оперативных подразделений по установлению и розыску подозреваемых, ориентирует общественность и негласных сотрудников о характерных признаках преступных действий мошенников.

По смыслу действий все способы совершения мошенничеств с целью завладения сотовыми телефонами можно объединить понятием «дай позвонить».

В структуре мошеннических посягательств наиболее распространенными являются следующие способы обмана потерпевших с последующим хищением сотового телефона (изучены 193 уголовных дела):

1) преступники просят воспользоваться телефоном под предлогом возникновения срочной необходимости в вызове какой-либо экстренной службы (скорой помощи, милиции, пожарной охраны и т.д.) – 11% изученных уголовных дел;

2) под предлогом проявления заинтересованности в ранее неизвестной или новой модели сотового телефона преступники просят посмотреть телефонный аппарат потерпевшего, а после завладения им – скрываются (8%);

3) имея при себе неисправный сотовый телефон либо корпус от него, мошенник предлагает потерпевшему обменяться аппаратами (11%);

4) под предлогом срочной необходимости сделать телефонный звонок другу (подруге) мошенники завладевают телефоном и скрываются (19%);

5) мошенники обращаются к потерпевшему с просьбой воспользоваться его телефоном и позвонить, так как у них в телефоне якобы закончился заряд батареи. При этом телефон демонстрируется потерпевшему (4%);

6) преступники обращаются к потерпевшему с просьбой воспользоваться его телефоном и срочно позвонить с использованием своей SIM-карты. При этом демонстрируют ее и убеждают потерпевшего в том, что для него этот звонок будет бесплатным (11%);

7) преступник говорит, что у него был похищен сотовый телефон и просит потерпевшего показать ему свой аппарат, схожий по приметам. После завладения аппаратом якобы с целью проверки его IMEI-номера мошенник скрывается (9%);

8) группа мошенников под различными предложениями просит сотовый телефон потерпевшего, после чего передают средство сотовой связи из рук в руки, отвлекая при этом потерпевшего. После этого преступники с места происшествия скрываются, при этом каждый из них поясняет, что аппарат потерпевшего находится не у него (12%);

9) мошенник представляется сотрудником правоохранительных органов, исполняющим свои обязанности, и завладевает сотовыми телефонами под предлогом их изъятия как похищенных (3%).

Способ совершения преступления, являясь одним из главных элементов оперативно-розыскной характеристики хищений средств сотовой связи, совершенных путем мошенничества, обладает значительной информативностью, позволяющей выдвигать версии в отношении как обстоятельств совершения самого преступления, так и личностей потерпевшего и преступника.

ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ АСПЕКТ ПРОБЛЕМЫ БОРЬБЫ С КОНТРАФАКТНОЙ ПРОДУКЦИЕЙ

Черных А.А., к.ю.н.

Сибирский юридический институт
МВД России

Иванов И.А.

Сибирский юридический институт
МВД России

По нашему мнению, в настоящее время можно обозначить три наиболее проблемных направления борьбы с контрафактной продукцией:

- 1) отсутствие заявлений со стороны потерпевших;
- 2) соответствие суммы денежного выражения партии контрафактной продукции уголовно-правовой категории «крупный размер»;
- 3) покрывание нарушителей авторских прав сотрудниками правоохранительных органов.

Рассмотрим первое направление. Поскольку уголовное дело по ч.2 ст.146 УК РФ возбуждается только по заявлению потерпевшего либо его представителя, первая задача, которая встает перед сотрудником оперативного подразделения после выявления факта продажи контрафактной продукции (а обнаружение таких фактов не представляет особого труда), – поиск заявителей, то есть лиц, пострадавших от указанных противоправных действий.

Например, сотрудник оперативного подразделения «С» получает информацию о том, что некий гражданин «Х» распространяет нелегальные копии программы, разработчиком которой является фирма «Г». Однако, задержав данного преступника, «С» не сможет выдвинуть против него обоснованное обвинение по той лишь простой причине, что у него отсутствует заявление от представителя фирмы «Г». Поэтому сотруднику «С» остается действовать по двум вариантам. Вариант первый – отпустить нелегального продавца «Х» на свободу, вариант второй – самому заняться переговорами с лицами, имеющими законные права на данное программное обеспечение. Естественно, это представляет определенные трудности, связанные с затратами личного времени, а возможно, и других ресурсов (если фирма-правообладатель находится далеко, например в другом регионе или даже за границей). Здесь играют большую роль два фактора:

- 1) иногда бывает довольно сложно установить правообладателя;
- 2) у правообладателя нет желания помогать правоохранительным органам.

Таким образом, опытный сотрудник оперативного подразделения с самого начала должен задать себе один простой вопрос: «Стоит ли вообще связываться с этим делом?».

Вторую проблемную ситуацию порождает то обстоятельство, что изъятая партия контрафактной продукции должна «потянуть» на крупный размер, то есть стоимость контрафактного товара должна составлять не менее 50000 рублей (см. примечание к ст.146 УК РФ). Между тем на сегодняшний день стоимость одного контрафактного фильма составляет 350 рублей. Следовательно, для того чтобы возбудить уголовное дело в отношении лица, торгующего контрафактными DVD-дисками, необходимо изъять не менее 143 фильмов. Если кто-то начнет продавать контрафактную продукцию, имея в запасе около 100 дисков, на каждом из которых будет записано по одному фильму, ему, кроме изъятия контрафактной продукции (с целью ее последующего уничтожения – ч.3 ст.32.4 КоАП РФ) и административного штрафа, определяемого в соответствии с ч.1 ст.7.12 КоАП РФ, ничего не грозит. Необходимо уточнить, что для граждан размер штрафа составляет от 15 до 20 МРОТ, что приведет к потере от 1500 до 2000 рублей. При современном состоянии рынка такая потеря достаточно легко восполняется.

Третья проблема – наличие устойчивых связей распространителей контрафактной продукции с представителями правоохранительных структур. Понятно, что у каждого оперативного подразделения, осуществляющего борьбу с контрафактом, есть «свои» продавцы-нелегалы. Сотрудники этих подразделений, как правило, предупреждают лиц, оказывающих им конфиденциальное содействие, о времени и месте планируемых мероприятий, для того чтобы продавцы-правонарушители закрыли торговые точки и не продавали товар в указанное время. Так, в г. Красноярске довольно давно (более 5 лет) работает крупный магазин «М», который торгует контрафактной продукцией, абсолютно не скрывая незаконного характера своих действий. Представитель магазина «М» открыто говорит по телефону о том, что он может представить все необходимые бумаги для отчетности перед участковым и другими «маленькими ментами», случайно «залетевшими в магазин» с целью узнать, законно ли производится продажа. При проверке предъявляются реальные накладные и счета-фактуры. Однако оптовому покупателю откровенно заявляют о том, что если эти диски будут изъяты при продаже, их ему никто не вернет, но его и не посадят (возможно лишение свободы на срок до 2-х лет), так как он сможет всю вину свалить на эту фирму.

Популярным местом для покупки и продажи контрафактной продукции является радиорынок г. Красноярск, более известный как «барахолка за цирком». На радиорынке работают представители разных правоохранительных органов (МВД, ФСБ, ФТС и др.). Что касается органов внутренних дел, то там можно встретить сотрудников подразделений БЭП (Свердловского РУВД, УВД г. Красноярск, ГУВД Красноярского края), отдела «К» ГУВД Красноярского края и иных структур. Тем не менее там продавалась, продается и, скорее всего, еще долго будет продаваться контрафактная продукция, поскольку, если закрыть радиорынок, сотрудникам оперативных подразделений будет гораздо труднее «делать показатели», по которым у нас до сих пор оценивают работу правоохранительных структур.

На наш взгляд, существует несколько объяснений описанных выше типичных ситуаций. Основная из них заключается в дороговизне программного обеспечения. Школы, вузы и другие государственные учреждения, большинство частных организаций не в состоянии даже приобретать и обновлять компьютерную технику, которая устаревает за 2-3 года. В таких условиях тратить немалые деньги на лицензионное программное обеспечение никому даже в голову не приходит.

Еще одной проблемой борьбы с пиратской продукцией является стремление некоторых создателей программ к полнейшей монополии. Так, фирма 1С, занимающаяся разработкой программного обеспечения, в частности для бухгалтеров, фактически монополизировала все данное направление. Связано это с тем, что законодательство изменяется очень быстро, а бухгалтеру необходимы постоянные обновления. Поэтому простейшим вариантом является покупка 1С бухгалтерии за 240, 480 или 960 долларов США, в зависимости от объема работы бухгалтера. При этом он получит программное обеспечение с якобы бесплатным обновлением. Обновление 1С действительно выдается бесплатно. Однако, чтобы его установить, необходимо разбираться в компьютере выше среднего пользователя, что среди бухгалтеров – большая редкость. Но если бухгалтер не может сам установить обновление, то существуют фирмы, представители которых придут и за 300-600 рублей все сделают. Однако через некоторое время все опять устареет. Например, ежеквартальные формы отчетности в налоговую инспекцию практически всегда разные. Спрашивается, что является причиной такой серьезной нестабильности? Создается впечатление, что законы специально пишутся под программу. Однако при желании можно найти человека, который установит программу 1С

рублей за 500 и обновит ее рублей за 100. Представителям 1С это, безусловно, не нравится, и они с помощью сотрудников БЭП или отдела «К» занимаются выявлением и устранением конкурентов.

Часто некоторые предприниматели, имея капитал, направляют его в развитие программного обеспечения, быстро захватывают какой-то сегмент рынка (как это сделали фирмы 1С, Гарант, КонсультантПлюс, Грандсмета и др.). Они широко рекламируют свои товары и услуги, а потом с помощью силовых структур решают проблему контрафактного распространения своей продукции.

Таким образом, получается, что с контрафактной продукцией и борются и не борются одновременно. С одной стороны, если убрать весь контрафакт, мы вернемся к уровню прошлого века. С другой – Россия пытается доказать мировому сообществу, что мы цивилизованная страна и у нас с авторскими правами все нормально. Так, в 2006 году уголовных дел по нарушению авторских прав заведено больше, чем за все предыдущие годы вместе взятые. Много это или мало? Чтобы понять ответ на этот вопрос нужно сначала ответить на другой: много ли в России пользователей и организаций, у которых стоит **только** лицензионное программное обеспечение?

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ОПЕРАТИВНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ СТРУКТУР КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НЕЗАКОННОЙ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Ефремов А.М., д.ю.н., профессор
Восточно-Сибирский институт МВД
России

Кунижев А.Х.
Восточно-Сибирский институт МВД
России

Организация оперативного обслуживания объектов экономики на уровне, отвечающем современным требованиям, – одна из наиболее сложных проблем. Особую актуальность данная проблема приобрела сейчас, когда социально-экономические преобразования, радикальные изменения, происходящие в обществе, требуют теоретического осмысления и последующей корректировки. На наш

взгляд, одним из основных вопросов, затрагивающих проблему оперативного обслуживания, является степень допустимости использования правоохранительными органами комплекса оперативных мероприятий на объектах сферы предпринимательской деятельности, но без признаков совершаемых там противоправных деяний.

Неадекватность возникающей ситуации заключается в том, что имевшие место в последнее время изменения в правовом регулировании ОРД как на законодательном, так и на ведомственном уровнях в соответствии с провозглашенными демократическими принципами содержат систему гарантийных мер, предусматривающих защиту законных интересов физических и юридических лиц от произвольного вмешательства органов правопорядка. Однако следует отметить, что функция оперативного обслуживания в течение длительного времени являлась и продолжает оставаться ведущим направлением в работе оперативных подразделений ОВД, осуществляющих борьбу с экономическими и налоговыми преступлениями, позволяющим решать вопросы предупреждения и раскрытия преступлений.

Формированию теоретической базы оперативного обслуживания отраслей и объектов экономики посвятили свои труды многие видные ученые-юристы, однако единая позиция по рассматриваемой проблеме не выработана до настоящего времени. Поэтому мы считаем необходимым проанализировать некоторые исторические аспекты появления категории оперативного обслуживания в практике ОВД, различные толкования данного понятия ведущими правоведами в области ОРД.

Можно утверждать, что до того как в юридической науке сформировалось обобщающее понятие «оперативное обслуживание», специальные мероприятия ОВД, направленные на выявление различных нарушений закона, имели близкие ему по смыслу определения. В качестве аргумента в поддержку сформулированной выше точки зрения могут служить, на наш взгляд, следующие положения.

С учетом конкретных исторических условий 16 марта 1937 г. приказом НКВД СССР в составе Главного управления рабоче-крестьянской милиции (ГУРКМ) был образован Отдел по борьбе с хищениями социалистической собственности и спекуляцией (ОБХСС).

В Положении об отделе БХСС указывалось, что задачей этой службы является обеспечение борьбы с расхищением социалистической собственности и спекуляцией. Анализ основных функций подразделений БХСС в этот период указывает на стремление рационально использовать потенциал оперативной службы путем:

– обеспечения осведомительной работы по выявлению, предупреждению и раскрытию преступлений;

– использования в расследовании дел о хищениях и спекуляции, оперативных данных подразделений БХСС и органов государственной безопасности;

– оперативного руководства комендантами системы «Заготзерно».

Вполне очевидно, что здесь раскрывается одно из направлений осуществления оперативного обслуживания в современном его понимании.

В 1947 г. МВД СССР реорганизовало отдел в Управление БХСС Главного управления милиции. Положением об Управлении БХСС более четко были определены задачи и функции службы, расширены направления оперативного воздействия на различные объекты народного хозяйства, что положило началом организации деятельности подразделений БХСС по линейно-отраслевому принципу. Таким образом, мы наблюдаем динамику развития нового этапа в порядке осуществления оперативного обслуживания как самостоятельного направления в деятельности БХСС.

Становление самого оперативного обслуживания хозяйственных объектов было обусловлено стремлением наиболее эффективно использовать имеющиеся силы и средства оперативных служб в борьбе с преступностью. Это предусматривало разработку подробных планов профилактических мероприятий, ведение оперативно-справочных дел по отраслям хозяйства (конкретным объектам) и т.д. В целом следует признать, что в условиях единой формы собственности, жесткой системы управления экономическими и политическими процессами в стране, отрицания равноправности категории личного и общественного такой подход был достаточно эффективен и получил широкое распространение.

Научная разработка проблемы оперативного обслуживания как самостоятельного направления в деятельности подразделений БХСС была начата в 1968 г. Б.Е.Богдановым, который первым попытался дать определение понятия «оперативное обслуживание», раскрыть его сущность, выработать методические основы его осуществления. Оперативное обслуживание предлагалось рассматривать как «систему осуществляемых аппаратами БХСС органов внутренних дел мер по изучению состояния сохранности социалистической собственности на объектах (отраслях народного хозяйства), наблюдению (слежению) за ними с целью своевременного реагирования на негативные изменения оперативной обстановки, выявлению и устранению причин преступлений и способствующих

им условий, предупреждению, пресечению, обнаружению и обеспечению раскрытия хищений государственного или общественно-го имущества и иных злоупотреблений»¹.

Развитие и совершенствование методов научного познания в теории ОРД предопределило появление различных точек зрения на эту специфическую функцию оперативных подразделений.

Сопоставление различных точек зрения на определение понятия «оперативное обслуживание» позволяет сделать вывод о том, что, несмотря на единодушное признание самостоятельности этой функции, провести четкую грань между мероприятиями, включенными в ее содержание, и оперативно-розыскными действиями практически невозможно. Смешение же этих двух категорий в новых социально-экономических условиях чревато серьезными последствиями и недопустимо. Кроме того, если защита государственного имущества от преступных посягательств составляла основу рассматриваемого понятия, то применительно к предпринимательским структурам такая деятельность проводится только с разрешения владельца собственности. Следовательно, ни о каком оперативном обслуживании (в общепринятом смысле) здесь речи идти не должно.

В условиях самостоятельности субъектов предпринимательской деятельности, свободы их объединения в межотраслевые хозяйственные связи нужен гибкий подход в определении принципов оперативного обслуживания. По нашему мнению, наиболее продуктивными являются территориально-отраслевой и разведывательно-поисковый принципы обслуживания предпринимательских структур.

Обобщая опыт функционирования подразделений, обслуживающих предпринимательские структуры, можно констатировать, что они имеют реальную возможность руководствоваться территориально-линейным принципом. В данном случае функцию предупреждения и раскрытия незаконной предпринимательской деятельности организационно целесообразно строить в рамках административного района действия оперативного подразделения, но внутривидовое закрепление этой функции осуществлять между сотрудниками с учетом отраслевой однотипности объектов, чтобы обеспечить специализацию и эффективность ее исполнения. Подобный принцип организации работы будет иметь доминирующее значение для тех объектов, которые осуществляют свои функции на базе коллективной собственности. Следует отметить, что применение территориально-отраслевого принципа позволяет обеспечить оперативное обслуживание предпринимательских

структур не только своими силами, но и с привлечением возможностей других служб ОВД и оперативных подразделений других ведомств.

Разведывательно-поисковый принцип организации работы более приемлем для объектов хозяйствования, основанных на частной или смешанной формах собственности, а также для выявления потенциальных субъектов незаконной предпринимательской деятельности.

Правильное комплексное применение разведывательно-поискового принципа позволяет восполнить пробелы при использовании территориально-отраслевого принципа организации оперативного обслуживания и надлежащего выполнения функциональных обязанностей сотрудниками подразделений по борьбе с незаконной предпринимательской деятельностью.

---

¹ Богданов, Б.Е. Основы организации оперативного обслуживания аппаратами БХСС объектов и отраслей народного хозяйства / Б.Е.Богданов. – М., 1979. – С.70.

ХАРАКТЕРИСТИКА СБЫТЧИКОВ НАРКОТИКОВ И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СЛЕДОВАТЕЛЯ И ОПЕРАТИВНЫХ РАБОТНИКОВ

Ковалев В.Н.

Омская академия МВД России

Лица, совершающие преступления в сфере незаконного оборота наркотиков, чаще всего подразделяются на: 1) организаторов преступной деятельности; 2) изготовителей; 3) перевозчиков; 4) сбытчиков; 5) содержателей притонов; 6) потребителей.¹ Применительно к предмету данной статьи наибольший интерес представляет рассмотрение цепочки «организатор незаконного сбыта – сбытчик наркотических средств и психотропных веществ».

По данным Европейского союза, в мире ежегодно происходит реализация наркотических средств на сумму от 400 до 500 млрд. долларов, что составляет примерно одну десятую часть от объема мировой торговли. При этом непосредственные производители получают лишь 2-5% от прибыли наркорынка. Значительная же часть доходов от распространения наркотиков находится в руках посредников и крупных сбытчиков.²

Результаты проведенного нами изучения архивных уголовных дел позволяют прийти к выводу о том, что членами организованных преступных групп совершается 19,4% преступлений в сфере незаконного сбыта наркотиков.³

Обслуживание операций, связанных со сбытом наркотических средств и психотропных веществ, требует от сбытчиков устойчивой организации, распределения ролей и иных элементов, присущих организованным преступным группам. Типичной структурой организованных преступных групп является классическая схема мафиозной пирамиды.⁴ Высшие посты в организации занимают так называемые наркобароны. Как правило, это 4-6 человек, не имеющих непосредственного контакта со сбываемым наркотиком. Задача «верхнего» эшелона состоит в организации незаконного сбыта, отмывании полученных от указанного сбыта денежных средств.

Промежуточным звеном является категория лиц, призванных решать текущие вопросы: сбор выручки от реализованного «товара», выполнение разовых поручений лиц из числа высшего эшелона группы, рекрутирование новых членов и пр.

Основным, по функциональному признаку, звеном группы выступают «местные» (региональные) оптовики, организующие и контролируемые незаконный сбыт наркотиков на локальной территории. По данным проведенного нами изучения архивных уголовных дел, среди указанной категории лиц отсутствуют женщины (доля мужчин – 100%), большая часть имеют высшее или неоконченное высшее образование (57%), причем половина (50%) имеют высшее юридическое образование. Практически все члены организованных преступных групп проживали в региональном центре (87,5%). В брачных отношениях состояли 62,5% членов групп, три четверти имели на иждивении несовершеннолетних детей (75%). Ранее судимы были лишь 12,5% лиц рассматриваемой категории. Почти никто из членов преступных групп не работал (доля официально работающих составляет лишь 12,5%, как правило, это рядовые члены организованной преступной группы). Интересно, что ни один из организаторов преступных групп не занимал бесконфликтную позицию по отношению к следствию. Противодействие осуществлялось вплоть до вынесения приговора.

Самый низший слой – розничные торговцы, входящие в структуру группировки, а также лица, находящиеся за ее пределами (рядовые наркоманы, незаконно сбывающие наркотики с целью получения денежных средств и последующего приобретения очередной дозы). Лица из числа данной подгруппы, как правило, задерживаются сотрудниками органов внутренних дел.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что указанная группа сбытчиков наркотических средств и психотропных веществ характеризуется преобладанием лиц, имеющих, как правило, высшее (иногда юридическое) образование. Данная категория лиц знакома с условиями жизнедеятельности регионального центра, внешне законопослушна, однако имеет четкую направленность на оказание противодействия следователю.

В силу сказанного требуется качественная оперативная разработка, что предопределяет взаимодействие следователя и оперативных подразделений ОВД с использованием письменных поручений о производстве оперативно-розыскных мероприятий, обменом информацией о планах, намерениях и действиях фигурантов. Актуально задействование сотрудников оперативных подразделений в рамках оперативно-тактических комбинаций, что обуславливает дачу следователем поручений о производстве отдельных следственных действий (одновременных обысков и пр.).

По данным изучения архивных уголовных дел, основными сбытчиками наркотических средств и психотропных веществ являются мужчины (83,3% дел). Однако, несмотря на относительно низкий уровень женщин в общем количестве сбытчиков (16,7% дел), исследователи проблемы незаконного распространения наркотиков в России справедливо отмечают тенденцию повышения доли женщин-потребителей наркотиков.⁵ Как следствие, можно прогнозировать увеличение количества женщин-сбытчиков наркотических средств и психотропных веществ.

Основная группа сбытчиков состоит из лиц в возрасте 26-35 лет (61,2%), доля лиц в возрасте от 36 до 40 лет и от 21 до 25 лет составляет соответственно 16,5% и 16,7%. Показательно, что в ходе изучения архивных уголовных дел нами не установлено ни одного сбытчика в возрасте старше 46 лет. Доля несовершеннолетних и лиц до 20 лет составляет 2,8%. Настораживает тот факт, что в круг сбытчиков стали входить сотрудники правоохранительных органов.⁶

Наши данные несколько расходятся с результатами, полученными другими учеными. Так, по мнению С.А.Роганова, доля несовершеннолетних составляет 0,72% (в нашем случае – 2,8%)⁷. Думается, что эта разница может свидетельствовать о тенденции омолаживания личности сбытчика, ведь сбыт наркотиков все чаще перемещается в места проведения досуга молодежи: дискотеки, парки и т.п. Использование несовершеннолетних в этой ситуации позволяет крупному сбытчику решить ряд вопросов, связанных с установлением доверительных отношений с потребителем одной возрастной группы, привлечением к уголовной ответственности.

Таким образом, взаимодействие следователя и оперативных подразделений осуществляется в процессе расследования в отношении незаконного сбыта, совершаемого, как правило, лицами от 26 до 37 лет, реже – в возрасте от 21 до 25 лет либо от 36 до 40 лет. С учетом данного обстоятельства могут быть конкретизированы следственные либо оперативно-розыскные версии в рамках согласованного планирования, определяться задачи (в том числе по установлению лица, совершившего незаконный сбыт наркотиков), решение которых возможно посредством дачи поручения о производстве оперативно-розыскного мероприятия.

¹ См., напр.: Безруких, Е.С. Расследование преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков : научно-практическое пособие / Е.С.Безруких, В.М.Мешков. – Калининград, 2003. – С.38.

² См.: Верещагин, В.А. Наркотизация населения на территории Российской Федерации : монография / В.А.Верещагин. – М., 2005. – С.103.

³ Увеличение масштабов наркотизации населения отдельные авторы связывают с деятельностью именно организованных преступных групп (см., напр.: Зуев, А. Противодействие незаконному обороту наркотиков в Москве / А.Зуев // Законность. – 2004. – №9. – С.43).

⁴ См.: Верещагин, В.А. Указ. соч. – С.103-104.

⁵ См.: Наркомания и незаконный оборот наркотиков: вопросы теории и практики противодействия : учебное пособие / Ю.М.Ермаков [и др.]. – М., 2005. – С.7.

⁶ По данным А.Зуева, только за неполный год с момента создания управления Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков по г. Москве в процессе сбыта были задержаны 44 сотрудника органов внутренних дел и других подразделений (см.: Зуев, А. Указ. соч. – С.44).

⁷ См.: Роганов, С.А. Личность преступника и потерпевшего по делам о преступлениях в сфере незаконного оборота синтетических наркотических средств / С.А.Роганов // Закон и право. – 2003. – №4. – С.8.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПОВЫШЕНИЯ РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕЖРАЙОННЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ РУФСКН РОССИИ ПО КРАСНОЯРСКОМУ КРАЮ

Килин А.З.

РУФСКН России по Красноярскому
краю

В соответствии с Положением о Федеральной службе Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков (далее – ФСКН России), утвержденным Указом Президента РФ от 28 июля 2004 г. №976, непосредственно для оперативного обслуживания

городов и районов Красноярского края созданы 11 межрайонных отделов (далее – МРО), входящих в структуру регионального управления ФСКН России по Красноярскому краю (далее – РУФСН).

За три года работы межрайонными отделами РУФСН России по Красноярскому краю были выявлены 3022 наркопреступления (в том числе 796 – в 2004 г., 1083 – в 2005г., 1143 – в 2006 г.), что составило 41,6% от общего количества зарегистрированных по региональному управлению. Из незаконного оборота изъяты 1410 кг наркотических средств, в том числе 35 кг героина, 251 кг наркотиков опийной группы, 85,8 кг гашиша, более 1000 кг марихуаны.

Вместе с тем анализ оперативной обстановки, складывающейся практики выявления наркопреступлений свидетельствует об объективной необходимости активизации оперативно-розыскной деятельности МРО. Она обусловлена в первую очередь следующими аспектами:

- высокой степенью наркотизации населения (заболеваемость наркоманией в Красноярском крае на 30% выше, чем в среднем по Российской Федерации);

- значительным уровнем наркопреступности в регионе (Красноярский край занимает 8 место по России по количеству зарегистрированных наркопреступлений в расчете на 100 тысяч населения);

- стремлением организованных преступных структур (с учетом миграционных процессов) на постоянной основе организовать поставку и реализацию крупных партий тяжелых наркотиков в крае с последующей легализацией наркодоходов. По сведениям оперативно-розыскного характера, на территории обслуживания МРО действуют более 30 наркогруппировок, ежегодно изобличаются в совершении преступлений от 3-5;

- повышением уровня криминальной конспирации поставок тяжелых наркотиков, в том числе транзитом, контрабандным путем;

- использованием местной сырьевой наркобазы (существующей на юге Красноярского края, в республиках Тыва и Хакасия) для производства наркотических средств растительного происхождения.

Мы полагаем, что повышение результативности оперативно-розыскной деятельности МРО может быть достигнута путем принятия таких комплексных межведомственных оперативно-розыскных мер, как разработка и реализация «Единого оперативного замысла по выявлению и перекрытию каналов поставки наркотиков в Красноярский край», а также путем проведения обще-

российских, региональных оперативно-профилактических операций «МАК», «СЕВЕР», Блок-пост «САЯНЫ», «ТРАССА», «КАНАЛ» и ряд других.

При этом с учетом повышения координирующей функции МРО необходимо идти по пути повышения взаимодействия с другими правоохранительными органами (ОВД, ОВДТ, ФСБ, ФСИН, таможни) на основе действующих при межрайонных отделах межведомственных рабочих групп.

При проведении общероссийской оперативно-профилактической операции «МАК» межрайонным отделам необходимо больше уделять внимания проведению оперативно-розыскных мероприятий по пресечению фактов незаконного оборота наркотиков каннабисной группы среди учащихся, безработной молодежи в сельской местности, небольших городах, склонных к употреблению так называемой «манаги», содержащей гашишное масло, а также проводить оперативную работу по выявлению взрослых лиц, вовлекающих несовершеннолетних в ее потребление.

Наряду с этим при проведении операции «МАК» межрайонным отделам необходимо (при взаимодействии с линейным отделом оперативной службы РУФСКН) в большей степени сосредоточить усилия на: пресечении устойчивых каналов поставки в Красноярский край наркотиков опийной группы, гашиша, марихуаны из других регионов, в первую очередь из среднеазиатских стран, Ставропольского, Краснодарского краев; выявлении фактов незаконного культивирования наркосодержащих растений.

С учетом того, что на Норильском направлении лишь в 2006 г. были изъяты более 13 кг героина (по экспертным оценкам, в год потребляется от 70 до 100 кг), на наш взгляд, необходимо существенно повысить качество проведения ежегодной комплексной оперативно-профилактической операции «СЕВЕР», в том числе с объединением усилий как оперативной службы РУФСКН, Норильского МРО, так и тех межрайонных отделов, на территории которых формируется наркотрафик для переправки героина в Норильский промышленный район, с отслеживанием фактов оборота наркоденыг.

Кроме того, необходимо существенно повысить уровень оперативно-розыскного взаимодействия с СИЗО, ИК с дислокацией в г. Норильске, где длительное время содержатся арестованные и осужденные крупные наркосбытчики. Также на этом направлении требуется координация оперативно-розыскной работы по условно-досрочному освобождению наркосбытчиков, не вставших на путь исправления.

Представляется, что существенная роль в пресечении фактов транзитных поставок наркотиков на Тувинско-Ойском направлении должна отводиться ежегодно проводимой на территории Минусинского, Ермаковского, Шушенского районов оперативно-профилактической операции блок-пост «САЯНЫ», с задействованием сил и средств сопредельных подразделений ФСКН России, а также проведению на постоянной основе комплекса оперативно-розыскных, оперативно-технических мероприятий (с созданием при Минусинском МРО группы ОТиПС, кинологической группы) на стационарном посту ГИБДД «Ойский», находящемся на границе с Республикой Тыва.

Необходимо усилить взаимодействие с оперсоставом СИЗО, тюрьмой г. Минусинска, где длительное время содержатся наркоперевозчики, задерживаемые на Тувинско-Ойском направлении.

По нашему мнению, большую роль в проведении оперативно-розыскных мероприятий по вскрытию транзитных, в том числе межрегиональных поставок тяжелых наркотиков должны играть те МРО, через территорию обслуживания которых (Ачинский, Канский межрегиональные отделы) проходят федеральные автотрассы, железная дорога, а также территория которых граничит с территорией других субъектов РФ.

Строительство (в основном вахтовым методом) Богучанской ГЭС, других крупных промышленных объектов в Приангарье требует усилить оперативно-розыскное взаимодействие с теми МРО, откуда идет приток рабочей силы, в том числе, безусловно, и наркозависимых.

Мы полагаем, что результативность оперативно-розыскной деятельности МРО можно повысить за счет создания при каждом крупном межрайонном подразделении групп (отделений) оперативно-технических мероприятий, а также путем использования компьютерных технологий в выявлении наркопреступлений на базе существующей системы АИПС «Розыск-магистраль», банка данных миграционной службы, регионального автоматизированного банка данных оперативно-розыскной информации по линии НОН, формирующегося в том числе и на основе сведений, поступающих из МРО.

Наряду с комплексным подходом к совершенствованию оперативно-розыскной деятельности межрайонных отделов требует решения и ряд проблемных вопросов по проведению отдельных оперативно-розыскных мероприятий.

В частности, согласно действующей ведомственной нормативной базе начальники МРО лишены права подписи постановле-

ний на проведение «проверочной закупки». С учетом этого считаем целесообразным внести изменение в ныне действующее Положение о Федеральной службе Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков в части, касающейся придания МРО статуса самостоятельных органов наркоконтроля, руководители которых могли бы разрешать проведение оперативно-розыскных мероприятий, требующих ведомственного санкционирования.

Мы считаем, что существенному повышению результативности ОРМ со стороны межрайонных отделов могли бы способствовать более качественная подготовка и проведение такого оперативно-розыскного мероприятия, как «контролируемая поставка», в большей степени с задействованием в ней лиц, оказывающих содействие органам наркоконтроля на конфиденциальной основе.

В заключение необходимо подчеркнуть: мы попытались тезисно и далеко не в полном объеме обозначить пути решения некоторых проблемных вопросов повышения результативности оперативно-розыскной деятельности межрайонных отделов РУФСКН России по Красноярскому краю.

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО ЭТАПА РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ КОРЫСТНО-НАСИЛЬСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И ЗАДАЧИ ЕГО ОПЕРАТИВНО- РОЗЫСКНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

Букреев А.А.

Восточно-Сибирский институт МВД
России

Анализ практики расследования преступной деятельности лиц, совершающих корыстно-насильственные преступления, показывает, что успешное достижение задач уголовного судопроизводства возможно только при объединении усилий следователей и оперативных подразделений ОВД еще на «дальних подступах» к этой деятельности. Взаимодействие следователя и оперативных работников должно осуществляться не только по отдельным выявленным фактам совершения корыстно-насильственных преступлений, но и для совместной оптимальной реализации материалов оперативной разработки.

Основными задачами ОВД на первоначальном этапе раскрытия и расследования корыстно-насильственных преступлений яв-

ляются: интенсивный поиск; творческая (с точки зрения розыска) оценка обнаруженных и закреплённых доказательств; активное обнаружение источников розыскной информации (свидетелей, потерпевших, иных лиц, располагающих информацией о преступном событии и т.п.); получение от них нужных сведений и их использование с учетом возможных действий преступников, направленных на сокрытие преступления и оказание противодействия ОВД.

Действия оперативных работников и следователей на этом этапе характеризуются максимальной оперативностью, что в ряде случаев связано с массированным применением сил и средств оперативных и неоперативных служб и подразделений, неотложностью оперативно-розыскной работы.

Одним из приоритетных направлений в решении этой проблемы является создание системы быстрого реагирования служб и подразделений ОВД на сообщения о преступлениях.

Предварительная оперативная готовность к раскрытию корыстно-насильственных преступлений достигается путем осуществления комплекса организационных мер, направленных на своевременное введение в действие необходимых сил и средств, квалифицированного проведения оперативно-розыскных мероприятий, поисковых мероприятий и следственных действий по установлению лиц, причастных к их совершению.

Изучение практики раскрытия и расследования рассматриваемых преступлений позволяет определить систему типичных мероприятий организационного характера, к числу которых необходимо отнести следующие:

1) обеспечение своевременного поступления сообщения о совершенном корыстно-насильственном преступлении в дежурную часть ОВД и принятие незамедлительных мер по реагированию на него;

2) проведение оперативно-поисковых мероприятий и неотложных следственных действий;

3) криминалистическое обеспечение проведения оперативно-розыскных мероприятий на первоначальном этапе раскрытия и расследования корыстно-насильственных преступлений;

4) функционирование системы взаимодействия органов следствия и дознания при расследовании рассматриваемых преступлений;

5) совершенствование оперативно-розыскных, криминалистических и иных видов учетов ОВД. Важным источником оперативно-розыскной информации о лицах, причастных к совершению корыстно-насильственных преступлений, являются оперативно-справочные, розыскные и криминалистические учеты. В информа-

ционно-аналитическом центре МВД-ГУВД (УВД) могут быть установлены лица, поставленные на учет за совершение корыстно-насильственных преступлений, аналогичные преступления с характерными способами совершения и т.д.

В целом же можно констатировать:

– эффективность оперативно-розыскного обеспечения раскрытия и расследования корыстно-насильственных преступлений в значительной мере может быть обеспечена организацией предварительной оперативной готовности ОВД к реагированию на сообщения о совершенных преступлениях, наступательным и качественным проведением неотложных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий;

– технико-криминалистическое обеспечение неотложных мер реагирования на преступные события имеет своей основной целью обнаружение и фиксацию материальных и иных следов преступления, оно способно «материализовать» результаты деятельности оперативных работников, следователей, специалистов-криминалистов на начальном этапе раскрытия рассматриваемых преступлений, трансформируя многообразную информацию, связанную с событием преступления, в доказательства;

– при оперативно-розыском обеспечении первоначального этапа раскрытия и расследования корыстно-насильственных преступлений перед оперативными подразделениями ОВД уже должна ставиться задача – в любой оперативно-розыскной ситуации искать признаки организованной преступной деятельности, определять ее масштабы, участников, изучать их связи.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДИАГНОСТИРОВАНИЯ ЛЖИ И СКРЫВАЕМЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ В ХОДЕ ПОЛУЧЕНИЯ ОПЕРАТИВНО-ЗНАЧИМОЙ ИНФОРМАЦИИ

Соколова Е.Н., к.психол.н., доцент
Сибирский юридический институт
МВД России

Развитие общественного устройства государства определяется одной из обязательных функций, направленных на защиту его граждан и их благосостояния, независимо от происходящих кардинальных изменений, борьбу с преступностью. Изучение вер-

бальных и невербальных особенностей общения с преступной личностью дает возможность значительно ускорить процесс раскрытия преступлений. Знание сотрудниками правоохранительных органов приемов психологической диагностики лжи и неискренности в поведении человека является важной предпосылкой успешной деятельности по раскрытию и расследованию преступлений. Преступная личность, задержанная в качестве подозреваемого или обвиняемого, часто с целью ухода от уголовной ответственности или снижения степени своей вины в противоправном деянии умышленно использует различные способы лжи, пытаясь ввести органы дознания и следствия в заблуждение.

Исследования показывают, что извращение обстоятельств совершения преступного деяния достигается с помощью следующих приемов:

– умолчание, сокрытие, исключение из сообщения отдельных элементов описываемого события, собственных действий и действий иных действующих лиц;

– дополнение описания вымышленными деталями или элементами, при помощи которых событию придается нужный характер и окраска;

– перестановка и смещение в описании отдельных фрагментов события по их месту, времени, последовательности, взаимосвязи и т.п.;

– замена отдельных элементов события иными, вымышленными обстоятельствами и деталями.¹

Можно выделить отдельные приемы диагностирования лжи и скрываемых обстоятельств на основе анализа вербальных (речевых) высказываний лиц, совершивших преступление, которые основываются на оценке правдивых и лживых высказываний посредством выделения определенных критериев или признаков:

– при анализе **речевой характеристики высказываний** правдивые высказывания, как правило, формулируются собственными словами, отражая реальный кругозор человека, его жизненный опыт и образование. Лживые речевые конструкции с целью придания им большей значимости изобилуют сложной терминологией (медицинской, правовой и т.д.), а также указывают на применение словарного запаса, не свойственного данному человеку в соответствии с его квалификацией, образованием и жизненным опытом;

– при исследовании **уникальности высказываний** правдивые суждения всегда индивидуализированы и носят уникальный характер. В них больше деталей, событий и конкретных участвующих лиц. Лживые же высказывания более схематичны, стерео-

типны, лишены частностей, деталей, конкретных действующих лиц. Часто по поводу таких высказываний может возникнуть предположение о том, что Вы их уже когда-то и где-то слышали;

– при учете **эмоциональной насыщенности и убедительности высказываний** правдивые высказывания всегда сопровождаются сильными эмоциями и убедительностью речи человека. Он говорит правду, его трудно сбить с толку, заставить отказаться от своих слов, изменить точку зрения. Лживые речевые конструкции сопровождаются меньшими эмоциями. Иногда эмоции носят инсценированный характер. Можно подозревать, что эмоции и переживания искусственны и умышленно демонстрируются человеком;

– при определении **ролевой позиции говорящего** в правдивых высказываниях проявляется истинная личная позиция человека, его убежденность. Он говорит от своего имени, не занимая не свойственной ему социальной роли (сотрудника органов власти, врача, учителя и др.) В лживых речевых конструкциях чаще проявляется позиция стороннего наблюдателя («так обычно делают», «так говорят», «таким образом надо поступать» и т.п.) Кроме того, возможно занятие позиции, выгодной для говорящего («борца за справедливость», «критика социальных недостатков» и др.)

Человек в силу различных причин (недостатка жизненного опыта, образования и др.) может заблуждаться неосознанно, и поэтому при очевидной ложности высказываний нельзя всегда делать вывод об умышленном искажении информации. Неосознанное заблуждение связано с особенностями познавательных психических процессов, а именно с трудностями восприятия, переработки, запоминания и воспроизведения информации о том или ином событии. В связи с этим обстоятельством человек может произвольно объединять несвязываемые факты, преувеличивать или сокращать длительность события, добавлять несвойственные событию факты, отождествлять несходные объекты и т.д.

В связи с этим необходимо обращать внимание на проявление невербальных реакций человека в процессе получения оперативно значимой информации при проведении необходимых оперативно-розыскных мероприятий. Часто можно наблюдать противоречия между высказываниями человека, с одной стороны, и телодвижениями, позами, мимикой и жестами – с другой. Невербальный «язык» часто «с головой» выдает человека, говорящего неправду. Более того, в психологии в результате наблюдений за невербальным поведением человека выделены так называемые «жесты неискренности»²:

- защита рта рукой (рука прикрывает рот, большой палец прижат к щеке);
- прикосновение к носу (легкое прикосновение к ямочке под носом или одно быстрое, почти неуловимое прикосновение к носу);
- потирание века;
- оттягивание воротника рубашки;
- частое приглаживание волос;
- легкая, снисходительная улыбка, сопровождающая ложное высказывание;
- «бегающий взгляд» (человек с трудом «держит» взгляд собеседника, отводит глаза в сторону);
- нервозность в поведении (периодическая прочистка голоса; покашливание; частое курение сигареты; ерзание на стуле; постукивание по столу; потирание ладоней; произвольное изменение интонации, темпа и тембра речи; появление дрожи в голосе; паузы при ответах на вопросы; слишком быстрые ответы на вопросы и т.п.);
- прищуривание, сужение глаз при ответах на вопросы;
- микронапряжение лицевых мышц, когда в момент ложного высказывания по лицу как бы пробегает тень;
- вегетативные реакции (покраснение лица; подергивание губ; учащение дыхания; расширение зрачков; сужение зрачков; повышенное потоотделение; тремор кистей, рук, ног).

Невербальное поведение человека, скрывающего какие-либо обстоятельства или обманывающего других людей, может проявляться в его действиях и поступках (избегание встреч с конкретными людьми, нежелание или желание посещать определенные места и т.п.).

Таким образом, в ходе получения оперативно значимой информации от различных лиц следует учитывать различные стороны вербальных и невербальных проявлений человека при сокрытии отдельных обстоятельств и фактов, не только опираясь на знания житейской психологии, но и применяя теоретико-прикладные аспекты данной проблематики.

---

¹ См. Ратинов, А.Р. Феноменология лжи. Судебно-психологический взгляд / А.Р.Ратинов // Юридическая психология : сборник научных трудов. – М., 1998. – С.103-104.

² Напр.: Пиз, А. Язык телодвижений. Как читать мысли других людей по их жестам : пер. с англ. / А.Пиз. – М., 1992.

Секция
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ
ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Сообщения и выступления

ТАКТИЧЕСКИЕ ОПЕРАЦИИ
В МЕТОДИКЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ:
ПОНЯТИЕ И КЛАССИФИКАЦИЯ

Корноухов В.Е., д.ю.н., профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации
Сибирский юридический институт
МВД России

1. Типовая методика по расследованию преступлений есть система тактических задач и операций, определяемая противоречивым отношением между исходными ситуациями и предметом доказывания, направленная на формирование системы доказательств.

2. Задачи по расследованию преступлений можно классифицировать по различным основаниям. Так, по цели следует выделять задачи, присущие следственной деятельности, и задачи, направленные на доказывание. При этом последние связаны как с установлением правовых целей расследования, так и промежуточных фактов, которые можно назвать системными, потому что они в своей совокупности направлены на формирование системы доказательств по уголовному делу.

3. Задачи могут быть классифицированы на типовые и реальные. Первые из них входят в содержание методик по расследованию преступлений, а вторые возникают при расследовании конкретного преступления, что и определяет разные способы действия следователя.

4. Типовая тактическая операция – это многовариантная, многоуровневая система следственных действий, оперативно-розыскных мероприятий и иных мер, как адаптированных к условиям деятельности, так и обладающих разной разрешающей познавательной способностью в извлечении сведений из следов преступления, направленных на решение системных задач расследования преступлений.

5. Тактические операции криминалистами классифицируются по различным основаниям. Но поскольку операции порождаются задачами расследования, постольку они, как и задачи, подразделяются на типовые и реальные.

6. Типовые тактические операции разрабатываются применительно к расследованию того или иного преступления, вида преступлений, группы (категории) преступлений и появляются в результате обобщения следственной практики. Реальные же тактические операции можно подразделить на атипичные и эвристические.

7. Атипичные тактические операции возникают в результате того, что расследование по конкретному уголовному делу в той или иной мере отличается от типовой методики, что ставит проблему разработки рекомендаций по адаптации типовой тактической операции к конкретным условиям деятельности. Эвристический же способ решения задачи определяется возникновением проблемных ситуаций, что уже требует разработки иной процедуры решения.

ПРОБЛЕМЫ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЛИЧНОСТИ, СОВЕРШЕННЫХ С ПРИМЕНЕНИЕМ ОРУЖИЯ, ПОРАЖАЮЩЕГО ИЗЛУЧЕНИЕМ

Ворошилов С.Я.

Институт Эниологии Международной академии энергоинформационных наук

Необходимость рассмотрения преступлений с применением оружия, поражающего излучением, вызвана принятием аб.7 п. 1 ст.6 Закона РФ от 26 июля 2001 г. №103-ФЗ «Об оружии» и Закона РФ от 30 марта 1999 г. №52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» (в ред. Федерального закона от 30 декабря 2001 г. №196-ФЗ) и составлением на его основе СанПиН 2.2.4/2.1.8055-96, СанПиН 2.2.4/2.1.8.582-96, СанПиН 2.1.2.1002-00, СН 2.2.4/2.1.8.583-96, (ОСПОРБ-99) СП 2.6.1.799-99, (НРБ-99) СП 2.6.1.758-99.

Закон РФ «Об оружии» (аб.7 п.1 ст.6) запрещает на территории Российской Федерации оборот оружия и иных предметов, поражающее действие которых основано на использовании электромагнитного, светового, теплового, инфразвукового или ультразвукового излучений и которые имеют выходные параметры, превы-

шающие величины, установленные государственными стандартами Российской Федерации и соответствующими нормами Федерального органа исполнительной власти в области здравоохранения, в том числе произведенных за пределами территории Российской Федерации. Закон РФ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения», Санитарные правила и нормы, Санитарные нормы также ограничивают применение указанных видов оружия.

Оружие, поражающее излучением, – это устройства и предметы, конструктивно предназначенные для поражения живой или иной цели электромагнитным, световым, тепловым, инфразвуковым, ультразвуковым, радиоактивным или другим видом излучения.

Рассматриваемый вид оружия поступил на вооружение многих стран и успешно применяется в военных целях при проведении специальных операций. Совершенно новые поражающие свойства этого оружия позволяют его применять скрытно на расстоянии в не слышимых и не видимых человеком диапазонах частот и длин волн, что обеспечивает полную внезапность нападения, а также позволяет поражать человека сквозь стену здания или другую преграду. Направленное воздействие на человека электромагнитными полями или акустическими (инфразвуковыми, ультразвуковыми) волнами вызывает изменения поведения и мыслительной деятельности, реакций на события и ситуации, нарушения в работе функциональных систем организма и изменения в клетках тканей, что приводит к последующему неизбежному летальному исходу.

В настоящее время созданы изделия, позволяющие контролировать человеческий материал с помощью специальных технических устройств военного назначения (излучателей, запрещенных к обороту) несмертельного вида действия.

Под излучателем несмертельного вида действия, предназначенным для причинения вреда, понимается запрещенное к обороту техническое устройство, преобразующее один вид энергии в определенный вид излучения несмертельного вида действия.

Необходимо провести отличие всех бытовых приборов-излучателей от излучателей, предназначенных для причинения вреда. Все бытовые приборы-излучатели по своим параметрам должны соответствовать санитарным правилам и нормам, санитарным нормам, поэтому об этом делается отметка в паспорте на изделие. Параметры излучателей, предназначенных для причинения вреда, всегда превышают санитарные правила и нормы, санитарные нормы.

Важным достоинством излучателей, запрещенных к обороту, в частности сверхвысокочастотных (СВЧ), крайне высокочастот-

ных (КВЧ) или инфразвуковых, ультразвуковых, является возможность оказывать скрытое влияние на человека в виде управления его психофизическим состоянием и воздействия на механизм принятия решений, поэтому в настоящее время появилась идеальная возможность делать людей безоговорочно покорными, слепо выполняющими чужой приказ.

По своему воздействию на живые организмы облучение магнитными полями равносильно радиоактивному облучению. Кирпичные стены, бетонные перекрытия, дерево – эти и другие материалы и конструкции могут быть прозрачными для электромагнитных и акустических излучений определенной частоты, длины волны и мощности. Электромагнитные и акустические (инфразвуковые, ультразвуковые) излучатели, особенно запрещенные к обороту, представляют повышенную опасность для жизни и здоровья человека. Об этом подробно изложено в научной литературе и на сайте в интернете «Психотронное оружие». Также это подтверждается в Законе РФ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» и составленных на его основе Санитарных норм и Санитарных правилах и нормах.

Выдающийся физик Владимир Владимирович Поспеев, бывший Генеральный директор засекреченного оборонного предприятия, утверждает, что ориентировочно с 1980 г. излучатели, запрещенные к обороту, производились серийно и быстро распространились по всей территории бывшего СССР. В настоящее время они применяются на территории Российской Федерации в виде поражающего излучением оружия. Располагают указанным выше оружием и несколько научных центров-разработчиков.

Приведенные сведения подтверждаются в книгах И.В.Винокурова и Г.К.Гуртового «Психотронная война от мифов к реалиям» (М., 1994), Павла Одинцова «Все мы зомби. Преступные эксперименты. Закончатся ли они?» (СПб., 2003), Н.И.Анисимова «Психотронная голгофа» (М., 1999), В.М.Кандыба «Тайны психотронного оружия» (СПб, 1998), В.Ф.Прокофьева «Тайное оружие информационной войны: атака на подсознание» (М., 2003) и многих других изданиях.

Академик А.В.Фокин, академик В.М.Кандыба, академик В.В.Поспеев, профессор В.А.Седлецкий, кандидат физико-математических наук Г.К.Гуртовой, физиолог И.В.Винокуров и многие другие ученые выступили против применения оружия поражающего излучением для причинения вреда и для уничтожения человека.

Оружие, поражающее излучением, может применяться и в качестве оружия массового поражения, об этом подробно написано в научной литературе.

Специалисты утверждают, что в настоящее время различные приборы и установки, поражающие психику и организм человека электромагнитным и акустическим излучениями, делаются абсолютно бесконтрольно.

Учитывая, что данный вид преступления уже реальность, целесообразно разработать методику расследования умышленных убийств и умышленного причинения вреда здоровью, где в качестве орудия преступления применяется оружие, поражающее излучением.

КОММЕНТАРИЙ К ПРАКТИКЕ РАССЛЕДОВАНИЯ И СУДЕБНОГО РАССМОТРЕНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ ОБ УБИЙСТВАХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ОГНЯ

Драпезо Р.Г.

Кемеровский государственный университет

Робакидзе А.М.

Кемеровский государственный университет

Безуглов М.В., к.ю.н., доцент

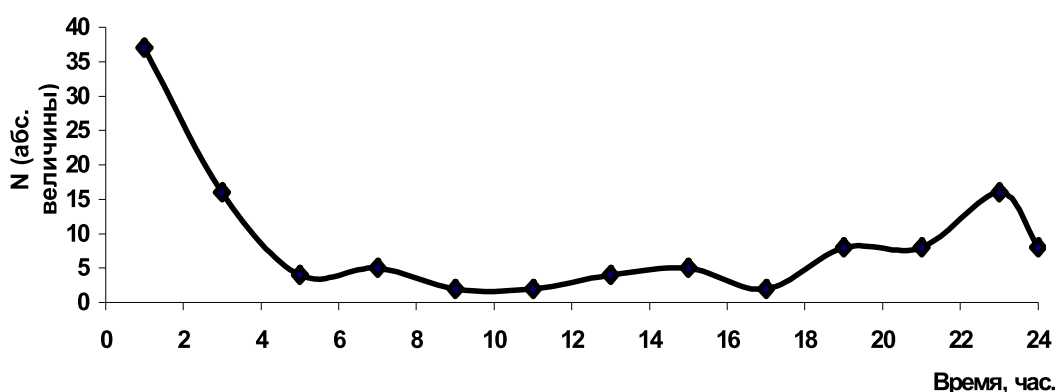
Кемеровский государственный университет

При изучении уголовных дел, связанных с убийствами, в том числе и убийствами при помощи огня, обычно констатируются качественные характеристики, выражающиеся в относительных (процентных) величинах. Л.Г.Видонов, Л.А.Соя-Серко, Н.А.Селиванов, В.Ю.Толстолицкий предложили более детальный системный анализ изучения элементов указанных убийств. Используя методологию указанных авторов, а также идеи И.С. Ноя¹ и детальный математический анализ, мы изучили 141 уголовное дело об убийствах с использованием огня, рассмотренных судом г. Кемерово. Первичный статистический анализ показал, что подобные особо тяжкие преступления совершаются преимущественно лицами мужского пола, на их долю пришлось 93,6% от общего количества рассмотренных дел.

На долю женщин приходится 6,4% от 141 изученного дела, при этом 8 из 9 женщин оказались ранее судимыми. Подобное положение дел подтверждает мнение В.А.Геодакяна², в соответствии с которым у женщин отмечается более высокая генетическая предрасположенность к различного рода действиям, в том числе и уголовным правонарушениям. Другими словами, эти женщины, когда они совершали свои первые преступления, уже имели деликты на биологическом и психофизиологическом уровнях. В соответствии с идеями Г.А.Аванесова³, именно таких лиц в раннем возрасте необходимо вычленять из группы других подростков с целью эффективного проведения комплексных профилактических мероприятий.

Тем не менее приводимые нами статистические выкладки не вступают в противоречия с рабочей гипотезой профессора И.С.Ноя о том, что преступление может совершаться только тогда, когда возникает «попадание» криминогенных внешних условий в определенную личность, достаточно подготовленную социобиологически для преступной реакции. Но для того, чтобы такая «стыковка» произошла, очевидно, требуется совпадение комплекса разнообразных специфических особенностей среды и личности. Возможно, именно такие комбинации определяют и конкретных преступников, и конкретные разновидности преступлений.

Предлагаем рассмотреть, согласно идее И.С.Ноя, комбинацию разнообразных компонентов: социально-биологических, уголовно-правовых, криминологических и т.п.

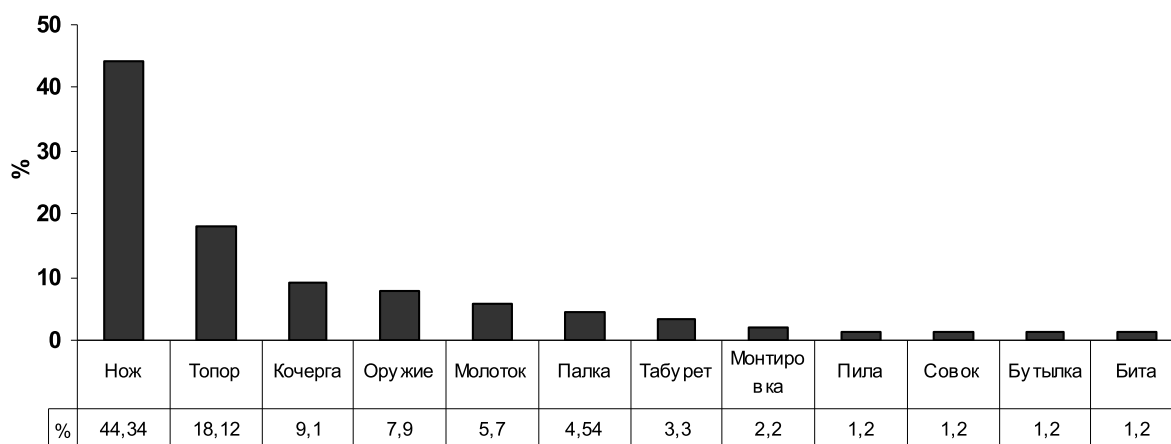
Временной диапазон, час.	0-4	6-8	13-15	19-23
Частота встречаемости, кол-во преступлений	61*	5	9	32*

* – диапазоны максимальной встречаемости изучаемой группы преступлений

Рис. 1. График распределения встречаемости убийств с использованием огня в течение суток

На рис. 1 приведен график частного распределения встречаемости убийств с использованием огня во временном диапазоне 24 ч. На графике можно видеть, что максимальные пики преимущественно приходятся на два диапазона: с 0 до 4 ч и с 19 до 23 ч. В современной криминологической литературе отсутствует объяснение по поводу указанных временных диапазонов. Одной из возможных гипотез является высказанное Н.Н.Китаевым предположение о функциональной зависимости между частотой убийств и биологическими циркадными ритмами преступников.

На рис. 2 приведено частотное распределение встречаемости сопутствующих, кроме огня, видов орудий. Первые три места распределились следующим образом: нож – топор – кочерга. Кроме того, в 50% изученных уголовных дел фигурирует еще одно дополнительное орудие – удавка. Последняя либо была заранее приготовлена преступником, либо приспособлена на месте преступления из подручных предметов (велосипедная камера, ремень, металлическая проволока, полотенце и др.). Пока непонятен криминологический и криминалистический смысл применения удавки, тем не менее у западных психологов по этому поводу существует нетрадиционное объяснение: ученые-психологи усматривают взаимосвязь между обстоятельствами, сопровождающими роды, и последующими наклонностями, комплексами, и даже возможными способами совершения преступлений, если соответствующие индивиды встают на преступный путь.

Рис. 2. Частотное распределение сопутствующих видов орудия

Частота встречаемости причин использования огня в процессе совершения преступлений приведена на рис. 3. Чаще всего преступниками движут либо такие мотивы, как ссора, корысть и

мечь, либо желание скрыть подлинный мотив и обстоятельства совершения преступления. Кроме того, наблюдается математиче-

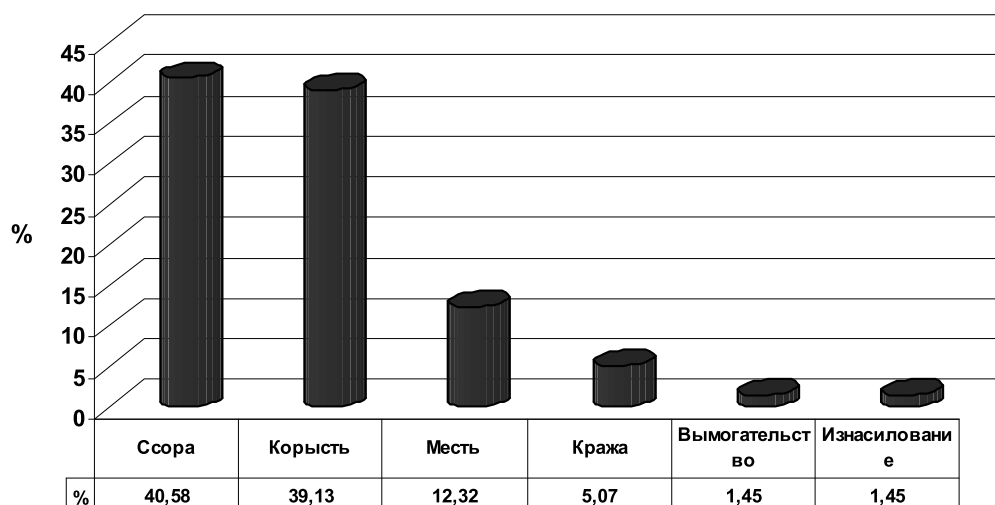

Рис. 3. Частота встречаемости мотивов убийств с использованием огня

ское разделение возраста преступников на несколько возрастных групп. Первый диапазон приходится на возраст 17-27 лет, второй – на 27-34 и третий – на 36-50 лет. Исходя из возрастной модели, наблюдается появление нового криминологического профиля личности преступников, использующих огонь в качестве сокрытия следов других преступлений, что требует дополнительных исследований.

¹ Ной, И.С. Методологические проблемы советской криминологии / И.С.Ной. – Саратов, 1975. – С.107.

² Геодакян, В.А. Эволюционные хромосомы и эволюционный половой диморфизм / В.А.Геодакян // Известия РАН. Серия «Биология». – 2000. – №2. – С.133-148.

³ Аванесов, Г.А. Теория и методология криминологического прогнозирования / Г.А.Аванесов. – М., 1972.

СПЕЦИФИКА ОРГАНИЗАЦИИ РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ УМЫШЛЕННЫХ УБИЙСТВ, СВЯЗАННЫХ С БЕЗ ВЕСТИ ПРОПАВШИМИ ГРАЖДАНАМИ

Жданов А.Ю.

Сибирский юридический институт
МВД России

Результаты борьбы с тяжкими преступлениями против личности продолжают оставаться неадекватными масштабам распространения криминального насилия. Все большую актуальность приобретает работа по раскрытию убийств, связанных с безвестным исчезновением граждан.

На протяжении десятилетий в деятельности правоохранительных органов негласно существовала негативная практика принятия процессуального решения по факту без вести пропавшего гражданина в виде отказа в возбуждении уголовного дела, которую можно охарактеризовать следующим постулатом: «нет трупа – нет преступления, нет убийства».

Данная ситуация претерпела существенные изменения, но, к сожалению, не в связи с инициативой самих правоприменителей, а, скорее, вынужденно – с «внезапно» грянувшей «криминальной революцией» в России. Умышленные убийства, захват заложников, похищения людей с целью выкупа стали частым и чуть ли не обыденным явлением нашей жизни.

На сегодняшний день темпы роста насильственных преступлений против личности несколько снизились. Так, за девять месяцев 2006 г. были зарегистрированы 19 165 преступлений, связанных с убийством и покушением на убийство, из них раскрыты 15 700, раскрываемость составила 84,1%. Однако в целом неплохие показатели омрачаются тем фактом, что остались нераскрытыми 2 967 убийств, то есть около 3 000 убийц до сих пор не установлены.

Известно, что одним из распространенных способов сокрытия преступником убийства являются действия, связанные с уничтожением трупа потерпевшего или с затруднением его быстрого обнаружения, установления личности.

Ежегодно в Российской Федерации без вести пропадают свыше 20 тысяч граждан. Поскольку подобная тенденция наблюдается по всей России, Генеральной прокуратурой РФ и МВД РФ даны совместные указания от 20 ноября 1998 г. №83/36 «О совершенствовании деятельности по раскрытию убийств, связанных с

безвестным исчезновением граждан, и розыску лиц, пропавших без вести».

Однако сложившаяся практика реагирования органов внутренних дел на сигналы о безвестном исчезновении людей продолжает существенно отличаться от работы по раскрытию умышленных убийств. Зачастую при рассмотрении заявлений о розыске граждан и принятии процессуальных решений территориальные органы внутренних дел допускают серьезные просчеты, связанные с несвоевременным возбуждением по таким материалам уголовных дел, а внезапность и беспричинность исчезновения не рассматриваются как признаки преступления.

Целесообразно обозначить ряд признаков, дающих основание полагать, что разыскиваемый стал жертвой преступления:

- отсутствие данных о намерении человека уехать и причин для сокрытия от близких своего отъезда, ухода из дома на длительное время, смены жилища;
- отсутствие заболевания, которое может обусловить скоропостижную смерть, потерю памяти, ориентирования во времени и пространстве;
- наличие по месту жительства или работы пропавшего личных документов, вещей (одежды) и денежных средств, без которых он не может обойтись в случае длительного отсутствия;
- наличие у пропавшего денежных средств или других ценностей, которые могли привлечь внимание преступников;
- наличие длительных или острых конфликтов в семье;
- безвестное отсутствие малолетнего или несовершеннолетнего лица;
- наличие преступных связей, угроз в адрес исчезнувшего лица, противоречивые объяснения и нелогичное поведение тех, кто контактировал с ним перед исчезновением;
- наличие в жилище, салоне автомашины, рабочем помещении или ином месте следов, свидетельствующих о возможном совершении преступления;
- наличие объяснений опрошенных лиц, указывающих на возможное совершение преступления;
- не сообщение об исчезновении человека в правоохранительные органы лицами, которые в силу родственных или иных отношений должны были это сделать, беспричинно запоздалое или несвоевременное заявление;
- исчезновение с автотранспортом;
- исчезновение, связанное с отторжением собственности (в том числе недвижимой), обменом жилой площади;

– исчезновение сотрудников правоохранительных органов.

Отсутствие свыше 15 дней сведений о судьбе или местонахождении пропавшего лица и наличие одного из вышеперечисленных признаков являются основанием для возбуждения уголовного дела. При этом для обоснованного выдвижения версии об убийстве необходимо обязательно учитывать совокупность признаков, логически связанных между собой, и исходить из презумпции, что исчезнувшее лицо стало жертвой преступления, поскольку его местонахождение в ходе первоначальных оперативно-розыскных мероприятий не было установлено.

В заключение следует отметить, что успех борьбы с данным видом преступлений в целом зависит от эффективности и своевременности принимаемых следственных действий и оперативно-розыскных мер. Если поиски лица, пропавшего без вести, оказываются безрезультатными и имеются какие-либо признаки, характерные для убийства, необходимо возбудить уголовное дело и приступить к расследованию, несмотря на отсутствие трупа.

СЛЕДСТВЕННЫЕ СИТУАЦИИ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО ЭТАПА РАССЛЕДОВАНИЯ РАЗБОЕВ

Дроздов А.В.

Академия МВД Республики Беларусь

Первоначальный этап расследования разбоев представляет работу с ограниченным объемом информации, обусловленной спецификой данного вида преступлений, когда имеет место минимальное отображение материальных и идеальных следов как на месте происшествия, так и в памяти потерпевших и свидетелей. В связи с этим представляется актуальным осуществлять расследование разбоев на первоначальном этапе, основываясь на типичных исходных следственных ситуациях.

Для правильного определения складывающейся первоначальной следственной ситуации с учетом оценки исходной информации необходимо сгруппировать эту информацию в блоки, отражающие содержание следственной ситуации.

В криминалистической литературе к определению содержания следственной ситуации существуют различные подходы. Так, одни авторы (В.К.Гавло, Н.А.Селиванов) определяют следственную ситуацию через сочетание различного рода компонентов преступного деяния и связи между ними, другие (Л.Я.Драпкин) опре-

деляют следственную ситуацию через информационную модель, третья группа ученых (Р.С.Белкин, И.Ф.Герасимов, Г.В.Федоров) представляют следственную ситуацию как совокупность условий и обстоятельств, характеризующих процесс расследования.

В первом подходе ситуация рассматривается вне процесса расследования. Во втором отражается лишь представление следователя об элементах преступления и о процессе расследования. В третьем выражается внутреннее содержание процесса расследования.

По нашему мнению, третий подход является наиболее правильным. В данном случае следственная ситуация представляет собой «совокупность условий и стечение обстоятельств, которые складываются на конкретный момент расследования преступления»¹.

В криминалистической литературе существуют различные подходы и к содержанию следственной ситуации.

Согласно одной точке зрения (И.Ф.Герасимов, В.К.Гавло) в содержание следственной ситуации включаются: обстоятельства преступления, известные в данный момент; имеющиеся по делу доказательства; информация, имеющая тактическое и организационное значение; следственные действия и другие мероприятия, намеченные и уже выполненные; запланированные, но еще не выполненные следственные и другие действия; возможности, которыми следователь располагает; возможности, которые еще не использовались (резервы); время, имеющееся в распоряжении следователя; данные о поведении лиц, заинтересованных в исходе дела; оценка всех перечисленных факторов и в конечном счете определение характера ситуации и др. Этот подход вызывает возражения, так как обладает рядом недостатков, в частности «оценка, на наш взгляд, представляет собой мыслительную операцию (гносеологическую категорию). Например, коренное изменение плана расследования вряд ли тот час приведет к изменению следственной ситуации, ибо фактическое положение вещей, реальная обстановка расследования останутся прежними. Ситуация изменится лишь в том случае, если, действуя в соответствии с измененным планом, следователь добудет новые доказательства. Значит, факторы, предполагающие оценку, не могут быть включены в содержание следственной ситуации»².

Представители другой точки зрения (В.А.Образцов, В.Г.Танасевич) относят следователя к элементам следственной ситуации и полагают, что его действие и мышление находятся в центре всех трансформирующихся одна в одну следственных ситуаций. Это также подвергается критике Н.А.Бурнашевым, утверждающим, что ситуация в той же мере испытывает воздействие со стороны иных

участников процесса (подозреваемого, обвиняемого, свидетеля, потерпевшего и т.д.), однако это не дает оснований для включения их в качестве компонентов в следственную ситуацию.

В представленных подходах в содержание включены не-обобщенные элементы, «засоряющие» содержание следственных ситуаций и затрудняющие оценку следователями исходной информации, поэтому считаем, что целесообразно подразделять содержание следственной ситуации на четыре блока: «психологического, информационного, процессуального и тактического; материального и организационно-технического характера»³.

Относительно следственных ситуаций первоначального этапа расследования разбоев в криминалистической литературе различными авторами (А.Я.Эрекаев, И.В.Куртынов, И.И.Клименко, Н.В.Рачева и др.) представлен общий подход, заключающийся, как правило, в информации о преступном деянии и лице, его совершившем. Указанные авторы делят все ситуации первоначального этапа расследования следующим образом: 1) имеются полные данные о преступном событии и лице, его совершившем, в связи с его задержанием на месте происшествия или сразу же после нападения; 2) следствие располагает полными данными о преступлении и лице, его совершившем, однако субъект преступления скрылся; 3) в распоряжении следствия имеются полные данные о преступлении и недостаточные, крайне общие сведения о вероятном преступнике; 4) имеются неполные данные о преступлении и отсутствуют сведения о лице, его совершившем.

Полагаем, что вышеуказанная информация не в полной мере раскрывает следственную ситуацию. В связи с этим мы предлагаем следующие типичные ситуации первоначального этапа расследования разбоев.

1. Информация о преступлении поступает в момент его совершения либо непосредственно после него; существует возможность мобильного маневрирования силами и средствами ОВД; выявлены материальные и идеальные следы, имеются следы насилия и они соответствуют квалификации разбоя; отсутствует конфликтная ситуация, так как лицо, совершившее преступление, скрылось.

2. Информация о преступлении поступает в ОВД через длительное время после его совершения; имеются следы насилия, что подтверждено заключением эксперта; имеются отрывочные сведения об обстоятельствах преступления и лицах, его совершивших.

3. Лицо, совершившее разбой, задержано, у него обнаружены орудия преступления, похищенные предметы; имеются в доста-

точном количестве материальные и идеальные следы; проходящие по делу лица изолированы друг от друга; расследование происходит в конфликтной ситуации.

¹ Федоров, Г.В. Криминалистические свойства противодействия преступности : монография / Г.В.Федоров. – Мн., 2007. – С.116.

² Бурнашев, Н.А. О понятии и классификации следственных ситуаций / Н.А.Бурнашев // Проблемы криминалистики : сборник научных статей / науч. ред. Г.Н.Мухин. – Мн., 2005. – С.193.

³ Белкин, Р.С. Курс криминалистики : учебное пособие для вузов / Р.С.Белкин. – 3-е изд., доп. – М., 2001. – С.631.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ВЗАИМОСВЯЗИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В РЕЦИДИВЕ КАК ОДНОГО ИЗ СРЕДСТВ ПОИСКА ЛИЦ, СОВЕРШИВШИХ ГРАБЕЖИ И РАЗБОЙНЫЕ НАПАДЕНИЯ В УСЛОВИЯХ НЕОЧЕВИДНОСТИ

Космодемьянская Е.Е., к.ю.н., доцент
Сибирский юридический институт
МВД России

Смольникова О.В.
ГУВД Красноярского края

Как известно, наиболее сложными с точки зрения процесса расследования и раскрытия преступления являются ситуации, характеризующиеся отсутствием информации о лице, совершившем преступление, то есть так называемые неочевидные преступления. В данных случаях деятельность следователя направлена на установление лиц, их совершивших. Как правило, в действия по установлению личности преступника включаются: направление ориентировок в другие ОВД; анализ оперативной обстановки; направление запросов в информационные центры управлений внутренних дел. Представляется, что при расследовании грабежей и разбойных нападений общая структура тактической задачи «Поиск преступника» должна состоять из следующих частных систем: поиск преступника по горячим следам преступления – первый уровень; определение исходной совокупности проверяемых лиц – второй уровень; ограничение круга проверяемых лиц – третий уровень.

Мероприятия по раскрытию преступления по горячим следам начинаются сразу, как только становится известно о его соверше-

нии, и в большинстве случаев носят непроцессуальный оперативно-розыскной характер.

По сути, поиск лица, совершившего преступление, начинается уже в процессе осмотра места происшествия, введения в поисковые мероприятия заградительных систем «Рубеж», «Перехват-Центр», однако не всегда цель – установление лица, совершившего преступление, – достигается в результате проведения тактической операции «Поиск по горячим следам». Нередко для ее достижения требуется дополнительный набор следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, которые могут входить в тактические операции «Определение круга проверяемых лиц» и «Ограничение круга проверяемых лиц». Данная посылка обусловлена следственной практикой, анализ которой показывает, что нередко вначале определяется круг лиц, которые могли быть причастны к совершению преступления, а затем проводится их проверка.

Поскольку большинство преступлений совершаются лицами, как правило, ранее судимыми, при поиске неизвестного преступника необходимо это учитывать. В данном случае речь идет о рецидиве преступлений как одном из средств определения круга поиска преступника.

Между тем на практике в целях поиска преступника используются сведения о специальном рецидиве, однако не используются данные о взаимосвязи и частоте встречаемости преступлений в общем рецидиве, в то время как эти зависимости могут быть использованы для определения круга проверяемых лиц.

С целью установления того, какие связи имеют место в общем и специальном рецидиве грабежей и разбойных нападений, ранее нами было проведено экспериментальное исследование на основе массива преступлений, зарегистрированных в ИЦ ГУВД КК до 1996 г. включительно, с помощью программы для ПЭВМ, которая позволяет решать следующие задачи: 1) подсчет частоты встречаемости преступлений, составляющих общий рецидив (в процентном выражении); 2) на этой основе анализ связей видов преступлений в рецидиве.

Так, наибольший средний процент среди преступлений, наиболее часто встречающихся перед грабежом (ст.161 УК РФ), составили кражи (ст.158 УК РФ) – 35,6%; чуть меньше показатель у хулиганств (ст.213 УК РФ) – 15%; специальный рецидив (ст.161 УК РФ) составил всего 12,9%, несмотря на существующие на практике рекомендации о проверке на причастность к совершению определенного вида преступления лиц, ранее совершавших аналогичные противоправные деяния; средний процент разбойных на-

падений (ст.162 УК РФ) составил 3,2%; умышленного причинения тяжкого вреда здоровью (ст.111 УК РФ) – 2,5%.

Анализ частоты встречаемости преступлений, совершенных после грабежа, показал, что наибольший средний процент в этом случае дают также кражи (ст.158 УК РФ) – 29,6%; хулиганства (ст.213 УК РФ) – 9,9%; специальный рецидив (ст.161 УК РФ) составил всего 8,5%; разбойные нападения (ст.162 УК РФ) – 3%; умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (ст.111 УК РФ) – 2,3%. Такой же анализ последовательностей в совершении преступлений в случае, когда за основу взято преступление, предусмотренное ст.162 УК РФ, показал, что после него в среднем в 26,4% случаев совершаются кражи (ст.158 УК РФ); в 9,5% случаев – хулиганства (ст.213 УК РФ); в 6% случаев – грабежи (ст.161 УК РФ); в 5,3% случаев имеет место специальный рецидив (ст.162 УК РФ) и в 2,9% случаев – умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (ст.111 УК РФ).

Анализ полученных данных позволил сделать вывод о том, что наиболее часто перед и после совершения грабежей и разбойных нападений совершаются кражи и хулиганства. Следовательно, лиц, совершивших указанные преступления в условиях неочевидности, следует искать не среди тех, кто ранее привлекался к уголовной ответственности за грабеж или разбой, а среди тех, кто совершал тайные хищения чужого имущества или хулиганства (максимальный процент частоты встречаемости в рецидиве).

Поскольку эти данные отражают статистику прошлых лет, а подобные отношения динамичны и должны систематически отслеживаться, нами было проведено новое исследование на основе массива преступлений, зарегистрированных ИЦ ГУВД КК в период с 1996 г. по 2005 г. включительно, которое показало следующее.

Максимальный процент встречаемости после грабежа дают: кражи – 93,2%, незаконный оборот наркотических средств – 13,8%, хулиганство – 11,2%, разбойные нападения – 10,6%, после разбойного нападения: кражи – 64,7%, грабежи – 26%, убийства – 13,6%, незаконное хранение огнестрельного оружия – 10,9%, незаконный оборот наркотических средств – 9,7%.

Как видим, максимальный процент встречаемости в общем рецидиве как грабежей, так и разбойных нападений дают кражи чужого имущества (ст.158 УК РФ), примерно одинаковый процент встречаемости преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств (13,8% – при грабеже, 9,7% – при разбойном нападении). В то же время при совершении разбойного нападения 26% в общем рецидиве приходится на грабежи, 13,6% на

убийства, 10,9% – на хранение огнестрельного оружия, чего нет, например, при грабежах. Таким образом, структура рецидива неоднородна.

Исходя из полученных результатов можно сделать следующее предположение: если совершен грабеж или разбойное нападение и преступник не установлен, то первоначально его следует искать среди тех лиц, которые совершили преступления, где процент рецидива наиболее высокий.

В частности, при определении круга поиска преступника при совершении грабежа в условиях неочевидности в первую очередь проверке следует подвергать лиц, осужденных за кражи, незаконный оборот наркотических средств, хулиганства, разбойные нападения.

При совершении разбойного нападения в условиях неочевидности поиск преступника в первую очередь следует вести среди лиц, ранее судимых за кражи, грабежи, убийства, незаконное хранение огнестрельного оружия, незаконный оборот наркотических средств.

НЕКОТОРЫЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И ИНФОРМАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ РАЗРЕШЕНИЯ КОНФЛИКТНЫХ СИТУАЦИЙ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Вахмянина Н.Б.

Уральский юридический институт
МВД России

Борьба с общественно опасными деяниями несовершеннолетних является одним из важных направлений в процессе минимизации преступности. Распространенность преступлений среди лиц данной категории и их качественная характеристика вызывают в настоящее время особое беспокойство и заставляют правоохранительные органы активизировать свою деятельность в направлениях предупреждения преступлений, совершенных несовершеннолетними, их расследования и изобличения виновных лиц.

В своей деятельности следователь постоянно находится в состоянии межличностных и межгрупповых отношений с другими участниками расследования преступлений, и именно поэтому он должен знать не только психологическую и информационную природу возникновения конфликтов, но и типовые тактические приемы их разрешения, профессионально адаптируя их к конкретным

ситуациям, возникающим по уголовным делам о преступлениях, совершенных несовершеннолетними.

Осознавая необходимость в разработке методов преодоления противодействия предварительному расследованию, многие ученые криминалисты активно изучают проблемы возникновения криминального противодействия, лежащей в его основе конфликтной ситуации и разрабатывают методы их разрешения.

Правильное предварительное диагностирование уровня конфликтности и степени контактности лиц, с которыми следователю предстоит вступить во взаимодействие, во многом предопределяет возможность успешного разрешения конфликтной ситуации и преодоление противодействия конфликтующего субъекта (субъектов), но и во многих случаях предотвращает негативное воздействие факторов тактического риска, следовательно, способствует наиболее полному, всестороннему и объективному исследованию всех выясняемых обстоятельств. Однако прогнозирование возможной конфликтности или бесконфликтности расследования по делам несовершеннолетних зачастую усложняется из-за большого числа субъектов предполагаемого межличностного взаимодействия. При расследовании преступлений, совершенных несовершеннолетними, которые чаще всего носят групповой характер, следователю оказывается противодействие не только со стороны виновного лица, но и со стороны других участников процесса, заинтересованных в том, чтобы оно избежало наказания (родственники, друзья и т.д.), в результате чего возникают двусторонние и многосторонние конфликтные ситуации. Расследование значительной части рассматриваемой группы преступлений протекает в сложных условиях противоречивости интересов, мотивов и целей (сторон) уголовного судопроизводства. Возникающая здесь обстановка интеллектуального, психологического и практического соперничества (конфликта) усугубляется отсутствием у следователя достаточной информации о планах, намерениях, поступках тактических противников.¹

Многие ученые в различных областях наук (психологии, управлении, педагогике, юриспруденции) и других сферах деятельности в основном исследуют процессы возникновения, развития и преодоления конфликтной ситуации, конфликта и противодействия, имея в виду, что субъектами конфликтного взаимодействия являются взрослые люди с устойчивой психологией и определенной социальной направленностью. Конфликтное поведение несовершеннолетних крайне редко исследуется в научных работах, рассматривающих указанные проблемы.

Уже физиологическое состояние организма несовершеннолетнего придает ему особый статус, он еще не взрослый, но уже и не ребенок, а психологические факторы развития лиц данной возрастной категории обуславливают специфику возникновения и развития конфликтных ситуаций, форм и методов противодействия предварительному расследованию. Поэтому подготовка к проведению следственных действий является важнейшим средством повышения эффективности расследования преступлений несовершеннолетних, которое позволит спрогнозировать возможное возникновение конфликта и разработать меры предупреждения, а в случаях необходимости и преодоления противодействия.

Первоначальным и самым важным этапом процесса подготовки к проведению следственных действий является изучение личности несовершеннолетнего преступника с целью установления контакта с ним в ходе межличностного общения. На данном этапе у следователя возникает проблема дефицита информации, помноженная на дефицит времени. Необъективность предоставляемых стороной защиты характеристик, целью которых является «отбелить» в глазах суда несовершеннолетнего преступника, усугубляет положение следователя. Одним из вариантов решения этой проблемы является разработка анкет с вопросами для родителей и учителей, соседей и знакомых несовершеннолетнего преступника. Результаты такого анкетирования помогут следователю быстро и более точно определить характерологический тип несовершеннолетнего обвиняемого (подозреваемого), с участием которого предполагается проведение следственных действий. Используя эти результаты, следователь сможет выработать тактически верную линию поведения, что позволит снизить риск возникновения конфликтных ситуаций и как следствие ослабит противодействие, осуществляемое обвиняемым либо иными участниками уголовного процесса, представляющими его интересы.

В дальнейшем результаты анкетирования указанных лиц могут быть использованы и другими службами ОВД для повышения эффективности профилактических мероприятий, направленных на предупреждение преступлений, совершаемых несовершеннолетними.

Другим эффективным способом подготовки и производства следственных действий является использование результатов оперативно-розыскной деятельности (ч.1 ст.11 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»). Негласная оперативная информация, несмотря на ее вероятностный характер, позволит, после всестороннего анализа, предвидеть возможную контртактику подозреваемого (обвиняемого) и других участниках судопроизводства.

производства со стороны защиты, занимающих конфликтную позицию. Использование оперативно-розыскной информации в расследовании преступлений, совершенных несовершеннолетними, особенно эффективно, поскольку неожиданность умелой реализации негласных данных и «точность попадания» этих сведений являются фактически неотразимыми в ходе допросов, очных ставок, предъявления для опознания, обысков и других процессуальных действий.

---

¹ Драпкин, Л.Я. Основы криминалистической теории следственных ситуаций : дис. ... докт. юрид. наук / Л.Я.Драпкин. – Свердловск, 1987. – С.230-234.

ВОПРОСЫ РАССЛЕДОВАНИЯ ХИЩЕНИЙ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ В СФЕРЕ БАНКОВСКОГО КРЕДИТОВАНИЯ

Гавло В.К., д.ю.н., профессор,
заслуженный юрист России, член-
корреспондент СО АН ВШ
Алтайский государственный уни-
верситет

Неймарк М.А.
Алтайский государственный уни-
верситет

Банковское кредитование – один из многих привлекательных для преступников секторов российской экономики. Несмотря на активное противодействие банков возможным хищениям денежных средств (совершенствование системы учета, усложнение процедур кредитования и т.п.), преступники настойчиво приспосабливаются к существующим правилам и механизмам кредитных операций, совершенствуют орудия и средства их совершения, избирают новые и видоизменяют прежние способы хищений.

По данным ГИЦ МВД России, за 2005 г. по сравнению с прошлым годом на 5,4% возросло число хищений денежных средств в сфере банковской деятельности, выявленных правоохранительными органами (2004 г. – 3,9%). Всего выявлены 132,3 тыс. преступлений данной категории, удельный вес которых в общем числе зарегистрированных экономических преступлений составил 19,1%. Материальный ущерб от указанных преступлений (на момент возбуждения уголовного дела) составил 41,5 млрд. руб.¹

Зарегистрированная преступность, как показывает исследование, составляет лишь незначительную часть реально совершаемых правонарушений в сфере экономики. Хищения денежных средств в сфере банковского кредитования, требующие высокого профессионального мастерства для раскрытия и расследования, не только не выявляются, переходя в категорию латентных, но и, будучи обнаруженными, расследуются с большими ошибками и упущениями, в результате чего теряется перспектива судебного разбирательства многих уголовных дел.

Тенденции последних лет, связанные с ростом преступлений в банковской сфере, свидетельствуют о том, что проблемы обеспечения сохранности денежных средств в сфере банковского кредитования и пути их решения сегодня как никогда востребованны, а меры, принимаемые для борьбы с подобными преступлениями, все еще не эффективны.

Изученные материалы судебно-следственной практики свидетельствуют о многочисленных примерах успешного раскрытия и расследования рассматриваемой категории хищений. Однако, к сожалению, имеют место и серьезные упущения в деятельности субъектов, осуществляющих предварительное расследование и судебное разбирательство, вызванные недостаточным использованием знаний о криминалистической характеристике таких хищений. Планирование и производство расследования осуществляются без учета типичных следственных ситуаций. Неправильно оцениваются и разрешаются следственные ситуации, что свидетельствует о необходимости разработки более эффективных рекомендаций по методике расследования преступлений данного вида.

При рассмотрении вопроса о научных основах построения частных методик расследования традиционно ряд авторов придерживаются позиции, что разработка методических рекомендаций по расследованию заключается в исследовании закономерностей двух видов деятельности: деятельности, связанной с совершением преступлений, и деятельности, связанной с осуществлением предварительного расследования совершенных преступлений. При таком подходе в тени остаются многие специфические, но не исследованные ситуации судебного разбирательства (следствия), а также вопросы планирования, организации и ведения судебного следствия. Разрешение судебных ситуаций имеет свой методико-криминалистический аспект.²

Этот подход, полагаем, уже удачно нашел свое разрешение в частных криминалистических методиках расследования отдельных видов и групп преступлений.³

В основе методики расследования хищений денежных средств в сфере банковского кредитования находятся особенности функционирования современной банковской системы и механизма осуществления кредитных операций, системы учета и контроля за проведением процедур кредитования и движением денежных средств на расчетных счетах, данными об организационной структуре и документообороте, к которым приспособляются преступники при совершении хищений денежных средств, четко отслеживая и учитывая любые изменения в банковской системе.

На основе деятельностного подхода к изучению закономерностей, с одной стороны, криминальной деятельности лиц по подготовке, совершению и сокрытию преступлений, а с другой – правоприменительной деятельности по получению и исследованию доказательств на предварительном следствии и в суде в структуре криминалистической методики расследования хищений денежных средств в сфере банковского кредитования как полноструктурной целостной методической системе могут быть выделены следующие ее компоненты:

1) криминалистическая характеристика хищений денежных средств в сфере банковского кредитования, под которой нами понимается типовая система знаний о преступной деятельности лиц, совершающих такие преступления, имеющая значение для обеспечения успешного их выявления, раскрытия, расследования и предупреждения;

2) криминалистическая характеристика предварительного расследования хищений денежных средств в сфере банковского кредитования, которая представляет собой типовую систему знаний о правоприменительной деятельности субъектов, осуществляющих дознание и предварительное следствие в складывающихся следственных ситуациях;

3) криминалистическая характеристика судебного разбирательства (следствия) по делам о хищениях денежных средств в сфере банковского кредитования, представляющая собой типовую систему криминалистических знаний о наиболее оптимальной деятельности суда в складывающихся ситуациях судебного следствия, которые объективизируют ход и состязательность судебного следствия, характеризуются наличием или отсутствием доказательств, необходимых для установления всех обстоятельств по делу, позициями сторон.

Ситуационный подход к построению методики расследования хищений денежных средств в сфере банковского кредитования представляется весьма перспективным, так как он позволяет уви-

деть не только необходимость дальнейших исследований в области криминалистической методики, но главное – разработать для практики наиболее целесообразные рекомендации, базирующиеся на правильном уяснении и разрешении следственных ситуаций. Следственная ситуация по делам о хищениях денежных средств в сфере банковского кредитования представляет собой определенную обстановку, складывающуюся в результате возбуждения уголовного дела и его разрешения по существу в соответствии с задачами уголовного судопроизводства и объективно отражающую состояние, ход и условия предварительного расследования и судебного разбирательства (следствия) на основе системы доказательств, полученных субъектами доказывания по делу.

Такой подход к содержанию частной полноструктурной криминалистической методики расследования хищений денежных средств в сфере банковского кредитования основывается на принципе постоянного, непрерывного и поступательного движения информации и доказательств по уголовному делу.

---

¹ По данным ГИЦ МВД России по состоянию на 1 января 2006 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.mvdinform.ru.

² Подробнее см.: Гавло, В.К. Проблемные вопросы предмета и структуры криминалистической методики расследования преступлений / В.К.Гавло // Современное российское право: федеральное и региональное измерение. – Барнаул, 1998. – С.19-20.

³ См., напр.: Кисленко, С.Л. Судебное следствие: состояние и перспективы развития / С.Л.Кисленко, В.И.Комиссаров. – М., 2003; Псарева, Б.В. Расследование корыстно-насильственных преступлений в отношении водителей автотранспорта, пассажиров и перевозимых грузов : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Б.В.Псарева. – Томск, 2003; Корчагин, А.А. Расследование убийств, связанных с исчезновением лиц женского пола : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.А.Корчагин. – Барнаул, 2003 и др.

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ КЛАССИФИКАЦИИ МЕТОДИК ПО РАССЛЕДОВАНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В БЮДЖЕТНОЙ СФЕРЕ

Гарбуз Г.С.
Сибирский юридический институт
МВД России

В работах ученых-криминалистов все чаще встречается суждение о том, что сфера деятельности человека, в которой произошло преступное событие, определяет специфику его отражения, выражающуюся в особых следовой картине и преступном ре-

зультате. В пользу этого суждения неоднократно высказывался В.Е.Корноухов, который положил сферу деятельности человека в основу классификации методик по расследованию преступлений¹ и выделил четыре класса таких методик:

- класс методик «пространственно-временные отношения»;
- класс методик «хозяйственно-экономические отношения»;
- класс методик «причинно-следственные отношения»;
- класс методик «экологические отношения».²

Применительно к изучению следовой картины, возникающей в результате преступной деятельности в сфере экономики, подчеркнем, что отражение преступного события в этой сфере происходит в документах финансово-хозяйственной деятельности, которые отражают хозяйственные (кассовые, банковские, торговые и иные) операции. Очевидным представляется, что расследование экономических преступлений требует от следователя не только основательных знаний законодательства, регламентирующего порядок осуществления предпринимательской деятельности, уплаты налогов и сборов, проведение наличных и безналичных расчетов между контрагентами в процессе исполнения обязательств по заключенным сделкам, но и применения специальных знаний в области налогового, бухгалтерского учета, в том числе посредством привлечения к расследованию специалиста.

Являясь неотъемлемым элементом российской экономики, бюджетная сфера³ выступает непосредственным участником экономических отношений. Состоящие на федеральном, региональном и местном бюджетах учреждения ежедневно оказывают услуги, участвуют в товарообороте, выступают контрагентами в сделках, имеют на своем балансе финансовые и нефинансовые активы, а также обязательства. Распоряжаясь находящимися на балансе денежными средствами и товарно-материальными ценностями, бюджетные учреждения отражают все хозяйственные операции в бюджетном учете.

В связи с этим отметим, что бухгалтерский учет в бюджетных учреждениях, так же как и в других сферах деятельности, отражает три вида хозяйственных процессов: снабжения, производства и реализации. Вместе с тем ему присуща специфика, выражающаяся в особом плане счетов, корреспонденции счетов, порядке отражения операций по исполнению бюджетов бюджетной системы РФ, порядке отражения операций по кассовому обслуживанию исполнения бюджетов и другом. Изложенное позволяет нам сделать вывод, что специфика бюджетного учета обуславливает закономерности появления специфичной следовой картины, воз-

никающей в результате преступной деятельности и отражающейся в бухгалтерских и финансовых документах.

В связи с имеющейся спецификой закономерностей процесса расследования внутри класса методик по расследованию хозяйственно-экономических преступлений методики по расследованию преступлений в бюджетной сфере видится возможным определить как род методик, который включает в себя следующие виды:

- вид методик, объединяющий расследование преступлений, совершаемых в сфере общественного питания;
- вид методик по расследованию преступлений, совершаемых в связи с оказанием бюджетными учреждениями услуг населению;
- вид методик по расследованию преступлений, совершаемых в связи с производством строительных работ;
- вид методик по расследованию преступлений в сфере деятельности бюджетных учреждений по исполнению бюджетов;
- вид методик, связанных с расследованием присвоения и растраты, совершенных с участием коммерческих организаций.

---

¹ См.: Корноухов, В.Е. Теория следоведения / В.Е.Корноухов // Курс криминалистики. Общая часть. – М., 2000. – С.50-92. Заметим, что В.Е.Корноуховым под «методикой по расследованию преступлений» понимается обусловленная противоречивым соотношением исходных ситуаций расследования с предметом доказывания система тактических задач и операций, отвечающая критериям эффективности и экономичности (См.: Корноухов, В.Е. Структура класса методик / В.Е.Корноухов // Курс криминалистики. Особенная часть. – М., 2004. – Т.2. – С.11).

² См.: Корноухов, В.Е. Структура особенной части криминалистики / В.Е.Корноухов // Курс криминалистики. Особенная часть. Т.1. Методики расследования насильственных и корыстно-насильственных преступлений. – М., 2001. – С.7-8. В настоящей статье мы не рассматриваем теоретические основы классификации методик по расследованию преступлений, поскольку они были нами ранее опубликованы в статье «О некоторых подходах к определению оснований классификации методик по расследованию преступлений» (См.: Гарбуз, Г.С. О некоторых подходах к определению оснований классификации методик по расследованию преступлений / Г.С.Гарбуз // Актуальные проблемы раскрытия и расследования преступлений : межвузовский сборник научных трудов. Выпуск 7 / отв. ред. С.Д.Назаров, В.Е.Корноухов. – Красноярск, 2005. – С.238-243).

³ С нашей точки зрения, бюджетная сфера – это совокупность учреждений, состоящих на федеральном, региональном и местном бюджете, а также финансируемых из государственных внебюджетных фондов, которые созданы государством и местным самоуправлением в целях удовлетворения потребностей населения в здравоохранении, безопасности, образовании и науке, культуре и искусстве, спорте и туризме, социальном обеспечении и жилищно-коммунальном обслуживании.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ДОПРОСА СВИДЕТЕЛЕЙ ПО ДЕЛАМ О НЕВЫПЛАТЕ ЗАРПЛАТ, ПЕНСИЙ, СТИПЕНДИЙ, ПОСОБИЙ И ИНЫХ ПРЕДУСМОТРЕННЫХ ЗАКОНОМ ВЫПЛАТ

Долганов М.И.

Красноярский государственный аграрный университет

Несмотря на то что при расследовании уголовных дел, возбужденных по признакам преступления, предусмотренного ст.145¹ УК РФ, большое значение имеют назначение экспертиз и получение заключений экспертов, проведение ревизий, изъятие и изучение документов, роль допроса как следственного действия не становится менее значимой и не уходит на второй план. Допрос свидетелей по данной категории преступлений призван помочь установить все обстоятельства неначисления или невыплаты заработной платы либо иных предусмотренных законом выплат.

При рассмотрении особенностей проведения допроса по данной категории преступлений следует выделить ряд групп свидетелей:

- 1) лица, в отношении которых допущена невыплата соответствующей категории платежей;
- 2) сотрудники отдела кадров;
- 3) сотрудники бухгалтерии;
- 4) работники контролирующих органов, проводившие соответствующие проверки деятельности хозяйствующего субъекта.

Выделение данных групп позволяет следователю определить возможный круг обстоятельств, известных допрашиваемому, его отношение к событиям, связанным с совершением преступления, и составить план проведения такого сложного следственного действия, как допрос.

При допросе лиц, отнесенных к первой группе, необходимо выяснить, какие конкретно виды платежей, в течение какого периода и в каком размере им не выплачивались; как руководство организации объясняло эти задержки; погашалась ли задолженность по соответствующим выплатам (полностью или частично) и когда; имели ли место факты депонирования невыплаченной заработной платы и иных выплат (полностью или частично), выплачивались ли депонированные суммы, когда и в каком размере; предпринимались ли руководством организации какие-либо меры к погашению задолженности по оплате труда (например, путем выдачи заработной платы в натуральной форме); давали ли допрашиваемые

мые лица согласие на выплату заработной платы в неденежной форме, какими документами это согласие было оформлено, какова доля оплаты труда в натуральной форме от общей суммы заработной платы; не было ли случаев выплаты в неденежной форме иных видов платежей (премий, пособий и др.).¹

Помимо отраженных выше фактов при допросе указанных лиц следователь может выяснить и ряд иных вопросов. К ним можно отнести выдачу беспроцентных ссуд отдельным сотрудникам, приобретение ими недвижимого имущества, факты массового увольнения, заболеваний сотрудников и членов их семей, связанные с невыплатой заработной платы, либо иных предусмотренных законом выплат.

В ходе проведения допроса лиц, отнесенных к первой категории, следователь может столкнуться с добросовестным заблуждением допрашиваемого либо ситуацией, когда человек забыл ряд значимых для расследования фактов.

В ходе допроса свидетелей, отнесенных ко второй группе, обязательному установлению подлежат следующие факты: кто конкретно осуществлял руководство организацией в период невыплат, если руководитель организации отсутствовал в этот период, то кто конкретно его замещал, какими документами оформлено это замещение; полнота и своевременность оформления документации по учету кадров; по чьему указанию те или иные документы по учету кадров оформлялись не в полном объеме и(или) несвоевременно; не было ли случаев внесения в коллективный договор каких-либо изменений и дополнений, касающихся формы, условий оплаты труда и иных выплат, каков характер этих изменений и дополнений, согласовывались ли они в установленном порядке с трудовым коллективом; были ли в период задержки платежей случаи увольнения работников, насколько они многочисленны, кто конкретно уволился.² Помимо этого, обязательному установлению подлежат виды дополнительных выплат, применяемых данной организацией.

Наиболее полными сведениями о фактах, относящихся к доказываемому событию, обладают лица, составляющие третью группу. В ходе их допроса устанавливаются обстоятельства, обусловившие неначисление соответствующих видов платежей и (или) их невыплату. Сюда относятся объем и своевременность оформления документов по учету рабочего времени и расчету с персоналом по оплате труда и иным выплатам, причины неполного и несвоевременного оформления этих документов, категории работников и виды платежей, не начисленных и (или) не выплаченных, период и размер данных платежей, наличие осуществления платежей отдельным

лицам, факты депонирования невыплаченной заработной платы и иных выплат, их основание. Подлежат установлению вопросы, относящиеся к причинам невыплаты соответствующих категорий платежей: имелись ли у организации в период образования задолженности по конкретным видам платежей реальные источники для их погашения; за счет каких средств формировался фонд заработной платы, и достаточно ли было этих средств для осуществления соответствующих выплат; не было ли со стороны руководителя организации обращений, связанных с решением его личных или производственных финансовых проблем за счет средств, предназначенных на оплату труда и иные выплаты; имели ли место случаи использования средств из фонда заработной платы не по назначению; по чьему указанию, на какие цели, когда и в каком размере денежные средства не зачислялись в фонд заработной платы либо использовались не по назначению; имелась ли у организации в период невыплат кредиторская задолженность, непогашение которой создавало угрозу банкротства, не были ли направлены на ее погашение средства, предназначенные на оплату труда и иные выплаты; не было ли обусловлено отсутствие денежных средств недостаточным бюджетным финансированием и(или) несвоевременной оплатой контрагентами продукции (выполненных работ и услуг), были ли предприняты руководителем организации действенные меры по взысканию дебиторской задолженности за продукцию, произведенные работы и оказанные услуги, в чем они выражались.³

Сложность допроса лиц, входящих в состав двух последних групп, заключается в том, что они могут являться соучастниками совершенного преступления либо иметь иную личную заинтересованность в сокрытии известных им сведений. В результате этого в ходе допроса указанных лиц следователь может столкнуться не только с добросовестным заблуждением, но и с умышленной дачей ложных показаний.

В ходе допроса лиц, вошедших в последнюю, четвертую, группу, следователем устанавливаются обстоятельства относительно имевших место нарушений налогового законодательства по операциям, связанным с расчетами по оплате труда, а также нарушений законодательства РФ о труде, их характер, ответственные за них лица, меры, которые были приняты в связи с этими нарушениями.

---

¹ Невыплата заработной платы и иных установленных законом выплат. Квалификация, прокурорский надзор, расследование / под общ. ред. П.А.Даниловой. – СПб., 2005. – С.34.

² Там же. – С.35.

³ Там же. – С.35.

ОСОБЕННОСТИ ФИКСАЦИИ ПОКАЗАНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ СВИДЕТЕЛЕЙ И ПОТЕРПЕВШИХ

Журавлева И.А., к.ю.н., доцент
Сибирский федеральный университет

Ход и результаты допроса несовершеннолетнего свидетеля (потерпевшего), как и взрослого, нуждаются в четкой фиксации. При этом основным средством запечатления и сохранения полученной информации является протокол данного следственного действия. Но фиксация показаний несовершеннолетних имеет специфику. Так, в процессе свободного рассказа не рекомендуется сразу же заносить в протокол показания допрашиваемого, поскольку эта процедура отвлекает подростка и одновременно мешает следователю сосредоточиться на реализации плана допроса. Стремясь сделать протокол как можно более подробным и объемным, следователь обеспокоен только записью. Более целесообразно делать краткие пометки, отмечать так называемые узловые пункты. Такой способ не требует больших затрат времени, не отвлекает следователя от наблюдения за допрашиваемым, а следовательно, не влияет негативно на поддержание психологического контакта.

Однако на практике не нарушить запрет фиксации показаний во время свободного рассказа крайне сложно. Допрос несовершеннолетнего требует большого терпения и выдержки. Не только допрашиваемый, но и зачастую следователь во время допроса находятся в состоянии напряжения, а потому не могут удержать в памяти последовательность изложенного либо какие-либо мелкие, но могущие оказаться существенными детали. Чтобы избежать этого, некоторые следователи стараются записать показания под диктовку допрашиваемого в ходе свободного рассказа, включая подростка в процесс проговаривания отдельных частей. Другие следователи производят записи в протокол по окончании свободного рассказа, но при этом, как канвой, пользуются данными ранее объяснениями несовершеннолетних либо протоколами их предыдущих допросов.

Закон требует фиксации в протоколе всех полученных показаний от первого лица и по возможности дословно (ст.190 УПК РФ). Вторая часть этого требования вызывает значительные трудности, поскольку выражение «по возможности дословно» трактуется неоднозначно. Некоторые следователи отождествляют прото-

кол чуть ли не со стенограммой допроса, другие – пытаются фиксировать только то, что, по их мнению, имеет отношение к делу. Обе позиции имеют свои недостатки. Во-первых, в устной речи велика доля избыточной информации (в частности, повторы, слова-паразиты), она более проста и эмоциональна. Многие мысли несовершеннолетние передают мимикой, интонацией, жестами. Во-вторых, следователь не всегда может точно определить при первом допросе, что в показаниях несовершеннолетнего имеет отношения к делу, а что – нет. На наш взгляд, наиболее верной представляется точка зрения, согласно которой протокол допроса – это конспект, своеобразная «выжимка» из длительной беседы с допрашиваемым. При этом словесная информация не теряется, а лишь уплотняется, сокращается ее объем.

В связи с вышесказанным возникает вопрос о допустимости литературной обработки показаний несовершеннолетнего. Прежде всего, следует отметить, что показания допрашиваемого должны быть изложены точно и ясно, с сохранением выражений, свойственных подросткам. Поэтому рекомендуется записывать показания подростков с учетом их стиля излагать свои мысли.

Несовершеннолетние могут употреблять прозвища, жаргонные слова и выражения. В протоколе обязательно должна присутствовать их расшифровка. При расшифровке прозвищ в скобках указываются имена и фамилии имевшихся в виду субъектов (если, конечно, они известны подростку). Запись должна отражать также терминологию, которой пользуются несовершеннолетние при даче показаний. При этом целесообразно ставить перед подростком вопросы, конкретизирующие и расшифровывающие употребляемые выражения, а затем фиксировать в протоколе понимание им тех или иных фраз и жестов, принятых в его среде и примененных в данной конкретной ситуации.

Показания записываются таким образом, чтобы они были поняты и правильно истолкованы любым лицом, пожелавшим ознакомиться с ними. Поэтому стилизация показаний, как нам представляется, допустима, но только в целях исправления неправильно построенных фраз и устранения повторений. Разумеется, в протокол не должны включаться нецензурные выражения.

Иногда на практике встречается редактирование следователем логической последовательности изложенного подростком. На наш взгляд, это недопустимо, поскольку затрудняет оценку показаний по протоколу. Кроме того, попытки упорядочить показания несовершеннолетнего могут привести к утрате или искажению части исходящей от него информации.

Но самым курьезным является то, что протоколы допросов несовершеннолетних подвергаются следственной стилизации. Нами были проанализированы 75 протоколов допросов несовершеннолетних свидетелей и потерпевших, и большая их часть (около 40 протоколов) начинается фразой: «По существу заданных мне вопросов могу пояснить следующее...» либо «По данному делу поясню...». И это при том, что допрашивались подростки разного возраста и различного уровня интеллектуального развития.

В некоторых протоколах встречаются фразы, свидетельствующие об умении подростков оперировать юридическими понятиями на уровне самого следователя (например: «совершил разбойное нападение», «применил насилие, опасное для жизни и здоровья» и т.п.).

Если после свободного рассказа подростку были заданы вопросы, показания целесообразно записывать по этапам: вначале в протокол заносится вопрос, затем – полученный ответ. Далее – по той же схеме. Если вопросы с разрешения следователя задают участвующие в допросе лица, необходимо указать, кто именно их задает. Если следователь не отводит заданный вопрос, то несовершеннолетний отвечает, и его ответ заносится в протокол вслед за вопросом. Вопросы, заданные родителями, во всех случаях подлежат занесению в протокол.

В случае предъявления несовершеннолетнему при допросе доказательств этот факт должен найти отражение в протоколе. Предпочтительной для фиксации является форма вопроса.

Изготовленные несовершеннолетними в ходе допроса схемы, чертежи, рисунки приобщаются к протоколу, о чем в нем делается соответствующая запись.

Желательно, чтобы несовершеннолетний лично прочитал протокол и поставил об этом отметку. Если подросток согласен с записью показаний, он удостоверяет в конце протокола, что показания с его слов записаны верно, дополнений и замечаний нет. Если он делает какие-либо замечания или просит дополнить протокол, следователь должен удовлетворить его просьбу.

После внесения указанных записей протокол подписывается подростком в конце и на каждой странице отдельно. Другие участники допроса (педагог, законный представитель) также должны лично прочесть протокол и подписать его. При наличии у присутствующих при допросе лиц замечаний к протоколу их фиксация и обсуждение производятся в отсутствие несовершеннолетнего. После согласования всех замечаний протокол подписывают участвующие в допросе лица и следователь.

В качестве дополнительного средства фиксации показаний при допросе несовершеннолетнего может быть применена аудиозапись. Она имеет преимущества перед протоколированием, так как дает возможность полностью передать содержание, характер, темп, последовательность и другие особенности допроса. Кроме того, аудиозапись позволяет четко зафиксировать тон обращения следователя, редакцию и последовательность его вопросов, а также характер показаний допрашиваемого – содержание рассказа, редакцию ответов, манеру речи, отдельные особенности произношения слов, логические ударения в предложениях, характерные ошибки речи, подтекст и т. п.

Использование аудиозаписи целесообразно в случаях, когда имеются основания предполагать, что подросток может впоследствии изменить показания под воздействием своих родителей, родственников и знакомых обвиняемого, иных заинтересованных лиц; для оглашения взрослому соучастнику показаний несовершеннолетнего, если проведение очной ставки между ними следователь считает нецелесообразным; при необходимости зафиксировать специфические для подростка обороты речи и для фиксации обстановки допроса. Кроме того, аудиозапись необходимо применять для фиксации показаний раненого потерпевшего в случае наличия реальной угрозы его жизни, поскольку получение от него показаний в последующем может оказаться невозможным.

Велико значение и видеозаписи допросов несовершеннолетних свидетелей и потерпевших, плохо владеющих речью и использующих для передачи информации жесты и мимику, а также страдающих слепотой или глухонемой. Видеозапись позволяет запечатлеть не только звуковую, но и образную информацию, а также условия производства допроса.

При применении аудио- или видеозаписи в протоколе допроса отмечается данный факт, уведомление об этом несовершеннолетнего. Кроме того, в протокол должны быть внесены сведения о технических средствах и условиях аудио- или видеозаписи, все сделанные подростком и участвующими в допросе лицами заявления по поводу применения технических средств, отметка о воспроизведении по окончании допроса произведенной фонограммы или видеозаписи, удостоверенные подписями всех лиц, участвующих в допросе.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДОПРОСА ЖЕНЩИН, ПОДОЗРЕВАЕМЫХ (ОБВИНЯЕМЫХ) В СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Кирюшина Л.Ю.

Алтайский государственный университет

1. Для успешной борьбы с женской преступностью необходимо дальнейшее изучение психологии женщин-преступниц, которая имеет свои особенности по сравнению с психологией мужчин, совершающих преступления. Современная криминальная ситуация в России свидетельствует о росте женской преступности. Так, по данным статистики ГУВД Алтайского края, в 2003 г. из 27366 преступлений 3214 совершены женщинами, из них 305 – несовершеннолетними; в 2004 г. из 27762 преступлений 2833 – женщинами, из них 284 – несовершеннолетними. За I квартал 2005 г. 835 преступлений совершены женщинами, из них 74 – несовершеннолетними.

2. При проведении допроса женщин-преступниц следователь может столкнуться с проблемой гендерных стереотипов, существующих в обществе. Она состоит в том, что женщина, подозреваемая (обвиняемая) в преступлении, воспринимается следователем слабой, эмоционально неустойчивой, уступчивой, пассивной, робкой и т.д. Мужчина же, наоборот, воспринимается мужественным, сильным, стойким, логичным, рациональным, активным и др.¹ То есть в таких случаях проявляются сложившиеся в обществе стереотипы поведения людей.

Сформировавшиеся в обществе гендерные стереотипы могут негативно отразиться на избрании следователем тактики допроса. Можно выделить 3 наиболее типичные ситуации поведения допрашиваемых: стремление оправдать свое поведение трудными жизненными обстоятельствами; позиционирование себя как жертвы обстоятельств, обмана, коварства других людей; стремление приукрасить мотивы совершенного преступления.

3. Последние годы все чаще стала встречаться ситуация, когда женщины принимают на себя «мужские роли» при совершении преступлений. Примером такой ситуации в Алтайском крае была банда Скосырской. Она создала преступную группу и активно руководила поиском и хранением оружия и боеприпасов к нему, изготовлением масок. Выступая в роли главаря, именно она распределяла обязанности и роли между участниками банды. При совершении многочисленных разбойных нападений она оставалась на

лестничной площадке или в автомобиле, опасаясь быть опознанной, поскольку в большинстве случаев потерпевшие были ее приятелями и знакомыми.

Следователю необходимо учитывать все обстоятельства совершенного преступления, чтобы определить истинную роль женщины, подозреваемой (обвиняемой) в совершении преступления. В случае допроса женщины-организатора преступной группы следует учитывать психологические особенности именно этой женщины, которая взяла на себя роль, характерную для мужчин. В данном случае такой женщине будут присущи истинно мужские черты: расчетливость, пониженный уровень эмоциональности, агрессивность, как устойчивая черта, а не импульсивная и аффективная агрессия, которая свойственна всем женщинам.

4. Особенности тактики допроса женщин-преступниц во многом зависят от следственных ситуаций, складывающихся в ходе предварительного расследования. Классификация следственных ситуаций достаточно полно освещается в работах Р.С.Белкина, А.Н.Васильева, В.К.Гавло, Л.Я.Драпкина, В.Е.Корноухова, В.А.Образцова, Н.П.Яблокова.

В любой из складывающихся следственных ситуаций на предварительном следствии необходимо учитывать психологические особенности женщин. Так, многочисленные исследования психологов в области дифференциальной психологии мужчин и женщин показали, что существуют различия, которые необходимо учитывать криминалистам при разработке частных методик. Как полагает В.Н.Куницына (1995), значительная часть взрослого населения нашей страны попадает в категорию застенчивых – 30% женщин и 23% мужчин. Застенчивые женщины часто погружены в себя, необщительны. Признаки, по которым можно определить застенчивых людей: 1) в группе людей застенчивый человек обычно держится обособленно; 2) редко вступает в разговор; 3) скорее слушает, чем говорит сам; 4) не решается задавать лишние вопросы; 5) не спорит, свое мнение высказывает робко и нерешительно. При этом негативными последствиями застенчивости являются: 1) предрасположенность к социальной изоляции; 2) человек оказывается уязвимым в стрессовых ситуациях; 3) склонность к ощущению собственной ущербности; 4) возможность компенсировать стеснительность развязностью, напористостью, шумным поведением; 5) негативные переживания одиночества, тревожности и депрессии. Результаты анкетирования и опрос женщин, отбывающих наказание в УБ 14/6 (Алтайский край), выявили, что большая часть опрошенных (80%) испытывали страх и волнение перед пер-

вым допросом. Такой страх был вызван целым рядом обстоятельств: боязнь лишения свободы и того, что о случившемся узнают их близкие, друзья или коллеги по работе. Поэтому при проведении допроса женщин, подозреваемых (обвиняемых) в совершении преступления, независимо от складывающейся следственной ситуации особое значение необходимо уделить подготовке к его проведению. Для достижения успешного результата допроса необходимо выяснить обстоятельства совершения преступления, установить фактические данные, полученные в результате проведения осмотра места происшествия, экспертизы, допроса потерпевшего и других следственных действий, стиль поведения, привычный для женщины, образ жизни, жизненные принципы и позиции, ценности, на которые она ориентируется, круг ее знакомых.

5. В юридической литературе широко обсуждается вопрос о целесообразности проведения повторных допросов, а также об их эффективности. Как правило, необходимость повторных допросов вызывается пробелами в показаниях ранее допрошенных, а также таким психологическим явлением, как реминисценция. То есть при допросе женщин, подозреваемых (обвиняемых) в совершении преступления, проведение повторных допросов может способствовать преодолению таких негативных эмоций, как страх (который имеет различные степени интенсивности: опасение, боязнь, испуг, ужас или аффект) и застенчивость допрашиваемой.

На основании исследований психологов можно сделать выводы, что женщины чаще нарушают правила поведения вслед за более решительным нарушителем – мужчиной, что происходит потому, что женщины более конформны к групповому давлению.² Изучение уголовных дел показывает, что такие преступления, как кража с проникновением в жилище, грабежи или разбойные нападения, женщины совершают в соучастии с мужчинами. При анкетировании женщин, отбывающих наказание, почти 80% опрошенных, совершивших преступление в соучастии с мужчинами, отвечали, что доверяли своему соучастнику на 100%, а также были на 100% уверены в успехе. Этот успех, по мнению женщин, был связан с тем, что «мужчина все лучше знает», а также «более сильный и умный». Причем такое мнение женщин относилось не к конкретному человеку, а мужчинам вообще. Поэтому при допросе женщин, совершивших преступление в группе, необходимо выяснить истинную роль женщины в преступной группе. Очень часто мужчины принуждают женщину взять всю вину на себя, приводя такие веские аргументы: судья пожалеет; срок дадут меньше, если есть дети; женщина подпадет под амнистию и др. Поэтому необ-

ходимо проводить проверку показаний на месте с тем, чтобы подтвердить или опровергнуть показания женщины.

Всесторонний учет психологических особенностей женщины, ее социальной роли в обществе, семье, как представляется, будет способствовать правильному решению о выборе тактических приемов допроса не только на предварительном следствии, но и в суде, а также решению иных задач уголовного судопроизводства.

---

¹ Андреева, Г.М. Социальная психология : учебник для высших учебных заведений / Г.М. Андреева. – М., 2004. – С.166-168.

² Ильин, Е.П. Дифференциальная психофизиология мужчины и женщины / Е.П. Ильин. – СПб., 2003. – С.150-153.

ЗНАЧЕНИЕ ОСВИДЕТЕЛЬСТВОВАНИЯ ПРИ РАСКРЫТИИ И РАССЛЕДОВАНИИ КОРЫСТНО-НАСИЛЬСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Земцова С.И.

Сибирский юридический институт
МВД России

Переход экономики России к рыночным отношениям, глубокий и затянувшийся кризис во всех сферах жизни привели к деформации потребностей личности, а следовательно, и к росту агрессивных проявлений. По данным криминологов, количество корыстно-насильственных деяний увеличивается в среднем на 5-10% в год, их доля в структуре регистрируемой преступности постепенно приближается к 90%.

В связи с этим в работе органов дознания и следствия необходимы серьезные качественные изменения, направленные на обеспечение быстрого раскрытия корыстно-насильственных преступлений, грабежей и разбоев, полного и всестороннего расследования каждого уголовного дела.

Решение данной задачи во многом связано с широким применением в следственной практике достижений научно-технического прогресса, более полным и эффективным применением органами дознания и предварительного расследования специальных знаний.

Использование специальных знаний имеет важное значение при раскрытии и расследовании корыстно-насильственных преступлений по горячим следам, поскольку способствует своевременному выявлению источников дополнительной доказательст-

венной и розыскной информации, позволяющих устанавливать лицо, совершившее преступление, в кратчайшее сроки.

Анализ следственной и судебной практики показывает, что при раскрытии и расследовании грабежей и разбойных нападений сотрудники правоохранительных органов довольно редко используют специальные знания при проведении освидетельствования, что в определенной степени обусловлено недостаточной проработкой процессуальных, тактических и методических аспектов его проведения.

Действующее законодательство называет объектом освидетельствования тело освидетельствуемого лица. Наряду с этим высказаны мнения о целесообразности дополнения освидетельствования осмотром одежды. Например, А.Э.Жалинский, признавая целесообразность одновременного осмотра тела и одежды в процессе освидетельствования, тем не менее, не включает одежду в объект этого следственного действия.¹ Л.В.Винницкий, Ю.Г.Торбин, Е.В.Баранов полагают, что одежда является объектом освидетельствования наряду с телом живого человека.²

Представляется, что точка зрения ученых, допускающих возможность одновременного осмотра тела и одежды при освидетельствовании, не лишена оснований, поскольку в процессе совершения корыстно-насильственных преступлений на одежде преступника (как и на одежде потерпевшего) остается значительное количество различных следов. При этом следы, как правило, фиксируются на теле и одежде одновременно, что подтверждают примеры из практики.

Так, в ноябре 2006 г. около 23 ч. в дежурную часть Центрального РУВД позвонила несовершеннолетняя М. и сообщила, что несколько минут назад на нее и ее подругу Д. в районе Речного вокзала г. Красноярск было совершено разбойное нападение, в ходе которого неустановленный преступник в маске, угрожая опасной бритвой, завладел деньгами Д. в сумме 50 руб., при этом причинив Д. резаную рану шеи, после чего скрылся в неустановленном направлении.

В момент работы следственно-оперативной группы на месте происшествия к потерпевшим подошел К., который несколько минут назад оставлял под присмотром девушек сумку.

В ходе общения с К. сотрудник уголовного розыска обратил внимание на то, что на ботинках К. и на внутренней стороне куртки зеленого цвета, а также на ладони правой руки имеются пятна бурого цвета, похожие на кровь, на что К. стал говорить, что эти пятна образовались у него в результате кровотечения из носа.

Кроме того, на внутренней поверхности пальцев руки у К. были обнаружены незначительные порезы.

Профессиональные действия сотрудников РУВД и использование специальных знаний на первоначальном этапе расследования, своевременное проведение освидетельствования К., в ходе которого были осмотрены не только тело К., но и его одежда, в совокупности с другими доказательствами позволили доказать виновность К. в совершении преступления.

Таким образом, проведение освидетельствования при раскрытии корыстно-насильственных преступлений позволяет не только доказать причастность подозреваемого лица к совершению преступления, но и решить вопросы, связанные с взаимным расположением подозреваемого и потерпевшего, расположением предметов одежды освидетельствуемого относительно участков его тела, где были обнаружены повреждения, и т.д.

Только одновременное комплексное изучение следов преступления, имеющих на теле и одежде освидетельствуемого, может дать правильный и исчерпывающий ответ на поставленные вопросы.

А.Г.Шепелев полагает, что исследование подобного рода повреждений будет более глубоким, если тело и одежда будут рассматриваться как единый объект.³ Целесообразность одновременного исследования при расследовании корыстно-насильственных преступлений возникает тогда, когда свойства повреждений тела изменяются в результате медицинской обработки либо в процессе их заживления. В этих ситуациях решить вопрос о первоначальном виде ранения, его расположении и форме можно лишь тогда, когда тело и одежда будут рассматриваться как взаимосвязанные объекты.

Исходя из вышеизложенного, в каждом конкретном случае следователь должен исходить из конечной цели проводимого освидетельствования и фактических данных, послуживших основанием назначения данного процессуального действия.

---

¹ Жалинский, А.Э. Освидетельствование на предварительном следствии / А.Э.Жалинский. – М.-Львов, 1964. – С.284.

² Винницкий, Л.В. Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы освидетельствования / Л.В.Винницкий. – М., 2002. – С.-14-15; Торбин, Ю.Г. Освидетельствование в уголовном судопроизводстве / Ю.Г.Торбин. – М., 2005. – С.44.

³ Шепелев, А.Г. Огнестрельные и неогнестрельные повреждения – объекты комплексной судебно-медицинской баллистической и трасологической экспертиз / А.Г. Шепелев. – М., 1969. – С.66-67.

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ НЕТРАДИЦИОННЫХ СПОСОБОВ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Лисняк М.А., к.м.н., доцент
Сибирский юридический институт
МВД России

При совершении тяжких преступлений в условиях неочевидности часто возникают трудности с выдвиганием розыскных версий. Даже при их наличии предварительное следствие порой движется вслепую, не обнаруживая достаточных подтверждений правильности выбранного пути. В подобных ситуациях велик соблазн воспользоваться нетрадиционными способами для обнаружения вещественных доказательств и уличения подозреваемого. Чаще всего сотрудники правоохранительных органов обращаются к экстрасенсам и специалистам в области биолокации с целью обнаружить труп и (или) иные вещественные доказательства совершенного преступления. Безусловно, данное сотрудничество происходит за рамками официального расследования, так как совершаемые вышеназванными специалистами действия не являются процессуальными.

Анатомия и физиология не обнаружили у человека дополнительных органов чувств либо особых функций у известных науке анализаторов, позволяющих заглядывать в прошлое и будущее, считывать информацию с предметов, находящихся на значительном удалении, и т.д. Данные феномены составляют предмет парапсихологии, которую далеко не все современные ученые признают за полноценную науку. Научные публикации, посвященные экстрасенсорным способностям, стали появляться только во второй половине XX в.: Б.Д.Кажинский «Биологическая радиосвязь» (1962), Л.Л.Васильев «Загадочные явления человеческой психики» (1960), Дж.Мишлоф «Корни сознания» (1982). В начале 1990-х гг. при Московском научно-техническом обществе создали Комитет по проблемам энергоинформационного обмена в природе, его возглавил академик В.П.Казначеев.¹ К сожалению, несмотря на продолжительный интерес к теме со стороны ученых, до сих пор не предложено научно обоснованной теории, объясняющей экстрасенсорные феномены, не разработаны стандартные методики их выявления и измерения. Отсутствуют способы объективной диагностики экстрасенсорных способностей у человека, что позволяет

процветать на этой ниве откровенным мошенникам либо гражданам с выраженной психической патологией.

Нами был проведен опрос слушателей заочного отделения и факультета повышения квалификации СибЮИ МВД России по поводу использования экстрасенсов при расследовании преступлений. Выборку составили начальники и заместители начальников уголовного розыска, всего были опрошены 23 человека, средний стаж работы в должности – 6 лет. Оказалось, что 60% опрошенных прибегали к подобным услугам в профессиональной деятельности хотя бы единожды. Практически все из них сообщили об отрицательном результате. По мнению опрошенных, экстрасенсы ловко уходят от прямых ответов и конкретных указаний, сообщают лишь приблизительные места нахождения искомого. Небольшой процент положительных результатов можно объяснить случайным удачным совпадением.

Все вышесказанное серьезно ограничивает применение экстрасенсов для поиска пропавших граждан, обнаружения места захоронения и т. п. По нашему мнению, подобные услуги в лучшем случае бесполезны, в худшем – могут направить расследование по ложному пути. Не следует забывать и о психологическом аспекте использования экстрасенсов в поисковых операциях. В обществе складывается мнение о беспомощности правоохранительных органов, так как обращение к подобным специалистам воспринимается как крайняя мера, на которую идут, оказавшись в тупике.

К гипнозу для установления тех или иных фактов, имеющих значение для дела, правоохранительные органы обращаются значительно реже. Отчасти это связано с гораздо меньшим по сравнению с экстрасенсами количеством специалистов. Как правило, официально гипнозом имеют право заниматься врачи, специализирующиеся в области психиатрии и психотерапии. С гипнозом связаны масса предрассудков и мифов, отношение к гипнозу среди неспециалистов колеблется от презрительного скептицизма до наивной веры в его могущество. Достаточно распространено мнение, что допрос под гипнозом позволяет получить исключительно правдивую информацию, извлечь из памяти допрашиваемого лица нужные сведения. Вероятно, подобные мысли навеяны эстрадными фокусами, обозначаемыми термином «цирковой гипноз». «Цирковой гипноз» впечатляет возможностями, которые открываются гипнотизеру в отношении гипнотизируемых. К сожалению, большинство зрителей не подозревают, что в 98-99% случаев это трюк с подставными лицами, красивая мистификация. Крайне редко

встречаются люди, действительно обладающие особым даром внушения, в качестве примера можно назвать Вольфа Мессинга.²

При использовании гипноза в лечебных целях врачи сталкиваются с рядом определенных ограничений, в первую очередь со стороны пациентов. Люди обладают различной гипнабельностью, то есть способностью погружаться в гипнотический сон под воздействием специальных методик. Большинство имеют среднюю степень гипнабельности, что означает: при желании пациента быть погруженным в гипнотический сон врачу удастся это сделать без особых усилий. Формируется транс средней глубины, с частичным контролем окружающей ситуации, подобное состояние сравнительно легко нарушить с помощью внешних раздражителей. Граждане с низкой гипнабельностью сознательно либо бессознательно активно противодействуют врачебным манипуляциям с их сознанием, и при всем старании и усердии даже опытный врач сможет добиться только очень поверхностного трансового состояния. Легко и быстро погружаются в глубокий гипнотический сон так называемые сомнамбулы, пациенты с высокой гипнабельностью, их порядка 10-15% среди населения. Именно сомнамбулы демонстрируют любопытные феномены: частичное пробуждение, последующая амнезия внушенных действий, пассивная подчиняемость гипнотизеру, изменение болевой чувствительности и т.д.

Возвращаясь к ситуации предварительного расследования, необходимо задать вопрос: какова вероятность, что данный свидетель, подозреваемый и т.д. окажутся достаточно гипнабельными? Откровенно отвечая на него, следует признать, что вероятность небольшая. Но, допустим, вы готовы рискнуть и вам повезло – клиент оказался достаточно внушаемым. Тогда возникает следующий вопрос: где критерий правдивости полученной информации? Ведь человек может искренне заблуждаться по поводу некоторых фактов и повторять их не только в бодрствующем состоянии, но и в трансовом. Кроме того, известно, что повышенной внушаемостью обычно обладают истероидные личности. Для них характерно патологическое фантазирование – придумывание вымышленных событий и персонажей, причем это осуществляется на подсознательном уровне, настолько глубоко, что сами пациенты порой начинают путать правду и вымысел. Особенно это актуально при попытках заполнить пробелы в памяти с помощью гипноза. Описан феномен «ложной памяти», когда человек в трансовом состоянии внезапно «вспоминал» о случаях семейного насилия, каких-то преступлениях, свидетелем которых он якобы оказался. Впоследствии выяснялось, что подобных фактов в реальной жизни

этого человека не было. Исследователи продолжают спорить о механизмах развития этого феномена в измененных состояниях сознания, есть мнение, что это своеобразная форма психической защиты личности.

Таким образом, применение гипноза для получения или подтверждения каких-либо данных весьма проблематично.

В человеческой психике заложена вера в чудо. И в первобытной пещере, и в современном компьютерном классе люди мечтали и мечтают о простых и легких путях достижения своих целей. Сотрудники правоохранительных органов не составляют исключения, иногда они тоже поддаются соблазну решить свои задачи чудесным образом, прибегая к помощи экстрасенсов и гипнотизеров. Однако всякий раз им следует тщательно взвешивать аргументы «за» и «против» применения подобных специалистов в процессе расследования.

---

¹ Кондрашенко, В.Т. Общая психотерапия / В.Т.Кондрашенко, Д.И.Донской. – Мн., 1993.

² Феномен «Д» и другие / сост. Л.Е.Колодный. – М., 1991.

ОБ ОТДЕЛЬНЫХ ПОДХОДАХ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ НАУЧНОЙ ОБОСНОВАННОСТИ ЭКСПЕРТНОЙ МЕТОДИКИ КАК КРИТЕРИЯ ОЦЕНКИ ДОСТОВЕРНОСТИ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ЭКСПЕРТА

Шестакова С.С., к.ю.н.

Сибирский юридический институт
МВД России

Заключение эксперта не является особым доказательством и подлежит оценке по общим правилам с точки зрения относимости, допустимости и достоверности, среди которых последний элемент является наиболее сложным. Это обусловлено, во-первых, отсутствием четких формальных критериев, как, например, при оценке допустимости. Во-вторых, опосредованным процессом получения заключения как доказательства на основе использования специальных знаний эксперта, которыми лицо, производящее оценку, обычно не обладает.

В целом получению достоверного заключения эксперта способствует соблюдение принципов объективности, всесторонности и полноты исследования, регламентированных ст.ст.4, 8 Феде-

рального закона от 31 мая 2001 г. «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». Согласно закону эксперт проводит исследования объективно, на строго научной и практической основе, в пределах соответствующей специальности, всесторонне и в полном объеме. Однако анализ экспертной практики показывает, что данные нормы не всегда гарантируют получение достоверных результатов, о чем свидетельствует наличие экспертных ошибок. В связи с этим заключение эксперта при оценке его достоверности предлагается рассматривать с учетом ряда критериев:¹

- научной обоснованности экспертной методики и правомерности ее применения в конкретном случае;
- достаточности представленного эксперту исследовательского материала;
- правильности представленных эксперту исходных данных;
- полноты и всесторонности экспертного исследования;
- логической обоснованности хода и результатов экспертного исследования;
- подтвержденности выводов эксперта проведенными им исследованиями;
- соответствия выводов эксперта имеющимся по делу доказательствам.

Таким образом, чтобы оценить достоверность экспертного заключения, следователю (судье и др.) в первую очередь необходимо иметь представление о современных возможностях судебных экспертиз и применяемых при их производстве методиках экспертного исследования, поэтому представляется целесообразным рассмотреть данный критерий более подробно.

Лицу, производящему оценку, следует знать о том, что в тексте заключения всегда содержится конкретная методика экспертного исследования.

Конкретная методика – это методика решения конкретной экспертной задачи.² Она может быть результатом приспособления, изменения типовой экспертной методики либо плодом творческого (эвристического) подхода эксперта к решению нетривиальной экспертной задачи.

Как правило, эксперты, во всяком случае в экспертных учреждениях, проводят исследования по заранее разработанным типовым методикам, официально апробированным и утвержденным. Типовые методики предназначены для решения типичных для отдельного рода (вида) экспертизы задач.³ Они публикуются в специальной литературе и выступают в качестве научной основы,

объективизирующей процесс экспертного исследования и, соответственно, заключение эксперта. Данные об использованной типовой методике эксперт заносит в заключение на основании п.9 ст.204 УПК РФ, согласно которому в нем должны быть отражены «содержание и результаты исследований с указанием примененных методик». Иными словами, в исследовательской части заключения должны содержаться «ссылки на справочно-нормативные, методические материалы, которыми руководствовался эксперт, и на литературные источники, использованные при проведении исследования»⁴. Это дает возможность лицу, оценивающему заключение, ознакомиться с примененной типовой методикой и решить вопрос о ее научной обоснованности и правомерности использования в конкретных условиях. Однако по причине того, что в подобных ситуациях типовая методика всегда видоизменяется с учетом представленных объектов и условий их исследования, лицо, оценивающее заключение, должно определить полноту и всесторонность экспертного исследования, логическую обоснованность его хода и результатов, подтвержденность выводов эксперта проведенными им исследованиями.

Следует заметить, что в настоящее время оценка научной обоснованности примененной экспертной методики облегчается по мере паспортизации и стандартизации существующих типовых экспертных методик, создания каталога методик экспертного исследования вещественных доказательств, одобренных Федеральным межведомственным координационно-методическим советом по проблемам экспертных исследований. На данный момент составлены перечень и паспорта около 300 экспертных методик, обладающих достаточно высокой надежностью, поэтому, если примененная экспертом методика не включена в каталог, у лица, производящего оценку, могут возникнуть сомнения в ее научной обоснованности, правомерности использования и, следовательно, в достоверности экспертного заключения.

Между тем в практике зарегистрировано значительное число случаев производства судебных экспертиз при отсутствии типовых методик. Необходимость проведения подобных исследований возникает, как правило, в рамках нового (формирующегося) рода (вида) экспертизы, часто вне экспертного учреждения, когда в качестве эксперта приглашается отдельный ученый или специалист в какой-либо области человеческой деятельности, который опирается на собственные знания, творческие (эвристические) способности. В подобных ситуациях конкретная методика разрабатывается экспертом на основе личного опыта и существует в его уме. Это

ненаписанная, разовая методика, представляющая собой совокупность эвристик. Как отмечает Г.Л.Грановский, «эвристическая деятельность выдвигает на первый план личные свойства со всеми положительными и отрицательными последствиями, которые зачастую трудно преодолеть»⁵. Поэтому научная обоснованность таких методик, не получивших еще всеобщего признания, может быть поставлена под сомнение. Ряд ученых полагают, что «в качестве аргументов может быть выдвинута другая нетрадиционная методика, исследование с помощью которой опровергает выводы эксперта»⁶. Таким образом, проблема определения научной обоснованности подобных методик остается открытой.

---

¹ См., например: Орлов, Ю.К. Заключение эксперта и его оценка (по уголовным делам) / Ю.К.Орлов. – М., 1995. – С.46-51; Россинская, Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе / Е.Р.Россинская. – М., 2005. – С.270-273 и др.

² Энциклопедия судебной экспертизы / под ред. Т.В.Аверьяновой, Е.Р.Россинской. – М., 1999. – С.222.

³ Там же.

⁴ Комментарий к законодательству о судебной экспертизе. Уголовное, гражданское, арбитражное судопроизводство / отв. ред. В.Ф.Орлова. – М., 2004. – С.120.

⁵ Грановский, Г.Л. Некоторые психологические проблемы комплексной экспертизы / Г.Л.Грановский // Теоретические и методические вопросы судебной экспертизы : сборник научных трудов. – М., 1984. – С.15.

⁶ Зинин, А.М. Судебная экспертиза : учебник / А.М.Зинин, Н.П.Майлис. – М., 2002. – С.190.

К ВОПРОСУ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КОМПЬЮТЕРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ИДЕНТИФИКАЦИОННЫХ СУДЕБНО-БАЛЛИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Зырянов В.В., к.ю.н., доцент
Сибирский юридический институт
МВД России

Привлечение передовых технологий в области электронно-вычислительной техники в работу экспертно-криминалистических подразделений призвано решать задачу повышения эффективности технико-криминалистического обеспечения раскрытия преступлений. Результат такой работы прямо зависит от времени, необходимого на исследование объекта. Сокращение времени на исследование объектов возможно с использованием современных компьютерных систем, однако выбор конкретной системы возможен лишь

на основе анализа возможностей различных видов компьютерных комплексов.

В связи с этим представляет интерес изучение существующих сегодня программно-аппаратных комплексов (систем) на предмет их практического применения в судебно-баллистических исследованиях.

В баллистической экспертизе наибольшее распространение получили идентификационные баллистические системы на базе криминалистического микроскопа и компьютера со специальным программным обеспечением. Они предназначены для проведения криминалистических экспертных исследований пуль и гильз с целью определения огнестрельного оружия по представленным пулям и гильзам, для идентификации огнестрельного оружия по представленным на экспертизу пулям и гильзам, а также по пулям и гильзам из постоянно пополняемой библиотеки изображений. Идентификационные баллистические системы позволяют провести сравнительный анализ следов на стреляных пулях и гильзах в трех измерениях, а также компьютерную обработку большого объема данных в автоматическом режиме и сделать вывод.

Среди отечественных разработок можно выделить автоматизированную систему идентификации оружия по следам на пулях и гильзах «Арсенал», разработанную предприятием «Системы Папилон». Эта система содержит специальный баллистический сканер, который автоматически сканирует с высоким разрешением всю боковую поверхность пули или дно гильзы.

ЗАО «Лазерные диагностические инструменты – Русприбор» разработало и изготовило баллистическую автоматизированную идентификационную систему «ТАИС» для пуль и гильз нарезного стрелкового оружия как отечественного, так и иностранного производства.

НТП «ОПТЭЛ» Уфимского авиационного технического университета была разработана компьютерная система технического зрения «ОПТЭЛ-ПГ» для автоматизированных измерений и исследований следов на пулях и гильзах.

В целях оценки эффективности используемых систем специалистами ЭКЦ ГУВД Красноярского края и Сибирского юридического института МВД России было осуществлено их сравнительное исследование, результаты которого отражены в таблице.

Таблица 1

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ИСПОЛЬЗУЕМЫХ СИСТЕМ

Системы	АРСЕНАЛ	ОПТЭЛ-ПГ	ТАИС 03
Объекты, используемые для исследования:			
– пули	+	+	+
– гильзы	–	+	+
Калибр пуль, используемых для исследования	5,45 мм – 12 мм	5,45 мм – 12 мм	4 мм – 12,7 мм
Изображение:			
– двухмерное	+	псевдотрехмерное	+
– объемное			
Используемый сканер:			
– оптический	+	+	+
– лазерный		+	+
Точность измерения	– большие погрешности: по ширине на 0,015 мм, угол наклона на 0,15	+ – определяет ширину следов полей. Не определяет угол наклона	+ определяет автоматически с точностью до 0,01 мм
Автоматический поиск	– Низкая скорость работы	– При автоматическом поиске не учитывается около 80% следовой информации	+ Присутствует ручной и автоматический поиск
Признаки, учитываемые при поиске	– Учитываются: ширина следов полей нарезов; микроследы. Не учитываются общие групповые признаки	– Поиск задается по одному фрагменту	+ Помимо эффективного стандартного автоматического поиска можно осуществлять поиск по заданным параметрам (№ уголовного дела)

Наиболее совершенной и пригодной, на наш взгляд, для практического использования в работе экспертно-криминалистических подразделений является АИПС «АРСЕНАЛ», которая обладает рядом ценных свойств:

- развитое программное обеспечение, апробированное при создании и эксплуатации АДИС «Папилон»;
- достаточно высокое качество сканирования следов, позволяющее проводить идентификационное исследование различных типов снарядов к огнестрельному оружию.

С другой стороны, оптический принцип работы баллистического сканера не дает возможность использовать систему для исследования гильз.

Гораздо более мощный узел сканирования входит в состав АЛС «ОПТЭЛ – ПГ», который позволяет получать высокоточные псевдотрехмерные изображения микрорельефа объемных следов как на пулях, так и на гильзах. Системой предусмотрено совмещение функций оптического и лазерного сканирования, что дает возможность инструментального и визуального контроля процесса получения изображений.

Несомненным достоинством обеих систем следует признать возможность идентификации гладкоствольного оружия по следам на дроби, что представляет для традиционных методов исследования довольно сложную задачу.

Несмотря на имеющиеся недостатки и конструктивные недоработки, обе технологии имеют хорошую перспективу практического применения в практической деятельности органов внутренних дел.

Проведены тестовые испытания системы «ТАИС» для автоматизации региональных пулегильзотек. Система прошла испытания на массиве пуль пистолета Макарова, поставлена на опытную эксплуатацию в ЭКЦ МВД России, закуплена ГУВД Москвы и ГУВД Краснодарского края, планируется установка в ряд подразделений ГУВД, УВД РФ.

Проведенное исследование позволило сформулировать предложения, направленные на повышение эффективности компьютерных технологий в криминалистической экспертизе оружия и следов его применения.

РЕШЕНИЕ ИДЕНТИФИКАЦИОННЫХ И ДИАГНОСТИЧЕСКИХ ЗАДАЧ В ПОРТРЕТНОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ

Баркова Т.В.
Сибирский юридический институт
МВД России

Турлюк С.А.
Красноярское краевое бюро судеб-
но-медицинской экспертизы

«Портретная экспертиза – это род класса криминалистических экспертиз, проводимых в соответствии с положениями процессуального законодательства в целях установления личности по признакам внешности, зафиксированным на различных объективных отображениях, и выполняемых с помощью специализированных методов исследования»¹.

Целями назначения портретной экспертизы являются: установление личности неизвестных преступников; установление личности погибших, умерших; установление фактов принадлежности документов, удостоверяющих личность, их владельцам и др. При этом в качестве объектов портретной экспертизы могут выступать фото- и галографоснимки, а также рентгеновские снимки, посмертные маски, костные останки человека, являющиеся объективными материальными отображениями внешнего облика человека, личность которого устанавливается. Особое значение имеют такие требования, предъявляемые к образцам для сравнения, как достоверность, сопоставимость и доброкачественность. Основными методами исследования в портретной экспертизе являются: сопоставление, совмещение и наложение.

Положения учения о внешнем облике человека широко применяются в деятельности правоохранительных органов как с целью идентификации личности, так и для решения диагностических задач, таких как определение общефизических признаков (пол, возраст, тип телосложения, антропологический тип и др.).

Диагностика, по словам А.М.Зинина, «применительно к портретной экспертизе является, во-первых, содержанием предварительного исследования объектов, в отношении которых решается идентификационная задача, во-вторых, содержанием самостоятельного исследования объектов с целью получить информацию ориентирующего, розыскного значения»². Диагностические иссле-

дования могут выполняться как в рамках уголовных дел, так и для решения других задач, каковой может, например, являться определение расовой принадлежности. Примером последнего стала помощь экспертов отделения медицинской криминалистики КБСМЭ представителям Японии в проведении сбора (эксгумации) останков японских военнопленных, умерших в лагерном отделении №7069 п. Тея Северо-Енисейского района Красноярского края. По данным архивных документов, на кладбище данного лагерного отделения были захоронены 71 японский военнопленный, а по неофициальным данным, на указанной территории могли быть захоронены граждане Германии и Италии. В августе 2006 г. были извлечены 60 останков людей монголоидной расы. Костный возраст исследованных останков составил от 20 до 50 лет, что несколько расходилось с архивными данными. Кроме установления расовой принадлежности групп костных останков, был определен пол захороненных, а также установлено наличие следов повреждений от воздействия твердых предметов, обладающих рубящими свойствами, и повреждений в виде прижизненных переломов. На территории Красноярского края еще сохранились захоронения японских военнопленных, в связи с чем работа по диагностике и идентификации будет продолжена.

Идентификация личности человека возможна вследствие неповторимости внешних признаков, характеризующихся совокупностью индивидуальных признаков, присущих только данному субъекту. Информация о внешности может быть в виде словесного описания признаков внешности – «словесного портрета», антропометрических характеристик частей тела и целого тела, фото-, видео-, цифровых изображений, масок, слепков, субъективных портретов. Исходя из этого выделяют объективные и субъективные отображения внешнего облика человека. Объективные отображения позволяют воспроизводить признаки внешности без существенных искажений (фото-, видеодокументы, рентгеновские снимки, слепки и др.). Субъективные отображения имеют относительную определенность и носят субъективный характер – различные виды субъективных портретов (рисованные, композиционно-рисованные, композиционно-фотографические, в последние годы субъективные портреты преимущественно составляются при помощи «Фоторобота»). С определенной долей субъективизма производится и реконструкция лица по черепу. Поясняя последнее, хочется отметить, что достоверно в ходе реконструкции отображаются пропорциональные особенности лица и головы, форма и размеры лба, носа, положение глазных щелей, нижняя часть лица

и другие признаки. Приблизительно восстанавливается общая полнота лица, глаза, веки, губы. Условно изображаются прическа, цвет волос, строение ушных раковин, выражение глаз. Эти факторы необходимо учитывать при оценке полученных в ходе реконструкции изображений.

Достоверность восстановленных признаков в значительной степени зависит от полноты сведений, получаемых при первичном осмотре и исследовании трупа и его останков. Вот почему так важно тщательно осмотреть труп на месте его обнаружения, зафиксировать (сфотографировать, описать) и изъять остатки одежды, волос, бороды, усов, зубов, зубных протезов, ушные раковины и вовремя направить на исследование.

Судебно-портретная идентификация в структуре проведенных судебно-медицинских экспертиз по отождествлению личности человека в отделении медицинской криминалистики (ОМК) Краевого бюро судебно-медицинской экспертизы (ККБСМЭ) до 2006 г. не проводилась, так как судебно-следственными органами подобные задачи не ставились. При этом в отделении проводятся экспертизы по идентификации личности по черепу и прижизненным фотоснимкам, в том числе и методом фотосовмещения. С 2006 г. ситуация по решению вопросов в связи с проведением судебно-портретной экспертизы, в частности графической реконструкции лица по черепу, изменилась.

В 2006 г. в отделении проведены 4 экспертизы по идентификации личности неустановленных людей, из них 3 – по постановлениям и направлениям из районов Красноярского края, 1 – из района г. Красноярска. В двух случаях (из районов Красноярского края) на берегах таежных рек были обнаружены скелетированные останки людей, в остальных случаях скелетированные останки были обнаружены закопанными при очистке подвалов частных домов. Степень скелетирования указывала на давность пребывания останков на месте их обнаружения от нескольких месяцев до нескольких лет. При этом в трех случаях были возбуждены уголовные дела по ст. 105 УК РФ, так как на костях имелись механические повреждения. Останки были представлены разными наборами костей с сохранившимися черепами.

Во всех случаях на этапе предварительного расследования у следствия отсутствовали версии о личностях погибших, в связи с чем кроме обычно решаемых в подобных случаях вопросов перед экспертами были поставлены вопросы, требующие дополнительного разрешения: каковы признаки внешности погибшего (умершего) и индивидуализирующие особенности внешнего облика,

представленного черепа; возможно ли восстановить примерный внешний облик лица; если да, то произвести реконструкцию лица с учетом пола, возраста, расового типа и признаков внешности по представленному черепу.

Первоначально были решены вопросы, обычно решаемые в случаях проведения экспертизы скелетированных останков (пол, возраст, раса, рост, причина смерти, давность, повреждения и др.) Для восстановления внешнего облика применялась графическая реконструкция, в трех случаях – изготовление рисованного портрета, в одном – комбинированный графический метод.³

Необходимость назначения портретной экспертизы очевидна, однако следователи не торопятся реализовывать подобную возможность, что, конечно же, влияет на сроки расследования и не может не отразиться на его качестве.

---

¹ Зинин, А.М. Габитоскопия / А.М.Зинин, И.Н.Подволоцкий. – М., 2006. – С.170.

² Зинин, А.М. Руководство по портретной экспертизе : учебное пособие / А.М.Зинин. – М., 2006. – С.113

³ Томилин, В.В. Медико-криминалистическая идентификация / В.В.Томилин. – М, 2000. – С.405-407.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ЛАКОКРАСОЧНЫХ ПОКРЫТИЙ АВТОМОБИЛЕЙ

Мельников Е.Б., к.х.н., доцент
Сибирский юридический институт
МВД России

Криминалистическая экспертиза материалов веществ и изделий получила широкое распространение в экспертной практике лишь в 1980-е гг. С ее помощью устанавливаются факты доказательного значения, ранее считавшиеся неустановимыми. Криминалистическое исследование лакокрасочных материалов (ЛКМ), лакокрасочных покрытий (ЛКП) и окрашенных предметов (ОП) проводится в рамках криминалистической экспертизы материалов, веществ и изделий из них. Объектами экспертизы лакокрасочных материалов, лакокрасочных покрытий и окрашенных предметов являются покрытия различных предметов вещной обстановки преступления, предположительно отделившиеся от них частицы ве-

щества, а также совокупность предметов со следами контактного взаимодействия, если хотя бы один из них окрашен.

Анализ материалов экспертной практики ЭКЦ Красноярского края за 2002-2006 гг. показывает, что объектами экспертного исследования в большинстве случаев являются автомобильные лакокрасочные покрытия. Доля объектов этой категории составляла от 92,5% до 99,1% от общего количества исследуемых объектов.

В целом для ЛКП автомобиля (как отечественного, так и зарубежного производства) характерны:

- наличие определенной системы слоев покрытия;
- регламентированная толщина покрытия;
- высокое качество покрывной эмали;
- однородность ЛКМ и отсутствие посторонних включений;
- определенная степень пластичности, хрупкости, адгезии в зависимости от условий и времени эксплуатации.

Приведенные характеристики варьируются в широких пределах для автомобилей отечественного и зарубежного производства. Они различаются по видам ЛКП, количеству слоев грунтов и декоративного слоя (покрытия типа «металлик» и покрытия с перламутровым эффектом) и т.д. При производстве экспертиз, объектом которых являются ЛКП с автомобилями зарубежного производства, отечественных автомобилей, мотоциклов и велосипедов после 1994 г. выпуска, возникает проблема определения соответствия исследуемого ЛКП техническим нормам в связи с отсутствием сведений о технологии их окраски, что затрудняет сам процесс и увеличивает время экспертного исследования.

Еще одна проблема, возникающая в ходе проведения исследований, связана с установлением цветовых характеристик ЛКП. В настоящее время в качестве декоративных покрытий автомобиля используются следующие типы покрытий: алкидные или полиэфирные покрытия с насыщенным цветом; однослойные терморезистивные и термопластичные акрилатные покрытия с насыщенным цветом и типа «металлик»; покрытия типа «металлик», состоящие из основного (базисного) слоя и прозрачного слоя лака; покрытия с перламутровым эффектом; полиуретановые покрытия. Используемый в настоящее время криминалистический определитель цветов не имеет всей той гаммы цветовых характеристик, которые используются при окраске автотранспортных средств. В первую очередь это касается автотранспортных средств с покрытиями типа «металлик» и с эффектом «хамелеон». Кроме того, лакокрасочная промышленность развивается высокими темпами, появляется большое количество цветовых оттенков с названиями, лишь затрудняющими

их цветоотделение (например, цвет «Сафари»). Зачастую эксперту приходится указывать не точную цветовую характеристику, а приближенную к нескольким накракам в атласе, что, в свою очередь, затрудняет восприятие цветовой характеристики лицом, которому поручено проведение оперативно-розыскных мероприятий. Каталоги различных производителей лакокрасочных материалов представлены широким диапазоном цветов, однако их применение в производстве экспертиз никак не регламентировано.

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКИХ ЭКСПЕРТИЗ ПО ОЦЕНКЕ НЕБЛАГОПРИЯТНЫХ ПОСЛЕДСТВИЙ МЕДИЦИНСКИХ МЕРОПРИЯТИЙ

Гецманова И.В., к.ю.н.

Сибирский юридический институт
МВД России

Проблема неблагоприятных последствий медицинских мероприятий издавна привлекает внимание исследователей, поскольку важна как для медицинской деятельности, так и для юридической теории и практики. В последние десятилетия она становится все более актуальной.

В противовес термину «медицинская ошибка» получает широкое распространение термин «дефект оказания медицинской помощи», под которым понимается некачественное осуществление диагностики, лечения больного, организации медицинской помощи, которые привели или могли привести к отрицательным последствиям в состоянии здоровья больного.

Неблагоприятные последствия указанных дефектов получили название «ятрогении» (гр. *iatros* – врач и *genes* – происхождение). Наряду с этим менее распространен термин «ятрофизиогения» (гр. *iatros* – врач, *physis* – природа, *genesis* – происхождение) – неблагоприятное влияние на больного проведения лечебных и диагностических процедур.¹

Составы преступлений, где может фигурировать названный специальный субъект (ч.2 ст.109, ч.2 ст.118, ч.4 ст.122, ст.124 УК РФ), являются материальными, то есть включают последствия ненадлежащего исполнения профессиональных обязанностей в виде ятрогении. При этом указанный специальный субъект помещен в названные составы наряду с другими специальными субъектами

уголовной ответственности в отличие от регламентации нарушений правил в некоторых других сферах профессиональной деятельности. Наряду с довольно высокой степенью латентности этих нарушений, обусловленной рядом причин (невысокая правовая культура населения, недостаточный профессионализм следователей и дознавателей, «корпоративность» медицинских работников), это существенно осложняет возможность получения обобщенной информации.

Все указанные статьи уголовного закона являются бланкетными, требующими обращения к многочисленным подзаконным нормативным и локальным правовым актам (приказам, инструкциям, положениям, правилам). Понятия «дефект оказания медицинской помощи» и «ятрогения» («ятрофизиогения») соотносятся в данных составах как факт нарушения каких-то правил и его последствия, между которыми должна существовать причинно-следственная связь. Каждый из указанных трех факторов требует самостоятельного доказывания.

Наиболее сложной проблемой расследования и судебного разбирательства является сложность доказывания причинно-следственной связи между дефектом оказания медицинской помощи и наступившим вредом здоровью. Формирующаяся судебная практика по делам данной категории обнаруживает прочную зависимость итогов разрешения дела от выводов СМЭ, делая ее своеобразным апофеозом в системе доказательств (хотя это, как правило, косвенное доказательство), что противоречит принципу оценки доказательств в уголовном и гражданском судопроизводстве.

Судебно-медицинская экспертиза по делам о профессиональных правонарушениях медицинских работников всегда проводится комиссионно с участием специалистов в различных областях медицины. Пока не разработана экспертная методика проведения таких экспертиз, существуют лишь рекомендации общего характера, где перечисляются права пациента, классификатор наиболее частых дефектов оказания помощи и необходимость изложения заключения литературным языком, понятным лицам, не имеющим специальных познаний в медицине.² Попытки реализации общих законодательных требований к проведению и оформлению исследовательской части и выводов экспертных заключений по делам данной категории вызывают серьезные сложности в силу ряда особенностей указанного вида экспертиз.

1. Стандарты диагностики и лечения утверждены не по всем заболеваниям, к тому же они рассчитаны на среднестатистического пациента, не учитывая особенностей отдельных случаев.

2. Универсальные методы исследования, применяемые для экспертной оценки качества медицинской помощи, не отличаются большим разнообразием (в основном это наблюдение, мысленное моделирование и аналогия) и, как показывает практика, дают часто приблизительные и даже взаимоисключающие результаты оценки. Отсюда возникает проблема оценки достоверности экспертного заключения.

3. Особенности экспертных задач, относящихся, как правило, к сложным диагностическим (составным), то есть необходимо исследование многофакторности влияния на неблагоприятный исход различных субъективных (зависимых от медицинских работников) и объективных факторов (зависимых от пациента и от условий), поэтому выводы чаще всего носят вероятный, предположительный характер. К таким факторам относятся: сниженный иммунитет, наличие очагов хронической инфекции, несоблюдение потерпевшим режима, невыполнение назначенного лечения и др.

В связи с этим можно предложить некоторые рекомендации, связанные с повышением объективности исследований, которые можно будет использовать в организации проведения указанных экспертиз и будущей методике:

1. Преодолевать стереотип «автономности» процедуры экспертизы от присутствия лица, в производстве которого находится дело, причем этот стереотип необходимо изменять начиная с этапа так называемых служебных (допроцессуальных) проверок, когда проводится ведомственная или вневедомственная экспертиза, вплоть до участия следователя (прокурора) в заседаниях клинко-патологоанатомических конференций. Это даст возможность вникнуть в сущность конфликта, оценить условия проведения медицинских мероприятий, лучше познать механизм ятрогенного преступления.

2. Приобщать к экспертному заключению в качестве приложений цветные снимки гистологических исследований пациента с соответствующими знаковыми и текстовыми пояснениями, сравнительные образцы нормы (патологии) из альбомов по морфологии тканей, сосудов, клеток. Именно здесь обнаруживается преимущество перед исследованиями других структур человека – психологической и мировоззренческой, которые труднее «увидеть», зафиксировать (за исключением, например, выполняемых по заданию психолога рисунков подэкспертного, требующих специальных методов расшифровки).

При этом необходимы подробные ссылки на конкретные научные литературные источники и нормативные документы с указанием их реквизитов.

3. Использовать при формировании и обосновании выводов разработанные ВОЗ критерии оценки качества медицинской помощи: своевременность, адекватность, полноту, удовлетворенность пациента. Исследование следует проводить отдельно по каждому из обозначенных вопросов, поставленных на разрешение. При этом недостаточным будет раздельное исследование представленных документов и гистологических архивов, обязательна стадия сравнительного исследования, где соотносятся данные нескольких сравниваемых объектов. Недопустимо объединение ответов на вопросы в формулируемых выводах.

4. При установлении непрямой причинной связи между неблагоприятным исходом и дефектами медицинской помощи, то есть когда дефекты не сами по себе, а в сочетании с другими (объективными) факторами могли способствовать неблагоприятному исходу, необходимо определять значимость (влияние) каждого фактора со ссылками на статистические научные данные с указанием реквизитов источников.

5. Включить в качестве приложения к методике в систематизированном виде подзаконные нормативные акты, содержащие стандарты, правила оказания медицинской помощи, освободив лиц, назначающих экспертизу, от необходимости их поиска.

С учетом тенденции к росту числа правонарушений в сфере медицинской деятельности необходима дальнейшая серьезная проработка вопросов научной обоснованности и достоверности указанных экспертных исследований, их соответствия законодательным требованиям.

---

¹ Горбач, И.Н. Медико-терминологический словарь / И.Н.Горбач. – М., 2005. – С. 72.

² Например: Методические рекомендации для структурных подразделений ТФОМС по подготовке дел, связанных с защитой прав застрахованных, к судебному разбирательству : приказ ФОМС от 11 октября 2002 г. №48 // КонсультантПлюс : ЭкспертПриложение.

СЛЕДЫ КРОВИ В МЕДИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОМ ОТНОШЕНИИ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ В РАСКРЫТИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Аверченко И.В.

Красноярское краевое бюро судебно-медицинской экспертизы

Прокопчик Н.В.

Красноярское краевое бюро судебно-медицинской экспертизы

Ермилов А.А., к.м.н., доцент

Сибирский институт бизнеса, управления и психологии

Одной из наиболее сложных и актуальных задач медико-криминалистической экспертизы является дача заключения в рамках конкретных версий, предлагаемых следствием по факту травмы различными орудиями при определенных обстоятельствах и условиях, на основе оценки следов крови на месте происшествия и вещественных доказательствах.¹

Судебно-медицинские эксперты имеют возможность исследований следов, подозрительных на кровь, в двух направлениях:

а) установление наличия крови; вида крови; определение группы крови с установлением или исключением происхождения крови от конкретного человека; дифференцирование крови плода и взрослого человека; определение части тела (органа), из которой (которого) произошло кровотечение; определение беременности по следам крови и пр.

б) установление локализации, формы, размеров, взаиморасположения участников события и других особенностей следов крови в плане реконструкции обстоятельств и условий причинения повреждений.

Следует отметить, что проведенные отечественными судебными медиками и криминалистами исследования показывают широкие возможности применения научно-практических достижений в разрешении указанных вопросов по первому направлению.

Анализ данных работы судебно-биологического отделения ККБСМЭ за 2003-2005 гг. показал, что экспертизы вещественных доказательств (2031) со следами, подозрительными на кровь, проводились для установления: а) наличия и видовой принадлежности крови (96514); б) групповой принадлежности (117773). При цито-

логических исследованиях по установлению пола крови (10079) положительный результат был получен в 20,3%.

Анализ данных работы медико-криминалистического отделения ККБСМЭ (применительно ко второму направлению) показал, что за указанные годы проводились экспертизы по установлению механизма травмы по следам крови по предоставляемым вещественным доказательствам, в основном одежды. В среднем по краю – 15-18 экспертиз за год, что составляет 0,1-0,2% от всех экспертиз, проводимых в данном подразделении Бюро СМЭ.

Исходя из статистических данных, свидетельствующих о том, что, например, только за 9 месяцев 2006 г. по г. Красноярску были исследованы 429 трупов с механической травмой (повреждения от воздействия острых орудий и огнестрельного оружия, транспортная травма, падение с высоты и пр.), указанное количество назначенных следователями медико-криминалистических экспертиз представляется незначительным.

Анализ комиссионных судебно-медицинских экспертиз по материалам уголовных дел, а именно протоколов осмотра места происшествия, показал следующее. При установлении следов крови (подозрительных на кровь) фиксируется их расположение, указывается вид следов (пятна, помарки, лужи и пр.). Вместе с тем при описании пятен крови не указывались их конкретная форма (например, в виде овала с направлением его «длинника»; восклицательного знака с направлением острого конца и пр.), конкретная локализация (например, расстояние от земли, пола), что немало важно для разрешения вопросов о месте причинения повреждения; направлении воздействия травмирующего орудия; взаиморасположении пострадавшего и нападавшего; фонтанировании крови; расположении пострадавших в салоне транспортного средства и т.д. При описании лужи крови фиксировались лишь два параметра (ширина и длина, без указания толщины слоя, глубины пропитывания земли), что препятствовало установлению примерного объема излившейся крови. Не отмечалось состояние крови (жидкая, в виде свертков и пр.), что препятствовало разрешению вопроса о прижизненном происхождении кровоистечения или из трупа, и т.д.

Лишь в единичных случаях эксперты привлекались к осмотру (повторному) места происшествия и к участию в проведении следственного эксперимента.

Представляется сомнительной сложившаяся практика изъятия следователями одежды трупа на месте его обнаружения (особенно при насильственной смерти от механических повреждений, убийствах). Судебно-медицинское исследование одежды при первичной экспертизе трупа является обязательной, имеет существенное зна-

чение не только для установления ее повреждений,² но и для фиксации следов крови, которая обладает известными адгезивными свойствами, и маловероятно, что кровь исчезнет с вещественного доказательства (одежды) при ее транспортировке, хранении. У следователей, полагаем, нет соответствующих условий для ее хранения, препятствующих загниванию крови (других биологических наложений), тем более в постановлении о назначении экспертизы они не указывают на условия внешней среды, в которых она находилась, имеющие, однако, большое значение для оценки результатов биологических исследований.

Полагаем, что улучшение качества осмотра места происшествия по выявлению, описанию следов крови (применительно к общепринятой классификации), использование возможностей медико-криминалистических экспертиз по установлению механизма образования следов крови не только на вещественных доказательствах, но и на месте происшествия будут способствовать более качественному расследованию преступлений.

---

¹ Гедыгушев, И.А. Судебно-медицинская экспертиза при реконструкции обстоятельств и условий причинения повреждений / И.А.Гедыгушев. – М., 1999.

² Кустанович, С.Д. Исследование повреждений одежды в судебно-медицинской практике / С.Д.Кустанович. – М., 1965.

СЛЕДСТВЕННЫЕ ОШИБКИ И ПРИНЯТИЕ РЕШЕНИЙ В ДОСУДЕБНЫХ СТАДИЯХ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Лифиренко С.А.

Сибирский юридический институт
МВД России

В связи с проведением в России с 1991 г. судебно-правовой реформы и введением в действие УПК РФ 2001 г. существенно изменились условия деятельности органов, осуществляющих предварительное расследование, характер и объем выполняемой ими работы. При этом качество предварительного расследования остается достаточно низким. Так, в течение 2005 г. судами в порядке ст.237 УПК РФ были возвращены прокурорам 42 тыс. уголовных дел. Вместе с тем в суды в установленный законом пятидневный срок вернулись 4,9% (2,1 тыс.) этих дел, то есть по 39,8 тыс. дел в отношении 54,7 тыс. лиц был нарушен установленный законом пятидневный срок для устранения препятствий рассмотрения дел судом.

Неудовлетворительное качество предварительного расследования связано со следственными ошибками, которые, с одной сто-

роны, влияют на законность и обоснованность принятия решения по делу, а с другой – свидетельствуют о неправильных выводах и решениях следователя. Таким образом, следственные ошибки не только затрудняют процесс расследования, снижают его эффективность, но и существенно препятствуют достижению целей уголовного судопроизводства.

Проблема повышения эффективности предварительного расследования не нова. В конце 1980-х гг. в НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре РФ авторским коллективом под руководством А.Д.Бойкова и А.Б.Соловьева проводилось специальное исследование следственных ошибок, их причин и путей устранения в досудебных и судебных стадиях уголовного процесса.

Позднее проблеме следственных ошибок в досудебных стадиях уголовного процесса были посвящены диссертационные исследования А.Д.Назарова, Т.В.Барсуковой, А.Ю.Головина, Е.В.Морозовой, В.И.Санькова.

Однако, несмотря на наличие значительного количества публикаций и диссертационных исследований по различным аспектам повышения качества предварительного расследования, предупреждения, выявления и исправления следственных ошибок, эта проблема остается недостаточно изученной и противоречивой. Различные подходы к определению понятия следственных ошибок, их классификации в дальнейшем ведут к различиям в определении причин следственных ошибок и способов их предупреждения, выявления и устранения, что в целом затрудняет решение данной проблемы. В рамках статьи нет возможности представить и проанализировать все существующие точки зрения на понятие следственной ошибки и другие аспекты проблемы, поэтому попытаемся выразить и обосновать свое понимание некоторых вопросов.

В соответствии с лексическим значением ошибка – это неправильность в действиях, в мыслях.¹ С позиции логического толкования ошибка представляет собой неправильное умозаключение, рассуждение, вызванное нарушением законов мышления.² Кроме того, неправильное умозаключение может быть не только вызвано нарушением законов мышления, но и основано на неправильных ощущениях, восприятии и представлении. Мышление контролирует психические процессы, поэтому на уровне мышления могут быть обнаружены ошибки в ощущениях, восприятии и отражении. Ошибки же мышления ведут к неправильным умозаключениям, которые реализуются в действиях. В свою очередь, неправильные

действия имеют своим следствием негативный результат деятельности как целенаправленной системы действий.

Применительно к следственной деятельности ошибочные решения следователя реализуются в совершении следственных и процессуальных действий либо бездействии, ведущих к негативному результату, противоречащему требованиям закона и препятствующему достижению целей уголовного судопроизводства. Таким образом, под следственной ошибкой следует понимать не сами ошибочные действия (бездействие), а результат этих действий (бездействия), так как ошибочность какого-либо процесса, мышления или действия можно обнаружить и констатировать как ошибку только по наступившему результату. Задача состоит в том, чтобы лицо, производящее расследование, могло правильно прогнозировать результат своих действий, что является особенно актуальным и сложным делом в условиях информационной неопределенности. Многие авторы придерживаются точки зрения, что следственная ошибка представляет собой действие либо бездействие, не соответствующее требованиям закона или научным рекомендациям.³ Представляется, что если действие (или бездействие) не соответствует научным, точнее, криминалистическим рекомендациям, но при этом не повлекло наступления негативных последствий для расследования в виде нарушения закона или угрозы их наступления, оно не может считаться следственной ошибкой, так как криминалистические рекомендации хотя и направлены на достижение целей уголовного судопроизводства, не имеют обязательного характера. Кроме того, рекомендации содержат несколько вариантов решений задачи, а выбор конкретного решения осуществляет следователь, руководствуясь оценкой реальной ситуации расследования, своими знаниями и опытом. Таким образом, необходимо отметить, что основным признаком следственной ошибки является то, что она влечет негативные последствия для расследования или угрозу их наступления, препятствует осуществлению прав участников уголовного процесса и достижению целей уголовного судопроизводства. Без указания на отрицательные последствия вообще неправомерно вести речь о следственной ошибке.

Необходимо коснуться вопроса ограничения следственных ошибок от преступлений против правосудия. По этому вопросу также нет единого мнения среди ученых, но в качестве основной идеи в определении следственных ошибок большинством авторов выделяется отсутствие умысла, преднамеренности в действиях следователя. Так, В.И.Власов считает следственной ошибкой «любые непреднамеренные нарушения закона». О.Я.Баев под следст-

венной ошибкой понимает «любые неправильные действия следователя, не носящие характера следственного произвола»⁴. По мнению Р.С.Белкина, «именно добросовестное заблуждение отличает следственную ошибку в судопроизводстве от профессиональных упущений, нарушений, должностных проступков и даже преступлений против правосудия»⁵. В.И.Саньков полагает, что используемый Р.С.Белкиным термин «добросовестное заблуждение» является достаточно условным и не соответствующим реальному положению вещей. При этом он полагает, что основным признаком, отличающим ошибку, является отсутствие умысла.⁶ Т.В.Барсукова придерживается аналогичной позиции и указывает, что критерием разграничения правонарушения и следственных ошибок является субъективная сторона. Большинство следственных ошибок, по мнению Т.В.Барсуковой, – это невинные деяния, которые являются результатом добросовестного заблуждения.⁷

Вряд ли можно полностью согласиться с указанной позицией, так как при отступлении следователем от норм уголовно-процессуального закона в ходе производства расследования наиболее важное значение имеет степень несоответствия действий следователя требованиям уголовно-процессуального закона, а не субъективное отношение следователя к своим действиям. Если в результате следственной ошибки будет допущено существенное нарушение закона или прав участников уголовного процесса, то свою «невиновность, которая явилась результатом добросовестного заблуждения» следователь должен будет доказывать в суде, но уже не в качестве следователя. Повторимся, что ошибка в мышлении имеет значение только тогда, когда она выражается в действии. Действие следователя может быть признано следственной ошибкой только при наступлении неблагоприятных последствий. При этом главным источником требований, предъявляемых к действиям следователя по предварительному расследованию, является закон. Таким образом, критерием разграничения правонарушения от следственных ошибок (невиновных деяний) является не только субъективная сторона, но и главным образом объективная сторона деяния.

Из этого утверждения не следует, что следственные ошибки допускаются только в процессуальной деятельности. Представляется верным мнение С.А.Шейфера, что искажение должного результата расследования может быть порождено не только уголовно-процессуальным нарушением, но и пренебрежением тактическими рекомендациями криминалистики при формально безупречном соблюдении закона.⁸ Принятие тактического решения связано с проблемой усмотрения следователя и вероятностным характером

выбора, осуществляемого из предлагаемых криминалистикой вариантов решения тактической задачи, в ходе которого и может быть допущена тактическая ошибка. Поэтому тактической ошибкой можно считать негативный результат решения тактической задачи лицом, уполномоченным производить расследование, обусловленный неадекватной оценкой ситуации расследования и препятствующий достижению целей уголовного судопроизводства.

Следует отметить, что тактические ошибки не всегда отражаются в материалах уголовного дела, поэтому часто имеют латентный характер. В большинстве случаев именно латентные тактические ошибки расследования влекут за собой принятие ошибочных процессуальных решений, то есть проявляются в процессуальных ошибках, и препятствуют достижению «должного результата расследования». Процессуальные решения фиксируются в материалах уголовного дела, поэтому ошибочные процессуальные решения, как правило, не имеют латентный характер и могут быть обнаружены как самим следователем, так и контролирующими органами. Факт принятия ошибочного процессуального решения обычно объясняется как процессуальная ошибка, хотя причиной может быть латентная тактическая ошибка. Из этого можно сделать вывод, что неправильные процессуальные решения часто обусловлены неправильными тактическими решениями, а следственная ошибка – это препятствующий достижению целей уголовного судопроизводства негативный результат противоречащих требованиям закона процессуальных и тактических решений лица, уполномоченного производить расследование.

---

¹ Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка / С.И.Ожегов. – М., 1964. – С.477.

² Кондаков, Н.И. Логический словарь-справочник / Н.И.Кондаков. – М., 1975. – С.313, 426-427.

³ См.: Соловьев, А. Следственные ошибки и их причины / А.Соловьев, С.Шейфер, М.Токарева // Социалистическая законность. – 1987. – №12. – С.46.

⁴ Баев, О.Я. Тактика следственных действий / О.Я.Баев. – Воронеж, 1995. – С.6.

⁵ См.: Белкин, Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня / Р.С. Белкин. – С.166.

⁶ Саньков, В.И. Тактические ошибки следователя при получении и проверке признания в убийстве (причины, предупреждение, нейтрализация последствий) : дис. ... канд. юрид. наук / В.И.Саньков. – Воронеж, 2003. – С.12-13.

⁷ Барсукова, Т.В. Неотложные следственные действия и ошибки при их производстве : дис. ... канд. юрид. наук / Т.В.Барсукова. – Воронеж, 2003. – С.24.

⁸ Шейфер, С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования / С.А.Шейфер. – Тольятти, 1997. – С.69.

Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе

Сборник материалов
международной научной конференции
(15-16 февраля 2007 г.)

Часть 2

Редакторы Ю.В. Леонтьева, Т.Ю. Яковлева, Е.Н. Бен
Корректор Л.Ю. Архипова
Технический редактор М.Н. Киценко

СЭЗ № 24.49.07.953 П 000315.07.03 от 21.07.2003

Подписано в печать _____
Формат Р 60x84. Бумага типографская. Гарнитура Таймс.
Печать офсетная. Усл.печ. листов 23,5.
Тираж _____ экз. Заказ _____.

Организационно-научный и редакционно-издательский отдел.
Сибирский юридический институт МВД России.
660131, г. Красноярск, ул. Рокоссовского, 20.

Отпечатано на участке оперативной полиграфии
Сибирского юридического института МВД России.
660050, г. Красноярск, ул. Кутузова, 6.